ВЛАДИМИР ВОЛЬНЫЙ
НА РАЗВАЛИНАХ МИРА
НА РАЗВАЛИНАХ МИРА

Annotation

...Страшный Катаклизм потряс материки планеты. Цивилизация погибла, человечество - уничтожено. Из миллионов остались единицы, от городов - руины. Но, даже эти развалины - не для них. Это - рукопись человека, уцелевшего в первые дни и сумевшего выжить дальше. Это - может случиться и с нами...

- Глава 1 Катастрофа
- Глава 2 В подземелье
- Глава 3 Мертвый город
- Глава 4 Подвал
- Глава 5 Скитания
- Глава 6 Собака-людоед
- Глава 7 Оружие
- Глава 8 Первая охота
- Глава 9 Крысы- мутанты
- Глава 10 Видение
- Глава 11 Страшная находка
- Глава 12 Месть
- Глава 13 Провал

На развалинах мира

Глава 1 Катастрофа

...Страшный Катаклизм потряс материки планеты. Цивилизация погибла, человечество - уничтожено. Из миллионов остались единицы, от городов - руины. Но, даже эти развалины - не для них.

Это - рукопись человека, уцелевшего в первые дни и сумевшего выжить дальше. Это - может случиться и с нами...

Владимир Вольный

НА РАЗВАЛИНАХ МИРА

На Развалинах Мира

Двое среди руин

Возвращение к Людям

Нашествие(Черная масть)

Обреченные жить(Форт у Синей реки)

Прайд Серого Льва

Огненное Боренье (Хроники новых времен)

Когда горный орел - Клаш - спускается на могучих крыльях на равнину, когда степной мустанг - Пхай - поднимает голову к небу, а мрачный Свинорыл спешит убраться в свое подземелье - это значит, что над прериями вновь встает солнце. А еще - что мы, все-таки, живы...

Мое имя - Даромир. Мои близкие зовут меня Даром, все остальные

- Серым Львом. Это прозвище я получил от Белой Совы - шамана нашего рода и всей долины. За выносливость - от времени, когда Багровое Нечто растапливает первые льдинки на застывшей траве, и до поры, когда последние из крыс-трупоедов, выходят на ночную охоту, я могу прошагать с тушей бурого Джейра на спине, неся ее к общему костру. За ярость - Шкура зверя, которую я ношу на плечах, скальпы врагов и клыки зверей, украсившие ее, рубцы от ран, исполосовавшие все тело – никто, из ныне живущих, не сможет сказать, что их вождь хоть раз уклонился от боя.

Да, я - вождь. Я - глава рода, ставший им, еще не зная своего предначертанья... Но это уже было известно Вещей и Сове. Я остался человеком среди лютого холода ночи, когда был один, я

заслужил это, когда новое солнце осветило прерии от Синей реки и до Каньона смерти, и я останусь им, пока буду способен быть первым среди своего народа. Среди тех, кто выжил, и теперь будет жить - даже если небо окончательно смешается с землей.

Но я не один. Ната, моя верная подруга, с маленьким Диком на руках, находится подле меня. Элина - мать нашего ребенка - спокойно стоит рядом и уверенно смотрит вдаль. Угар, мощный пес, лежит в наших ногах.

Мы оставили свое прошлое. Но оно не оставило нас. У каждого из нас - своя боль, своя история и свой след, который может прерваться в любой момент... Каждый загнал свою память в самую даль - но иногда она вырывается обратно, напоминая о том, как страшно, как кроваво и жутко все начиналось...

НА РАЗВАЛИНАХ МИРА

Глава 1

Катастрофа

Был ли этот день самым обычным днем? Отличался ли чем особенным, от других - плохих или хороших, веселых или тоскливых, памятных и не очень? Наверное, нет… Нет, он не отличался ничем, если не считать того, что это был *Тот день*, когда быстро, беспощадно и яростно изменился привычный для нас мир. Вся моя прошлая жизнь оказалась лишь вехой на новом пути, а его еще только предстояло пройти. И никто во всем этом мире не мог предвидеть той страшной дороги, в никуда - но, для миллиардов людей она стала именно такой… Нет, я не помню хоть что-нибудь, что могло указать на приближение событий, очевидцем и участником которых пришлось стать. Уже прошли все сроки, назначенные многочисленными сонмами прорицателей, о грядущем апокалипсисе. А время новых - еще не пришло. Старые и новые пророки вещали и предсказывали с точностью сомнительной, и полный разброд не способствовал вере в их дар. В церквях не раздавались проповеди, призывающих покаяться и ожидать скорого суда. В верхах, как всегда, слышались благие призывы и уверения в полной стабильности - для успокоения тех, кто внизу. Все шло своим чередом…

Мне уже приходилось сюда приезжать - там, где я жил, работы не нашлось, приходилось искать ее везде, где только можно. А больше всего возможностей предоставлял мегаполис, куда стекались все

умелые руки, и все умные головы. И, разумеется, все крупные деньги. Полунищая страна, разодранная на удельные вотчины, предоставляла каждому ее гражданину выживать самостоятельно. И я не являлся исключением. Оставив семью, привыкшую к подобным отлучкам, я проехал в поезде несколько тысяч километров, и к обеду выходил из здания вокзала, держа в руках сумку с рабочей одеждой и другими нужными вещами. На этот раз - я работал в составе бригады! - мы договорились встретиться возле городского парка, где недавно построенные напыщенные здания крупных банков грубо оттесняли прочь скромные дома уходящих времен. Там находился и наш офис, один из многих в массивном сооружении прошлого столетия - руководство считало, что это добавляет им респектабельности. Собравшись вместе, мы должны были дождаться представителя компании и, получив направление, отправиться на указанный объект.

До сбора оставалось около полутора часов, усталость после трехдневной тряски в вагоне постепенно прошла, и я решил пройтись по аллее, закрытой для городского транспорта. Приблизившись к ней, увидел, что с той стороны, которая была скрыта от меня домами, выставлена цепь людей в форме, а неподалеку стоит несколько машин, чья марка сразу указывает на особый статус владельцев. Все стало ясно - кто-то из «важняков» решил продемонстрировать свою близость к народу, а так как сам народ следовало допускать в дозах умеренных, то всех, не попавших на улицу до приезда гостей, просто-напросто от нее отсекали. У меня не было никакого желания спорить с представителями власти, да и солнечный день, не смотря на холодный ветерок, располагал к прогулкам на любой территории. Совсем близко, параллельно аллее, находилась другая улица, и там людей в форме не наблюдалось. Я прошел туда и стал фланировать по ней, осматривая витрины магазинов, попадающихся практически на каждом шагу. Зашел в один, в другой, покачал головой при виде цен, недоступных моему пониманию, - как какая-то безделушка может стоить ровно в двадцать, а то и тридцать раз больше, чем где-нибудь на окраине. Или причина в том, что она продавалась в таком шикарном бутике?

Время уже поджимало. Следовало возвращаться. Перебросив сумку через плечо, я остановился, чтобы купить газеты в киоске. Пока выбирал и доставал мелочь, очень быстро, буквально за несколько минут, испортилась погода. Все заволокло неизвестно откуда

набежавшими тучами, сильно потемнело, резко усилился ветер. Многочисленные прохожие недоуменно посматривали на небо - настолько неожиданно исчезло солнце, только что гревшее землю. Некоторые поспешили укрыться от начинающего накрапывать дождя под навесами автобусных остановок, другие ускорили шаг, а кто-то просто приготовил зонт. Еще больше потемнело. Казалось, что на улице уже вечер. Небо стало свинцовым. Я в сердцах выругался - не хватало еще прийти в контору, промокнувшим насквозь! Но некоторых такое изменение погоды только позабавило - проходящая мимо парочка, смеясь и дурачась, декламировала стихи известного поэта, посвященные грядущей буре. Молодой мужчина, одетый очень стильно, брезгливо поморщился, протягивая продавщице цветов - неопрятной и немолодой тетке, у которой была явно видна грязь на ладонях - сложенную вдвое, купюру. Его спутница, для которой предназначался букет, нетерпеливо, но как должное ожидала, пока цветы перейдут из рук в руки. Мимо мчались машины, многие - с зажженными фарами. Одна из них остановилась метрах в десяти от меня, и из нее выбрался лысоватый полненький и чрезвычайно деловитый пассажир, сразу оттеснивший меня от киоска. Он, почти не глядя, набрал такую охапку газет и журналов, что я усмехнулся: в этом киоске план на сегодняшний день выполнен более чем достаточно! Стало немного светлее - загорелись фонари. Видимо, кто-то все же решил, что они не помешают, несмотря на столь раннее время. Дождь все никак не начинался, а холодных капель, которые с силой швыряло в лица, стало несколько меньше. Зато еще усилился ветер, да так, что даже стоять на ногах становилось значительно труднее. И вот тут какое-то смутное, неуловимое чувство тревоги кольнуло меня, я, не понимая почему, оторвался от статьи и посмотрел по сторонам...

Что-то носилось, витало в воздухе, создавая впечатление дискомфорта и странного ощущения, которому я не мог найти объяснения - вроде покалывания в кончиках пальцев, как при онемении. Хотя, на первый взгляд, все было как обычно, все та же знакомая суета. Стайка подростков с шумом оккупировала телефонный аппарат, висевший на углу дома, и рьяно обсуждала чей-то необычный наряд, попутно договариваясь о встрече с абонентом в его квартире. Блестящий серебристый автомобиль подъехал вплотную к тротуару, из него с шумом и одышкой выкарабкалась полная сердитая дама, что-то

громко и недовольно выговаривающая водителю, оставшемуся за рулем. У проезжающего по другой стороне троллейбуса отсоединились токопроводящие "уши", и шофер, нисколько не торопясь и не реагируя на сигналы стоявших позади машин, вышел из кабины и стал развязывать узел веревки. Компания кидал, завлекла очередную жертву, и теперь усиленно обрабатывала ее, не замечая ни испортившейся погоды, ни стражей порядка, проходящих неподалеку. Впрочем, те словно и не видели их, направляясь куда-то по своим делам.

Я слегка поежился - ветер стал совсем уж пронизывающим, а искусственный мех куртки плохо сохранял тепло. Оставалось дождаться только конца обеденного перерыва в конторе, и я в который раз посмотрел на часы. На табло азиатской штамповки высветились цифры - 13.27. Эти числа я запомнил навсегда…

Внезапно в небе появились странные облака, резко темнеющие прямо на глазах. Еще минуту назад было светло - и вдруг все очень сильно потемнело. Стало совсем уж холодно, казалось, будто вот-вот с неба на землю выпадет град. Тучи, висевшие над головой и угрожающие ливнем, вдруг резко сорвались с места и с немыслимой, чудовищной скоростью стали уноситься вдаль. Ощущение было такое, словно кто-то невидимый принялся утаскивать их своей незримой гигантской рукой. Это выглядело так жутко, так необычно, что у меня перехватило дыхание… Вместе с тучами, как спущенная с цепи, собака, сорвался ветер… Нет, не ветер! Начался просто ураган, сносивший все и всех на своем пути! Меня ударило внезапным порывом о стену дома, отчего на пару секунд, потемнело в глазах. Вырванные из рук сумка и перчатки вместе со слетевшей вязаной шапкой мгновенно исчезли где-то вдали. Куртку раздуло из-за сломавшейся молнии, отчего меня еще и протащило по асфальту до ближайшего столба, в который я смог вцепиться, и, лишь поэтому, не оказаться на проезжей части. Поднялась невероятная пыль (которой вроде бы неоткуда было взяться), что видимость сократилась нескольких метров. И так же неожиданно, как появился, этот бешеный порыв унесся прочь, прихватив с собой несчастных, которые, подобно мне, не успели, за что-нибудь, ухватиться, чтобы остаться на месте. Кто-то закричал. Я поднял голову - над нами, всего в нескольких метрах, как хищная птица в бреющем полете, промелькнула тень.

Сразу раздался вопль ужаса - сорванный с крыши лист металлической черепицы влетел в тот самый киоск, в котором я несколько минут назад выбирал газеты… Он вонзился острым краем прямо в окошко продавца. Откуда-то из самых глубин подсознания пришло понимание того, что это только начало и самое страшное еще предстоит. Это ощущение так сильно сдавило сердце, что я, задыхаясь от боли, упал на колени и вытянул перед собой руки, словно пытаясь защититься от неизбежного конца. Резко, в одно мгновение, все залила волна слепящего света. Все стало очень отчетливым, без малейших усилий просматривалось то, что находилось очень далеко отсюда… и сразу за этим светом резануло: "Вот Оно! Началось!"

Из глубин земли, из самых ее недр, вырвался протяжный и оглушительный стон… Это было немыслимо, но я каким-то *иным* чувством понял, что кричит сама Земля! Высоко в небе в мановение ока образовались густые рваные светящиеся круги. Внезапно, дико, невыносимо заболела голова, ноги подкосились, и я упал ничком на жесткую поверхность, потеряв возможность соображать. Казалось, еще пару секунд, и череп разлетится в клочья - словно мозг закипел от жуткого давления и стал рваться наружу, выдавливая сдерживающие его кости. Подростки возле дома, буквально повалились друг на друга, женщина рядом с машиной упала на капот и сползла по нему вниз. Из ее открытого рта хлынула густая темная масса... Водитель троллейбуса, успевший подняться на крышу, отпустил канат и в следующее мгновение сорвался вниз, вонзившись головой прямо в асфальт… Наверное, многие кричали, но я ничего не слышал, заполненный собственной болью до отказа. Машины на дороге начали петлять, одна за другой вылетая на встречные полосы, на тротуары, врезаясь и тараня все подряд - стены домов, столбы, встречные автомобили и людей, во множестве застывших по обе стороны дороги. В какой-то момент я упал прямо в грязь между колес автомобиля, на бурую жижу из снега, земли, окурков и дорожной соли. От удара разбил лицо в кровь, глаза залепило всем этим месивом, и я на несколько секунд, потерял ощущение реальности. Боль исчезла, так же резко, как и появилась, я осознал, что судорожно держусь за какие-то трубки на днище машины. Одежда вся пропиталась водой и отяжелела, став холодной и скользкой. Я выбрался наружу.

Вокруг царил полный хаос. Горели столкнувшиеся автомобили, асфальт усеян битым стеклом, слышались надрывные крики о помощи. Кто-то завизжал прямо над самым ухом. Я обернулся и увидел то, что осталось от звонивших подростков - двое из них, с неестественно вывернутыми конечностями разметались на асфальте. Одна из девушек дрожащими руками пыталась запихать внутрь вываливающиеся из распоротого живота внутренности. Парень, держащий трубку в руках, был вдавлен в стену дома и размазан по ней бампером огромного джипа. Крыши у машины не было, ее начисто снесло вместе с головой того, кто находился за рулем…

Практически отовсюду слышался многоголосый отчаянный вопль. Собрав все силы, я поднялся и посмотрел туда, куда уже смотрели все вокруг. От ужаса вновь подкосились ноги… С противоположного конца улицы на нас неслась темная масса, словно земля вдруг ожила и решила встряхнуть плечами, освобождаясь от скопившейся на ней поросли зданий, возведенных людьми, а заодно - и от самих людей! Больше всего это походило на волну, как если бы под ногами не находилось твердой поверхности. Громадные дома, высотой в несколько десятков этажей, словно резко приподнялись и так же быстро опустились обратно, сразу покосившись, а кое-где и столкнувшись вершинами. По ним зазмеились быстро увеличивающиеся трещины и здания с душераздирающим грохотом начали обрушиваться, погребая под обломками тысячи людей. Волна домчалась до нас, и я словно взлетел на кромке лопнувшего по всем швам тротуара, вновь упав на колени и откатившись к стене ближайшего дома. Еще через пару секунд волна унеслась дальше, а те, кто упал вместе со мной, опустились вниз. Вслед за этим все вокруг совершенно потемнело от начавших валиться сверху бетонных плит, кирпичей, кусков штукатурки, обломков мебели и человеческих тел. Угловатая вывернутая со своего места плита рухнула в метре от меня, вонзившись торцом в стонущую девушку, и превратила ее в бесформенный кусок окровавленного мяса. Брызги крови запятнали меня всего. Плита накренилась в мою сторону и уперлась высоким концом в покосившуюся стену здания, что защитило меня от продолжавших падать обломков. Хватило нескольких коротких мгновений, чтобы от дома осталась только бесформенная куча развалин. Над нею выросло облако пыли, удержавшееся, впрочем, не

надолго - его быстро снес бушующий ураган. Несмотря на непрерывный гул, грохот и шум, я расслышал, как с той же стороны, откуда пришла эта волна, донесся свист. Он разрастался, становился все сильнее и в итоге перекрыл все прочие звуки. Я инстинктивно прикрыл ладонями уши и вжался в стену. Глаза резануло непонятным свечением, и я прикрыл их, уткнувшись лицом в кладку. Но даже сквозь закрытые веки зрачки чувствовали свечение, очень похожее на резь сварочной дуги.

Потрясенный случившимся, я просидел так несколько секунд и не заметил, как пропали свет и свист. Понимая, что нужно выбраться наружу и по возможности помочь тем, кто еще остался в живых, попытался сдвинуться и замер, не в силах совладать со страхом. Ужас сковал меня на какое-то время, не давая пошевелиться. Потом пришло отупение, сознание нереальности случившегося, и я, вдруг успокоившись, разгреб завал, скопившийся возле моего убежища, и выбрался наружу.

Город перестал существовать… Ко мне полностью вернулся слух, и тут, до самых кончиков ногтей и волос пронзил не прекращающийся ни на мгновение жуткий человеческий вой, в котором смешалось все - и дикая боль, и страх, и непонимание происходящего. Кричало все! Обезумевшие люди проносились мимо меня живыми горящими факелами, бросались в тающий снег, пытаясь сбить пожиравшее их пламя. Кто-то поднимал и снова ронял оторванную по локоть руку, не понимая, что это не его рука, а того несчастного, кого расплющило минуту назад кусками крыши, свалившейся вниз. Женщина, скуля и захлебываясь, с дикими и невидящими глазами искала на земле что-то, что было ей нужнее всего именно сейчас… Ребенок, выброшенный из коляски, как в замедленном кино, погружался в мутную жижу, образованную грязью и водой, вырвавшейся на поверхность из лопнувших труб. Большой бак с горючим, сорванный с проезжавшего мимо бензовоза, угрожающе накренился, и к нему уже подбиралось пламя, обещая мощный взрыв. Шофер легковушки с неестественно вывернутой шеей намертво ухватился за руль, а сидящий рядом пассажир с оторванной головой наклонился к дверце. Голова валялась неподалеку, и кто-то постоянно пинал и отпихивал ее в сторону - люди продолжали убегать от кошмара.

Ветер снес пыль, но очень быстро снова стало темно. Я понимал, что это не ночь - с того момента, в который все началось, прошли какие-то считанные минуты. Все застили клубы дыма от пожаров. Но, кроме огня, темноту рассеивало и багровое свечение, придающее всему жуткий оттенок. Позже я вспоминал его, как струящийся пламенем свет, через который все представлялось словно залитым кровью. Я старался не смотреть и прикрывал глаза ладонью. Но не смотреть было невозможно… Земля под ногами продолжала волноваться, живя собственной, разбуженной от вековой спячки жизнью. Приходилось все время выбирать, куда поставить ногу, чтобы этот шаг не оказался последним. Кроме того, с неба летели куски того, что по своей природе, вообще летать не могло. Шифер, стекло, кирпичи, арматура, оторванные конечности… Шальной осколок трубы вскользь задел меня по спине, и я взвыл от боли - куртка не спасла от удара.

Постепенно я вообще перестал что-либо ощущать. Появилось тупое ожесточение, отключение от всего и бесстрастное фиксирование происходящего, будто бы я был случайным свидетелем, а не полноправным участником этой сцены. Может быть, застывший на некоторое время разум оставил мне возможность делать все для собственного спасения и не останавливаться на созерцании иных жизней, в неисчислимых количествах заканчивающихся у меня на глазах. Их были тысячи… Я видел, как с высоты падали человеческие тела и буквально разлетались в куски после удара о мостовые. Видел, как в трещины в земле проваливались целые группы, и ухватившаяся за кромку земли рука постепенно разжималась, после чего раздавался очередной крик. Пролетающее мимо оконное стекло, как бритвой, раздвоило какую-то полную женщину. Она только успела наклонить голову, что бы посмотреть, что с ней стало - и вся верхняя часть ее туловища рухнула вниз, а ноги по инерции сделали шаг, чтобы затем упасть на все остальное… Все сразу залило кровавым фонтаном и засыпало летящей пылью и пеплом.

Кто-то пробегал, а через мгновение исчезал в пламени или под лавиной падающего дома, кто-то молился, устремив свои просьбы к небесам - а оно отвечало ему обломками зданий, способными раздавить сразу десятки людей. Я падал, вставал, снова падал, а перед глазами мелькали уже не люди - тени, не успевающие обрести плоть.

Был только один вой, оглушающий и жуткий, ломавший каждого, кто пытался сохранить хладнокровие. Пылающими комочками упало несколько птиц. Огонь настигал их в небе, где им было гораздо легче уцелеть, чем нам - а вслед за ними, переламывая лопастями всех, кто не успел увернуться, свалился военный вертолет. Он коснулся тротуара, и на месте падения сразу раздался взрыв, поглотивший экипаж, и всех, кто оказался поблизости. Кусок плексигласа от кабины швырнуло в мою сторону, а часть обшивки вонзилась в стену, отхватив у замершего за мной парня клок волос. Он вскрикнул и бросился бежать. Из эпицентра взрыва вылетело несколько фрагментов тел… Какой же это был ужас!

Я замечал, как ломало и скручивало в штопор массивные, металлические балки, как от фонарей отлетали провода, и они змеями цеплялись за все подряд, мешая людям убегать от быстро возникающих очагов огня. Какое-то время я стоял в неподвижности возле покосившейся стены одного из зданий, надеясь, что оно защитит меня от продолжавших падать сверху предметов. В чем-то я оказался прав, но она не спасала ни от жара, ни от несущихся толп. Раздался еще один взрыв - искореженные газовые трубы соприкоснулись с огнем, и тех, кто, подобно мне, попытался остановиться возле стены, повалило друг на друга. Я понимал, что бежать, собственно, некуда - то, чего мы боялись, происходило везде, на всей территории города. Не было и не могло существовать таких мест, которые способны были уберечь жаждущих спасения - ни подвалы, ни случайные укрытия не помогали никому и лишь становились ловушками и могилами для многих доверивших им свои жизни.

Но мне везло! Невероятно, немыслимо - но везло! По всем законам, всем примерам того, что видел, я уже не раз должен был разделить участь погибших, или, как минимум, быть ранен. Но, если не считать многочисленных ушибов и ссадин, со мной ничего серьезного до сих пор еще не произошло. Хотя еще ничего и не кончилось…

Смерть собирала свою жатву. Ее жертвы стали неисчислимы. Разломилась надвое, вздыбившись вверх кусками асфальта, дорога - из отверстия полыхнуло огнем, и его языки дотянулись до тех, кто оказался в тот момент по обе стороны трещины. Живые свечи тщетно пытались сбить пламя, в агонии падая именно туда, откуда оно

появилось. Куском кабеля, сорванного со столба, захлестнуло ноги у грузного мужчины, последовал рывок - и к многочисленным жертвам добавилась еще одна, повисшая высоко над землей головой вниз. Хруст, треск и гул падающего дома - и уже неразличимы в общем шуме всхлипы и стоны тех, кто оказался рядом, попав под падающие обломки. Женщина, прижимающая к груди совсем голого младенца - возможно, она успела каким-то чудом вырваться из этого дома. И чья-то рука, вдруг в тупом безумии ухватившаяся за шею и начавшая душить ее… Счет тех, кто поддался безумию, пошел на десятки! У них в глазах появился неестественный блеск, на губах выступила пена - и тогда к всеобщей какофонии стали примешиваться сухие щелчки выстрелов, до той поры не слышные, либо, звучавшие вдалеке. Кто-то ухватил меня за грудь и с силой потянул на себя - я успел заметить кровавые зрачки, после чего они вдруг расширились и просто вылетели из орбит… Пуля вышибла несчастному глаза, и они ошметками ударили мне в лицо. Я заорал, отшвыривая труп от себя. Выстрелы продолжались, направленные не только в безумцев - офицер, видя, как его жена дико кричит из бездны, куда провалилась, и не в силах ее спасти, пускает себе пулю в лоб. Два человека, в гражданском, но с автоматами, встали спиной к спине и хладнокровно пускали очереди в каждого, кто мог сбить их с ног. Хотели ли они остановить этим панику, или просто спасали свои шкуры - уже не имело значения. Громовой удар - земля вздыбилась под их ногами, замуровывая тех, кто попал в ее объятия заживо, в общей гробнице. Мощный рев двигателей раздался сверху - огромный самолет, с ревом пролетевший над головами и врезавшийся в город где-то далее. Эхо взрыва перекрыло даже невероятный грохот, несущийся со всех сторон. Неведомо как попавшая на крышу соседнего дома машина - и ее жуткий полет в бездну, вместе с крышей этого дома… Кто-то, ползущий по отвесной стене, пытающийся добраться до безжизненно повисшего в оконном проеме тела. Ребенок, у которого вместо глаз остались две зияющие выжженные дыры. Он сделал несколько шагов и рухнул в яму, дно которой стало наполняться водой и еще чем-то бурым и отвратительно пахнувшим из оборванных труб, проходивших внизу. Другой ребенок - его подбросило вверх и нанизало на стальной стержень, и теперь он висел на нем, как страшный флаг, раздуваемый ветром во все стороны. Парень, из последних сил пытающийся спасти

своего друга, упавшего в провал - и обломок дерева, рубанувший его по спине с такой силой, что он был вынужден разжать пальцы. А потом следующий обломок, раскроивший ему голову. Девушка, у которой была полностью содрана кожа на спине - она кричала от боли и кто-то, может быть, случайно, подтолкнул ее к пропасти, вынудив упасть на колени. А затем толпа, подмявшая ее под себя, и не замечающая того, что несется по еще живому вздрагивающему телу. Троллейбус, поднятый на высоту чудовищной волной и теперь катящийся вниз, сокрушая все на своем пути, превращающий людей в ошметки из мяса и костей. Старик, вставший на колени и взывающий к небу… а затем и милость последнего, уронившего ему на голову целый пласт вывороченной земли. Сколько же их было!

Смерть была рядом, задевая меня своими крыльями… Но она щадила, оставляя жизнь там, где остаться в живых было просто нельзя. Я прыгал через ямы, а из прочих пытавшихся следовать моему примеру никто не мог дотянуться до края и с криком летел в огненную бездну. Я пригибался - и свист осколков глох в телах тех, кто не успел пригнуться вовремя, вместе со мной. Я останавливался - и проносившаяся мимо плита, цепляясь за других, размазывала их по земле.

Повсеместно раздавались взрывы. Один из них прогремел совсем рядом. Я почувствовал резкий запах газа и бросился наземь, прикрывая голову руками. Еще один взрыв вспучил остатки от уцелевшего покрытия дороги и вырвался наружу громадным огненным фонтаном. Внезапный порыв ветра с невероятной мощью налетел из-за спины, и вновь сбил с ног меня, едва успевшего подняться. Я вцепился в кусок арматуры, оголившейся из обломков плиты, неимоверным усилием подтянулся к ней вплотную, пытаясь противостоять этому напору. Несколько секунд нельзя было определить, где верх, а где низ, все просто взлетело и перемешалось в воздухе в одно целое, а потом рухнуло обратно. Ударил и унесся прочь оглушительный хлопок - и я вообще перестал что-либо слышать.

На моих глазах взметнулись и рассыпались в куски те дома, которые еще устояли и не развалились в предыдущие минуты. В полной тишине - я продолжал ничего не слышать - повернулся туда, откуда налетел этот шквал, и в сердце, и без того сжавшееся от ужаса всего увиденного, ворвался леденящий холод…

Там, вдалеке, я увидел быстро растущий гриб. Он поднимался к темному небу, вырастая до гигантских размеров и закрывая собой всю восточную часть города. Я сразу вспомнил, что где-то там, среди холмов и сопок, располагавшихся за пределами города, находился командный центр, способный, если верить слухам, выдержать прямое попадание ядерной ракеты. Сколько же об этом писали… Гриб раздувался с каждым мгновением, заполняя собой всю видимую часть неба. Возле его ножки, вырастающей под все более увеличивающейся шапкой, заструились быстро изменяющиеся вихри, а в том месте, где он касался земли, во все стороны стал расползаться чудовищный вал, сметающий все на своем пути. Гриб достиг облаков и разодрал их, пробив нависшую над городом тучу из пепла и пыли. У основания ярчайшей звездой вспыхнул огонь, гриб разорвало сполохом множества молний, все они слились в один жуткий глаз, смотрящий на город с чудовищной высоты.

Это был не просто страх… Сама преисподняя показала свой лик, безумный и могущественный, неумолимый и всепожирающий. А в следующее мгновение начался ад! Не было ни дня, ни ночи. Все стало одного цвета - цвета смерти! Плавились и горели камни, неслись вырванные с корнями деревья, земля под ногами становилась на дыбы. Даже на следующий день я бы не смог вспомнить, как мне удалось спастись. Но, если до Большого взрыва я еще что-то соображал, то после мною руководил только инстинкт…

Выжить в этом аду было нельзя. Но я не хотел этого понимать - и бежал! Это был непрерывный, непрекращающийся бег. Бездонные ямы и широкие провалы, люди, летящие в них и сгорающие, не успевая достичь дна. Тени от людей, оставшиеся на оплавленных и переломанных стенах, где их настигла вспышка от взрыва. Люди, обезумевшие и озверевшие, рвущие друг друга, чтобы вырваться, вылезти первыми из этого кошмара. Разум стал бессилен - мною руководил только ужас. Раньше, чем плита, содрогаясь, исчезала в расширяющейся яме, я успевал перепрыгнуть на другую. Прежде чем испепеляющий огонь вырывался из глубин, я покидал опасное место, чтобы через мгновение покинуть и его. Сколько это продолжалось? Минуты? Часы? Я задыхался, одежда превратилась в рваные и тлеющие лохмотья, руки были изрезаны и обожжены, волосы

обгорели. Сердце рвалось из груди, а легкие тщетно искали хоть глоток чистого воздуха, не замутненного чадом, копотью и пеплом…

Я видел, как в черном небе, покрытом сполохами огня и взметнувшимися вверх обломками, падал самолет. Он заваливался на одно крыло, из правого двигателя валил густой шлейф дыма. Надсадный рев сменился громовым раскатом - одно крыло отвалилось, аэробус стало кружить и стремительно нести к земле. Из исполина вываливались маленькие пятнышки, едва различимые при этом свете - люди… Разваливаясь, самолет пересек небо, проложил себе страшную дорогу сквозь тучу и дым - и огненный столб возвестил о том, что он упал где-то за несколько километров от того места, где я находился. А точки, которыми усеяло все небо, все падали и падали на горящий город - и вскоре первые из них достигли поверхности. Тем, кто погиб сразу, повезло больше - они не испытали всепоглощающий страх, который до последнего момента был спутником тех, кто летел навстречу неотвратимой гибели. А потом вздрогнуло само небо. Дернуло так, что казалось, от этого рывка погибнет все, что еще осталось. Подлетая вверх от толчка, вырвавшего у меня землю из-под ног, я заметил, что в том месте, где тянулся огненный хвост, часть города, будто мгновенно исчезла, ушла в никуда. И тут же жестокий удар о поверхность вернул меня к действительности, сразу заставив вспомнить о спасении собственной жизни. На какие-то секунды все остановилось - словно земля наращивала силы перед очередным ударом. От жажды и сухости, от едкого дыма, буквально раздирающего внутренности, безумно хотелось пить. Пробив ногой стекло, в перевернутой вверх колесами машине, я вытащил наружу бутылку - их много валялось внутри - и, не глядя, что написано на этикетке, опрокинул ее содержимое в рот. Я захлебывался водой с песком и дымом. Мимо проползала собака. У нее были перебиты все лапы, оборван хвост, выжжен один глаз. Уцелевшим, она смотрела на меня - и в нем отразился такой ужас, такое непонимание всего, и вопрос, на который я не мог дать ей ответа - "за что?". Я уронил бутылку. Собака дернула языком, пытаясь поймать сбегающие капли. Асфальт дернуло - новый толчок разбросал нас в разные стороны. Ее зацепило за шкуру и протянуло куда-то в сторону. Она даже не визжала - скрученные мотки проволоки, невесть как оказавшиеся в этом месте, как наждаком

сорвали с нее весь меховой покров, оголив кровавое полотно голого мяса, костей и мышц. Последующий толчок увлек ее в пропасть…

По спине словно простучали дробью. От острых жалящих прикосновений я вскрикнул - это целая коробка гвоздей, падая с высоты, окатила меня своим дождем и лишь по случайности - пока я стоял, нагнувшись, - не выбила мне глаза. Они были слишком мелки, чтобы причинить сильный вред, но падали с высоты и поэтому вонзались с большой силой. Ослепи они меня - и любой мой последующий шаг мог означать только гибель… А ран хватало и без них. После трубы, как плетью прошедшейся по спине, осталась рваная кровоточащая полоса. После пыхнувшего в лицо огня - сгоревшие брови и ресницы. А острые углы, за которые все время цеплялся при беге и прыжках, оставили на теле многочисленные синяки, а кое-где и порезы. Силы были уже на исходе - столько времени сопротивляться ежеминутной, ежесекундной возможности быть погребенным заживо, сожженным, раздавленным и искалеченным и при всем этом продолжать двигаться, держаться… Я чувствовал, что скоро сломаюсь, не смогу сопротивляться - и тогда все. Но ноги сами несли меня прочь, руки отбрасывали препятствия, а измученное и избитое тело не сдавалось, и весь я, от кончиков обломанных ногтей и до содранной кожи хотел жить! Падали горящие столбы, разверзались пропасти - я карабкался по отвесным сползающим вниз стенам и выскакивал наверх. Жить! До тех пор, пока есть силы, пока я могу сделать хоть шаг - я должен был жить! И эта жизнь нужна была не только мне - я обязан был уцелеть в этом аду, чтобы вернуться домой, к тем, кто остался далеко отсюда, и, может быть, даже не представлял себе, что сейчас тут происходит.

...Мы держались за руки, сами не понимая, на что надеемся. Мы - это те, кто оказался под завалом из нескольких деревьев, снесенных ураганом и при падении образовавших естественное укрытие. Нас насчитывалось примерно пятнадцать, возможно, двадцать человек. Мы оказались здесь случайно - в поисках спасения, сбившись в группки, набрели на это место, и вскоре к нам присоединились еще несколько таких же, сбегавшихся отовсюду. Над головами бушевал смерч, и лишь по счастливой случайности мы еще не попали в эпицентр. Из черного облака вылетело что-то массивное, и вскоре мы сумели разглядеть, что это автобус, заброшенный на немыслимую высоту, падает на город

вместе с пассажирами. Он врезался в стену дома на уровне пятого этажа и этим окончательно снес пока еще державшиеся стены. Из его сдавленных окон начали падать тела людей, но и мертвые не получили покоя - смерч подхватил их и унес с собой, как уносил все, чего касался. Сила урагана превышала все нами виденное - он лишь слегка коснулся здания - и развалил его пополам. Крыша дома всем своим шатром приподнялась и, едва смерч покинул это место, с грохотом и лязгом упала обратно. Дом задрожал, стены стали сыпаться большими кусками… Через минуту на месте здания высилась лишь груда руин и обломков, перемешанная с битым стеклом, осколками кирпича, трубами, лестничными пролетами и раскрошенной в труху мебелью.

Деревья над нами вспыхнули - порыв ветра донес до листвы языки огня, и наше убежище превратилось в один большой костер. Пламя, пригибаемое ветром книзу, заживо поджаривало тех, кто оказался не в состоянии покинуть навес вовремя. Их мольбы и крики уже ничего не могли изменить - мы не в силах были им помочь из-за сплошной стены огня. Одно из деревьев треснуло, а подземный толчок сбросил его вниз, на пытающегося выползти из завала парня, придавив голову к земле. Он судорожно дернулся, руки вцепились в дерн. Все было бесполезно - огонь уже жадно лизал его тело, и жар был столь силен, что мы вскоре увидели, как сквозь лопнувшую кожу и обугленное мясо появились белеющие позвонки. Но и тех, кто успел выскочить, смерть не собиралась щадить.

Дикий, нечеловеческий крик раздался поблизости. И хотя вокруг все гремело и трещало, я обернулся, уловив в этом возгласе что-то такое, на что нельзя было не отозваться. Женщина, стоявшая на коленях и протягивающая перед собой маленькую девочку трех или четырех лет, отчаянно вскрикнула:

- Помогите!

Я перескочил через кого-то, отбил рукой пытавшегося мне помешать мужчину и упал возле матери и ее ребенка.

- А-а-а!

Кричала не девочка - она только широко раскрытыми глазами смотрела на окружающий кошмар, а по грязному личику текли крупные слезы. Одна из ее ручек болталась у бока, явно сломанная. Она должна была испытывать сильнейшую боль, но я не слышал даже

стона. Ее мать, продолжавшая сжимать малютку, кричала так, что от ее криков я даже перестал слышать что-либо еще.

- Спасите!

Я сглотнул подступивший комок, и, силой разжав пальцы женщины, забрал у нее девочку. Та только подняла на меня глаза. В них была такая мука, что я прижал ее к себе, не в силах смотреть в лицо. Женщина покачнулась и упала. Я вскочил, продолжая удерживать девочку на руках. Почти сразу на то место, где мы находились, упала целая груда пылающих досок и похоронила под собой и мать и еще несколько оказавшихся поблизости человек. Бежать с девочкой было тяжело. Я прижимал ее к себе, что-то шептал, сам не зная, как успокоить ребенка - как это было сделать при бушующем повсюду хаосе? Сильный рывок за ногу сбил меня на землю - кто-то с дикими глазами цеплялся за мою штанину зубами. Руки несчастного были оборваны по локоть, и он истекал кровью, не имея сил вылезти из ловушки. Я рванулся, почувствовав, что вырвал у погибающего несколько зубов. Мимо пролетела одна доска, другая - это сыпался дом, словно сложенный из карт. А внизу вздымалась и опускалась земля, заглатывая и переваривая тех, кто не смог избежать ее смрадного зева. Я пригнулся - кусок стекла просвистел надо мной и пропал в трещине, из которой било пламя. Трещина угрожающе приблизилась… И это был самый лучший прыжок, который я когда-либо делал в своей жизни. Яма оказалась позади, но зато дорогу преградила целая баррикада из автомобилей, наваленных друг на друга. Лавируя между ними, обдираясь и оставляя на них остатки своей одежды, я с трудом выбрался на открытое место. Девочка, потерявшая последние силы, уронила головку мне на плечо, а непострадавшая ручка, обнимавшая меня за шею, безвольно повисла.

- Держись! Слышишь! Держись! Я спасу тебя!

Я, остервенело, метался из стороны в сторону, уворачиваясь от множества падающих предметов, полз и прыгал, бежал и замирал на месте, вновь бежал - а девочка отяжелела, и, как камень, повисла на руках, не подавая никаких признаков жизни. Где-то мелькнул белый халат - хотя белым назвать его можно было лишь отчасти. Я инстинктивно заорал:

- Врача!

Но это был не врач. А если и врач - он уже ничем не смог бы нам помочь. Тело мужчины висело на прутьях, которые торчали из земли, один из них пробил затылок, придав лицу жуткое выражение. Еще один сильный удар заставил меня опуститься на землю. Очередная подземная волна приподняла все, а затем сбросила вниз, в который раз смешав трепещущие тела и тяжелые обломки в одно целое. Девочка выскользнула из ослабевших рук и покатилась по наклонной плите. Я рванулся следом. Пальцы почти ухватились за край ее пальтишка и соскользнули по мокрой поверхности, уже пропитанной кровью ребенка. Она на мгновение задержалась на краю и исчезла, сорвавшись в глубокую расщелину…

Плита накренилась и стала оседать. На тот край, где только что была девочка, упал телеграфный столб, другой край резко подбросило вверх вместе со мной. Перелетая через трещину, я увидел, как подо мной разливается целое море огня. Там взорвалось что-то, хотя казалось, что в городе взорвалось уже все, что только могло. Зубами я вцепился в провод, оказавшийся перед лицом. Потом ухватил его рукой, подтянулся повыше, и, раскачавшись, перепрыгнул на дерево и уже с него - на капот горящей машины. Огненная лава осталась позади, а в ней - та, которую я безуспешно пытался спасти...

Не только я пытался помочь другим. Многие, порой ценой собственной жизни, вытаскивали из завалов и огня своих друзей, а то и вовсе незнакомых людей. Вот отчаянным рывком, юноша поймал падающую в провал девушку. Вот женщина, еще имеющая возможность спастись, отпустила веревку, чтобы не дать ей оборваться под слишком большим весом - за нее держались сразу несколько… Молодая мать, чей сын оказался придавлен большим валуном, сумела найти в себе силы, чтобы сдвинуть эту махину с места и освободить его. Старик, ставший живым мостом через трещину - по нему пробежало не менее десятка, прежде чем его руки разжались, и он рухнул в яму, где уже корчились другие. Подростки, ухватившие своего падающего в бездну друга и оттащившие его от нее. Девушка, вернувшаяся, чтобы попытаться спасти подругу, которую придавило остовом машины. Она силилась приподнять ее и с мольбами смотрела по сторонам, моля о помощи. Поздно… А затем и ей самой пришлось взглянуть в глаза той, кто собирала на этих изувеченных улицах свою

великую жатву - земля разверзлась у нее под ногами и они: и придавленная подруга, и девушка, и машина - улетели в пропасть.

Но были и другие, и их число не уступало первых. Они просто спасали свою шкуру, не останавливаясь в бегстве ни перед чем. Вот, толпа пробежала, по пытающимся встать, телам - и после этого на земле остались только раздавленные трупы. Группа молодых сильных парней, отпихивающих в стороны всех, кто попадался на их пути - в огонь, в провал, куда угодно, лишь бы они не становились им помехой. Толпа сминала, давила и разрывала все, и сила ее была столь же велика, как и сила стихии, в которой она находилась. Она поднимала на руках автомобили, с не успевшими вылезти владельцами, и те летели прочь, находя гибель в чреве своих железных коней. Кто-то пробегал по головам, разбивая каблуками черепа и лица. Те, кто оказывался внизу, не могли этого выдержать - и в итоге падали под ноги, сминающей их толпе, а вместе с ними падали и те, кто на них напирал. Но скопления людей можно было встретить все реже и реже - им на смену поднимались покореженные завалы, холмы сложившихся стен и зданий, шатры разлетающихся крыш. Людей становилось все меньше и меньше…

Я тащил на спине кого-то, кто вцепился в меня - и не мог его сбросить. Кто это был, мужчина или женщина, не имело никакого значения. Ни его веса, ни касания тела я не ощущал, а вскоре понял - почему. Хлесткий удар бежавшего рядом парня смахнул ношу с моей спины - это оказались только руки, сжавшиеся на шее в мертвой хватке, а их владелец уже давно остался где-то позади. Вскрикивая и хватаясь за грудь, какая-то женщина подскочила ко мне. Может быть, ей почудилось что-то знакомое в моем лице? Но, я ее не узнал, а рассматривать, кто это мог быть, не было ни сил, не возможности - меня влекло вперед, ибо оставаться на месте было равносильно гибели. Нож прорезал мне рукав, лишь немного не достав до кожи - дикий взгляд и хохот сопровождали покушение, а потом перед глазами опять блеснуло лезвие. Он промахнулся - лезвие впилось в другое лицо, и отчаянный вопль на миг вернул мне способность понимать, что это тоже опасность, которой следует избегать. Я оттолкнул владельца ножа, и тот опрокинулся на спину, дико заорав:

- Смерть! Всем смерть! Я демон смерти!

Кто-то бегущий за мной наступил на его лицо, раздавив челюсть. Послышались хруст, и вскрик от непереносимой боли. Набежавшие люди пронеслись по телу человека и заставили его умолкнуть. Меня они не сбили только потому, что я успел вжаться в стену, каким-то чудом еще не рухнувшую вниз. Раздался еще один хруст - кто-то попал ногой между камнями. Ее владелец недоуменно посмотрел на ногу, взвыл и схватился за оголившуюся кость. Я не успел на помощь - падающая балка вдавила его в землю, раскроив ему голову до самой шеи.

На какое-то время я замер, остановился, ощутив, как по нервам, и без того взвинченным, молнией прошел неясный сигнал… Я еще не осознал, что это, но уже понял, что ни о чем хорошем он не говорит. И эта догадка оказалась верной.

Город был погружен в хаос, измолот и сокрушен. Но видимо и этого было еще мало, стихия решила добить его новой, все сметающей на своем пути бедой. И именно в этот миг я почувствовал опасность. Не разумом, не с помощью и без того постоянной настороженности - а шестым, седьмым, может даже, десятым чувством, которое никогда раньше не проявлялось так сильно. Оно возникло - и уже больше никогда не покидало меня, предупреждая обо всех чрезвычайных ситуациях, в которые мне пришлось позже попадать. Я уже был готов - а глаза еще не видели, уши не слышали того, что должно было случиться.

Послышался гневный всепоглощающий гул. Он шел со стороны гор - оттуда, куда унеслась эта всесокрушающая подземная волна. Я же настолько устал, был избит и измучен, чтобы даже не удивился новой напасти, так скоро пришедшей на смену предыдущим. И без того темное небо стало совсем черным. Один за другим в нем пропадали отблески полыхавшего под ним огня, и вся серая пылевая и пепельная масса, сгустившаяся над головами, стала сливаться в одно мрачное целое. И тогда появилось то, о чем предупредило меня это, возникшее из ниоткуда, чувство.

…Она падала на город с быстротой пикирующей птицы, со скоростью гоночного автомобиля - огромная волна, высотой не менее десяти метров. Мгновенно поглощая все очаги пламени, заливая все дыры и отверстия, образовавшиеся в земле, она приближалась так быстро, что на принятие решений уже не оставалось времени… Это

летела настоящая волна! Из воды, мутная, от принесенного ею ила и водорослей, мелких и крупных камней, а так же всего того, что она жадно пожирала, погребая под собой. Под ней гибло все. Стены, выдержавшие колоссальные нагрузки от взрывов и землетрясения, чудовищный жар огня, под ударом этой массы срывались со своих мест, будто они не были возведены из камня и бетона, а были чем-то типа шалаша. Рефлекторно я вскочил внутрь оказавшегося рядом автомобиля, успев в последнюю секунду захлопнуть за собой дверцу...

А потом все померкло перед глазами. Машину резко рвануло вверх и поволокло вперед в полной темноте. На нее постоянно что-то падало, ударяло, и она сама врезалась во что-то, так, что я каждую секунду ожидал, что она развалиться на куски, и тогда смерть точно получит то, за чем с таким упорством гонялась столько времени - мою жизнь! В какой-то момент я различил, как врезаюсь в человеческое тело. Оно зацепилось за боковое зеркало и пару секунд неслось вместе со мной. Сквозь все щели в автомобиль попадала вода - я слышал, как под сильнейшим давлением она врывается вовнутрь и очень быстро заполняет все свободное пространство. Машину корежило, сплющивало, и было удивительно, что все стекла до сих пор целы и продолжают выдерживать напор, сдавливающий ее со всех сторон. Я вдоволь наглотался жидкой грязи и попавшего в салон бензина - и в итоге, совершив множество переворотов и кульбитов, выплеснул все содержимое желудка, сразу оказавшись перепачканным с ног до головы. А потом сильный удар остановил движение, и я закрыл глаза, предвидя, что на этот раз точно все закончено…

Я находился в автомобиле, спасшем мне жизнь - а он, в свою очередь, немыслимым образом воткнувшись в оконный проем устоявшего здания, висел в нем, как пробка. Ни стекол, ни верха у машины уже не осталось, и как при этом мне не оторвало руки или голову, непонятно. Более того, не было и последнего, самого страшного врага - воды, пронесшейся по городу катком. Практически не соображая, что делаю, я перевалился через борт и упал вниз. На мое счастье, падение не оказалось длительным - машина застряла на высоте примерно второго этаже, и я рухнул на мягкую массу из ила и песка.

Вода, проложив себе широчайшую трассу, унеслась столь же быстро, как и появилась. О ней напоминали лишь сметенные дома и

отсутствие огня там, где он недавно бушевал. Где-то очень далеко отсюда, в горах, находилось водохранилище, которое жители города называли Хрустальным - за чистоту воды. Высота плотины, сдерживающей озеро, насчитывала не менее ста метров. Я подумал об этом, понимая, что ни плотины, ни водоема больше не существует…

Постепенно из многочисленных трещин и ям в земле вновь стали появляться вначале слабые, а потом все более усиливающиеся огоньки. Видимо, в недрах имелось нечто такое, что давало им силы опять вырваться на поверхность, несмотря на только что прокатившуюся по городу водную массу. Вслед за пробившимся огнем стали раздаваться и взрывы. Едва исчезнувший запах гари и дыма опять стал забивать воздух, мешая нормально дышать.

Меня снова вырвало. Кровь, грязь, - такая смесь, что от одного ее вида я еще раз схватился за грудь, желая разодрать себе ребра, чтобы выпустить эту тошнотворную слизь, забившую внутренности. С мутными глазами, на дрожащих ногах я отошел в сторону, и, наклонившись, зачерпнул ладонью воды из оставшейся после наводнения лужи. Мне уже не хотелось пить, но надо было прочистить горло и рот, чтобы не ощущать мучительные позывы к рвоте. Едва я поднес ладони к лицу, как у меня снова начался жуткий спазм, я скрючился, больно ударившись головой о камень. Многочисленные порезы и ушибы дали о себе знать - я стал их чувствовать, хотя раньше не успевал даже заметить, где и когда получил. С разбитой брови капала кровь, заливая глаз и мешая нормально видеть то, что передо мной находилось. Я смыл ее водой и выпрямился.

Вода из озера не только пробила себе дорогу на улицах города, уносясь неведомо куда, - она еще и принесла с собой все, что захватила по пути. Наполовину засыпанная грязью и обломками, завалившись на один бок, передо мной лежала яхта. Совсем недавно это было первоклассное судно, мечта многих. Отделанная по последнему слову техники, оснащенная компьютерным управлением, украшенная и расписанная, как игрушка… От всего этого не осталось ровным счетом ничего. Весь корпус измят, вдоль киля - трещина, а все надстройки на палубе - сметены. Если в ней кто-нибудь и находился, то их участь решена - после того, как яхту протащило через полгорода, а до того она пронеслась вместе с водой от водохранилища до его границ, живых в ней быть уже не могло. Я доковылял до яхты и

вцепился руками в борт, чтобы не упасть. С меня стекала грязь, вся оставшаяся одежда была мокрой насквозь и изорвана, так, что на мне практически ничего не осталось. Я тупо смотрел на большую рыбину, которая валялась под днищем яхты, и сам чувствовал себя такой же рыбой - выброшенной из привычной среды и задыхающейся.

Меня снова замутило. Были ли это последствия от постоянных ударов головой, пока я переворачивался вместе с корпусом машины, или же я треснулся где-то более основательно - в любом случае, заработал небольшое сотрясение мозга. Я посмотрел на ладонь. На ней крест-накрест лопнула кожа, обнажив мясо. Странно, боли я не ощущал, вернее, ее было столько во всем теле, что отдельную я уже не фиксировал. Где я? Что я? Эта мысль мелькнула и пропала, вытесненная другой - я жив! Я все-таки жив! И сразу появилась такая смертельная усталость, что я опустился в грязь и бессильно прислонился к днищу яхты. Только ощущение холода постепенно стало возвращать меня к реальности. Равнодушно посмотрев, как среди мусора валяются несколько трупов, перевел глаза на улицу. Впрочем, улицы как таковой уже не было - лишь нагромождение невесть чего.

Долго отдыхать не пришлось. Все сильнее и сильнее стал разгораться огонь, опять стала вздрагивать земля, а по небу, на какое-то время очистившемуся от пепла, опять поползли серые облака.

- Я не могу больше…

Хрип отчаяния вырвался у меня, когда я заметил, как на полосе почти скрытого обломками асфальта, начала разрастаться и вздрагивать новая трещина. В ней полыхнуло, раздался хлопок - и из провала взметнулся огненный гейзер, сразу слизнувший и яхту, и кучу мусора, что лежала возле нее. Меня зацепило лишь краем, но этого хватило, чтобы я с криком отпрянул, придерживая ошпаренную руку. Волна раскаленного воздуха швырнула меня на землю, в сразу начавшую высыхать лужу. Не вставая, на четвереньках, страшась оглянутся, чуть ли, не скуля от жалости к самому себе, я пытался уйти от этого свирепого смрада, несущегося из провала. Я полз… Глаза уже ничего не различали, все смешалось в багровый туман. С каждым движением я чувствовал, как изможденное тело отказывается мне подчиняться. Страшнейший удар вырвал землю из-под меня, заставив упасть на спину. Земля вздыбилась, словно взбешенный жеребец, и

поставила меня вертикально. Я ждал смерти… И она появилась, глядя прямо в глаза. Страх пропал. Я понял - на этот раз мне не избежать того, что должно случиться, и уже не раз, на протяжении этого дня…

Разваливая все здания, расширяясь и удлиняясь, извилистой змеей прямо к тому месту, где я находился, тянулась трещина. В пропасть летело все - машины, земля, живые и мертвые тела, бревна, камни, и даже пропитанный гарью воздух, словно засасываемый внутрь гигантским пылесосом. Кромка тротуара под ногами резко ушла вбок, и я инстинктивно поднял ногу, зацепился за нее, а затем попытался отпрыгнуть в сторону. Нога соприкоснулась с почти занесенным обломками грузовиком, и я замер, балансируя чтобы не упасть. Но не смог удержаться - нога дрогнула, а затем все быстрее и быстрее стала сползать в жадную пасть пропасти. Я увидел, как мелькает край земли, и почувствовал, что кабина грузовика подо мной резко уходит прочь. Мысль о том, что это конец, просто не успела мною завладеть до конца - иначе бы я не смог сделать того, что впоследствии так и не сумел объяснить… Я валился вниз, успевая заметить, как на одной из сторон воронки виднеется что-то округлое и большое. Уже падая в бездну, невероятным образом ухватился за кусок торчащей в земле трубы, и она, изогнувшись под моим весом, опустилась прямо к темнеющему отверстию. На несколько мгновений, ставших для меня бесконечными, все вокруг - и чудовищную пропасть и зияющую дыру перед глазами - залило нестерпимым мертвенным зеленым свечением. Страх пронзил все мое существо, руки стали разжиматься... Раздался тяжелый вздох ужасного чудовища за плечами, потом - сильный толчок в спину, и все разом погрузилось во тьму, в которой я потерял сознание…

Глава 2 В подземелье

Глава 2

В подземелье

Вначале была тишина. Абсолютная, полнейшая тишина. Настолько глубокая, обволакивающая, что само ее безмолвие могло убить лучше любой иной причины - своей безысходностью. И - темнота. Эти два врага, объединившись, приговорили меня к жуткой смерти. Безумие и животный ужас, противопоставить которому нечего. И невозможно описать ощущения того, кто попал в могилу живым. Миг, которого мне хватило, чтобы понять, куда я лечу, помутил мой разум… В отчаянном порыве спастись не заметил, как ударился головой, и этот удар лишил меня чувств. Избежав гибели там, наверху, я встретился с нею здесь, по мрачной иронии практически почти невредимым и способным бороться. Способным, но не с тем, что меня окружало! Это был конец. Я понял это, едва оторвал голову от холодной поверхности. Сколько я так пролежал - час, или два, уже не имело значения. На волосах запеклась кровь, но я не знал - моя или чужая. Слегка поташнивало, сильно хотелось пить. И постепенно, слабыми проблесками, начало возвращаться ощущение своего тела, а вместе с тем и боль. Меня затрясло крупной нервной дрожью, от которой стали стучать даже зубы. Это было нелепо, этого не могло быть - я уцелел, падая в бездну, в пропасть! Я мертв, потому что нельзя остаться живым - и не видеть и не слышать абсолютно ничего! Никогда - до, и никогда - после, я не был так близок к помешательству, пульсируя на этой зыбкой грани, уход в сторону, от которой, означал ничто. Затем силы вновь оставили меня, и я опустил голову…

Мелькали чьи-то лица, которых я не мог узнать, руки, указывающие во все стороны сразу. Багровые отсветы, заполняющие чьи-то контуры, потом резкие, серебристые молнии, рвущие непонятные изображения пополам. Возник рот, в котором шевелился распухший и почему-то раздвоенный язык, ослепительно белые клыки… и я, лежащий в этой пасти, собирающейся сомкнуться и размолоть меня крепкими зубами. А сами зубы тянулись далеко-далеко, в несколько сотен или тысяч рядов, и где-то там, позади них,

еле заметный, тонкий выход, пугающе черный на фоне сверкающих клыков. Потом возник бесконечный коридор, куда я проваливался, тщетно пытаясь удержаться за гладкие светящиеся стены. Следом появился тупик, возникший из-за очередного поворота. Я пытался барахтаться, но руки скользили, и я упал в этот тупик, как в желе - оно стало всасывать меня, отчего дышать становилось все труднее и труднее… На грудь давило все сильнее, потом вязкая пустота, рывок - и все исчезло…

Это не я пришел в себя - это тело напомнило о себе, отреагировав на болезненный толчок, сотрясший окружающее пространство. Ничего не соображая, в полной прострации - будто я и мое тело существуют отдельно друг от друга - перевернулся на спину. Сразу стало легче дышать. Рука наткнулась на выступающую небольшим бугорком поверхность - видимо, я упал на нее, и та давила на легкие, вызывая кошмары. Так же, еще ничего не понимая, попытался оторвать голову от пола и сразу уронил обратно, словно кто-то неведомый и тяжелый придавил ее своей тушей. Сознание возвращалось медленно... Я и понятия не имел, как долго находился недвижимым, пока глаза не открылись и не увидели тьму. Ни вставать, ни шевелиться не возникало желания, полная неподвижность была мне сейчас нужнее… Так продолжалось довольно долго, пока меня не начал бить озноб. То, на чем я лежал, минута за минутой вытягивало из меня тепло. И тогда я сделал попытку подняться. Вначале оперся на одну руку, потом на другую. Потом на обе. Потом на колени. Последней поднял голову, приоткрыл и сразу закрыл глаза - так казалось безопаснее, чем вообще не увидеть ничего. Некоторое время даже опасался пошевелиться, боясь шороха, возникающего при движении. Холод еще раз напомнил о себе - через колени, которыми я опирался на жесткую поверхность. Ладонью коснулся пола - он оказался на ощупь очень холодным, шершавым, с едва заметными трещинками и выемками. Это была не земля, скорее что-то больше похожее на камень. Или… та самая, огромная бетонная труба, отверстие которой я успел увидеть перед тем, как стены провала сомкнулись за моей спиной!

Наверное, я закричал. Путь наверх был отрезан. Труба время от времени вздрагивала, словно кто-то дергал ее в глубине. Потом все стихло. Начал липкой пеленой подползать ужас. Я заново переживал этот день и свое падение в бездну! Еще немного - и я мог сойти с ума.

Вцепился зубами в руку, и подступившая боль отрезвила, не дав зациклиться на страшных мыслях. Разом, словно ожидая этой минуты, заныли все полученные на поверхности раны. Казалось, на теле нет живого места. Я не смог сдержать стон, и он унесся прочь, эхом отдаваясь от влажных, пропахших сыростью стен…

Меня всего затрясло, сердце бешено забилось - я заживо погребен в толще земли! Все окутывала кромешная тьма. Где я нахожусь? Мне предстояла мучительная смерть, либо от удушья, либо от голода, а, скорее всего - от начавшего заполнять меня целиком чувства безнадежности и страха. Взвыл, ударил перед собой кулаком, и он влетел во что-то очень твердое и жесткое, отчего я чуть не разбил себе пальцы. Это меня слегка ошеломило - вроде бы, земля не должна быть настолько твердой. Когда пальцы еще раз притронулись к стене, я заметил, что она сухая и холодная, а главное, что-то напоминающая… Таким мог быть только бетон! Я, действительно, попал в трубу, и мне не показалось, когда я видел ее изломанные края при падении в пропасть. Что это могло быть, я не знал. Скорее всего, внутренняя сторона колодца, только почему-то выложенного не вертикально. И он достаточных размеров, чтобы в нем можно было стоять, почти не пригибаясь. Для чего он здесь находился, кто его выкладывал? Сейчас меня этот вопрос занимал менее всего. Зато сразу возник другой - нельзя ли по нему, выбраться наружу? Стены слегка вздрагивали, а пару раз дернулись так, что я, даже стоя на коленях, не удержался и упал на бок. Катастрофа, произошедшая наверху, была столь серьезна и всеобъемлюща, что не могла не затронуть и всех подземных коммуникаций. Подземных? У меня мелькнула неосознанная до конца мысль - да, подземных! Что, если скажем, эта труба состоит из частей единого целого, предназначенного, например, для вентиляции метро? Или для отвода канализационных, или, каких либо иных, вод? Я снова вздрогнул. Но на ощупь пол и стены снова показались сухими, хоть чувствовалась небольшая влажность там, где бетонные кольца примыкали друг к другу. То, что труба состояла из плотно пригнанных друг к другу колец, я уже понял, тщательно исследовав стык почти по всей его длине. Нет, это не для воды…

Я просидел некоторое время, не решаясь подняться и сделать первый шаг. У меня не хватало ни сил, ни мужества, чтобы заставить себя пойти куда-то в полной темноте. В этот момент остро пожалел о

том, что уже давно бросил курить - так в кармане могла оказаться зажигалка или спички, и я смог бы рассмотреть, куда все-таки попал. Постепенно я успокоился. Гул, изредка доносившийся сквозь стены, скоро утих окончательно. Тишина стала такой, что собственные движения и производимый мной шорох воспринимались как гром. Мне вдруг показалось, что я здесь не один - ведь я явственно видел, как и передо мной и вместе со мной, в пропасть падали люди. Нет, я не один! Я не мог быть один!

- Эй…

Мне казалось, что кричу, но на самом деле это был еле слышный хрип.

- Эй? Кто-нибудь?

Ответом было молчание. Я сглотнул солоноватую слюну и в волнении прокусил губу. Что-то надо делать… Осмелев немного, протянул ноги вперед - они стали затекать от неудобной позы. Ничего не изменилось. Воздух вокруг был не очень свеж, но пыли в нем не ощущалось. Следовало на что-то решаться. Я уговаривал себя подняться, потом собрался с силами и встал. Голова коснулась чего-то, я испуганно вжал ее в плечи, только потом, сообразив, что это не может быть ничем иным, как потолком помещения. Верхом трубы - если это действительно труба. Все по-прежнему оставалось безмолвным. Вытянутыми вперед руками я проверял - не наткнусь ли на что-нибудь? Мне пришлось передвигаться вдоль одной из стенок, но я практически без труда доставал рукой и до второй - ширина трубы это позволяла. Пройдя несколько шагов, наткнулся на что-то, что при ощупывании оказалось крылом того самого грузовика, который провалился в пропасть вместе со мной. Сразу вслед за ним оказался тупик. Земля плотно заполняла отверстие, скорее всего, именно то, сквозь которое я сюда попал. Я не особо расстроился, ожидая встретить что-то в этом роде. Оставалась еще одна сторона, и я повернул назад. Раз закупорена эта - вторая должна быть свободна.

Постепенно, шаг за шагом, стал вновь наползать сковывающий движения страх. Я больно ударился ногой обо что-то, отпрянул вбок, задев обожженной рукой шершавую поверхность, и вскрикнул. Мною снова завладел ужас: животный, всеобъемлющий, грозящий перерасти в панику, и погубить меня без всякого вмешательства извне. Я громко закричал и сразу догадался, что мой крик не унесся по трубе прочь, а

уперся в какую - то преграду и в ней заглох. От сознания непоправимого я замер, потом заставил себя сделать еще несколько шагов - и руки уперлись в новую преграду. Скорее всего - громадный кусок породы, надежно закупоривший второй выход. В полном бессилии и отчаянии я опустился на колени... Это означало смерть, от которой я с таким упорством обреченного убегал на поверхности земли. Она не смогла уничтожить меня ни падающими стенами, ни разверзающимися трещинами, ни огнем и водой… Нет, вместо всего этого она приготовила мне куда более ехидную усмешку - позволила спастись, что бы просто похоронить… живым. Я находился в подземном склепе!

Перед глазами опять стали появляться багровые круги, еще немного - и сознание могло отключиться, чтобы впасть в уже виденный кошмар. Стали всплывать лица покинутых близких… Всего несколько дней назад я был в кругу семьи, держал на руках сына и целовал печальные глаза жены - ей так не хотелось со мной расставаться. Что станет с ними? Как они это переживут? И переживут ли?

От ярости я заскрежетал зубами. И тут что-то неуловимое, заставило меня замереть, напрячься и полностью сконцентрировать свое внимание на еще не осознанном полностью ощущении… Я свободно дышал! Не задыхаясь, не чувствуя постепенного удушья - а ведь воздух в замкнутом пространстве не мог быть не спертым. У него была лазейка! А раз она была у него - что мешало мне ее отыскать? И вдруг она окажется такой, что будет пригодна и для меня?

Обшаривая сантиметр за сантиметром, неоднократно исцарапав пальцы, я проверял бетонные стены. Отверстие должно быть! И оно действительно нашлось! Это оказалась вделанная в стену решетка. Она плохо держалась, и я без труда сорвал ее с места. Дыра оказалась узкой, но я смог просунуть в нее голову - и сразу ощутил разницу между тем воздухом, которым дышал и тем, который оказался за пределами трубы. Я стянул с себя свитер - от него и так ничего не оставалось, и, изгибаясь и выворачиваясь, протиснулся сквозь этот спасительный лаз, туда, где ожидал встретить спасение.

Моя радость могла показаться несколько преждевременной. Это опять была труба, возможно, идущая параллельно первой, в которой я оказался вначале. Но, в отличие от нее, она не могла быть замкнута с

обеих сторон - иначе я не заметил бы в ней притока воздуха, позволяющего мне не задохнуться до сих пор. Повторив все, как в первый раз - передвижение вдоль стен - я прошагал так несколько минут. Привыкшие к темноте глаза различили еле уловимый свет, хоть и не позволяющий что-либо рассмотреть, но дающий слабый ориентир. И все же это был свет, падающий откуда-то сверху. Труба закончилась. Я стоял на дне вертикального колодца и дрожал от возбуждения и сознания того, что ничего не могу поделать… Где-то там, наверху, находилось отверстие, сквозь которое просматривались огненные сполохи. Подняться по колодцу не предоставлялось возможным. Мне хватило и этого скудного освещения, что бы увидеть - он лишен каких-либо приспособлений для этого. Ни скоб, обычно сопутствующих подобным сооружениям, ни лестницы. Свобода почти рядом - всего в пяти-шести метрах над головой. Но она недоступна…

Я просидел на дне колодца около часа. Апатия овладела мною почти полностью - я сделал все, что мог… От усталости откинулся назад, привалившись спиной к стенке, и уперся во что-то мягкое. Отстранившись, протянул руку, чтобы проверить. Это был труп. Кто-то упал сюда с высоты и при падении свернул шею. Я, преодолевая некоторое смущение - мне еще не приходилось обыскивать мертвые тела - обшарил его карманы. И - о счастье! - в них нашлась сухая и годная к употреблению коробка спичек.

Чиркнув, осветил место своего пристанища. Диаметр колодца примерно около трех метров. На дне валялся всякий хлам, попавший сюда с высоты, и среди него я успел разглядеть нужную мне вещь - несколько сухих тряпок. Как и почему сюда не попала вода при наводнении - меня не интересовало. Я смотал их в подобие факела и зажег спичку. Убогий огонек осветил мою тюрьму. Воздушная тяга не давала ему потухнуть, и я еще раз убедился, что выбраться наверх не смогу. Звать на помощь не имело смысла - с такой глубины мои крики вряд ли мог кто-нибудь услышать. А если бы и услышал - наверху имелось такое разрушение, что судьба одного человека уже ничего не значила…

Оставался только один вариант - возвращаться по этой трубе назад и идти, пока она не выведет меня туда, где можно подняться на землю. Я собрал все тряпки, которые, по моему разумению могли мне понадобиться, и, бросив прощальный взгляд наверх, отправился в этот

страшный путь, в неизвестность и темноту, где единственным моим спутником оставалась только надежда…

Факел я потушил. Во-первых, хотел сберечь возможность применить его, когда он понадобится, во-вторых, не решался тратить спички напрасно. Второй возможности найти что-то подобное у меня могло и не появиться. Отойти от единственного просвета, крохотной ниточки, связывающей меня с поверхностью, оказалось очень страшно… и все же, иного решения не находилось. Только разведка могла показать - прав ли я в своих ожиданиях. Я вздохнул, собираясь с силами, и повернулся к темноте. Первый шаг дался с трудом, но постепенно, метр за метром, я медленно преодолел довольно длинное расстояние, пока не уперся рукой в преграду. Пальцы нащупали квадратные ячейки. Вероятно, сетка, перекрывающая всю трубу. Я пнул ее ногой - она слегка подалась. Скорее всего, она предназначалась для задержки всякого мусора, который мощные вентиляторы засасывали вовнутрь. А раз так - то где-то рядом должно быть и место, откуда этот мусор извлекают смотрители. Я вновь чиркнул спичкой... Предположение оправдалось полностью - в трубе, совсем рядом, нашлась дверца. Но все попытки ее открыть, выбить и сорвать с петель ничего не дали. Она была наглухо задраена с противоположной стороны. Судьба еще раз жестоко подшутила надо мной. Либо эту дверь так задумали проектировщики, либо ее сплющило давлением. Что бы тому ни было причиной - мне сквозь нее не пройти. Оставалось только продолжать движение вперед - через сетку. Я закричал, чтобы узнать, насколько далеко может проникнуть эхо. На этот раз голос не увяз, а унесся далеко. Оставалось лишь сорвать сетку, чтобы в который раз поддержать стремление спастись и выбраться из этой темницы. Первоначальный ужас и отчаяние куда-то отступили - мной овладела мрачная решимость. После всего пережитого темнота уже не пугала, и я перестал чиркать спичками. Все, что хотел, уже увидел. Сетка отошла со своего места достаточно просто. Хоть в этом повезло - она сварена не из толстых прутьев, а из обычной рабицы, столь любимой многими дачниками. Пусть и с трудом, но ее можно порвать. Я зло дергал, бил ногой, и достиг того, что она вырвалась в одном месте. Этого хватило, чтобы пролезть, добавив к порезам и ссадинам еще несколько. А сразу за сеткой оказался провал. Я едва не угодил в него, и лишь знакомое чувство, проявившееся впервые наверху, удержало

меня от рокового шага. Словно кто-то незримый удержал меня от того, чтобы опустить ногу… Я внезапно напрягся и подумал, что впереди не так уж и свободно. Решив довериться этому неосознанному чувству, осторожно пошарил впереди ногой. Под ней была пустота. Колодец кончился. Вернее, он принял именно такие формы, какие и должны быть. Горизонтальная труба превратилась в вертикальную. Осторожно опустившись на колени, и придерживаясь рукой за обрывки сетки, второй стал ощупывать край колодца. Вскоре я нашел то, что искал - поручни от лестницы, ведущие вниз. Раздумывал недолго - если нет подъема, пусть будет спуск... Это было уже не просто страшно. От осознания того, что я сейчас сам, по собственному решению стану удаляться от поверхности, у меня спазмом сдавило сердце. Но иного выхода я просто не видел. Колодец должен куда-нибудь, меня вывести - если на том конце опять не встретится новый завал. Перекинув ноги через парапет, ухватился за скобы и стал спускаться. И снова, каждый последующий шаг уводил меня все дальше от поверхности земли, может быть, к той самой могиле и смерти, которой я так долго избегал… Думать о спуске не хотелось… Жутко. Но я с упорством обреченного сползал вниз. Так продолжалось довольно долго. Пришлось несколько раз останавливаться и отдыхать. Шахта казалась нескончаемой, я стал опасаться, что просто не смогу спуститься и сорвусь. Но бесконечный спуск все же прекратился. Я оперся ногой о твердую поверхность и в изнеможении сел прямо на бетон.

Отдохнув немного, решил осветить место, где оказался. Замкнутое помещение, но несколько больших размеров, чем сам колодец. Спички и факел помогли увидеть, что в одном месте вновь находится сетка, наподобие той, которую я вырвал наверху. А за ней темнело что-то массивное, с неясными очертаниями. Не желая расходовать драгоценный свет, я быстро обошел дно помещения вдоль стены, пока не вернулся к тому же месту, с которого начал обход. Иного выхода не нашлось. По всей видимости, здесь кончалась - или наоборот, начиналась - вентиляционная шахта. Она должна каким-то образом сообщаться с линией метрополитена. Я немного отдохнул и, вцепившись в решетку, стал ее дергать и трясти. Справится с ней, оказалось гораздо труднее, чем с первой - она не поддалась ни на йоту. В конце концов, я с силой ударил по ней ногой - и ступня в сапоге застряла в образовавшейся дыре. С трудом высвободив ногу, я

разомкнул ближние прутья, потом пригнул еще парочку - при тусклом свете быстро прогорающего факела стало ясно, что мне этого достаточно, чтобы протиснуться наружу. Как ожидалось, за сеткой обнаружились лопасти громадного вентилятора, и я, убедившись в том, что уж их-то ни за что не отодвинуть, стал продираться к задней стенке, за постамент, на котором они стояли. Внизу что-то звякнуло. Это оказалась металлическая скоба, которой я сразу воспользовался. Сбивать ею жестяную обшивку сбоку от лопастей стало не в пример легче, чем кулаками. Гул ударов убедил, что я поступаю верно - там должно находиться пустое пространство! Пробив дыру, сразу понял, что воздух в метрополитене уже сильно отличается от того, которым я дышал здесь - он очень насыщен пылью, и она заскрипела на зубах. Те страшные подвижки не могли сказаться и здесь - вряд ли хоть какая-то система вентиляции теперь обеспечивала приток свежего воздуха в подземелье...

Я рассчитывал, что крупный двигатель с массивными лопастями не может быть подвешен просто к потолку - для таких предметов всегда делают площадку, на которой их и устанавливают. Так и оказалось. Площадка нашлась сразу за пробитой обшивкой. В одном месте я снова, на ощупь, отыскал приваренную металлическую лестницу и по ней спустился вниз. Сделав несколько шагов, наткнулся на ряд толстых кабелей и едва не упал, споткнувшись о стальной рельс. Итак, я оказался прав - это метро…

Когда-то я работал в угольной шахте и твердо знал одну заповедь. Если что-то случилось - искать выход там, откуда есть приток свежего воздуха. И вторую. Не пользоваться открытым огнем. Иначе газ без цвета и запаха - метан - превратит неосторожного в труп. Вряд ли в метро может быть метан, он характерен все-таки именно для угольных шахт, но все же… Впрочем, никакого огня, как открытого, так и закрытого, у меня уже не было. Считать почти истраченную коробку спичек достаточным осветительным средством просто глупо. Они могли в чем-то помочь, но лишь на секунды. Оставалось определить - есть ли здесь хоть какой-то воздушный поток. Я смочил ладони в хлюпающей под ногами воде и приподнял их. Никакой свежести, кроме холода самой воды, не ощущалось. Я встал посередине путей, повернулся из стороны в сторону - безрезультатно. Этого следовало ожидать - раз не работали вентиляторы, то и свежему воздуху взяться

не откуда. Да и как они могли работать после всего, что случилось? Метро не могло остаться нетронутым такой масштабной катастрофой… Подумав, я направился в одну из сторон, полагая, что мне под силу пройти в кромешной тьме несколько сотен метров до ближайшей станции. Уже первые шаги показали насколько опрометчиво такое заблуждение… Идти оказалось очень тяжело. Приходилось либо семенить по шпалам, вовсе не предназначенным для размеренного шага, либо пытаться шагать по рельсам, держась за стену, что тоже не доставляло особенных удобств. Я стиснул зубы и упрямо двигался вперед, надеясь, что рано или поздно, все равно доберусь до того места, где смогу выбраться на свет. Я спотыкался несчетное количество раз, неоднократно падал и вновь поднимался. Глаза тщетно искали хоть какой-нибудь лучик света. Иногда, не выдержав могильной темноты, я зажигал спичку и в краткие мгновения ее жизни осматривался. Тоннель был практически не нарушен - если судить по тому, что я успевал увидеть. Но будет ли так всегда? И все же, это было метро, и идти здесь можно в полный рост. Вопрос лишь в том, верен ли мой расчет? Как далеко придется мне идти без света, не зная направления? Правда, что в одну, что в другую сторону должны находиться станции. Да, передвигаться вдоль путей было гораздо труднее, чем шагать пусть по узкой, но все же ровной трубе - тот, кто хоть однажды проделывал это, идя по шпалам, знает, как тяжело приспособиться к их неудобному для ног расстоянию, а тем более, делать это в кромешной темноте…

Я уже заработал несчетное количество синяков и шишек. Вновь порезал ладони об выступающие из стен штыри, где крепились кабели. В отличие от колодца, с которого я начал свой путь, здесь было уже не так тихо, как мне показалось в впервые минуты - пару раз я даже вроде как услышал какие-то звуки, а потом что-то похожее на крик. Остановившись, долго прислушивался, но он не повторился. Решив, что мне просто померещилось, я со вздохом направился далее - скоро, не выдержав угнетающей темноты, я и сам стану так кричать… Чтобы отвлечься, стал думать о том, что могло произойти там, наверху. Сейчас, вдали от того ужасающего кошмара, в котором я провел предыдущие часы, все казалось несколько нереальным, словно это произошло не со мной. Но избитое тело и мое нахождение в подземелье не давали повода усомниться, что это не плод моего

воображения… Сколько я шел? Час, два? Колея казалась нескончаемой. Мне не нравилось и другое - пыль, которой становилось все больше. Она забивалась в рот и мне, и без того мучившемуся от отсутствия воды, нестерпимо хотелось смочить горло хоть чем-нибудь.

Нога наступила вместо рельса на кусок породы. Остановившись, я сделал шаг назад, и - в который раз! - достал спички. Здесь произошел обвал. В одном месте, сдавленный и почти засыпанный, туннель еще позволял пробраться на противоположную сторону, и я полез, буквально кожей чувствуя, как над спиной нависают многотонные глыбы, способные прихлопнуть меня, как букашку. Лишь когда снова смог встать в полный рост - а для этого пришлось проползти около десяти метров - смог облегченно вздохнуть. Дальше путь был свободен, мне снова, пока еще везло…

Время от времени я присаживался отдохнуть. В такие минуты старался услышать голоса - ведь туннели метро нередко идут вплотную друг к другу. Вдруг как раз в этот момент где-то рядом проходят спасатели? Ведь под землей находились сотни тысяч людей, попавших в эту ловушку еще раньше, чем я. Их не могли бросить вот так, запросто, умирать без всякой надежды на спасение… Потом вспоминалось, как был сметен город, я угрюмо вставал и продолжал свое бесконечное передвижение по рельсам и шпалам. Какие спасатели? Что вообще могло остаться целым, после того как по городу прошлась эта чудовищная смесь из наводнения, огня и страшнейших толчков?

Иногда нога попадала в хлюпающую воду. Я наклонялся, захватывал ее ладонью и, смачивая лицо, выплескивал обратно. То, что здесь под ногами, пить нельзя… Она отвратительно воняла тухлыми яйцами - первый признак того, что она уже очень давно стоит так и гниет. Хорошо было и то, что таких мест оказывалось совсем немного - значит, тоннель пока еще не затоплен. Если ошибаюсь, мой путь ведет в никуда…

Часто проверял вторую сторону тоннеля - опасался, что не замечу, как пройду мимо платформы. И вот - сердце забилось в несколько раз сильнее - ладонь нащупала гладкую отшлифованную поверхность. Я внимательно проверил стену еще не потерявшими чувствительность пальцами, провел ими по еле заметным граням - скорее всего, это плитка, которой часто украшают станции метро. А значит… И тут мне

в голову пришла мысль. Раз это платформа - на ней неминуемо должны быть люди. Но я не слышал ни стонов, ни вздохов. Вообще ничего. А такого просто не могло быть! Я не верил, что все, кто оказался под землей, смогли бы так быстро отсюда убраться, скорее, наоборот - многие бы бросились именно сюда в поисках спасения от всего, что творилось наверху. Я повернулся, и, в два шага преодолев расстояние, отделяющее меня от другого края, уперся руками в холодную поверхность. Достав из кармана спички, чиркнул… и обречено присел на шпалу. По всей длине платформа наглухо закрыта большими, плотно пригнанными друг к другу стальными листами. Они были проклепаны на всем протяжении, и я сразу понял, что проникнуть сквозь них мне не удастся. Скорее всего, это одна из тез законсервированных станций, о которых так часто писалось в прессе и которых не так уж и мало под землей - предназначенных, вероятно, не для простых смертных… Видимо, слухи небеспочвенны. Приложив ухо к листам, я долго прислушивался - не идет ли, где-нибудь поезд? Но, похоже, моя злость оказалась несколько несвоевременной - подземные коммуникации явно повреждены так же сильно, как и наверху, и никакие поезда - ни обычные, ни специальные - пройти по ним уже не могли. А может быть, и хуже - их некому вести… Я подумал о диггерах - искателях приключений под землей. Вот кто, окажись в такой ситуации здесь, смог бы найти выход. Но, видимо, пути этих бродяг никогда не приводили сюда. Или, это место надежно защищено от проникновения, им подобных… Оставалось только удивляться, как это получилось у меня самого. Надеяться было не на что и не на кого. Отдохнув, я поднялся и упорно стал двигаться дальше. Все же положение не казалось совсем уж безнадежным. Если мне повезло вырваться из ада, бушующего наверху, хватило здравого смысла, чтобы оценить ситуацию и принять единственно верное решение, а не сидеть тупо на дне колодца - то так ли уж сложно будет отыскать выход и отсюда? Была бы еще вода… Есть мне совершенно не хотелось, но жажда мучила совсем уж невыносимо. Хоть я и не знал точно, сколько времени провел под землей, но полагал, что уже не менее десяти-двенадцати часов. И столько же, - если не больше! - провалялся без чувств, в самом начале этого полубезумного пути.

У метро - сотни выходов на поверхность. Я знал, что рано или поздно, но доберусь до платформы, с которой смогу подняться наружу.

Правда, что могло меня там ожидать? Я содрогнулся, припомнив, как спасался от кошмара, который начался в середине дня и продолжался, по-видимому, до сих пор. Странное дело, но здесь, на глубине нескольких десятков метров, казалось даже спокойнее. И тут меня, как ножом, кольнуло подозрение, в начале, не совсем ясное, а потом полностью оформившееся. Вода! Громадные ее массы не могли просто унестись за пределы города - что-то все равно должно попасть и сюда, в подземелья! И тогда… Я даже покрылся испариной, подумав, что она настигнет меня здесь, а я даже не смогу понять, что случилось, как напьюсь ею так сильно, что никакая жажда мне уже не будет грозить вообще никогда…

И тогда я рванулся, позабыв, что ничего не вижу. Меня вел инстинкт, а может быть, и еще что-то, чему я не мог найти определения. Я стал гораздо реже промахиваться ногой мимо рельса, а рукой, которой придерживался о стену, меньше натыкаться на острые концы оплетки проводов и креплений. Чтобы отвлечься, стал считать шаги, потом сбился, вновь стал считать… И бросил это занятие, так как оно отвлекало меня от того, чтобы просто, идти. Я прошагал так какое-то время, и стал подумывать, что направление, выбранное мною, не совсем уж и верно - не могли же станции находиться так далеко друг от друга? Мне казалось, что я иду уже не меньше четырех-пяти часов. А то и больше. Будь это на поверхности, даже два часа - это примерно шесть-семь километров по ровной дороге. Но, с другой стороны, не в темноте, и не по такой… Я решил идти дальше - возвращаться назад просто нестерпимо. Да и куда? Снова проверял другую сторону пути - но и там была все та же стена, с проводами и креплениями.

И вновь, как в первый раз, я вздрогнул от неожиданности. Рука провалилась в пустоту, и я едва не упал, ударившись грудью обо что-то. И опять возникшее чувство опасности удержало меня от последующего шага. Я замер, чиркнул спичкой и еле сдержал крик… Впереди пропасть. В скудном освещении невозможно было понять, как она глубока, но и его хватало, чтобы увидеть - в ней находится то, что осталось от идущего поезда и части платформы, где находились люди. Не было ни пожара, ни воды - только громадная яма, где лежали останки раздавленных пассажиров и придавленные большими камнями вагоны. Там были еще живые - я услышал стоны и вздохи, не

различимые мною ранее, пока я не встал у самого края провала. А за ним - та часть платформы, попасть на которую я бы уже не смог никоим образом. Для этого необходимо преодолеть пропасть. Но сделать это невозможно…

- Мм…

Я глухо взвыл. Стоять так близко к спасению - и опять оказаться обманутым! Плюнув на все опасения, достал клочки, которые нес на себе все дорогу, и разложил костер, чтобы осмотреться получше. Едкий чад и гарь горящего тряпья ударили в нос. Все верно… То, что я успел разглядеть, не оставляло надежды. Станция наполовину завалена, а провал не позволял проникнуть на вторую ее часть. Впрочем, попади я в нее, еще неизвестно, что бы мне это дало. Пробраться сквозь валуны и согнутые страшным давлением стальные опоры очень непросто… И удивительно, как при этом сохранилась сама колея, по которой я вышел к станции.

Что ж… иного выхода нет. Тоскливо посмотрев на пропасть и на платформу, я повернулся и зашагал прочь. Весь проделанный до сих пор путь оказался бессмыслен… И я не знал - хватит ли теперь у меня сил, чтобы его повторить заново. Ведь я находился под землей уже не меньше - а может и больше! - суток. Без еды, без воды, крайне ослабевший и покрытый множеством ноющих ран, которые нечем даже перевязать. Спину и ноги ломило от усталости, живот скручивало спазмами и пить хотелось так, что сейчас я бы не раздумывая, прильнул даже к самой гнилой воде. Что думает муравей, передвигающийся по своему муравейнику? Для него он столь же огромен, как это подземелье для меня. Но ему не нужны глаза - он знает свой муравейник, а вот я - нет. Был бы хоть свет... Я сорвал с себя рубашку, майку - все равно, становилось жарко и в них не имелось особенной нужды. При догорающем костре успел приметить обыкновенный зонт - видимо, его забросило сюда во время обвала с платформы. Тут же нашлись какие-то тряпки, и даже кожаный портфель. Я вытряхнул его содержимое, надеясь, что в нем окажется что-нибудь съедобное, а еще более того - пригодная для питья жидкость. Но в нем оказались только бумаги. Намотав на зонт ткань из разорванной майки, я долго подпаливал ее с помощью листков и кое-как добился того, что она загорелась. Факел вряд ли станет гореть долго - но для того, чтобы попытаться обойти платформу с другой

стороны, может и хватить. Ведь пути за станцией почти всегда имеют сквозные выходы друг на друга. Мое предположение оправдалось. Прежде чем факел угас, и я опять остался в кромешной тьме, заметил проход и рванулся туда, ведомый все еще не совсем пропавшей надеждой. В проходе нога сорвалась, и характерный всплеск возвестил, что на это раз я уж утолю свою жажду! Что это была за вода, что в ней находилось - мне было все равно. А напившись, я сразу услышал то, что заставило сразу обострить внимание.

Крики. Впрочем, криками они лишь казались. Это были стоны. Стоны раздавленных и искалеченных, не имеющих сил выбраться из-под завалов людей… Каким-то образом, я, все-таки, вышел к другой стороне станции - и здесь путь не преграждала такая ямина, перед которой я спасовал только что. Импровизированный факел догорал, когда я просто почувствовал, что передо мной преграда, и протянул руки вперед. Поезд. Протиснувшись мимо него, я сразу убедился, что цель достигнута. Этот край платформы остался на месте, мне оставалось только ее преодолеть, чтобы по лестницам эскалатора выйти наверх. Подтянувшись, я взобрался на нее и почти сразу наткнулся на тело… Я глубоко вздохнул, и, пересиливая себя, опять опустился на колени. Второй раз за сутки мне предстояло обыскивать труп - но иного выхода просто не приходило в голову. Спички кончились, факел угас, а у него мог оказаться коробок или зажигалка... А свет мне необходим, и именно на этом этапе. Ощупав его, я понял, что это мужчина, и мои надежды на удачу возросли. Не колеблясь более, стал рыскать по его карманам и - о радость! Пальцы наткнулись на миниатюрный фонарик. Руки задрожали, и я несколько секунд просидел в неподвижности, не решаясь его зажечь. Потом, проведя по высохшему небу языком, надавил кнопку…

Очень узкий, почти ничего не освещающий лучик уперся в мраморный пол, и глаза, успевшие отвыкнуть от света, сумели разглядеть все так, как если бы это был мощный прожектор.

У того, кто лежал передо мной, отсутствовала половина черепа. Вся поверхность платформы залита кровью, успевшей побуреть и покрыться усеявшей ее пылью. Я направил фонарик по сторонам. Всюду, куда достигал луч, виднелись большие куски камней. Порода, вывалившаяся со своих мест, оборванные крепежи, скрученное железо, сплошные завалы в которых торчали скрюченные в последней попытке

вырваться руки… Почти весь поезд, возле которого я оказался, был погребен под обрушившейся кровлей. Я направил фонарик вверх и увидел высокий, неровный свод, покрытый многочисленными змейками трещин. Достаточно малейшего толчка, чтобы сверху понеслась, сокрушая все, многотонная махина…

Хриплый крик вырвался откуда-то совсем рядом, и я, вздрогнув от неожиданности, осветил вагон. В нем не уцелело ни одно окно. Все выбиты, во многих застряли раздавленные тела. Чье-то безумное лицо вдруг выглянуло из ближайшего окна, и я чуть не выронил фонарик, когда его увидел. Он снова закричал, и его крик унесся вверх, отразившись несколько раз эхом от свода. Мгновенно, не осознавая еще зачем, я бросился от края платформы прочь и упал под уцелевшую колонну. И тотчас что-то ухнуло наверху, раздался грохот и шум падающих камней… Когда все стихло, я осветил поезд. То место, где находился безумец, теперь стало полностью закрыто упавшей с высоты породой, а вновь взметнувшаяся пыль не позволила рассмотреть подробнее. На ощупь - свет от фонарика мало помогал - я добрался до того края, где, по всем признакам, должен был находиться подъем. Если бы я не держался постоянно рукой за стену и не делал каждый шаг со всей возможной осторожностью - на этом мое путешествие закончилось... Вместо лестницы нога соскользнула в пустоту, я замер, отвел ее назад и присев, направил луч вниз. Передо мной вновь зияла яма, достаточно глубокая, чтобы преодолеть ее с наскока. На дне, вперемешку с обрывками механизмов, во множестве лежали людские тела. Видимо, они пытались убежать со станции и в темноте не увидели, как проваливаются в пропасть. Из ямы доносились стоны и хрипы. Но я не мог им помочь…

Света моего, более чем скромного фонарика, не хватало, чтобы рассмотреть все перед собой и по сторонам. Но, и по увиденному, я мог составить общую картину. Платформа вся завалена и практически уже не существовала. Надеяться, что где-то будет иначе, не приходилось. Мне предстояло выбираться здесь и нигде более - до другой станции я просто не смогу дойти. Да и не решусь, представив себе, что вновь придется идти изнуряющие километры в темноте, поминутно рискуя сломать ноги и шею. Мощные подвижки земной поверхности сказались и здесь. Результат - не выдержавшие колоссальной нагрузки стальные балки, рухнувшие вниз, а вместе с

ними и куски породы. Если кто и уцелел в первые минуты - они уже или выбрались отсюда, или попали в эту яму и теперь медленно умирали внизу… Старясь не слушать стонов, я повернул в другую сторону. Было невыносимо оставлять людей так, но у меня не имелось даже веревки, чтобы к ним спуститься, а если б и была - что это могло изменить? Нет ни бинтов, чтобы сделать перевязку, ни уколов, чтобы снять боль, ни просто сил, чтобы вытащить их оттуда…

Я мог лишь поражаться, что подобное не случилось со всем тоннелем. Будь такое везде - добраться сюда не смог даже хорошо экипированный отряд спасателей. А я вовсе не относил себя, к последним - хотя, имел подобный опыт в прошлом, пусть и кратковременный. Но все это было давно… Я осветил край, где должен начинаться подъем наверх. Жуткая маска смерти заставила меня сразу отвести лучик в сторону. Потом, поняв, что видеть подобное придется еще не раз, я вернул его обратно. Человек висел, нанизанный на какой-то штырь, словно насекомое. Наверно, он падал с высоты, а это говорило о том, что там, выше, все обстоит примерно так же, как и внизу. По лицу мертвеца было ясно, что он еще какое-то время понимал, что с ним случилось, прежде чем смерть окончательно не завладела его сознанием… Трупов хватало на всем протяжении платформы. Скорее всего, я попал на одну из центральных станций. Но, даже если и ошибся - рассмотреть что-либо более подробно у меня не имелось никакой возможности. Время, когда *Это* началось, пришлось на самую середину дня. Пусть, не час пик, но все же… Если то, что я видел только здесь, соответствовало тому, что могло происходить практически на каждой из многочисленных платформ метрополитена - то только на них, под землей погибших могло оказаться не менее миллиона… Плюс количество внезапно остановившихся поездов, в которых людей могло быть еще больше. Они, как и я, тоже должны искать выход, и то, что я не встретил никого, пока шел сюда, как-то не укладывалось у меня в голове. Может, того времени, которое я провалялся без сознания а потом потратил на то, чтобы спуститься в туннели метро, им хватило, чтобы выйти наружу? К тому кладбищу, в которое превратился город наверху, добавилось и это, очень мало ему уступающее по численности погибших. И еще неизвестно, где страшнее…

На время, погасив фонарь, я стал принимать решение. Как же выбраться отсюда? У станции обязательно есть второй выход – но, остался ли он свободен? Смогу ли я по нему вылезти наверх? Чтобы узнать ответ, мне предстояло пробраться по платформе на расстояние около ста или более метров, сквозь угрожающие завалы, практически по телам. И в любую секунду сверху могут упасть камни. Или же - искать другую станцию метро. И то и другое повергало меня в трепет - сколько же можно участвовать в этом марафоне? И там, и там - почти тупик. Гримаса судьбы, неоднократно дающая мне шанс и так же часто отбирающая его обратно… В трудные минуты во многих людях появляется что-то, что делает их жесткими и твердыми, словно стержень. И это помогает им преодолевать в первую очередь самих себя. Других же - гнет и ломает… Наверное, я все-таки был ближе к первым, хотя сам себя не считал сделанным из камня. Я прошептал:

- Я все равно вырвусь! Все равно!

Я так долго молчал, что от звука собственного голоса вздрогнул - вдруг, кто отзовется? Но в ответ раздавались лишь стоны, глухие и мучительные…

Итак, оставалось два пути. Или здесь, каким-то образом преодолев эту яму. Или там - куда еще предстояло добраться. Не могло же быть так, что такая же яма ждет меня и возле второго выхода. Случись такое - это уже станет совсем издевкой, усмешкой над всеми моими стремлениями к свободе, словно я был мышкой, с которой кто-то забавляется и заставляет ее метаться по бесконечному лабиринту. Но я не мышь! Я человек!

Ответом послужило молчание - я и не заметил, как произнес свои мысли вслух. Пыль, поднявшаяся при падении породы, густо усеяла и мое тело. Теперь, без одежды, я сразу стал замечать все острые грани камней. Приходилось чаще просто ползти и протискиваться сквозь загромождения из упавших перекрытий и валунов. Я то спускался по ним, то вновь поднимался, опять полз - и, сосредоточившись на том, чтобы достичь выхода, не заметил, как приблизился к нему вплотную.

Я осветил фонариком эскалатор и замер в полном отчаянии. Выход здесь еще более недоступен, чем первый. Похоже, эта часть станции как раз оказалась на пути той ужасной воздушной волны, возникшей вслед за ощущением нестерпимой головной боли. И в итоге, чуть ли не до самого низа эскалатора, подъем оказался наглухо

забит всем, что ветер смог поднять и швырнуть сюда с сумасшедшей силой. Я увидел даже скрученную в штопор машину, сплющенный киоск, несколько чугунных скамеек… натуральная пробка, густо нашпигованная человеческими телами. Пробраться сквозь эту мешанину, просто нереально. Оставалось только возвращаться обратно, к яме, и уже там думать, как ее преодолеть. Приходилось быть очень осторожным, постоянно опасаясь, что любое мое движение может повлечь за собой падение камней. Что касается порезов - я уже просто не обращал на них внимания, хотя по наступающей слабости понимал, что потерял немало крови…

Нога попала во что-то мягкое, и из-под нее послышался стон. Какой-то несчастный лежал на животе, лицом вниз. Одна рука у него была сломана и наружу торчала голая кость. Ноги человека завалены грудой камней. Я посветил ему на голову. Он больше не стонал, но по плотно сжатым губам я заметил, что он все еще в сознании. Луч осветил массивную крепь, придавившую всю груду камней, под которой он находился. В одиночку, какой бы силой я ни обладал, сдвинуть ее в сторону невозможно. Он это сразу понял, потому что с его губ сорвался еще один стон. Может, он хотел что-то сказать, но сил для этого уже не оказалось…

Оглядевшись вокруг - насколько хватало этого скудного света начавшего тускнеть фонаря - я увидел, что ко мне со всех сторон тянутся руки. Вначале, я отшатнулся, подумав, что сейчас они все вцепятся в меня и уже не отпустят, но потом опомнился. Большинство давно мертвы, а если кто еще и дышал - не мог ни видеть, ни понимать. Все они безнадежны - я не могу вытащить ни одного. Изувеченные тела, переломанные конечности, раздробленные головы - даже этого света хватало, чтобы увидеть, что довелось им испытать в последние минуты. У кого-то глаза вздрогнули и открылись - они молили о помощи, или хотя бы о том, чтобы я прекратил муки их владельца. Но тогда я еще не мог убить человека… Даже для того, чтобы избавить его от невыносимых страданий. Глаза это поняли - говорить он уже не мог, так как все лицо человека буквально раскрошено и залито кровью - и медленно закрылись. Стиснув зубы, я стал молча выбираться отсюда - к своей, все еще такой далекой цели. К горлу подступал непрошеный ком - я не мог не сочувствовать им, вынужденным ждать своего конца, вдали от родных, и в полном

неведении того, что с ними случилось. Но я и сам был недалеко от того, чтобы оказаться в том же положении. Пару раз нога срывалась в дыры, и я едва успевал застыть на месте, чтобы не сломать ее в самый неподходящий для этого момент. Стронутая неосторожным движением, стальная балка накренилась и проскользнула мимо головы - я чудом успел наклониться, она с грохотом ударила в стену, вызвав новую серию обвалов. Я уже не различал, по чему, а может – и по кому, иду… Снова какое-то отупение овладело мною - как защитная пленка, сквозь которую уже ничто не могло проникнуть. Но судьбе было мало того, что я уже видел - и она преподнесла мне на прощание эпизод, забыть который стало невозможно…

Мне показалось, что я заблудился и ползу в обратном направлении - а это было вполне возможно среди такого нагромождения. Метнулся в одну сторону, другую - и рука, искавшая опоры, уперлась в чье-то тело. От неожиданности я отдернул ее назад, а потом, придвинувшись поближе, направил луч фонаря перед собой. Впереди находилась девочка, примерно десяти, может, двенадцати лет. Она лежала на спине, с закрытыми глазами. Осветив ее полностью, я понял, что она тоже навсегда останется в подземелье - ее живот полностью разворочен металлическим штырем, а ступни на одной ноге вообще нет - ее оторвало. Обе руки она сложила на животе - боль, которую испытывала, должна быть невыносимой… Я коснулся ее потемневшего лица - жалость на минуту заставила меня позабыть, что нужно спешить, чтобы не оказаться лежащим рядом и том же положении. Машинально смахнул пыль с ее губ - и она раскрыла их, отчего я задрожал всем телом…

- Папа…

Я остолбенел. Она так и не открыла глаза - а если бы смогла, я бы, наверное, закричал…

- Ты... Здесь?

- Да! Да! Я здесь! - я вдруг понял, что не должен ее сейчас разочаровывать - в миг ее последней надежды. На измученном лице появилось жалкое подобие улыбки…

- Ты... со мной?

- Да! Я с тобой! Я вытащу тебя, и все будет хорошо! Только потерпи еще немного

- Да. Я потерплю…

У нее шевельнулись пальцы, и я взял их в свою ладонь. Они полностью утонули в ней, такие маленькие и холодные… Через секунду она умерла. Не было ни последнего вздоха, ни слова. Она даже не дернулась. Так, словно вдруг разом остановились часы. Шли, шли, и сразу, без предупреждения… и все.

Я глухо застонал. Мне уже столько раз приходилось видеть смерть за прошедшие часы, во всех ее обличьях, но гибель ребенка, кажется, оказалась непереносима… Я стал уползать - и вовремя. Валун, до того державшийся неизвестно на чем, сполз и прикрыл собой и тело девочки, и то место, где я только что был. Теперь, уже не стыдясь, и не смущаясь, обыскивал карманы попадавшихся трупов - там могли оказаться спички. А свет фонарика становился все тусклее и тусклее. И остаться без него в самый ответственный момент просто нелепо. Когда я наконец-то дополз до ямы, то был вымотан так, словно преодолел длиннейшую дистанцию. Даже идти по рельсам оказалось легче, чем пробираться сквозь завалы на платформе. Сказывалось все - и сумасшедший бег на поверхности, и многочасовое нахождение под землей. Силы мои не могли быть безграничны, и я с удивлением подумал, что такой выносливостью просто не мог обладать… а они еще были! Но расслабляться еще рано - яма находилась передо мною, и теперь нужно решить, как ее преодолеть и не присоединиться к лежащим, на дне.

Нервное напряжение стало не меньшим, чем физическая усталость. Находится рядом на пути к спасению и не иметь возможности на него стать - это слишком. Соорудить мост не из чего - хотя поблизости хватало всяческого хлама и железа, но я просто не сумел бы им воспользоваться. Прыгнуть - почти что безрассудство. Я прислонился спиной к колонне - одной из немногих, выдержавших обвал и всесокрушающую силу давления. Ничего путного на ум не приходило, а делать что-то нужно - опять знакомое уже чувство стало подсказывать, что поторопиться необходимо… Я высветил противоположную сторону - до того края, где остались оборванные металлические ступени и свисающий вниз конец резинового поручня, вприглядку, по меньшей мере, четыре метра. Перепрыгнуть их - без разбега! - для этого нужно иметь такую физическую форму, какой я не мог похвастаться и в лучшие времена. Я вновь застонал - вынести столько всего, и теперь встать перед преградой почти на самом выходе

из подземелья. И тогда я стал собирать все, что только могло гореть - чтобы осветить и яму, и второй ее край как можно лучше. Изматывающая беспрерывная гонка, более чем суточное блуждание впотьмах, жажда - все это доконало меня, и я в полной прострации сел на камни, даже не думая о том, что находится на открытом месте опасно. Через минуту я забылся дерганым нервным сном

В чувство меня привел какой-то зловещий звук. Очень знакомый и неприятный. В угольной шахте нашими спутниками частенько бывали крысы. Вот и сейчас, едва я направил фонарик, как его свет отразился во многих словно рассыпанных вокруг бусинках. Луч отражался в глазах серых тварей, усеявших практически весь край платформы. Их становилось все больше и больше. И тогда я вспомнил еще одну, третью заповедь горняка - что крысы, или мыши, которые в изобилии живут в рудниках, всегда стремятся к поверхности, если чувствуют опасность для своей жизни. Это могло быть что угодно - бушующий где-то пожар, газ, но, чаще всего - я сразу похолодел - вода… Я вскочил и зажег подготовленный заранее костер, который соорудил из обрывков ткани и неведомо как попавших сюда деревянных обломков. Неровное пляшущее пламя отбрасывало тени, и при его свете я увидел, что полчища крыс скоро полностью заполонят все подземелье. Они мелькали у меня под ногами и некоторые даже стали цепляться за штаны, вставать на задние лапки и пытаться подняться по мне повыше. Но главное - я увидел торчащий обрывок кабеля на той стороне. Если мне удастся за него ухватиться - я могу попытаться совершить невозможное! И шальная мысль уже не покидала… Тщательно натер руки пылью, засунул фонарик в карман, чтобы он не мешал, и отошел от края настолько, насколько это было реально. Несколько раз собирался… и не решался, страшась упасть вниз. И все-таки, преодолевая свой страх, прыгнул! Ухватился чуть ли не за самый кончик кабеля и больно ударился о породу. Кабель выдержал. Подтягиваясь на руках, упираясь носками ботинок в уступы, я выбрался на тот край провала.

Почти сразу, после того, как я подтянулся наверх и отполз от края подальше, послышался далекий смутный гул. Крысы, которые бегали на той стороне, как по команде остановились, а потом раздался такой отчаянный писк, что я невольно сделал несколько шагов от края, догадываясь, что это неспроста… Самые смелые из них попытались

перебраться ко мне вдоль стены. Почти все они сорвались вниз, не удержавшись на отвесной поверхности. Гул нарастал с каждой секундой. Одной из крыс удалось проползти по еле заметным выступам, и она большими скачками понеслась вверх по лестнице. Я бросился следом, уже понимая, что этот надвигающийся шум ничего хорошего не сулит… Возможно, это была одна из самых глубоких станций - таким долгим мне показался подъем. Приходилось держать фонарик, а свободной рукой хвататься за все, что могло мне облегчить стремление поскорее убраться отсюда. На эскалаторе все тоже было изломано и искорежено, а во многих местах ступеней не имелось вовсе - они упали вниз, и на их месте зияли темные отверстия. Я полз, прыгал, подтягивался - а снизу меня подстегивал тот жуткий гул, в причине которого уже не оставалось никаких сомнений. Писк, доносившийся снизу, стал совсем уж пронзительным. Лишь на мгновенье я остановился, чтобы посмотреть назад. Что-то темное, бесформенное стало наполнять собой впадину, через которую мне удалось перескочить. И сразу сотни маленьких теней стали прыгать в нее, словно обезумевшие… Некоторым удалось преодолеть препятствие, и они стали рваться наверх, очень быстро догнав меня и продираясь там, где я, со своими размерами, пройти уже не мог. Приходилось перебираться с одного эскалатора на другой, наступать на что-то, очень похожее на человеческие тела. Один раз рядом раздался стон и я, не подумав, что делаю, протянул руку. В нее, как клешнями, вцепился кто-то, и я сразу рванул руку обратно. Человек сорвался, и я увидел, как он, кувыркаясь, летит вниз, прямо к стремительно приближающейся массе… Заорав от испуга, я дернулся прочь. Фонарик, ударившись обо что-то, разбился, оставив меня в полной темноте. Но почти сразу глаза различили узкую полоску света впереди - до выхода оставалось совсем немного! Еще несколько безумных прыжков по ступеням - и я с размаху врезался головой во что-то, оказавшееся плоской плитой. Она полностью перегораживала выход, и только в одном месте, извернувшись, можно было проскользнуть наружу. Как в исступлении, расшвыривая все, что попадалось мне под руки, я разобрал лаз, и, окончательно разодрав кожу в лохмотья, выполз наружу…

Здесь все было завалено. Ни одна стена в том доме, где находился выход из подземелья, не уцелела. Только в одном месте, именно там,

где я выбрался наверх, упавшие перекрытия и плиты сложились так, что между ними, хоть и с трудом, но можно было протиснуться… На какое-то время я ослеп. Глаза, привыкшие к темноте, воспринимали все как сквозь призму, придавая всему расплывчатые очертания. Снизу послышался шум. Я заглянул обратно и увидел мутную, несущую всякий мусор воду. Значит, река прорвалась в метро… И только отпрянув от отверстия, я осознал, что спасся. Это было невозможно, это было вопреки всему - но это было именно так! Я остался жив среди ужаса, который неистовствовал и на поверхности земли, и в ее недрах.

Зрение опять стало откалывать странные шутки - я видел все словно сквозь грязное стекло, будто на зрачки попала и не хочет отклеиваться мельчайшая сетка, превращающая все увиденное в жуткую мозаику... Еще не привыкнув к свету, я поднялся на ближайшее возвышение, образовавшееся от падения нескольких домов, и упал на колени, на самой вершине, еле сдерживаясь, чтобы не закричать…

Повсюду, до самого горизонта, виднелись разрушенные остовы и руины зданий, горы перемешанного и битого кирпича, куски бетона, асфальта, обгоревшие остатки машин, столбы, провода, стекла, домашние вещи… По сути - одна бесконечная свалка, на которой в тысячи бесформенных куч было сброшено все. А изувеченные и непонятно от чего оставшиеся конструкции напоминали переломанные кости. Но были и кости… То тут, то там взгляд натыкался на останки тех, кто еще вчера жил в этих домах и ходил по этим улицам. Небо, казалось, нависло над самой поверхностью земли и стало неотличимо от нее - такое же темное, мрачное и светящееся сполохами и отблесками близких и далеких огней. В воздухе носились, оседая, пыль и пепел, покрывая бурые пятна крови. Эта картина виднелась повсюду, начинаясь от моих ног и продолжаясь настолько далеко, насколько хватало зрения. Повсюду - пожары, клубы дыма и огня, кое-где - отвесно стоявшие стены, которые вообще непонятно как смогли удержаться, когда все здание сложилось рядом, образовав собой громадный, могильный холм. Везде одни лишь руины. Автомашины, сгоревшие совсем или частично, рухнувшие пролеты моста, по которому шли поезда. Поезд, над которым все еще стоял густой столб дыма - горело топливо в цистернах, и по всей вероятности, должен был

раздаться взрыв. Пара катеров - как их могло забросить сюда? Вероятно, страшная волна подхватила их и швырнула на центр города, разломав при этом надвое и завалив обломками зданий. Повсюду - трупы: обгоревшие, раздавленные, изуродованные. Оторванные руки и ноги, разбитые головы… Все перемешано с грязью, пеплом, землей.

Мне внезапно стало плохо. Я опустился на плиту, возле которой стоял, и схватился за грудь. Сердце стало давать сбои, видя всю эту картину страшного разрушения и гибели. Над руинами кружил ветер, не столь сильный, как тот, который возник во время катастрофы, но достаточный, чтобы гонять пепел и пыль над остатками города во всех направлениях. Он принес первые капли, холодные и вязкие, которые привели меня в чувство. Дождь казался не совсем обычным - в нем присутствовало что-то такое, что заставило меня, собрав последние силы, искать укрытие. По голому торсу стекали грязные капли - я видел, что весь покрыт чем-то вязким и скользким. И теперь вода смывала это с меня. Но и сами капли не были чистыми - я собрал их и не смог рассмотреть кожу на ладонях. Сверху падало что-то очень похожее на разведенную в воде сажу и песок одновременно… От сгрудившихся цистерн ухнул взрыв - в небо взметнулся большой столб огня. Черная туча смешалась с множеством других подобных, висевших над всем городом. Я протиснулся обратно, под плиты, из-под которых выбрался - дождь становился все сильнее, и мне вовсе не хотелось оставаться под ним надолго. Стало сразу очень холодно - я подумал, что раздет не в самый подходящий для этого сезон, и поискал глазами, что-нибудь, что можно на себя накинуть.

…А потом вдруг понял - да, я спасся! Я остался жив, вынеся при этом нечеловеческие испытания, уцелел почти без потерь - полученные раны несерьезны, по сравнению с тем, что я видел на других. Но я так же осознал иное - таких, как я, осталось мало. Очень мало. Так мало, что, возможно, их нет совсем. Ни одного живого человека за то короткое время, какое потратил, осматривая город, я не увидел…

Глава 3 Мертвый город

Глава 3

Мертвый город

Это навязчивое и странное ощущение - знать, что под ногами лежат миллионы трупов… Странное и страшное. Хотя, очень частые встречи с "ними", ничего, кроме чувства горечи и настороженности,не вызывают. Правда, не совсем честно умолчать о брезгливости - трупы начали разлагаться. Не помогал и холод. Хоть при дыхании пар шел изо рта, но и он, казалось, был пропитан этими миазмами. Воздух в городе, и без того, далеко не чистый, ощутимо отяжелел, стал сладковатым и угнетающим - так всегда пахнет в домах, где лежит покойник. К тому же, песок носился, почти не оседая и постоянно попадая в рот. В первые дни он скрипел у меня на зубах постоянно, пока я не догадался соорудить повязку из тряпья и теперь носил ее, как защитную маску. А в целом… если думать об этом постоянно, можно сойти с ума. Наверное, я тогда просто разучился сострадать. Я видел, что от "них" осталось, бродил по холмам, сливающимся с небом, и даже не ужасался произошедшему. Я перестал на "них" реагировать, хотя раньше только крайняя необходимость могла заставить меня подойти к трупу. Бессчетное количество погибших в городе как-то сделало все не столь трагичным, каким оно являлось на самом деле. Может быть, я острее воспринимал смерть одного, чем миллионов… Не отчаяние - какая-то необъяснимая тупость, будто наружу выползла непроницаемая оболочка, сквозь которую невозможно достучаться. Не впади я в это состояние - упал бы, наверное, на землю, и стал грызть ее зубами от безысходной тоски. А так… Все, что я видел, словно проходило мимо. Пропал и растворился страх. Я был один, на изувеченной катастрофой земле, посередине враждебного и изменившегося мира - и не боялся. Страх атрофировался настолько, что я чуть ли не бездумно мог залезть туда, где малейшее неосторожное движение могло вызвать новую серию обвалов, а следствие - остаться там навсегда, без всякой надежды на избавление. И не то что бы я совсем уж ничего не опасался - но не боялся смерти. Она настолько часто являлась мне, что я перестал ее видеть. Три или

четыре раза я чуть не покончил со всем - оставалось сделать лишь один шаг, и пылающая бездна приняла меня в свои объятия. Таких мест хватало среди руин. Провалы зияли либо темнотой и холодом, или жаром огня, бушующего внизу. Там, под останками города шла работа, не та, которая была придумана людьми, а вечная, начавшаяся еще задолго до их появления. Возможно, там ковался еще один катаклизм, и я бы не удивился, взлети эти останки в поднебесье при очередном чудовищном взрыве. Сердце билось спокойно, эмоций - ноль, все воспринималось как через толстую, бесстрастную, равнодушную ко всему корку. Пройти мимо мертвого тела, пусть даже детского - почти то же, что и возле кучи песка. Только глаза механически отслеживали, есть ли смысл подойти и, чем-нибудь, поживиться, или забыть об этом, как я уже забыл, про всех, увиденных мною ранее. Возможно, это был шок. Защитная реакция, которая заставляла меня все делать механически и не допускать ни единой мысли, не посвященной самосохранению. Теперь я стал способен бродить среди мертвецов, и уже не пугался ни скрюченных рук, ни оторванных голов. А уснув практически среди трупов, а возможно, что и на трупах, когда поднялся из затопленной станции метро, и вовсе перестал на них реагировать. Наткнувшись на тело почти целиком заваленного землей мужчины, я снял с него ремень, и, обнаружив, что в кармане фляжку с коньяком - забрал и ее. Мародером себя не чувствовал - погибшему это уже ни к чему. А следовать устоявшимся правилам - не те условия… Я искал что-нибудь съестное, мельком осматривал погибших - требовалась подходящая одежда и обувь. Мои сапоги-ботинки, после блужданий в метро и скитаний по руинам, практически развалились. К тому же - холодно. Натянутая после выхода наверх чья-то легкая курточка едва грела, и я долго выбирал, на что ее поменять. А найти ей замену в тех условиях, в которых я оказался, оказалось далеко не так просто, как думал вначале. Где-то я подхватил измазанную грязью и кровью шубу, обрезал ей полы обломком стекла, и, вывернув мехом вовнутрь, напялил на себя, став похожим на карикатуру. Но мне было все равно… Перепоясанная обрывком провода, она согревала тело, а большего и не требовалось. Голой оставались только голова и запястья - но надевать на себя чужую шапку я почему-то не решался… Что касается перчаток, то они мне

просто не попадались. Иной раз мелькала мысль - почему бы всему этому, не случиться летом? Полный бред…

Я бродил среди развалин уже с пару недель. Точно сказать невозможно - сознание не зафиксировало время, если считать с самого начала - с появления громадной подземной волны, бегства, падения и блуждания во тьме. Есть хотелось постоянно, так как найти еду было трудно. Зато с водой - почти без проблем. Подходишь к луже, набираешь воду, во что-нибудь вроде бутылки, а потом процеживаешь через несколько слоев тряпья. Если хватает терпения - ждешь, пока она отстоится. В такой воде, запросто могла находиться, какая-нибудь, дрянь, но найти чистый источник невозможно. Что ж, если бы я подхватил заразу - винить некого. Но и лечить - некому…

Собственно, особо жаловаться не стоило. Я жив - а миллионы моих сограждан уже не нуждались ни в одежде, ни в еде… Руки-ноги целы, особо глубоких ран нет, а полученные - они хоть и не заживали так быстро, как мне хотелось, но и не досаждали. На теле живого места не много, но все - порезы, синяки, ушибы. Ничего серьезного. Более всего пострадали руки - и я добавлял к уже имеющимся ранам новые, копаясь в том хламе, в который превратился город, в поисках нужных вещей. Первой и самой заветной мечтой стало найти кусок хлеба. Живот сводило от голода, и поначалу я вообще ничего не замечал, полностью поглощенный только этим. Случайно попавшийся кусок смолы, которой заливают крыши, я положил в рот и жевал его так долго, что свело скулы. Да еще едва удержался от того, чтобы его не проглотить. Человек - существо всеядное. Достаточно только дать ему поголодать пару недель, и он полностью лишится брезгливости. А из самого убежденного вегетарианца получится чуть ли не каннибал… Да все, что угодно, может получиться из того, кто постоянно, отчаянно хочет есть! Попадись мне крыса - я и ее, сожрал бы с потрохами! Но даже крыс не оказалось там, где я проходил. Очень редко я успевал увидеть, как одна или две знакомые тени мелькали среди всеобщего хаоса - и сразу скрывались под завалами. Если бы я тогда увидел, как кто-нибудь выкидывает кусок хлеба - мог убить не задумываясь. Организм требовал еды, и мысль об этом вытеснила все. Сколько я переворошил куч, сколько перерыл попадающихся мне рваных сумок. Когда я наткнулся на то, что меня спасло, то со мной чуть не случился удар! Под ногами хлюпали лужицы, ветер продолжал нести мокрую

смесь пепла и песка, а я, укрываясь от его порывов, в который раз осматривал все, в надежде найти, хоть что-нибудь… Зрение, обострившееся до предела, выделило в грязи потерявшую форму и цвет сумку. Я несся к ней, не разбирая дороги, не зная, что в ней находится. Как я смог ее увидеть во всем этом хламе - осталось неразрешимой загадкой. Только впоследствии, прожив немало времени рядом с Угаром, и повстречавшись с необъяснимыми способностями Нелюдей, я понял, что и сам стал очень близок к тому, чтобы полностью потерять человеческий облик, получив взамен поистине звериные способности. И как мне повезло, что я остался человеком! Я буквально упал возле сумки и стал рвать ее руками, стремясь поскорее добраться до содержимого. Внутри обнаружились два батона, полусырых и начавших покрываться плесенью, несколько банок консервов и осколки от бутылки с молоком. Здравого смысла, чтобы остановится и не прекратить запихивать себе в рот громадные куски, уже не хватало - один только инстинкт смог остановить меня жестким предупреждением - "Нельзя! Отравишься! С голода нельзя много есть!". Рука сама собой лезла за пазуху, куда я все распихал, и отщипывала по кусочку. Что с того, что вкус хлеба уже не соответствовал тому, какой он должен быть? Он казался слаще меда… Где-то рядом должна находиться и хозяйка этих сокровищ - может быть, даже под этой кучей земли. Окидывая диким взглядом все вокруг, я вдруг заметил какое-то шевеление и замер, почуяв, что уже не один… После еды хотелось пить, и я, достав заученным движением бутылку, притронулся к ней губами. Чья-то темная тень мелькнула в камнях и я, подскочив, метнул туда булыжник. Последующий визг и шипение подсказали, что он попал по назначению. Я быстрыми прыжками приблизился, чтобы рассмотреть, что же это было. Загребая землю лапами, извиваясь и корчась, там лежала кошка. Худая, грязная, в подпалинах и оборванным хвостом. Она снова зашипела при моем приближении и бессильно уронила голову - камень перебил ей позвоночник. Это была добыча, мясо, вкус которого я уже стал забывать… И это было живое существо, в чьем не менее диком, нежели у меня, взгляде, я увидел такую же жажду жить… Я приподнял ее тельце, поразившись его почти полной невесомости. Кошка еще раз зарычала, попыталась шевельнуть лапкой, чтобы меня оцарапать, и обвисла. Жизнь еще теплилась в ней, но я догадывался, что это

ненадолго. Она издохла через пару часов после нашей встречи, и все это время я сидел рядом, ничего не предпринимая и уже не радуясь тому, что сделал. Это было первое живое создание, встреченное мною за столько дней скитаний, и это я превратил его, в мертвое... Что-то надломилось во мне, стронув образовавшуюся корку. Впервые после долгого перерыва мне стало кого-то жаль… А потом я ее ободрал и съел. Чуть ли не сырую - не мог дождаться, пока выбивающийся из-под земли огонь превратит крохотную тушку в нечто съедобное...

На том, что сейчас должно было именоваться небом, натянуло все более темнеющую тучу. Очень быстро сверху стал накрапывать тягучей смесью, оставляющей на лице и ладонях влажные и маслянистые следы, дождь. Я поискал глазами укрытие. Окажись это обычный дождь - он не представлял бы особой опасности. Но за эти дни я привык не доверять тому, что постоянно валилось с неба. В вязких, липких каплях могло оказаться все, что угодно. Оставив разодранные и полусырые куски там, где они лежали, я перешел под навес из плит. Спички, найденные уже в карманах мертвецов здесь, наверху, закончились, а найти их оказалось почти так же сложно, как и в метро. Огонь, подобный тому, где я жарил кошку, попадался редко - греться приходилось собственным теплом. Начнись сейчас настоящие морозы - холод покончил бы со мной быстрее голода. Но их не было. А ветер, пронизывающий и стылый, не мог достать меня в ямах и щелях, где я укрывался.

Что-то произошло, что заставило меня поднять голову и отвлечься от своих мыслей. Шкура с клочками мяса кошки, двигалась… Я широко раскрыл глаза и в следующую секунду подскочил, не веря тому, что вижу. Шкурка дернулась пару раз, и словно ушла под землю, а среди камней я заметил мелькнувший толстый хвост землистого оттенка… и все бы ничего, если не размер! Хвост зверя, утащившего остатки моей добычи, чуть ли не с мою руку! Я сглотнул - каких же размеров должна оказаться сама тварь, что с такой легкостью унесла тушку? И, если это крыса - в чем я сильно сомневался! - то она должна быть как минимум вчетверо, а то и более, крупнее своих обычных сородичей! Вот в чем разгадка того, что трупы людей, лежащие на поверхности, столь часто попадались мне истерзанные так, что это не могло стать только результатом бешенства стихии… Я насторожился. Крыса таких габаритов - это опасно и для меня самого. Крыса ли?

Одна ли? До сих пор я без особой опаски бродил везде, сторонясь только неприятных сюрпризов, вроде скрытых ям и горячих фонтанов. Похоже, что к ним присоединился еще один враг - не менее опасный. Ведь стая таких созданий сможет разорвать меня быстрее, чем я успею опомниться.

Оружие! Вот что мне нужно! Отбросив несколько не совсем подходящих для этого предметов, я остановился на железной трубе, найденной на ближайшем холме, в вывороченной наизнанку земле. Длина ее около полутора метров, а ширина в обхвате - чуть меньше, чем черенок у лопаты. Пользоваться ею я предполагал как дубиной, что при весе трубы оказалось достаточно удобно. Но мне захотелось придать ей еще более грозную форму, и я расплющил один конец большим валуном, отчего он стал напоминать обломанное копье. Может быть, его следовало отпилить, чтобы придать вид острия, но и это я посчитал достаточным. По крайней мере, после того, как взмахнул им над головой и услышал резкий свист рассекаемого воздуха, уверенности сразу прибавилось. Оно бы вполне помогло при встрече даже с настоящим врагом - волком, или целой стаей собак, и уж для крыс годилось вполне. Но настоящих хищников я не опасался. Зоопарк в городе правда, имелся, но сумели ли его обитатели уцелеть? Как и все, что находилось рядом. Хотя кто знает… Им, с их звериным чутьем и привычками, выжить проще, чем людям.

Вскоре мне повезло найти сгоревший ларек - содержимое, пусть почти полностью уничтожено, но среди грязи и пепла я откопал несколько заветных буханок, которые добавились к уже имеющимся у меня батонам. Вернее - одному, так как первый я съел в первый же вечер. Это не решало проблемы, но отодвигало ее на неопределенный срок. И я понимал, что решать ее надо быстро - находить, что-либо, с каждым днем становилось все труднее и труднее. Какой придурок придумал, что есть на ночь вредно? Найденная мной сумка теперь болталась на плечах, и я стремился наполнить ее всем, что годилось в пищу. Уснуть, не прожевав чего-нибудь на ночь, почему-то очень и очень непросто…

Показалось, что второй по значимости, находкой, стал мобильный телефон. Мне представлялось, что по нему я свяжусь с остальным миром, и тогда все изменится. Но едва мое желание осуществилось - я в сердцах закинул его подальше. Какая связь? В трубке не возникало

даже шипения - полная тишина. До меня мгновенно дошло, что если разрушен сам город, то и все поддерживающие его коммуникации тоже не станут работать. А если сметена и вся страна?.. И вообще, в этом, полуреальном мире, была только одна, допустимая связь - с самим собой.

Хоть я и стал во многом похож на зомби, но все же фиксировал все, что находилось вокруг. Больше всего поразило отсутствие ночи. Ее просто не было - я это понял, когда прошагал по руинам не менее двадцати часов кряду и не увидел заметных изменений в освещении. Становилось лишь самую малость темнее, и все. С небом происходило что-то неладное. Даже скорее с тем, что теперь там было вместо него. Сколько я ни вглядывался наверх - там уже не замечалось привычного оттенка синевы. Да не только - синевы. Собственно, неба не было. Вообще. Наверху что-то жило собственной жизнью. Это облака или тучи, очень густые, плотные, мрачно сгрудившиеся над останками города. Тучи находились не там, где они должны были быть. Очень низко - сто, пятьдесят метров. Или десять. Когда изредка попадались уцелевшие здания - я не мог увидеть крыш, они пропадали в этой черноте… Какая-то взвесь из сырости и грязи висела прямо над головой. Казалось, протяни руку, и до нее можно дотронуться. Небо очень походило на громадную медузу, сбросившую щупальца вниз и теперь касающуюся ими земли. Дождь не дождь, снег не снег - время от времени начинала падать хлопьевидная слизь, и тогда я сразу старался спрятаться под ближайшим укрытием. Всеми поджилками чувствовал в этих хлопьях что-то такое, чего следовало опасаться. А когда заметил, как под ними начинает расползаться чье-то мертвое тело, убедился в том, что мои подозрения не так уж и безосновательны.

К тому же - еще ничего не кончилось. Время от времени земля опять начинала вздрагивать. Правда, это происходило не так сильно, как в Тот день. Прорывались, словно лопнувшие гнойники, фонтанчики то жидкой грязи, то газа, вырывающегося из глубин. Почти всегда он начинал взрываться и обрушивать все, что находилось рядом. На моих глазах после толчка, сбившего меня с ног, в раскрывшуюся трещину улетел покореженный остов автобуса… Через весь город протянулся длинный каньон, и однажды, я стал свидетелем, как в него сползло здание, каким-то чудом выдержавшее ранее натиск

огня и землетрясения. Устоять на самом краю провала оно уже не смогло. Обходить трещину я не пытался - другой ее край казался еще более зловещим, чем та местность, где я находился.

Почему-то я не замечал переход дня в ночь. Сказать, что оставался один постоянный день, тоже нельзя. Более всего это походило на бесконечные сумерки. Видимость ограничивалась расстоянием в пару сотен метров - не больше, если не меньше. Далее все начинало сливаться в темную, прорезаемую частыми молниями массу. А то, что оставалось доступно взору - кладбище. Город представлял собой сплошное месиво. Все уничтожено, сметено с лица земли. Впечатление такое, словно по нему прошлись невероятно огромным плугом. Груды всего, что раньше составляло единое целое, а теперь стало только обрывками и обломками, завалами и холмами. Сама земля деформировалась и превратилась в горы и холмы, впадины и ямы, по которым совершенно невозможно представить, что тут находилось раньше. Там, где я предполагал увидеть озеро, сооруженное в городском парке - чуть ли не сопка, усеянная крошевом из деревьев, камней, обломков зданий. А широкий проспект превратился в нечто вовсе непроходимое, будто дорогу сначала вывернули наизнанку, а потом с силой швырнули обратно. К тому же - пепел и грязь, которые все сильнее и сильнее устилали все вокруг и грозили покрыть город целиком. Все переменилось: впечатление такое, что прошедшая под городом гигантская рябь оставила множество более мелких, застывших, превративших мои блуждания в почти беспрерывную череду спусков и подъемов. Что и говорить, ходить среди руин было очень, очень трудно… Множество провалов, откуда часто, с короткими интервалами вырывался черный и едкий дым. Множество гейзеров, из которых выстреливала то обжигающе горячая, то, наоборот, чуть ли не ледяная вода. Видимо там, под землей, происходило нечто, в корне поменявшее все, на чем город отстраивался и рос раньше. Я не знал, чем это объяснить, да и не думал - иные заботы волновали меня гораздо больше каких-то глобальных вещей. В частности - еда.

Однажды блуждания вывели на берег бывшей реки. Я долго стоял на оползшем склоне. Раньше она опоясывала почти весь город, а теперь исчезла, оставив обнаженное дно. То тут, то там, виднелись перевернутые или исковерканные суда. Некоторые лежали на боку,

некоторые сломались пополам. Тут были и катера, и баржи, а посередине я увидел большой теплоход. В нем, словно в мишени, торчали воткнутые со страшной силой столбы, украшающие собой раньше речной бульвар. Видимо, ураган подхватил их и обрушил прямо на судно, превратив его в жуткое подобие стального ежа. Поверхность дна, вся усеянная всевозможным мусором, только-только начала подсыхать. Скорее всего, из-за того тепла, которое подогревало весь город изнутри. Во множестве мест еще остались лужи и затоны - дно не являлось однородным, и вода осталась там, где естественные впадины были глубже основного рельефа. Вглядевшись, я различил темнеющие конструкции моста - он рухнул вниз и теперь лежал на дне несколькими неравномерными частями.

В городе, в котором жило несколько миллионов, трупы погибших должны были встречаться чуть ли не на каждом шагу, тем не менее, в действительности их оказалось меньше. Отчасти, потому что большинство оказалось погребено под чудовищными наслоениями земли, бетона, стекла и прочих останков цивилизации. Другая причина - беспрестанно опускающаяся взвесь мокрой грязи с неба, которая покрывала все слой за слоем, надежно пряча город и его прежних обитателей под быстро застывающей ледяной коркой. И все же, не проходило и дня, чтобы я в своих поисках не наталкивался на очередной труп. Обычно, часть раздробленного туловища, оторванные руки или ноги, почти всегда - частично или большей частью заваленного и засыпанного. Со временем такие встречи перестали волновать - я как бы атрофировался… Сострадание осталось, но спрятанное так глубоко, что я его почти не ощущал. Будто сердце покрылось жесткой броней, не пропускающей излишних встрясок, опасных, для и без того измученного организма. Одним словом - лишний раз старался не смотреть… Но не заметить одной характерной особенности не мог. У многих, которые уцелели настолько, что их можно рассмотреть, отсутствовали глаза. Они были выжжены, причем глубоко внутрь. Так, словно к ним прикасались раскаленным прутом. Я вспомнил о том, каким нестерпимым блеском резало мне глаза в самом начале катастрофы, и отнес это явление на его счет - хотя, может, был и не прав. Глаза не просто были сожжены - в черепах мертвых я видел пустоты, как если бы они выгорали изнутри полностью. И...до сих пор я не встретил ни одного уцелевшего

человека - только трупы. Их встречалось так много, что я стал к этому привыкать. Это цинично, безнравственно - но как можно, по-иному, относится к тому, что изменить никто не в силах? Я знал, что не имею права смотреть на все, так спокойно… и смотрел.

Понять, что случилось, тоже не пытался. Ядерная бомбежка, чудовищное землетрясение, падение астероида, наконец - да мало ли… Подойти могло любое объяснение, годное по своим масштабам к тому, что ежечасно видели мои глаза. Хотя видели они лишь то, что находилось совсем рядом - все, далее сорока-пятидесяти шагов, уже терялось в плотном тумане. Если, конечно, *Это* можно назвать туманом…

Что-то необъяснимое случилось и с солнцем. Оно исчезло совсем. Сквозь нависшую над городом пелену из пепла и пыли не просматривался ни единый луч света. И это странно сочеталось с тем, что творилось на поверхности города: от земли во многих местах шло тепло, а уже на высоте человеческого роста - пронзительно холодно. В итоге - постоянный сумрак, уменьшающий и без того ограниченные пределы видимости. Все стало одинаково - ни дня, ни ночи. Иногда падающая с неба грязь светилась сама по себе - это могло быть даже красиво, если бы не было так жутко. Зато отсутствовал снег - его как раз заменяли те самые хлопья.

Выживших, подобно мне, не встречались. Наверное, я в основном бродил в центре бывшего города, где возможность уцелеть равнялась одному шансу из миллиона. На окраинах, где высотки еще не заменили собой скромные одно и двухэтажные постройки, этих шансов оставалось не в пример больше. Может быть, люди и уцелели... Вернее, доказательства этого иной раз и попадались - но лучше бы я продолжал думать, что ошибся. Два или три случая убедили в том, что люди - если это так! - опасны не меньше, чем так и не опознанный хищник, утащивший остатки моей кровавой трапезы… Однажды я наткнулся на двух женщин, лежавших на покосившейся плите. Обе уже не дышали - но следы стекающей крови с перерезанного горла одной и размозженная голова второй не оставляли сомнений - обе убиты. Причем не далее, чем пару часов назад. Зверски и скорее всего - без причины. Хотя, причины могли быть самые простые - те же самые, какие сводили с ума меня самого. Голод. Беспрестанный и невыносимый. Но одно дело, терпеть ноющую пустоту в желудке, и

другое, понять, что люди - даже после всего! - продолжают зверство, с себе подобными. После увиденного, я перестал нестись, сломя голову, если мне чудились звуки человеческого голоса… Впрочем, опоясывающие темным покровом облака, свисавшие сверху, не давали возможности увидеть даль - а на расстоянии, доступном взору, мне никто не попадался. Наверное, таких, как я, осталось совсем мало... Очень мало. Почти никого. Или - никого? Я бродил по руинам один. Никто больше не взбирался по холмам из зданий, не копался в кучах, как я. Не было вообще никого, с кем бы я мог перекинуться словом, броситься в объятия, попросить о помощи или оказать ее сам. Хотя бы спросить - что же это со всеми нами случилось? Это был город мертвых и я - чуть ли не единственный его обитатель. В какой-то мере, это стало для меня открытием - я вдруг понял, что быть одному плохо… и страшно. Но изменить что-либо я не в силах. Где бы ни пролегал мой путь, еще ни разу он не пересекался с чужим. Сколько раз мне приходилось читать описания подобного в книгах, смотреть в кинофильмах - но ни разу я не мог представить, что такое произойдет именно со мной. Будь над городом яркое солнце, может, стало бы легче. Но мрачная туча, которая давила и пригибала, одним своим видом уничтожала всякую надежду. Привыкнуть оказалось очень просто - достаточно не обращать внимания. Не имелось никакой определенной цели - вообще ничего. Есть, пить, спать. Идти. Куда - кто знает… И - дожидаться. Чего - неизвестно. Может быть - людей. Может - что все изменится само собой. Или я смогу хоть что-то понять во всем этом безумии. Будь я религиозен - наверное, обратился бы к небу, моля о снисхождении. Но я не верил. Воспитанный скорее в духе отрицания, я лишь впитывал в общие понятия о вере, не поддаваясь им полностью. Слишком много было сомнений, которые не позволяли просто, только - верить… К тому же, я считал, что вера, как и безверие, не должна возникать по принуждению. И даже тогда никто не смог бы меня убедить в обратном. Тем более, когда душа покрылась коростой, содрать которую стало очень трудно…

А потом я наткнулся на руины, где, по некоторым характерным обломкам, догадался, что это не просто два стоявших почти друг с другом здания. Наполовину лопнувший купол мечети привалился боком к маковке с крестом - единственным уцелевшим фрагментам этих культовых сооружений. Я стоял возле них и думал о том, что

многовековой спор о главенстве одной из конфессий над другой разрешился самым простым способом - разметав их обе. И никто из тех, кто искал себе спасение внутри этих помещений, не нашел его - здесь все было перемолото и превращено в труху, как и везде.

Я стоял и смотрел, и постепенно злость стала наполнять меня без остатка. Зачем? За что? Сквозь всю мою отупелость, броню черствости пробилась ненависть, требующая себе выхода наружу. Кто дал *Ему* право? Подняв руки к небу и раздирая рот безумными криками, я принялся ругать того, кто, по мнению миллионов, должен был оградить их от всего. Приступ прошел быстро - на него некому ответить…

Как то, выискивая еду, я вышел на небольшую площадь, возможно, остатки былого сквера. От остальных руин он отличался лишь меньшим количеством обломков - наверное, высотных зданий, стоявших поблизости, оказалось немного, и они не смогли полностью покрыть его поверхность. Поживы не предвиделось. Я собирался пересечь «сквер» по прямой, чтобы пошарить среди битых кирпичей и стекла, на другой стороне. Глаза, приученные видеть разруху, механически перебегали с предмета на предмет, как вдруг что-то привлекло мое внимание. Заинтересовавшись, я подошел поближе.

Нет, к еде это не имело отношения. Может, для какого иного существа… Но не для меня. Пока. Я остановился в двух шагах от человеческих рук. Тление еще не тронуло их - вероятно, в силу сильного холода. Они торчали из земли, словно пытались найти опору для последнего рывка, могущего вырвать их обладателя из смертельной ловушки. Пальцы на обеих ладонях чуть загнулись, застыв в этой тщетной попытке спастись. Я смотрел на громадный кусок плиты, вдавленной в обломки на том месте, где должно находится тело погибшего… и словно видел воочию, *Как* это все происходило…

«…Он полз с перебитыми ногами, не чувствуя боли. Толчки закончились, земля перестала трястись. Она не смогла поглотить его, как всех, кто оказался рядом. Да, он ранен - но это поправимо. Он жив, он спасся - а значит, скоро придут спасатели, которые вытащат его отсюда. Осталось еще немного… Чуть-чуть! Еще рывок! Вот сейчас он вытащит себя из этой ямы - и все! Но что это? Земля стала оползать по краям! Ноги придавило! Нет! У него не хватит сил тащить еще и

этот груз! Нет! Помогите! Не хочу! Опять толчок! Тень! Она приближается! Не-ет!...».

Я сглотнул, ощутив, как жутко пересохло горло. Видение исчезло. Заставив себя отвести глаза от рук, я обернулся - и вновь жуткий образ заслонил все…

«…Руки отчаянно цеплялись за обломки рамы. Дом больше не существовал - осталась только эта стена. Как она до сих пор не упала, он не понимал. Но стена стояла, покачиваясь и накреняясь с каждым последующим толчком. А толпы метались в разные стороны, ища спасение от огня и бесчисленных разломов, куда проваливались целые кварталы. Опять толчок! Стена словно прогнулась - и он сорвался, падая с жуткой высоты. Нет!...».

Шагах в десяти, от меня, в паре метров от поверхности, я увидел еще одно свидетельство Того Дня. Останки человеческого тела висели на частоколе из арматуры, пробившие его в десятках мест… И я видел все это Его глазами! До самого последнего мига…

Мне стало страшно. Чуть ли не бегом я устремился прочь с этой жуткой площади - и споткнулся, упав лицом в жидкую жижу из грязи и того, что могло бы называться снегом. Падение слегка отрезвило - я поднялся и в ту же секунду почувствовал на себе молящий взгляд… От ужаса свело дыхание - на меня был устремлены мертвые глаза! Девушка, прислоненная спиной к обломкам здания, словно просила меня о помощи! И опять видение заслонило собой явь…

«… Она ничего ей не сделала! Она лишь случайно толкнула ее, когда уворачивалась от падающей балки! Но эта обезумевшая старуха сбила ее с ног и принялась бить, вымещая свой собственный страх и злобу. Нет, не старуха - какая-то бомжиха, пьянь, уже давно потерявшая женский облик, и возненавидевшая всех вся! И сейчас ей представилась возможность отомстить! За свою погубленную жизнь! За срок, который пришлось отмотать на зоне, куда она попала по собственной глупости! За сына, выгнавшего ее из их дома! За то, что эта девчонка такая хрупкая, по сравнению с ее обрюзгшим телом! Горло! Горло ей порвать! Зубами!...»

Хрупкая фигурка, пытавшаяся ладошками прикрыть окровавленное горло, осталась далеко позади - я бежал прочь, забыв о еде, и вообще обо всем! Картинки, словно ожившие в моем

воспаленном мозге, напрочь отбили желание вести поиски. Слишком реальные, живые, они едва не свели с ума…

Дни шли за днями, ночи сменяли одна другую. Я перестал их считать, запутавшись и сбившись однажды, а после и вовсе решив, что мне это ни к чему. Даль терялась - либо в дымке множества пожарищ, либо в хлопьях, падающих с неба. Меня стали преследовать шорохи. Не то чтобы отчетливо различаемые звуки, вроде грохота упавших стен или треска сгорающих деревьев - к тому я привык, нет. Шорохи были иного рода - вроде неспешного шага поблизости или хлопанья крыльев и бормотания за спиной. Обрывки разговоров… От постоянного напряжения начинала болеть голова. Я вертел ею, пытаясь избавиться от подступающего кошмара, и погружался в какое-то болото, из которого выбирался только после тяжелого и рваного сна. Сказывалось сотрясение, полученное вначале. Если бы еще и ночь была такой, какой она должна была быть - мне стало бы совсем худо. Но смены времени почти не существовало, и я больше полагался на часы биологические. Когда хотел спать - спал. Когда чувствовал в себе силы идти - шел. Постоянная хмарь, свисавшая с облаков, напоминала, что я нахожусь среди гигантского кладбища. Она сыпалась на землю в виде мокрых хлопьев, которые методично присыпали всю поверхность. Настоящих дождей не шло - только такие, из пепла и грязи, которые мне уже осточертели, и капали почти безостановочно. Их я уже не боялся и старался прятаться лишь от крупных хлопьев. Это все перестало быть цивилизацией. И я сам становился дикарем, жадно усматривающим, где бы найти добычу. Я продолжал свое сражение за жизнь - не зная, нужна ли она мне вообще? Иногда начинал разговаривать сам с собой - и пугался собственного голоса. Меня разбирал беспричинный смех, я улыбался, наблюдая, как горит какое-нибудь дерево или дом, порой захлебывался в истерике - и так же быстро успокаивался, смутно понимая, что надо остановиться. Нет, я еще не сходил с ума и четко отслеживал все, что видел, закладывая эту память, куда-то, внутрь - но наполовину отключенное сознание не могло воспользоваться этими знаниями. Я мог по несколько раз пройти по одному и тому же месту, прежде чем понимал, что был здесь неоднократно. Настоящий дождь пролился лишь однажды. Ливень, сорвавшийся неожиданно, обрушил сверху столько воды, что все покрылось сплошными потоками текущей грязи. Я промок за

несколько секунд. Вода, хлеставшая не переставая, уже залила все низины и теперь подбиралась выше, угрожая самым настоящим наводнением. Я поразился - такого ливня мне еще видеть не приходилось. Может, где-то там, в тропиках, такие и считались обычным явлением, но здесь совсем иные широты. Вода стала касаться ног, и пришлось подняться повыше. Все сливалось, в бешеных струях, и нельзя было даже разглядеть собственную руку, вытянутую перед собой. Сплошная стена воды! Я представил себе, что крысы - если мне не показалось тогда - должны толпами валить на поверхность. Дождь закончился столь же резко, как и начался. Словно из перевернутого ведра выплеснули все, и не осталось ни единой капли. Все оказалось залито водой. Это был первый подобный ливень, который мне пришлось пережить. Он на какое-то время очистил небо от хмари и убрал нависшую над городом тучу смога и пепла, создающую впечатление постоянных сумерек. Стало значительно светлее, а видимость улучшилась. Вода быстро исчезала в провалах, и скоро лишь многочисленные лужи напоминали о том, что недавно бушевал такой сильный дождь. Я разделся, выжал одежду и вдруг заметил, что не чувствую холода. Однако впечатление обманчивое - через несколько минут меня пробил сильнейший озноб, и я стал энергично растираться руками, чтобы согреться. От холода мелькнуло: "Не надо хищников - одного мороза хватит, чтобы все кончилось". А какая, собственно, разница? Я высушил свое рванье возле костра и опять пустился в странствия, поглощенный только одним - вода, еда, ночлег… Ночлег, вода, еда. Еда, вода… Еда. Еда… Еда!!! Где-то, в самой глубине, на самом дне сознания, теплилось - так нельзя, ты не должен быть таким! Временами я чувствовал раздвоение, и половина, которая отвечала за физическое сохранение, подавляла другую настолько сильно, что лишь малая часть «меня», еще ощущала себя человеком. Может, только часы отделяли меня иногда от полного расслоения - и тогда по разрушенным улицам бродило бы еще одно дикое существо. Я сам удивлялся тому, что со мной происходит - не заметить изменений, происходящих в организме, уже стало невозможно. Обострились до предела слух и обоняние, появилась ловкость, присущая скорее кошке, чем человеку. Порезы затягивались так быстро, что не требовалось даже бинтов. То, не распознанное вначале чувство, которое предупреждало о всевозможных угрозах,

теперь присутствовало всегда - и не раз спасало от поспешного шага или поступка. Может, я не мог им управлять, но предвидеть опасность, по крайней мере, за секунды до ее появления - мог всегда. И, чем серьезнее такая опасность, тем быстрее и четче я ее ощущал. Но плата за эти способности становилась все выше и выше. Я постепенно забывал, что я - Человек... Я помнил свое имя, помнил все, что со мной происходило. Помнил прошлое - хотя относился к нему, как к чему-то, ничего не обязывающему… И догадывался, что, если так будет продолжаться, в один прекрасный момент я и вовсе превращусь во что-то такое, что земля еще не видела. Меня это пугало - может быть, именно поэтому перерождение еще не завершилось, не приобрело такую силу, справиться с которой я бы уже не смог. Исподволь, раз за разом я терял присущие человеку черты. И, хоть пока не изменился внешне, в мыслях уже стал сравнивать себя со зверем. Соответственно, будто ниоткуда, в руках появилась сила, которой просто не имелось раньше. Один раз, запасая дрова для костра, я вцепился в одиноко стоявшее деревце и буквально вырвал его с корнем - и только потом с удивлением заметил, что раньше такое мне сделать было не под силу. Я согнул ствол - и оно хрустнул, сломавшись посередине. Меня это больше обрадовало, чем потрясло, хоть это был один из признаков того, что я меняюсь. Я повторял подобный фокус со многими предметами, а один раз решил согнуть и трубу, с которой не расставался. Она подалась удивительно легко, и я сразу решил ее выбросить - зачем она такому сильному человеку? *Человеку* ли? Со мной что-то происходило. Я часто впадал в оцепенение и подолгу стоял на одном месте, качаясь как маятник. Очень быстро отросли волосы на голове. Грязные и спутанные, они защищали от ветра, и я перестал укрывать ее тряпьем. И все же, еще оставалась какая-то грань, которую я не смел перейти. Я не прикасался к трупам… по крайней мере, не смотрел на них, как на возможный способ утолить постоянно мучивший голод. И хотя сознание атрофировалось почти полностью, запрет на это оставался в силе даже в самые мучительные вечера, когда мне совсем ничего не удавалось найти.

Однажды я понял, что ошибаюсь. Не все погибли в этом опустошенном городе. Но, лучше бы я остался правым в своем заблуждении! Ковыряние в чужих сумках, мародерство ларьков и киосков, поиски и метания по руинам - и, случайная встреча, от

которой остался жуткий осадок и невыносимый укор на сердце. А произошло все, буквально на одном месте, и с интервалом в несколько минут...

Меня отвлек от очередного "грабежа" странный звук. Я насторожился - среди ропота дождевых капель и сухого потрескивания догорающих досок, он отличался чем-то знакомым, похожим на то, что издает живое существо. Неужели, есть еще кто-то, ищущий укрытия и пропитания среди этого кладбища? Сомнения разрешились самым простым образом - я швырнул в сторону, откуда доносился шум, хороший обломок кирпича. Делая это, я даже не думал о последствиях - попаду ли в кого, или, мне лишь досадно, что кто-то мешает рыться среди отбросов. Видимо, я уже начинал меняться...

На щедро усеянную обломками и прочей мешаниной, площадку, перед магазинчиком, где я рассчитывал найти поживу, выползло нечто, от вида которого я едва не заорал. Не от испуга - это чувство как-то притупилось на общем фоне. Скорее, от неожиданности. В самом деле - передо мной стоял конь. Вглядевшись чуть внимательнее и ближе, я, с каким-то злорадством и надеждой, убедился в том, что он уже не сможет убежать... Кусок мяса для изголодавшегося желудка! Все остальное занимало менее всего. И все же, я заставил себя успокоиться и разглядеть нежданного гостя более подробно.

Не конь - на обломках асфальта находился пони. Маленький, лохматый и очень жалкий. Почти без гривы - та обгорела до самой кожи, кое где виднелись проплешины оголенного мяса... И, с перебитыми у колен, передними ногами. Именно это я успел рассмотреть в первую очередь, сразу решив обратить себе на пользу появление животного. Как он умудрился выжить до сих пор? Среди такого хаоса, при полном отсутствии еды?

Пони стремился ко мне... Он еле-еле пытался заржать - из горла вырывались булькающие звуки, услышанные мной еще перед его появлением. Видимо, лошадка испытывала сильные муки. А я, ни мало не сочувствуя, видел только громадный бок, прожариваемый на огне ближайшего костра...

Взяв ладонь еще один кирпич, я резко подскочил - вдруг, он попытается удрать? Но сразу и опустился... Пони со сломанными ногами - ему не уйти даже от неторопливого шакала. А я - шакал...

Шакал? Почему? Я всего лишь хочу есть! И он, самой природой предназначен для того, чтобы утолить мой голод!

Пони плакал. Едва я заметил крупные слезы, стекающие по грязной морде, как кирпич выпал из рук. Не могу... Он искал живых, искал, как это делаю я сам! Искал помощи, сочувствия! А нашел меня... Нашел - свою смерть.

В глубине души я понимал - места жалости нет. Либо я убью его, чем продлю собственные страдания, либо, он просто издохнет, от мук и голода - вокруг ни травинки. Только грязь, прах и пепел.

Я прикоснулся к морде. Пони прянул ушами. Он снова попытался что-то булькнуть...

- Уходи...

Я едва не застонал, понимая, что не могу обмануть доверие измученного существа.

- Уйди... Да уйди же!

Пони испуганно шарахнулся - и сразу угодил задней частью в колодец, неожиданно открывшийся под его ногами. Крышка, каким-то чудом еще державшаяся все эти дни, съехала в сторону. Настоящая лошадь не смогла бы проскользнуть в эту дыру. Но пони проскочил, словно его смазали маслом. Он неожиданно громко заверещал, и я рванулся к яме. Не считая отверстия, сам колодец внизу оказался неожиданно широким. В сумраке сложно было что либо разглядеть, но я понял - на дне есть нечто маслянистое, вязкое... Пони медленно тонул. Никаких сил не могло хватить, вытащить его обратно. От злобы и отчаяния я заорал:

- Доволен? Пожалел, да? Придурок!

Пони еще раз заржал, словно прося...

- Да не спасу я тебя! Не спасу!

От ненависти к самому себе, я. что есть силы, ударил кулаками о землю. Это несколько отрезвило - боль, а затем и костяшки пальцев, заалевшие от свежей ссадины.

- О, черт...

Туловище пони уже погрузилось в жижу больше, чем наполовину. Он снова издал рыдающий, захлебывающийся звук. Проклиная все на свете, я поискал глазами: нужно доску или хоть что-то, позволившее мне спустится вниз. Не найдя ничего, я рванулся к груде камней. Если я не могу его вытащить - хоть облегчу смерть... Броски ничего не дали

- темнота и узкое пространство люка мешали точному попаданию. Да и не смог бы я прикончить несчастное животное, разве что, лишь добавить еще больше боли...

- Ладно... - Я прохрипел, стискивая зубы и всматриваясь в яму, где погибал маленький конь. - Ладно, пусть...

Ладонь, сжавшая край отверстия, вдруг соскользнула. В попытке удержаться, я машинально взмахнул - и наткнулся на скобу! Черт, в этом колодце есть за что держаться! Спуск занял секунды. Вязкая поверхность в колодце была не везде, в основном, занимая середину этой странной ямы. Но упавший конь попал именно в нее. Вокруг валялись кирпичи, битые камни, шифер и стекла. Не решившись вспороть пони горло осколком, я схватил с земли ближайший булыжник. А потом, отступил... Камень, поднятый над мордой пони, повис в бессильной руке. Как? Как я могу его ударить? Еще живого? Нет...

Пони смотрел мне в глаза - и я чувствовал себя последним негодяем, не способным даже на крайнюю меру.

- Прости...

Я отвернулся. Жижа, в которой находился пони, издала нечто чавкающее, словно утроба, Конек булькнул, и погрузился по самую шею. Он уже не пытался высвободится - жижа держала плотно, не желая выпускать законную добычу. Морда исчезала в черной массе - а я трясся в углу, кляня себя за слабость и неспособность поступить, по мужски... Всего один удар мог прекратить все это. Но пони, навек пропадая в черноте трясины, более не издал ни звука. Только молящие глаза, не закрывшиеся до самого конца...

Судорожно нащупывая скобы, я стал карабкаться наверх. В дальнем углу ямы раздался тяжелый вздох... От неожиданности, я сорвался, больно ударившись спиной.

- Помоги...

От членораздельной речи, у меня будто все перевернулось в голове. Я ошалело смотрел по сторонам, не веря собственным ушам.

- Помоги мне...

Источник располагался где-то во тьме. На какое-то мгновение, я подумал, что это бред. Наказание свыше - за проявленную слабость... Галлюцинация...

- Я...здесь... Подойди...

Чуть ли не спотыкаясь, на гнущихся ногах, я сделал пару шагов к источнику голоса.

- Ниже...

В темноте помещения практически ничего не просматривалось, но я разглядел нечто, от чего еще более впал в ступор. Человеческую голову... и больше - ничего! То ли от неправдоподобности ситуации, то ли от шока, но я вдруг решил броситься в неизвестность - и быстро встал возле этой говорящей головы...

- Нагнись...

Голос был очень слаб, и. если не замкнутость помещения, вряд ли был мной услышан. Но сейчас я различал даже шорох ветра, носящего пыль и пепел снаружи.

- Я здесь... - Он снова повторил эту фразу, и я пригнулся, желая увидеть, кто со мной пытается говорить в таком, мало неподходящем для общения, месте.

Человек, которому принадлежала голова, по самые плечи был придавлен массивными глыбами. Одного взгляда хватило - он не выйдет отсюда. Никогда. Мне не по силам отодвинуть эти блоки, более того - даже если я попытаюсь найти рычаг, это не поможет. Вывернутые руки, сведенные от муки скулы, пятна крови на земле...

- Четыре... - Он предвосхитил мой вопрос. - Четыре... дня. Или, больше... Я... потерял счет времени.

Он проговаривал слова с трудом. Я сообразил, что он, находясь в такой позе, лишен не только еды, но и питья - и удивительно, что вообще, еще способен произносить что-то, членораздельное...

- Ты... - Я сглотнул, доставая бутылку и поднося ее ко рту говорившего. - Сразу попал? И... как?

Он меня понял, ответив кратко, не отвлекаясь на детали:

- Нет. Дня, через три... Тоже... Искал жратву. Пить...

Он пил долго, пока не осушил всю емкость.

- Горло... Как песка насыпали...

- Я попытаюсь тебя вытащ...

- Нет. - Он прервал меня и даже вроде попытался повернуть голову в знак отрицания. - Не нужно. Я все видел... Ты... зачем полез сюда?

- Хотел помочь... Не знаю. - Я, на самом деле. не знал. что ответить. Сказать, что решил убить пони, дабы избавить ее от удушья?

Или, что стало жалко бездарно упущенного мяса?

- Ясно... - Голова устало опустилась. - Ты нормальный. Это хорошо.

- Нормальный?

- Да. - Голос неожиданно окреп. - Нормальный. Другой... не стал спускаться. Струсил. Ты пытался... я видел. Отсюда, если глаза привыкнут - видно.

Я оглянулся. Голос не обманывал. Сверху падал хоть тусклый, но свет, и середина помещения просматривалась намного отчетливей, чем углы.

- Только... Ты не стал.

- Не могу. - Я ответил просто, вдруг поняв, что нет смысла изображать из себя героя... - Думал, что смогу. И... не смог.

- Ладно... - Голова опять упала. Силы покидали его...

- Крысы отгрызли мне уши... - Я непроизвольно дотронулся до виска головы - и нащупал лохмотья, клочками свисавшие по бокам.

- Они отбежали... И утонули, в яме. Где твой конь... Ее не было, когда меня придавило. Она увеличивается... Это очень... Страшно. И... Я прошу... тебя.

Я отпрянул, уже догадываясь, что потребует от меня этот несчастный...

- Мой отец... Много лет, назад. В болоте. На моих глазах... Он тоже... Просил. Выстрелить. Я... не смог. Он утонул, и пузыри... долго...

Голова умолкла.

- Сдвину блоки, вытащу - и не будешь больше...

- Молчи. - Голова поднялась. - Будь... Мужчиной. Я - не животное. У меня сломана спина - ног не чувствую. Как до сих пор не сдох... не знаю. Только бесполезно все... И утонуть - страшно. Пузыри...

- Но я!

- Сделай... Это. Прошу... Не могу больше... Больно.

Я подскочил, ударившись о скользкую стену.

- Нет!

- Уйдешь... Сниться буду. Ночами... Бросил... Убей.

- Не могу я...

- Можешь... Только... Соберись. Одним... Ударом.

Он снова уронил голову.

- Не могу! Не могу я!

Голова молчала... В глазах поплыл кровавый туман - это не я, это все - не со мной! Нет!

- Нет! - Я упал перед ним на колени. Руки машинально нащупали кирпич, и я вздрогнул... Весь дрожа, приподнял его над собой. Убить человека! Да что же это? За что? А потом, отчетливо представив, как жижа начинает заливаться в рот беспомощного, с силой опустил кирпич вниз... Глухой удар и безмолвие отрезвили. Я отбросил камень в сторону.

- Нет... Нет! Не-ет!!!

...Покинув колодец, я ушел, не оборачиваясь. Что-то окончательно сломалось, позволив сделать то, чему я не находил оправданья. И вскоре, мной завладел холод… Через несколько дней я уже мало походил на человека. Вся шелуха, налепившаяся на того, кто прежде именовался разумным, слетела прочь, обнажив что-то очень похожее на звериную сущность. Я уже замечал, как просыпаются древнейшие инстинкты и начинают брать надо мной верх. Руководят моим здравым смыслом, а что еще хуже - памятью, выбирая из нее только то, что может пригодиться в данное время. Прошлое стало стираться - быстро и безболезненно. Было? Что было? Когда? Ну и что. Сейчас - другое… На все находился именно этот ответ, и он меня сразу успокаивал, позволяя отрешенно воспринимать изменившийся в одночасье мир. Иногда я поднимал руки и даже удивлялся, что они не стали похожими на лапы, а на ладонях вместо пальцев все еще нет грозных когтей зверя. Много времени спустя мне стало понятно, что именно в то время невидимое излучение превратило тех, кто не нашел в себе силы остаться человеком, в монстров. А пока - я продолжал свои бесконечные блуждания по городу. Все было посвящено только поискам пищи. Другое просто не интересовало. Я научился обходиться самым малым.

Если бы кто-то смог подняться над руинами города, он увидел бы крошечную фигурку, одинокую и сгорбленную, все время что-то выискивающую среди куч, мечущуюся то сюда, то туда. Одетую, непонятно во что, грязную и с многодневной щетиной на лице. Вид у меня тогда был более чем отвратителен даже для меня самого.

Мало еды - зато вдоволь хватало топлива. Научившись зажигать костры от постоянно полыхавших огней, я стал чаще греться и теперь

меньше боялся заморозков, которые наступили внезапно. При свете костра темнота, окружающая меня, хоть немного рассеивалась. Тени прыгали по руинам, питая воображение, и превращаясь в горбатых и страшных чудовищ. Казалось, что те, кто погребен под ними, сейчас встанут и протянут ко мне руки, чтобы утянуть во мрак и холод вечного безмолвия. День приносил тепло - ветер дул ближе к полуночи, неся стылость и холод. Ночь же становилась испытанием - все покрывалось инеем, и не помогало даже внутреннее тепло земли. Редко, но попадались такие места, где помощь костра не требовалась - почва сама грела так, что я спал словно в теплой постели. Я понимал, что здесь находиться небезопасно - тепло не могло возникнуть ниоткуда, само собой. Под городом что-то происходило, необъяснимое и пугающее. Похоже, я скитался над вершиной грозящего взлететь на воздух вулкана…

Постепенно я стал расширять круг блужданий. Привыкнув к местности, предпринимал дальние походы по развалинам города. Это были именно странствия - ведь пройти через образовавшиеся катакомбы с той же скоростью, с какой можно пересечь их до катастрофы, не представлялось возможным. Чтобы преодолеть пару километров, приходилось тратить не менее нескольких часов. Желая разведать как можно больше, я уходил все время в одном направлении - и так получилось, что это оказался край города.

Я поднялся на холм. С него - он несколько возвышался над прочими - видимость немного выходила за привычные границы. Однообразие и повторяющаяся бесконечность руин навевала тоску. Что-то было не так. Я уже успел привыкнуть к однообразию и теперь явно замечал несоответствие, объяснить которое пока не мог. У меня вдруг клацнули зубы - я всем нутром почувствовал, что увижу сейчас нечто потрясающее! И, хоть там, впереди, могла таиться опасность, любопытство пересилило. Вскоре я пробирался через развалины, с каждым шагом приближаясь к разгадке тайны. Она открылась совершенно внезапно, едва я только разогнулся, вылезая из-под очередного штабеля плит и балок, переплетений арматуры и телеграфных столбов, скрученных в штопор автомобилей и вывернутых пластов земли. Это было нечто…

Передо мною зияла невообразимая пропасть! Я находился почти возле обрыва, не рискуя подойти слишком близко, чтобы не оказаться

унесенным вниз ветром. Но и отсюда я мог видеть очень многое. Величайший провал, какой я когда-либо, встречал, терялся вдалеке, сливаясь с нависающими тучами. Вся остальная часть города, с этого места, оказалось в нем! Глубина пропасти поражала! На всем протяжении провал тянулся вдоль отвесной стены, а та простиралась по обе стороны от того лаза, где я вышел. Рискуя свалиться, я подполз к самой кромке и заглянул внутрь. Отсюда еле просматривались здания, подобные тем, какие были здесь - землетрясение прошлось по городу прежде, чем он ушел в бездну. Еще дальше очень смутно видно, как за его пределами темнеют леса и еще что-то, очень похожее на воду. Так ли это, или нет, уверенности не было. Нависший над провалом смог не давал достаточного обзора, а скудное освещение скрадывало и то, что находилось ближе. Походило на то, как целый пласт, целую область или даже часть континента опустили вниз, оторвав ее от прилегающей к ней земли. Я вспомнил, как телевизионная вышка, до последнего устойчиво державшаяся при всех толчках, вдруг разом исчезла. Это случилось как раз тогда, когда второй, самый сильный удар еще раз подбросил меня с обломками домов вверх. Теперь она лежала там, внизу, и даже отсюда я мог рассмотреть ее части, расколовшиеся при падении о земную твердь. Ветер неистовал, сметая густое крошево облаков - только благодаря ему я еще мог что-то разглядеть. Сколько людей встретило свой последний миг, глядя на приближающуюся пропасть, видя, как далекая земля приближается… Случившемуся не находилось объяснения - как и всему, что произошло в Тот день. Земля просто опустилась, и как ее еще не затопило водой из ближайшего моря, тоже оставалось загадкой. Впрочем, вполне вероятно, что и море тоже ушло в иное место - теперь я уже не удивился бы и этому. Стало ясно, что на планете произошли такие потрясения, такие сдвиги земной коры, что весь рисунок, вся карта Земли неминуемо и очень серьезно изменилась…

Недалеко с гулом обрушился большой кусок земли. Он оторвался и, как в замедленной съемке, стал сползать, а потом, набирая скорость, рухнул в пропасть. Отсюда следовало уходить. У краев провала не стоило рисковать в поисках устойчивой опоры. На глубину нескольких десятков метров земля состояла из пластов глины - лишь далее начиналось что-то иное, что я смог увидеть, перегибаясь через обрыв. Было очевидно - обрушения будут происходить постоянно. Еще один

кусок земли зазмеился трещиной, и я с трепетом увидел, как она едва не достигла тех плит, из-под которых я выполз. Часть разрушенного дома стала съезжать, увлекая за собой груду из плит, исковерканных деревьев, мебели, человеческих останков. Я заметил, как взмахнули уже неживые руки в своем последнем полете… Это могло и должно было продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока не обнажатся более твердые породы. А до тех пор посещать этот район мне резко расхотелось, и я спешно стал выбираться назад.

Это стало не единственным моим открытием. Во время поисков я однажды наткнулся на несколько вповалку лежащих тел, еще не до конца уничтоженных крысами и покрытых падающими хлопьями. Зрелище это, не то чтобы меня угнетало - я огрубел и почти игнорировал подобные вещи. Но, на этот раз, что-то меня заинтересовало, и я решил подойти поближе, чтобы рассмотреть увиденное более подробно. Приятного оказалось мало - объеденные, полусгнившие тела, жуткий оскал и, как обычно, пустые глазницы и черепа. Все уже знакомо, и все же я не мог отделаться от мысли, что что-то упустил. Я подошел еще поближе и, преодолевая подступившую тошноту, перевернул палкой одно из тел. На какое-то время я оцепенел, понимая, что вижу нечто, что могло привидится только в кошмарах… Что вообще не может быть! Либо - Могло! - Но только сейчас…

Труп, перевернутый мною, лишь со спины походил на остальные. Он тоже подвергся нападению крыс, но и то, что осталось, впечатляло… *Это* уже не было человеком. А если и было, совсем недавно, то успело измениться, и очень сильно. Я дрожащими руками достал бутылку с водой и, так и не сделав ни одного глотка, убрал обратно, хоть разом пересохшее горло требовало воды. Замутненное сознание вдруг прояснилось - зрение очень четко фиксировало увиденное, и я отдавал полный отчет в реальности происходящего.

Очень мощные руки, поросшие густыми рыжими волосами, заканчивались вроде бы обычными ладонями - но, удлиненными, почти вдвое, по сравнению с моими. Со средней фаланги, пальцы продолжались массивными когтями, совершенно не похожими на просто отросшие ногти. Нет, это были именно когти, каждым из которых легко пробить грудную клетку обычного человека! Торс, также покрытый шерстью такого же оттенка, что и на руках,

раздавшийся вширь и рельефно обозначающий перекатывающиеся бугры мышц. Резко выступающая вперед челюсть с торчащими в мертвой ухмылке клыками, присущими скорее волку, чем человеку. Нос, распухший и приплюснутый, более напоминающий собачий, такой же широкий и занимающий собой половину лица. Уши, острые и вытянутые вверх, с волосяными кисточками волос на концах и приросшие мочками к черепу. Грязные ноги, босые, и столь же массивные, с чудовищно распухшей ступней - скорее даже похожей на лапу… Глаза мертвого *Нелюдя* остались на месте - они и сейчас словно светились желтоватым блеском вытянутых зрачков! Сглотнув, я опять поднес бутылку ко рту. Липкий холодный пот волной прошел по телу, и, тем не менее, я заставил себя остаться на месте и еще раз внимательно рассмотреть это чуждое земле создание. Он не был одет, только на бедрах виднелись остатки того, что, по всей вероятности, являлось когда-то штанами. Видимо, их владелец, уже не нуждался ни в какой одежде. В лапе… - я уже думал о нем как о звере! - Монстра находился вырванный клок мяса, в котором я сразу опознал часть человеческой руки. Походило на то, что он собирался пообедать… трупом! Лишь случайность прервала это занятие. Я посмотрел в сторону. Возле мертвого *зверя* валялась стальная балка с прилипшим пучком рыжих волос. Догадка подтвердилась - череп нелюдя оказался размозжен, я не заметил это сразу только потому, что был слишком потрясен, обшей картиной. Но, если так - значит, оно появилось здесь уже после того, как эти люди погибли? Балка с достаточно большой высоты неожиданно рухнула, когда монстр был поглощен тем, что рвал трупы на части? Только этим можно объяснить, что существо погибло столь нелепо - если уж я сам чувствовал опасность, подстерегающую меня в бесконечных странствиях, то, что мог ощущать он? А если он не один? Если, подобные ему, теперь рыщут по городу? Нелюдь еще не начал гнить, на нем не имелось следов от зубов крыс - труп свежий? Сколько он тут лежит? День? Два?

Вопросы молнией сверкнули в голове, и я сразу стал оглядываться по сторонам, со страхом ожидая появления чудовищ. Но все оставалось безжизненно тихо, лишь ветер по-прежнему носил тяжелые облака, кружа их над городом. Теперь, какие-то слишком большие крысы, не казались мне грозными - по сравнению с *этим*… Я покидал район со смешанным чувством страха и непонимания. Если общая

картина разрушения еще как-то укладывалась в рамки, то, объяснения увиденному я не мог найти. Редко, очень редко, случалось что-то, что стряхивало с меня равнодушие. На этот раз это был как раз такой случай. И, очевидно, он оказался тем толчком, который был необходим, чтобы стряхнуть оцепенение в моей душе - пусть хотя бы страхом. Что могло быть опасным до сих пор? Радиоактивный дождь с небес? Скрытая трещина под ногами? Пронизывающий ветер, от которого стыла кровь, и начинали ныть кости? Но все это стало привычным, от этого можно укрыться… А как избежать *такого*? Или… Как не стать *таким*? До меня как-то сразу дошло, что этот труп не появился сам по себе, словно по волшебству - нет, это вполне логично, что я *увидел*, во что перерождается привычный мир! И это - лишь первый, из череды схожих явлений, которые мне еще предстоит встретить! А так, как он походил на *человека*, то и создан он был - из человека! А значит… Стать таким же? Нет! Я не хотел!

Все это нужно было осмыслить, найти какие-то убедительные доводы, поверить, в то, что это возможно. А поверив, уяснить очевидное - мне не почудилось, это не плод галлюцинаций, это, действительно - *реальность*! Прежняя, тупая необходимость куда-то идти, что-то искать, понемногу вытеснялась еще не до конца оформившейся целью - я хочу не только выжить… Я хочу остаться самим собой! Но нужен был еще один толчок, прежде чем едва не завладевшее мною перерождение в зверя оказалось бессильным перед желанием остаться человеком.

Через некоторое время, чуть успокоившись после такой страшной находки, я обыскивал очередную свалку, практически без отвращения и брезгливости, копаясь в месиве, образовавшемся от смешения детских игрушек, кассет, белья, сувениров и еще бог знает чего… Это было все, что осталось от ряда торговых киосков, располагавшихся в подземном переходе. Дорога как таковая, не существовала - трещина в земле развалила ее пополам, открыв прямой доступ в переход. Вырванные плиты нагромоздились друг на друга, и я посматривал в их сторону, опасаясь, что они могут съехать обратно. Обычно в подземных переходах встречались и продуктовые киоски. Откидывались прочь тряпки, бижутерия, женские сумочки и книги. Руки работали как заведенные - я торопился, боясь, что не успею обыскать все, до угрожающего начаться в любую минуту дождя. Мне

попалась кожаная сумочка, и я, открыв замок-молнию, стал выкидывать ее содержимое наружу. Ключи, сигареты, носовой платок, косметичка, брелок с литым чертенком, записная книжка… Постепенно свирепея - никчемные предметы! - отбросил ее в сторону. При рывке сумочка зацепилась обо что-то и повисла на ремешке. Вымещая злость, я шагнул к ней и снова отбросил вдаль. Нога соскользнула, и я съехал на низ завала, упав на спину. При попытке подняться ноги разъехались в стороны, и я снова упал, но на этот раз лицом вниз. Словно из потустороннего мира на меня устремились открытые глаза… С диким криком ужаса, не понимая - что же тут такое? - я попытался вскочить. Опять поскользнулся, упал и вновь увидел глаза. Я привстал на колени и руками раскидал в стороны все, что мешало мне рассмотреть обнаруженное.

Внизу было что-то стекловидное, абсолютно прозрачное и застывшее. Я видел сквозь него - или в нем, что было вернее - тело полуобнаженной девушки. Оно хранило все следы тех испытаний, которые пришлось перенести, прежде чем оно оказалось здесь. Я вздрогнул, настолько живой она мне показалась в тот момент. Казалось, достаточно лишь разбить это странное стекло, и она выйдет на свободу… Чтобы рассмотреть ее лучше, я поджег страницы из книжки и осветил гладкую поверхность. Девушка не мучилась - неизвестная мне жидкость из валяющейся неподалеку цистерны залила ее мгновенно. На лице не успела отпечататься маска и ужаса, которую мне столь часто приходилось видеть. Только полуулыбка, словно она с нетерпением ждала избавления и, наконец, получила его. Кое-где ее кожа была потемневшей - я отнес это за счет стекловидной массы, в которой она оказалась. Волосы разметались, одна прядь даже вылезла наружу. Я коснулся ее с трепетом. Волосы, до того казавшиеся целыми, сразу рассыпались в прах, оставив в руке серую горстку. Я осветил ее лицо - мне стало не по себе от устремленного на меня взгляда. Откуда-то из глубин появилась жалость - чувство почти столь же забытое, как и все остальные. Я не сдержал звериного воя и с силой ударил кулаками стеклянную твердь. Зачем? Зачем?! Слезы, непрошенные и нежданные, лились из глаз. Я растирал их по грязному лицу, поражаясь их появлению не меньше, чем виду мертвой девушки. Зачем? Какая жестокая сила убила это юное создание, которому можно еще жить и жить? И вместе со слезами с меня стала спадать пелена, до

того мешавшая все видеть и слышать. Я снова рождался на свет, чтобы чувствовать чужую боль и чужое горе, чтобы снова стать человеком… Это было мучительно - вновь понимать все, что я так старательно старался спрятать. И это было возвращением из того состояния, в которое я едва не попал навсегда. Я не мог заставить себя покинуть этот переход, не хотел покидать девушку, казавшуюся не мертвой, а только уснувшей. Мне хотелось вырубить ее из плена, но я понимал, что делать этого не следует - если я не хочу увидеть, как милая улыбка сменяется страшным оскалом. Лишь когда голод властно напомнил о себе, я поднялся и ушел прочь, дав себе зарок никогда больше не спускаться в этот переход и не смотреть на это тело… А на другой день, когда я уже иными глазами смотрел на все происходящее, наткнулся на изображение. Оно отпечаталось на здании, прямо на гладкой поверхности облицовочных кирпичей. Издали это походило на тени. Но никакие тени не могли появиться здесь - при постоянном отсутствии солнца. Меня это заинтересовало, и я подошел поближе. На стене, как на негативе, отпечатались силуэты нескольких бегущих людей. Угадывался кто-то, прижимающий к себе ребенка, женщина, стремящаяся спрятаться под защиту мужчины… Наверное, они даже почувствовать ничего не успели, испарившись в мановение ока, и оставили после себя только этот след, который ни падающий пепел, ни дождь еще не успели стереть. Скоро не станет и его…

Я повернулся. Город, мрачный и мертвый, лежал передо мной. И в нем, населенном только тенями, оставался лишь один человек, едва не превратившийся в зверя. Я перенес это испытание, хотя был очень близок к поражению. К тому, чтобы потерять и память, и человеческий облик. Нет, это не означало, что я стал другим. Я просто вернулся к тому, кем был раньше, но стал более суровым и хладнокровным, воспринимающим все настолько спокойно, насколько это вообще возможно. А главное - с четким и ясным осознанием того, что жизнь не кончена. Жизнь продолжается, несмотря ни на что… И возврата к безумию больше не должно быть никогда.

Глава 4 Подвал

Глава 4

Подвал

Всякое бывало в моей жизни. И хорошее, и плохое. Почему-то, всегда казалось, что плохого случалось значительно больше. Неустроенность бытия, недостаток финансов, семейные неурядицы… И каким далеким сейчас стало все это! Прошло чуть менее месяца, как я выполз полуживым из катакомб метро, а вся прошлая жизнь словно наоборот, ушла в это мрачное, лишенное света, подземелье… И туда же сгинула моя вторая часть, тянущая в дикость, в варварство первобытного мира. Я освободился от нее, когда увидел, во что могу превратится. Невероятное преображение существа, ранее бывшего человеком, показало мне собственное будущее - и я не желал такого! Невозможно, не приемлемо никакими словами и доводами рассудка объяснить *Его* появление - и все же он существовал! Не страшная Катастрофа, не горы мертвых тел, не руины - но именно встреча с *Ним* потрясла меня более всего… Я окончательно понял - пришла новая, непредсказуемая и совершенно неизвестная жизнь. Эпоха нового мира…

Та ночь казалась самой долгой за всю прошлую жизнь. Проснувшись утром, ясно понял, что если в течение нескольких часов не найду постоянный и надежный источник пропитания, рассудок, вернувшийся от потрясения, снова может меня покинуть. И тогда рвущаяся наружу дикость окажется наверху, подавит и мой человеческий облик, и мозг. Жуткий пример подобного - монстр, валявшийся среди руин. Я был почти уверен, что он появился именно так. Ни какие-то полусгнившие куски, ни грязная вода из луж, которую я до сих пор пил, больше не могли меня удовлетворить. Период дикарства закончился - оставив о себе на память все приобретенные при незавершенном перерождении навыки и способности. Сила, зрение, слух - все это осталось со мной. И неимоверная выносливость, не присущая обычному человеку…

Теперь я знал, что хочу. Найти среди скопища бесформенных руин продуктовый магазин. Или слад. Или хранилище - все равно. Не

бродить по развалинам бесцельно, но попробовать хоть как-то определить свое местонахождение, и после этого, представив, как выглядел город до катастрофы, вспомнить, нет ли поблизости искомого… Даже если продукты завалены под блоками и плитами, раздавлены и попорчены - это все равно лучше, чем питаться чуть ли с помойки. Хотя "чуть", здесь было уже ни к месту…

Теперь поиски и метания приобрели смысл. Я не бросался больше из стороны в сторону, а методично, шаг за шагом, вел разведку, надеясь, что в скором времени зрительная память подскажет нужный объект или ориентир, и я смогу установить, куда идти. В многомиллионном городе хватало магазинов - и более всего именно тех, в которых я нуждался. Но попасть в них оказалось очень непросто. Все надежно спрятаны и погребены под руинами. Их содержимое могло сгореть, быть затоплено или провалилось в пропасти, которых хватало на каждом шагу. Получалось так, что я, практически единственный обладатель всех этих богатств, не мог ими воспользоваться. Даже приобретенной силы не хватало, чтобы приподнять многотонные плиты, открыть доступ в то или иное место, которое хотелось обследовать. И хоть опыт часто указывал на нужные здания, стихия успела позаботиться, чтобы проникнуть в них я не смог никаким образом.

Я пользовался простой схемой. Найти широкую улицу или бульвар. По логике, на нем должно располагаться очень много магазинов. Но обнаружить сам бульвар оказалось не таким простым делом, как я решил вначале. Весь город стал похожи на россыпи каменных барханов, где здания перемешаны с землей и железными конечностями в виде труб, арматуры, вывернутых и согнутых балок… К тому же, подземная волна изменила ландшафт до полнейшей неузнаваемости. Город больше не был ровным - везде, где я проходил, он являл из себя сплошную череду сопок и холмов. Одни возвышались над другими, и в этом все различие. И такая картина простиралась во все стороны - достаточно лишь подняться на холм повыше, чтобы в этом убедиться очередной раз.

И все-таки, я обнаружил нужный ориентир. Его могло забросить сюда воздушной волной, или отшвырнуть взрывом - но я надеялся, что массивную и тяжелую конструкцию, состоящую из бронзы, бетона и стального каркаса, не так-то просто далеко унести от постамента.

Наткнулся случайно - очередной дождь, от которого прятался, обнажил присыпанные формы, смыв скопившуюся грязь с рухнувшего истукана. Моя находка представляла собой статую одного из правителей прошлого, выполненную раз в двадцать больше натуральной величины. Одним словом, останься она на месте - и о лучшем маяке нельзя и мечтать. Я знал, что он был установлен на самом берегу искусственного озера, а неподалеку находился городской парк. На набережной и в парке ловить вроде как нечего, но неподалеку от статуи находился огромный супермаркет, в три или четыре этажа, наполненный всем необходимым. Я заходил в него всего один раз - кусачие цены не позволяли стать постоянным посетителем. Но запомнилось, что ассортимент отменный. Правда, как и во всех зданиях такого рода, там могло находиться множество трупов - но это уже второй вопрос… У меня не оставалось выбора. Или, преодолевая брезгливость и тошноту, я перешагну через них, или умру. Человек не знает, сколько в нем заложено терпения и способности, преодолевать трудности. А эта трудность теперь не считалась одной из главных…

Как бы ни было сложно передвигаться по искореженному городу, примерно через километр после того, как я увидел обломки статуи, я подумал, что нашел то, что искал. Полной уверенности не ощущал - лишь расстояние, пройденное мною, указывало, что пора остановиться и осмотреться. Будь это обычное землетрясение - возможно, мне было бы и легче. Но все осложнялось тем, что по городу прошлась и подземная, и водяная волна. Плюс - воздушная, от возможного ядерного взрыва. Если он мне не привиделся, конечно… А еще толчки, не стихавшие все последние дни. Все это превратило мегаполис во что-то совершенно неузнаваемое. Правда, каким могло быть «обычное», я тоже плохо себе представлял. Как после всего этого оставались еще кое-где держащиеся стены, или уцелевшие дома - непостижимо…

Я ходил практически по одному и тому же месту. Где-то под ногами должен находиться пресловутый магазин. Должен! Несколько часов усердных поисков ничего не дали - ни малейшей зацепки. И как назло, споткнувшись, вывернул ногой вывеску, усердно приглашающую, что-нибудь купить. Покупать я ничего не собирался, но и взять даром - не получалось… Потихоньку мной стало овладевать отчаяние. Магазин был здесь, я это чувствовал. Но как в него попасть?

На вершине холма, где я стоял, дул сильный ветер. Он носил обрывки бумаг, какие-то щепки и вездесущий песок. Правда, я уже не пользовался повязкой - песка стало намного меньше, чем в первые дни. Но частицы попадали в глаза, и мне приходилось их сильно щурить, чтобы грязь не залепила их полностью. Счастья можно попытать и в ином месте - таких крупных супермаркетов хватало в городе. Но как их отыскать среди этого нагромождения… и как попасть, если и в этот я никак не могу найти дороги? Так, ничего не решив, я от расстройства не стал ничего предпринимать и остался на ночевку здесь же - под холмом. Забираться под кажущиеся крепкими плиты, которые иногда образовывали нечто вроде шатра, если упирались друг в друга, я не рискнул. Один раз я уже видел, как такое сооружение без всяких видимых причин начало крениться и свалилось, поднимая тучи пыли и придавливая все, что под ним находилось.

Вдобавок, в третий раз за день стало лить с неба. Оно долго собиралось, напоминая о себе единичными, мелкими каплями. Пару часов ветер носил тяжелые тучи, и вот, они разродились настоящим дождем. Грязь, по-прежнему падала с неба, словно в нем скопилась вся пыль, поднятая при взрывах и так и не упавшая обратно. Так и не найдя среди всякого хлама одного-единственного, пригодного зонта, я стал таскать с собой кусок ткани, который натягивал на что-нибудь, если оказывался на открытом пространстве и не мог спрятаться от воды подальше. Вот и сейчас я вытащил его из-за пояса и принялся разворачивать, кляня и дождь, и пыль, и все, что со мной случилось… Хорошо хоть, что это был не ливень - разница меж ними различима сразу. При последнем, никакая тряпка не смогла бы уберечь меня от хлеставших потоков. Но настоящие ливни случались все реже - всего пять или шесть раз за последнюю неделю. И каждый последующий немного слабее, чем предыдущий.

От злости - опять неудача! - я принялся расшвыривать всякий хлам, мешающий мне попасть в подобие убежища. В его роли я определил сгоревший автомобиль с уцелевшей крышей. Хоть в нем и не осталось стекол, но от падающей воды она могла спасти - крыша то присутствовала на месте! Я взмахнул рукой, отбрасывая какое-то бревно, и рассек ладонь. Охнув от боли - бревно выскользнуло и ударило меня прямо в лоб, подскочил, и, потеряв равновесие,

покатился к подножию холма. Удар был такой силы, что потемнело в глазах. На какое-то время, потеряв представление, где нахожусь, я присел и схватился за голову. Зажившая после полученных сотрясений, она опять стала раскалываться от боли, и мне уже не хотелось ни о чем думать, кроме одного - чтобы она оставила меня в покое.

Когда боль немного утихла, я увидел прямо перед собой тоненькую струйку пара. Уже не обращая внимания ни на дождь, ни на то, что я сижу в грязи, протянул руку, желая проверить, что это такое. Ладонь ощутила тепло. Мне вдруг показалось, что если в магазине уцелел подвал - то это свидетельство того, что он находится здесь. Вроде того, что в нем, почему-то, должен находиться газ, и теперь именно он в виде этой струйки пытается вырваться наверх. Хотя как он не улетучился оттуда, по прошествии такого количества времени? Не задумываясь обо всех этих вопросах, достал спички - я обнаружил несколько коробок, обыскивая одежду на свалках - и поднес руку к пару. Фантазия рисовала что-то очень интересное…

Большей глупости я еще никогда не совершал! Почему меня не предупредило мое чувство опасности - отдельный вопрос. Возможно, мой ушибленный череп перестал воспринимать сигналы, и теперь за это жестоко поплатилось все тело. Взрыв, последовавший вслед за моим движением, отшвырнул меня шагов на двадцать, и я потерял сознание, приложившись спиной о груду булыжников. Хоть мысль оказалась правильной…

Это была тупая, совершенно необъяснимая, идиотская логика - и при всем этом она себя оправдала! Кое-как выкарабкавшись из-под обломков, я подполз к образовавшемуся отверстию. Целый день я потратил, чтобы отыскать вход в магазин, и теперь он был передо мной. Темный, жутковатый, пахнувший не продуктами, которых я жаждал, а гарью и еще чем-то не очень приятным. Там могло быть все… а могло не оказаться ничего. Здание сложилось всеми своими этажами и могло раздавить все так, что я бы не смог достать то, что искал, ройся здесь хоть месяцами.

У меня не имелось ни фонаря, ни факела, и лезть в темноту отверстия приходилось наугад, не зная, что там ожидает. И все же я ликовал, всем нутром ощущая, что мои старания не напрасны. Возле выхода валялся оторванный вентиль газового баллона. Это на самом

деле оказался газ - просто ушиб головы трансформировал знакомый запах во что-то вовсе не знакомое. Почему баллон открылся именно в этот момент, когда я упал возле него - это узнать уже невозможно. Но сам баллон действительно оказался возле входа в подвал и взрыв разметал все, что в него забилось, позволив мне туда проникнуть.

Это могла оказаться просто ниша, выемка - а я полз и полз внутрь, уверенный на все сто, что это именно то, что так долго искал. Провалившись в итоге куда-то в яму, отчего к моим шишкам добавилась еще одна, почувствовал под ногами твердую поверхность. Я приподнялся - ничего. Поднялся полностью - тоже. Позабыв об опасности, - Один ли баллон с газом ждет этого момента! - Дрожащими от возбуждения пальцами чиркнул спичками о коробок… И без толку. Коробок попал в воду, и теперь мокрые головки напрасно тратились, одна за другой падая возле моих ног. Только одна, после десятка безуспешных попыток, на пару секунд вспыхнула слабеньким пламенем, чтобы тут же угаснуть - но, за эти мгновения, я успел заметить тянущиеся стеллажи и ряды коробок на них. В полной темноте я сделал несколько шагов и, наткнувшись на стеллаж, принялся исследовать его содержимое вслепую. Руки нащупали несколько банок. Я догадался, что это консервы. Уже это оправдывало все мои труды - а ведь дальше должно было быть еще многое, из того, что я надеялся здесь обнаружить. А вскоре пальцы наткнулись на узкий и знакомый предмет, который оказался обыкновенной зажигалкой. От волнения я долго не мог найти крышку, которой она открывалась. Но потом, справившись с сердцебиением, все-таки добыл огонь.

При ее свете я увидел на стеллаже несколько праздничных свечей - и через минуту их пламя осветило помещение, в котором я оказался. А в следующую секунду я практически заорал или даже запрыгал от нахлынувших чувств! Мои поиски оправдались! Когда первый восторг прошел, уже более сдержанно, все еще не веря глазам, стал обследовать помещение, куда я так счастливо попал. Это оказался подвал, на первый взгляд, почти полностью сохранившийся и не пострадавший так сильно, как обычно происходило со многими другими. Двенадцать широких шагов в ширину и до семидесяти в длину - света просто не хватало, чтобы увидеть все. Увидев на стеллаже несколько засохших кусков хлеба, я молниеносным

движением отправил их в рот, даже не задумываясь о том, что они могут оказаться пропавшими - голод пересиливал здравый смысл. В любой из коробок, рядами высившихся возле меня была еда - но именно хлеб мне требовался сейчас больше всего. И все же, я старался себя ограничить в еде, хотя сделать это было очень, очень непросто! Я не откусывал - отлизывал эти корки до того, что они превращались в тонюсенькие полоски. Лишь после этого они отправлялись рот. А когда я покончил с ними - то почувствовал такую невыносимую жажду съесть еще что-нибудь, что едва не сдержался, чтобы начать запихивать в себя все подряд. Чтобы заставить себя успокоиться, я сел на бетонный пол и сильно сжал голову руками. Провел так около получаса, пока бешеное биение сердца не стало приходить в норму, и я смог более или менее трезво оценивать ситуацию, в которой оказался. Прихватив со стеллажа еще одну корку, стал медленно прохаживаться вдоль коробок, некоторые вскрывал, чтобы убедиться в том, что их содержимое соответствует надписям на этикетках. Это было что-то! Держа свечу в руках, я прошел с ней вглубь подвала, чтобы сразу узнать насколько далеко он тянется. Подземелье оказалось большим - в конце подвала оказался поворот, а от него отходила еще пара комнат. Это напоминало букву Г, только с сильно вытянутой ножкой. Возле поворота потолок не выдержал - проход перекрывала массивная плита, сдавленная громадным весом здания. Но в целом практически все плиты перекрытия остались на своих местах и лишь в нескольких местах узкие трещины, протянувшиеся по потолку, говорили о том, что с ними может случиться, то же самое… Но и тех помещений, что оставались не раздавленными, хватало, чтобы впасть в состояние ступора. Подвал был разделен на секции - всего семнадцать, если считать с теми, которые оказались, не совсем доступны, за поворотом. И почти каждый отсек заполнен стеллажами, а на них, до самого потолка стояли ряды банок, консервов, мешки с крупами. Запас продовольствия такой, что я мог пользоваться им несколько лет! Только срок годности того или иного продукта ограничивал их употребление. В нескольких комнатах все стеллажи рухнули на пол и все, что на них находилось, развалилось по комнатам и коридору, образовав целые залежи, по которым ходить просто не поднималась нога. В трех секциях продукты отсутствовали - на стеллажах лежали рулоны тканей, пледы и множество одеял. Еще там было много

ковровых изделий и искусственного меха в рулонах. Кроме того, я обнаружил второе ответвление в стороне - туда вела прикрытая дверь. За ней один узкий коридор и две двери по обеим его сторонам. За первой - что-то вроде подсобного помещения. В нем находился стол и пара табуретов, а так же, кое-какая мелочь - очевидно, для того, чтобы их хозяева могли здесь перекусить в перерыв. Вторая вела в холодильник. Едва я справился с запорами, как в нос ударил такой мощный запах разложения, что от отвращения меня едва не вырвало. Я сразу захлопнул дверь, но еще долго невыносимый запах преследовал меня, пока я спешно выбирался из этого коридорчика в основное помещение. Выждав некоторое время, пока специально подожженная ткань не вытеснит своей гарью запах тления, я вновь зашел в тот коридор и уже более внимательно осмотрел подсобку.

В шкафчике, который я не заметил сразу, я обнаружил сумку с рыболовецкими снастями - похоже, что кто-то из рабочих собирался после смены пойти на рыбалку. То, что он только хотел это сделать, было видно по жестяной коробочке, с останками сгнивших червей… Ни одежды, ни обуви, к великому моему сожалению я не обнаружил - возможно, эти предметы хранились в другом подвале, либо были завалены за поворотом, и доступа мне туда уже не имелось. В подсобке валялось в углу несколько здоровенных топоров - видимо, ими разрубали мясные туши, которые сейчас догнивали за второй дверью. Хорошо хоть, что вход туда прикрывался очень плотно! Среди больших топоров попалось и несколько поменьше и совсем маленьких - целый набор! Нашлись и ножи - около двух десятков, как мне показалось при неверном освещении. Они тоже разнились по виду и размерам и могли мне пригодиться. Кроме удочек и снастей, я обнаружил еще несколько ведер для воды, моток веревки - вещь крайне необходимую в моих скитаниях, а также камни для заточки ножей и топоров.

Скорее всего, это только часть одного огромного склада - ведь магазин торговал не только продуктами. А может быть, я просто попал совсем в другой супермаркет… Я еще раз прошел по обоим направлениям и уперся в завалы. Мне повезло провалиться в подвал почти на середине, в уцелевшую при землетрясении часть. По межкомнатным стенам я определил, что это очень старый подвал - гораздо старше самого здания, над ним недавно возвышавшегося. Они

достигали метра в ширину - это объясняло, почему подвал выдержал такой удар стихии.

Я снова вернулся к лазу, через который проник в подвал. Его следовало укрепить, если я не хотел оказаться замурованным в хранилище при очередном толчке. Хоть стены и потолок убежища могли выдержать любой толчок, в отношении самого лаза этого было сказать нельзя. Для этого следовало выбраться на поверхность и поискать подходящий материал. Впрочем, тряхни так сильно, как в первый день - никакие стойки уже не помогут…

Я вылез наружу и на какое-то время ослеп - после темноты подземелья даже скудный свет, исходящий с сумрачного неба, казался очень ярким. Деревьев, из которых можно соорудить опоры, поблизости валялось предостаточно. Я сразу догадался захватить с собой топор, и теперь вовсю орудовал им, подготавливая стволы, чтобы опустить их вниз. Увы, среди всего инструмента не нашлось пилы - она могла значительно облегчить работу. Что ж, приходилось довольствоваться тем, что есть. Я вбил в лаз около двадцати стоек - этого могло хватить при не очень серьезном землетрясении. Рассчитывать, что они выдержат что-то очень мощное, конечно, не приходилось. Второй шаг - расширить лаз и сделать более удобный спуск - не вылезать же из подвала на четвереньках каждый раз, когда в этом возникнет необходимость. Покончив с укреплением хода, уставший, я спустился вниз, и, довольный проделанной работой, а еще больше - тем, что осуществилась моя мечта, стал устраиваться на ночлег. Возле стеллажей валялось много деревянных ящиков - я составил их вместе, а потом накидал на них кучу одеял. Впервые за столько времени я мог скинуть с себя грязные лохмотья, в которых находился уже почти три недели. Правда, следовало еще отмыть грязь - но это я отложил на следующий день. В подвале ощущался холод, даже больший, чем на поверхности. Я укутался в одеяла и прикрыл глаза. Усталость давала о себе знать…

Среди ночи я внезапно проснулся - мне стало казаться, что стены начинают угрожающе пошатываться и падать. Привыкнув все время ночевать под открытым небом, я с трудом мог заставить себя остаться в закрытом пространстве. Совладать со страхом оказалось не просто… Но, просидев несколько минут, я убедился, что все по-прежнему, спокойно - здесь, в отличие от поверхности города, была абсолютная

тишина. Просто за эти дни я привык к присутствию постоянной опасности, и ощутить, что наконец-то могу заснуть, не боясь ничего, было трудно... И кроме этого, я всем существом наконец-то проникся, осознал: то, что искал - найдено! Убежище, дом, склад - как угодно! Радость была такой, что остатки сна слетели мгновенно. Дальнейшие часы я просто лежал… Только ближе к утру тишина, и полная темнота заставила закрыть глаза. Я снова уснул.

Проснувшись, я не стал даже смотреть свои богатства, а сразу принялся искать еще один выход - на случай, если первый окажется завален. На этот раз я соорудил несколько плошек - из консервных банок, которые уже успел опустошить. Кусок подходящей ткани, немного масла из бутылки - они, чадя неимоверно, заменили мне быстро заканчивающиеся свечи. Высота потолка достигала четырех метров, и я не ощущал прогорклого запаха - дым поднимался вверх и там всасывался во всевозможные трещинки в плитах перекрытия. Ни одна из них не представляла собой чего-то серьезного - скорее всего, эти трещинки могли оказаться результатом старости самого подвала, чем недавно прошедших толчков. В четвертой от входа комнате - если идти к повороту - я заметил самое настоящее вентиляционное отверстие. Случайно поднес к нему плошку - и огонь, до того горевший спокойно, сразу стал сильнее - пламя взметнулось и едва не опалило руку. Видимо, образовавшиеся пустоты где-то смыкались с отверстиями, ведущими наружу холма. Это упрощало многое - не нужно ломать голову над вентилированием. Мне это было только на руку - я уже думал, где соорудить что-то вроде очага, чтобы иметь возможность греть еду, а при холодах - поддерживать постоянную температуру. Я разложил прямо на бетонном полу небольшой костер и стал ждать. Мои надежды оправдались полностью: дым костра сразу поднялся вверх и очень быстро исчез в одной из трещин. Туда его втягивало, словно пылесосом, - вентиляция, хоть и не посредством электромотора, работала прекрасно.

К своему глубокому сожалению, второго входа я не нашел. Настоящие явно оказались завалены, а тот, в который я провалился, образовался случайно. Но обнаружилось нечто, что сжало мое сердце неприятным предчувствием. Стоя возле второго завала - противоположного тому, где был поворот - я увидел, как вверх уходит узкое отверстие. Несмотря на то, что попытка проникнуть в него,

могла мне дорого обойтись, я все же решил разведать до конца. Соорудив из ближайшего стеллажа и ящиков возвышение, с которого можно достать до дыры, ухватился за ее края и поставил впереди себя плошку с горящим маслом. Она сразу ярко вспыхнула - здесь тоже чувствовалась тяга. Извернувшись, я протиснулся в отверстие и сразу остановился, раздумав двигаться дальше.

Глазам открылся второй этаж здания - или, скорее первый, в котором раньше располагались торговые ряды. В отличие от подвала, он был полностью сметен и раздавлен. Лишь местами упавшие плиты третьего и последующих этажей не сдавили все до самого пола. Просветы не более полуметра, но и этого хватало, чтобы увидеть, что здесь полно трупов… Запах не проникал в подвал только благодаря, все той же, тяге - она выносила все куда-то на поверхность холма. Не будь этого - находиться в подвале стало просто невозможно. Я спустился, отметив для себя, что отверстие не заканчивалось вторым этажом - при желании можно попытаться проникнуть и выше. Куда оно вело, я не знал, но догадывался, что оно действует как труба, вытягивающая все с самого низа. Скорее всего, оно заканчивалось где-нибудь на самом верху холма. Но, когда я на нем стоял, то ничего не видел… Оставив это на потом, я спрыгнул назад.

Странное дело… Надо мной «возвышалось» самое настоящее кладбище, но я воспринимал это совершенно спокойно. Боле того - даже не думал об этом. Выбор был сделан раньше, когда я блуждал по городу. Либо жить, зная, что буду ходить по мертвецам. Либо - самому стать таким…

Мне предстояло очень много работы. Благоустроить подвал, превратив его не просто в хранилище, а в настоящее убежище, где можно спокойно отдохнуть и набраться сил перед будущими странствиями. Я сразу решил, что не стану замыкаться здесь навсегда, а использую склад как постоянную базу для поисков людей. Соорудить очаг, позаботиться о воде, посуде, одежде - забот хватало. О том же, что я фактически собираюсь обустроить свою жизнь на развалинах прошлой, даже не представляя, какой она может оказаться, думать не хотелось...

Всю вторую ночь над холмом гремел гром. Внутри подвала он еле слышался, но, когда я подполз к отверстию, то едва не оглох - так сильно раздавались раскаты. Молнии сверкали над городом, а потом

пошел ливень - такой же, какой затапливал все подряд, и мог идти до нескольких часов кряду. Мне стало не по себе - вдруг вода попадет в склад и зальет все, что сейчас представляло такую ценность! Вход в отверстие располагался несколько выше подножия холма - за счет того, что вся земля в округе была поднята подземной волной и не осела назад, на ту же высоту, на какой она была до волны. Дождь хлестал яростно, превращая все в жидкую грязь. Несколько таких мощнейших ливней - и очень скоро от города останутся только невзрачные бугры и пригорки. А пройдет пара лет - и уже никто не сможет сказать, что здесь когда-то был громадный мегаполис, населенный миллионами людей.

Дождь меня серьезно напугал. Мне стало, так жаль, своих, новоприобретенных сокровищ, что я сразу решил отложить все дела на потом, а вначале навести порядок на стеллажах и по возможности повыше поднять все, что может пропасть в первую очередь, если вода прорвется вовнутрь. Заодно я стал сортировать содержимое полок по принадлежности и датам употребления. Ведь, хотя консервы и хранились в постоянной температуре, но не могли лежать вечно. Мне следовало знать, что можно есть, а что стоит выбросить в первую очередь. Подземные толчки разбросали немало коробок и стеллажей - работы хватало. Одна секция была полностью наполнена пакетами с крупами - и, в частности, с расфасованной мукой. Это меня крайне обрадовало - я умел печь хлеб и надеялся, что в скором времени смогу сделать лепешки. Кроме муки, в коробках, стоявших в этой секции, были сложены пакеты с расфасованной гречкой, горохом, фасолью - и еще около двадцати наименований, некоторых из них я даже не знал, и потому решил, что они привезены к нам откуда-то из жарких стран. Надписи на упаковках подтверждали мою догадку. Груда всяческих пакетиков с чипсами, фисташками, орехами и прочей ерундой. Сотни пакетов с мукой и сахаром, бутылки с напитками и маслом - подсолнечным, оливковым, и каким-то, вовсе экзотическим. Множество тюбиков с кетчупами - товар, скорее скоропортящийся и вряд ли годный к употреблению. Фрукты и овощи - как пропавшие, так и вполне сохранившиеся, вроде картошки и капусты. Вторая секция была составлена из стеклянных банок - больших и маленьких. Тут присутствовали овощные и фруктовые консервы, соки и варенья, маринады и сироп. В неярком свете масляных плошек трудно было

различить сроки хранения продуктов - но я дал себе зарок вскрывать банки только после того, как буду уверен в безопасности их использования. Что и говорить, как часто он нарушался!

Даже если бы я не нашел среди сыпучих продуктов нескольких мешков сахара то одно только содержимое этих банок полностью могло удовлетворить все мои потребности в сладком. Но были и коробки, где хранились конфеты. Пусть и не самый скоропортящийся продукт, но долго сохранить его можно только в очень прохладном месте. Склад, надежно изолированный от поверхности, ощутимо отличался от нее температурой, которая составляла внутри около плюс семи-восьми, градусов. Скорее всего, таковая здесь должна быть всегда. Кутаясь в одеяло, я перебирал коробки, укладывая их на стеллажи, а заодно придумывал, как буду отделять одну из секций - а лучше, две - для жилья. Это необходимо, чтобы прогретый воздух не попадал в остальные комнаты и не сокращал срок хранения продуктов. Да и мне самому требовалось больше тепла - не ходить же в подвале постоянно в остатках рванья, в этой грязной и пропахнувшей потом и кровью шубе.

К сожалению, немало пришлось выкинуть. Так я поступил с хлебом, полностью заплесневевшим, с колбасными изделиями и рыбой - от их протухшего запаха не спасали никакие повязки! После тщательной уборки я обрызгал все помещение дезодорантом, добавив к уже имеющимся ароматам, цветочный и мятный. От полученного эффекта пришлось бежать прочь - смешавшись, все это амбре действовало на мое обоняние, как газовая атака на солдата, без противогаза...

К моей огромной радости, в подвале находились не только продукты. Там же, где я нашел одеяла, стояли несколько упаковок с флаконами различных шампуней, гелей, кремов и прочего, что составило набор для целого отдела, торгующего таким вещами. Разумеется, там присутствовало и мыло - я мог наконец-то отмыть руки!

На одном стеллаже я обнаружил коробки, где находились лекарства. Вот это стало совсем «крутым» приобретением! До сих пор я мог надеяться на самого себя, но, после такой находки, подобное уже не казалось слишком опрометчивым. И теперь подпрыгивал от радости! Целый ряд ящиков, укомплектованный лекарствами. Очень

много наименований, о многих из которых я не имел ни малейшего понятия. Но те, которые мне известны, уже не могли оказаться лишними. В городе, полностью лишенном средств защиты, это едва ли не ценнее еды. Любая травма, любая болезнь, не остановленная вначале, могла привести только к смерти. А с помощью этих коробок я получал очень серьезный шанс уцелеть, в подобного рода, неприятностях.

Еще одна очень нужная находка - стеллаж со швейными принадлежностями. Я вначале не обратил на него внимания, не заметив среди ткани и одеял. Там в изобилии лежали всевозможные нитки, пуговицы, иголки и прочая мелочь, без которой теперь так сложно обойтись. Там же соседствовали различные электроинструменты, лопаты, насосы и прочий строительно-дачный ассортимент. В нескольких коробках множество саморезов, шурупов и прочей мелочи. А в подсобке под столом - большое ведро, доверху наполненное толстыми, длинными гвоздями. Я еще не знал, для чего они могут пригодиться, но на всякий случай залил их растительным маслом - чтобы не ржавели. Гвозди очень толстые - такие вряд ли пригодятся для забивки обычных досок, они годились скорее для сбивания бревен. Я только тихо радовался, понимая, что любая найденная здесь вещь может пригодиться. Более того - просто чувствовал, что даже эти гвозди мне понадобятся, и возможно, очень скоро…

Перебирая все это богатство, я подумывал и о другом. Рано или поздно придется полагаться на себя, а не на этот склад, так, кстати, найденный под холмом. Все могло испортиться, сгореть, оказаться залитым водой или быть раздавлено… И тогда от голодной смерти спасут только руки и ноги. Но и руки и ноги к этому времени должны научиться, сами добывать пищу! Хотя я пока не представлял, что можно найти в развалинах города, чтобы заменить этим сокровища подвала. Разрушенный город не внушал оптимизма - за все время моих странствий я очень редко видел что-либо живое - в основном, только крысы или одичавшие кошки и собаки. Встречи с ними заканчивались ничем - обе стороны решительно и бесповоротно избегали друг друга. Я опасался слишком крупных серых тварей, не без оснований побаиваясь их численности. А кошки сами удирали от меня со всех ног, явно понимая, что я стану смотреть на них не как на домашних

любимиц… Что касается собак, то те не лучше крыс - если бродили по развалинам не в одиночку. Стая крупных и клыкастых созданий представляла собой силу, с которой нужно считаться. Правда, встречи с ними случались редко, а потом вообще, сошли на нет - вероятно, все они покинули город в поисках пищи. Ну а встреча с людьми… Я не особо обольщался - раз за такое количество времени нигде, ни в одном районе, я не встретил ни одного живого человека, то надеяться, что это произойдет сейчас - наивно. Нет, конечно, не могло быть так, что из всего многомиллионного города - да что там, всей страны, уцелел только я один! Хотя, все мои скитания убеждали в том, что доля истины в этом есть, и немалая…

К большому сожалению, в этом «магазине» не нашлось отдела, заполненного оружием. Или он оказался недоступен мне… Вспоминая монстра, найденного среди груды человеческих тел, я не мог не представлять, что встреча с таким красавцем станет для меня очень печальной - если мне нечем будет от него отбиться. И на этот раз какая-то железная труба не решит проблему. Чуть обжившись, я стал искать, из чего изготовить то, с чем можно без опаски бродить по городу, а возможно - и далее… Поразмыслив, пришел к выводу - оружие все же есть. Прежде всего - те самые топоры. Или же - нет? Возможно, в умелых руках они и представляли собой грозную вещь - но вот только мои руки не предназначены для разбивания чужих голов. Мне просто никогда раньше не приходилось поднимать их на человека - так, чтобы убить… И если не считать случая с кошкой - то и на зверей. Хотя… Где-то в прошлой жизни присутствовал случай, когда только реакция и помогла уберечься от клыков здоровенной овчарки. Перехваченная в прыжке за задние лапы, она лишь немного не дотянулась до моего горла - зато я, донельзя испуганный и действующий скорее рефлекторно, чем осознанно, раскрутил ее в воздухе и так приложил о бордюр, что второго удара уже не потребовалось… Но это случилось так давно! Я выбрал из топоров один, не слишком большой, и, промучившись почти весь вечер, более или менее правильно обломал ему обухом другого слишком широкие края - чтобы лезвие стало более узким и удобным. При этом я отбил все пальцы. Тщательно заточив его на бруске, нашел снаружи подходящее деревце, обтесал и изготовил топорище, заменив им старое. Я сделал его несколько длиннее, чем обычно. Теперь таким

топором действительно можно убить! Но одного топора показалось уже мало - я принялся за изготовление копья. Для этого пригодился один из широких ножей - все равно пользоваться им по назначению трудновато. Да и что резать таким гигантом? Зато как наконечник для копья он подходил прекрасно. Один только вид такого оружия мог напугать кого угодно - древко почти в мой рост, плюс сантиметров сорок очень крепкой и острой стали. С этим оружием не стыдно выйти и на медведя - если таковые вдруг появятся среди руин! Специально расколов костяную рукоять, я вставил ручку лезвия в заранее пропиленное дерево. Под металл подложил пару шайб - чтобы при ударе сталь не ушла вглубь древесины. Впрочем, работа облегчалась ограничителем на ноже в виде небольшой шаровидной чашечки. Он уперся в древко и таким образом не давал всему лезвию никуда соскочить. Залив все сваренным самодельным клеем, и накрепко обмотав тоненькой бечевой, я высушил копье возле огня. Потом попробовал испытать его на бросок - пролетев двадцать шагов, копье пробило дерево, росшее неподалеку от входа в подвал, почти насквозь. Я лишь с большим трудом смог вытащить его обратно… Завершило мое вооружение два ножа. Один, узкий, используемый именно как нож, а второй, более приличных размеров, - вроде короткого меча. Пришлось для обоих сшить из ткани и обрывков кожи, ножны. Теперь я мог смело бродить где угодно, не опасаясь встречи почти ни с кем. Хотя, если задуматься, оружие, мне и раньше, как-то особо и не требовалось…

Раз отпала проблема поисков еды, то появилась масса свободного времени, которое я теперь мог использовать на что-нибудь другое. Следующим шагом в деле благоустройства подвала стали очаг и стены. Я натаскал в убежище битых и целых кирпичей, цементом послужила глина - я надеялся, что когда в очаге станет постоянно поддерживаться огонь, она засохнет и окаменеет, а не рассыплется. Выбрав среди комнат две под жилье, я стал возводить стену, ограждающую склад от этих секций. Работа была не долгой - руки, не отвыкшие от стройки, уверенно клали кирпичи на свои места. Покончив со стеной, я навесил на проходы по несколько одеял и таким образом, тепло, которое стало появляться в жилом помещении, не попадало в остальные комнаты. Третья секция - та, в которой я оказался вначале, стала промежуточной. Там был сделан подкоп - я теперь мог, лишь немного

пригибаясь, выходить наружу по крутой лестнице, вырубленной прямо в земле. Хоть выход и представлял собой просто слегка увеличенный лаз, но и для него потребовалось придумать двери - чтобы никто не мог проникнуть в подвал во время моего отсутствия. Для этого прекрасно подошла дверца от автомобиля. Я укрепил ее на ремешках, и теперь она даже стала открываться, как настоящая. Еще несколько пожертвованных одеял внутри и специально натянутая грязная тряпка снаружи - и дверь готова. Теперь, не зная о том, что здесь есть вход, любой человек пройдет рядом и ничего не увидит. Я и сам, отойдя от лаза на пятьдесят шагов, уже не различал, где просто мусор, а где хитро спрятанный выход. И только потом пришла в голову мысль - от кого прячусь?..

Еще одна задача - вода. В подвале нашлись две больших бочки, каждая по двести литров. В одной почти до половины хранилось растительное масло. Вряд ли оно могло считаться съедобным - скорее всего, использованные остатки от предыдущей жарки. Похоже, что в этом здании располагался не только супермаркет, но и кафе или фастфуд. Мне показалось неправильным такое распределение крайне необходимой тары, так как среди множества предметов никаких емкостей я не обнаружил. Одну бочку я планировал использовать как бак для мытья - наподобие японской ванны. Вторая будет служить хранилищем для питьевой воды. Пришлось перелить все масло в бутылки - я собирал их очень долго, по всему периметру холма. Так же муторно и долго пришлось их отмывать - в моем распоряжении больше не имелось крана, которого достаточно повернуть… Зато освободившуюся бочку стало можно использовать по предназначению. Проблема с ее отмыванием не оказалась сильно неразрешимой - достаток всяческих средств делал это возможным. Когда придумал, как греть воду - стал устраивать что-то вроде ванны и парной одновременно. Вторая бочка оказалась пустой, и я сразу определил ее под хранение питьевой воды. Даже не очень очищенная, она могла хотя бы отстояться в бочке, и я мог ее впоследствии брать с собой - чтобы не пить первую попавшуюся из луж. Вопрос с наполнением разрешился, к моему облегчению, довольно просто. Само собой, что чистой воды в городе просто не имелось. Возможно, где-то и били какие-то родники или текли ручьи - но до сих пор мне они не попадались. И мне опять очень повезло - примерно в двухстах метрах

от места, где я поселился, нашлось небольшое озеро. Прямо посередине фонтанировал гейзер. Довольно необычное явление… Я рискнул попробовать. Вода оказалась слегка тепловатой, и довольно чистой. Наверное, он бил откуда-то из большой глубины. Вода не успевала засориться всем, что лежало на берегах. Я пробирался прямо к центру и, дождавшись, пока начнется очередной выброс, подставлял ведро. Разумеется, эту воду я натаскал только для питья - на уборку, стирку и прочие вещи брал прямо из озера.

Когда подсохли кирпичи у очага, испытал и его - и, к моей радости, глина не растрескалась, а застыла, как литая. Положив на боковые стены несколько стальных прутьев, я получил жаровню. Найти подходящую посуду среди обломков и руин не составляло особенного труда. Правда, практически вся она была помята или расколота, но и среди мусора попадалось несколько приличных кастрюль да тарелок. Заодно подобрал пару подходящих сковородок, несколько чашек и чайник. Ложки вырезал из дерева, оказалось совсем не сложно - если не учитывать, сколько времени это заняло.

После всех забот пришло время привести в порядок себя. Вопрос ванны отпал сразу - просто не имелось в наличии. Но зато можно наполнить горячей водой отмытую бочку! Конечно, не очень удобно, но все лучше, чем в тазике. Нагрев воду в ведрах на очаге, я наполнил ею свободную бочку и стал мыться, не жалея ни мыла, ни шампуня. Пена лезла из бочки во все стороны, а я, подвернув ноги под себя, нежился в горячей воде с блаженством бегемота, попавшего в родную стихию. При неверном свете светильников найденной бритвой соскоблил многодневную щетину. Как ни странно, умудрился ни разу не порезаться - хотя опасной бритвой брился в первый раз в жизни. Привычных одноразовых станков в хранилище, увы, не оказалось… Постепенно, по мере удаления бороды, на меня, из обломка зеркала смотрело совершенно чужое лицо... Пара шрамов, полученных неизвестно где, складки под глазами и несколько новых морщин. А более всего впечатлили волосы - лохмы, уже лежащие на плечах, какого-то ненормального светлого, вовсе не присущего мне цвета. Они вообще перестали быть моими - обычными, русыми. При неверном освещении вначале решил, что полностью поседел. Но, когда зажег еще несколько светильников, убедился в своей ошибке. Волосы стали светло-серыми, или, скорее, стальными и даже отливали

металлическим блеском. Этого нельзя было объяснить ничем. Более того - на теле рельефно выпятились невесть откуда взявшиеся бугры мышц, грудная клетка вроде как даже раздалась, а руки стали способны сплести два куска арматуры… При всем этом, на перекачавшегося культуриста я вовсе не походил.

Я покачал головой - перемена разительная. Что бы там со мной ни происходило - изменения оценивались только к лучшему. Оставалось пожелать, чтобы на этом они закончились, не уподобив меня увиденному не так давно оборотню…

После купания и натирания болячек целебными мазями, все шрамы и раны стали очень быстро сходить. Хватило пары дней, чтобы мучительная ссадина на руке - после того как я обварил ее кипятком - прошла, не оставив и следа. Вернее, следов-то хватало - и руки, и все тело были изукрашены шрамами в достатке.

Подходила к концу вторая неделя с тех пор, как я нашел склад. Уже была изготовлена грубая мебель - из обломков досок и древесностружечных плит. Пара скамеек - чтобы не таскаться с одной по всем углам. Два табурета - они не особенно требовались, но я, увлекшись мебелью, заодно сделал и их. Мебель из подсобки тоже пошла в ход - особенно стол, на котором я все время, что-нибудь, мастерил. Обновил и свое ложе. Я решил, что уж его следует соорудить как можно тщательнее, чтобы не так болела спина на жесткой постели. Вновь перебрал все ящики и расставил их плотнее, потом сбил гвоздями. Среди инструмента не нашлось не только ножовки, но и молотка. И то и другое заменял маленький топорик. Им приходилось так часто орудовать, что я стал в итоге засовывать его за пояс. Иногда практиковался в том, что время от времени метал его в дерево - оно так и превратилось в своеобразную мишень. Как бы ни были скромны мои потуги, попасть в цель, но я стал замечать, что раз за разом это удается все лучше. На ящики положил доски плашмя, на них - ковры и одеяла. Не жалел ни того, ни другого, в итоге постель стала выше чуть ли не в двое. Зато я все-таки выиграл в мягкости. Увы, но о матрасах или о том, что могло их заменить, мечтать не приходилось. Я подумал, что было бы неплохо положить на нее пару шкур какого-нибудь, крупного зверя… Я еще не знал, насколько я недалек от истины…

Следующим шагом стала одежда. Хоть я и сидел практически все время внутри подвала, но о том, что буду много времени проводить вне его стен - не забывал. Подвал дал возможность отдохнуть и отмыться от многодневной грязи, а самое главное, полностью ликвидировал угрозу голода. То, в чем я ходил, уже невозможно было надевать. Все в клочьях, дырах, пропахшее потом и в грязных разводах… В том месте, где у подвала был поворот, я едва не провалился вниз - там оказался провал, глубоко уходивший вниз. Я сбросил туда факел, и он улетел, осветив дыру не менее, чем метров десять в глубину. Дальше факел угас, но, судя по увиденному, трещина сужалась и смыкалась. Это мало походило на последствия землетрясения, скорее всего, там когда-то была яма, и толчки лишь открыли ее. Немного поколебавшись, я закрепил веревку и спустился, сколько позволила ширина отверстия, в расщелину. Самого дна не достиг, но убедился, что дальше хода нет. В какой-то мере, был этому даже рад – пропала одна из проблем, чисто физиологического плана. Следовало лишь закрыть яму имеющимися поблизости, досками. Теперь я весь текущий мусор сбрасывал туда, а заодно - что уж стыдиться! - использовал трещину, как уборную.

Хоть подвал и стал для меня полем чудес, но, если чего-то в нем было с избытком, то многое отсутствовало совсем. Одежды не нашлось - и с этим ничего поделать нельзя. Зато с избытком того, из чего ее можно сшить. Но одними руками, без швейной машинки… Тяжело, к сожалению. Все получилось по принципу - неладно скроен, но крепко сшит. Нижнее белье я изготовил из мягкой ткани - фланели. На изготовление ушло времени почти столько же, сколько на все остальное. Потом сшил штаны и легкую куртку. Их я сделал из более крепкой ткани - шерсти, смешанной с чем-то. В куртке использовал множество вкладок из гобеленов - если бы меня кто-нибудь, увидел в этом наряде, то долго смеялся или потерял дар речи от изумления. Но я считал, что получилось красиво. Верхняя куртка и еще одни штаны - из искусственного меха. Теперь я был надежно одет и экипирован, что и говорить, гораздо лучше, чем до того, как впервые попал сюда. Из различных тканей скроил грубоватый свитер и еще одни легкие штаны - про запас и чтобы было, что поддевать в холодную погоду. Разумеется, я не старался изготавливать все слишком сложно - напротив, все мои куртки и штаны были очень упрощены. Молнии и

пуговицы заменил резинками. К тому же, запас швейной фурнитуры позволял экспериментировать как угодно и с чем угодно.

Наибольшую трудность представляла обувь. Что-что, но вот ее изготовление оказалось мукой. И, как назло, я не смог найти на улицах ничего, что можно обуть. Все было погребено под слоями постоянно падающего пепла и залито смерзшейся грязью. Пришлось подходить творчески… От лодыжек до колен сшил меховые лосины, они же чулки, которые просто подвязывал веревками, дабы они не падали. На них пришлось использовать рукава, от сильно истрепавшейся шубы - я стал скрягой, и выкидывать еще пригодную деталь, посчитал расточительством. К низу подшил по паре слоев обрезков ковра, а вместо подошвы - куски от тента, найденные неподалеку. Получилось что-то вроде меховых сапог. Ноги сразу перестали мерзнуть. Правда, это было не совсем удобно, но выбирать не приходилось. Земля в основном смерзлась и, если не ступать сознательно по лужам, такой обуви могло хватить надолго. А там можно и поменять подошву… Завершило мой гардероб создание меховой шапки и перчаток. И если первая получилась еще кое-как хоть на что-то похожей, то перчатки - хуже всего, что я до сих пор делал. Громоздкие и грубые. Но и ими я гордился, как если бы это было изделие искусных мастеров… Правда, надев их, работать становилось неудобно. Но для дальних походов вполне годилось.

Я критически оглядел свой наряд. Нелепо подогнанная, сшитая из кусков и вовсе не столь удобная, как могло показаться на первый взгляд, вся моя одежда являла собой нечто невообразимое. Я был похож в ней на медведя и обезьяну одновременно. Завершал сходство капюшон - я умудрился сшить и его. Если надевал его на голову, то, ручаюсь, на расстоянии в двадцать шагов эта одежда могла смутить кого угодно. Я не оставлял надежды проникнуть на второй этаж и как следует там покопаться. Но пока это оставалось лишь планом…

Однажды, собирая дрова для очага, я откопал в грязи наручные часы, продолжавшие работать, несмотря на все перипетии. Полная водонепроницаемость обеспечила работу механизма - мне на радость. Я сразу посмотрел на календарь…

По моим расчетам, с начала Катастрофы прошло где-то около полутора месяцев. Несмотря ни на что, в памяти сохранилась дата, когда все началось. Но, если верить часам, то я жил среди руин гораздо

больше. Это как то не вязалось с моей памятью, и я недоверчиво отложил их в сторону. Тем не менее, чтобы совсем не остаться без учета времени - до находки часов я об этом как-то и не думал - нарисовал на свободной стене календарь. Пройденные дни и недели решил отмечать черточками мелка. Теперь, даже если потеряю часы или собьюсь с точной даты - этот календарь поможет мне ее узнать.

Вместе с сытостью и покоем пришло состояние уверенности в своих силах. Я стал гораздо более ровно воспринимать окружающий меня мир, будучи обеспечен десятками стеллажей с консервами, крупами и прочими съестными припасами. По крайней мере, их могло хватить на срок, более чем достаточный, чтобы я успел придумать, чем это все заменить. Конечно, когда-нибудь это могло стать проблемой - но не сейчас. На мою удачу, практически все, что я обнаружил в коробках, имело очень большой срок хранения. Далеко не каждый супермаркет не позволял себе торговать несвежими продуктами… Можно считать, мне и с этим повезло.

Теперь, когда я покончил с основными задачами, я мог присесть у очага и не торопясь обдумать действия на будущее. Прежде чем отправляться куда-либо, надо хоть в общих чертах представить, куда идти и что, собственно, искать? А также - что могло случиться. Что произошло? Что так сильно исковеркало город и всю прилегающую территорию? Анализируя виденное, я механически рисовал черточки на полу - За и Против. Менее всего это походило на войну. На пресловутый ядерный конфликт, после которого не осталось ни побежденных, ни победителей. По крайней мере, все, что приходилось об этом слышать, как-то не соответствовало действительности. Да, вроде бы я успел заметить тот самый гриб, где-то на востоке от города - но не было ли это облаком пепла, или плодом воображения? В те секунды мог ли я отдавать отчет собственным глазам? Приходилось, не теряя ни мгновения, спасать свою жизнь - и это при чудовищных подвижках земли под ногами… Да и радиация, невидимая и неощутимая, уже давно отправила бы меня вслед за теми, кто сейчас находился под завалами и землей! Значит - не война. Вернее - не бомба… Комета, астероид, метеорит? То есть - не прошенный гость, из космоса. Как-то не верилось, что его не смогли вовремя заметить и не предупредить людей… Хотя, логически, такое вполне укладывалось в схему. Правительство могло просто умолчать факт, чтобы без спешки и

паники укрыться самому. Возможно такое? Да запросто! На то она и власть, чтобы в первую очередь спасать себя, любимую… История человечества знала немало примеров подобного, считать, что что-то изменилось к лучшему и правители всех рангов и мастей изменились в лучшую сторону - себе дороже. Но, если даже власть сумела сохранить в тайне такое событие, как подлет астероида, то любители, которых во всем мире предостаточно, вряд ли стали молчать. А заткнуть рот тысячам заинтересованных граждан не так просто, как может показаться на первый взгляд. Не только у нас в стране есть астрономы, и не везде власти столь всемогущи… Зато, и первые и вторые могли и прозевать. Мне приходилось читать о подобном - когда астрономы замечали астероиды уже после того, как они пролетали в опасной близости от Земли. Этот мог и не пройти… В принципе, все последующие события отвечали на такую гипотезу. Но, если астероид, или болид, настолько сильно тряхнул всю планету - а в этом я не сомневался! - то есть ли смысл во всех моих попытках? Нечто подобное уже уничтожало все живое на Земле в какие-то, сверхдревние эпохи… И, если мне не изменяет память - все успокоится лишь лет этак через тысячу… Еще один вариант - глобальное землетрясение, потрясшее все континенты целиком и чудовищно изменившее их очертания. Возможно… Это тоже объясняло все - но только не появление монстра! Вот тут я терялся, разом утрачивая уверенность. Объяснить такое мне стало не под силу, также, как и слишком уж крупных крыс. Хотя, крысы все же были более привычны. Об их собратьях не раз уже писали - вроде того, что видели размерами с некрупную собаку, в подземельях метро. Но лично я, когда выбирался наружу, никаких монстров в подземелье не заметил. Или – это только вопрос времени?

Далее… люди. Где они? Как могло так случиться, что я до сих пор никого не встретил? Во всем многомиллионном городе? Сам, едва ли ни чудом, спасшийся после всех испытаний - и я справедливо считал, что мне не так уж и повезло… Наверное, лукавил. Все-таки, свалиться в бездну и при этом угодить в вентиляционную шахту - вполне достойно кадра, для голливудского блокбастера. Но, только после такого полета пришлось еще выбираться на поверхность - а кому-то достаточно было лишь выдержать первый удар, да суметь выжить в развалинах. Иначе говоря, раз смог вынести все это я сам - где те, кому

повезло больше? Они могли оказаться рядом. А могли - за тысячи километров отсюда. Люди… И, какие они теперь? Пережившие ужас первых, самых страшных дней. Оголодавшие и увечные, умирающие от голода и холода. Где-то там могли бушевать эпидемии и болезни, которые теперь некому лечить. А выжженная и изуродованная земля, да еще во время суровой зимы - еще один неумолимый убийца, способный без особых хлопот добить тех, кто уцелел в первые минуты… Как мне их найти, как связаться с ними? Однако, думая о том, что мог бы помочь многим, я опасался, что толпы сметут и подвал и меня вместе с ним…

Новые условия диктовали и новые расстояния. Век, когда многие километры запросто можно преодолеть на транспорте, минул… и неизвестно, когда он вернется. Если вернется вообще. Блуждания по руинам дали мне четкое представление, сколько времени требуется, чтобы пройти хотя бы один километр. Примерно три часа, если все в порядке и нет особой нужды никуда сворачивать. Раньше бы я прошел его за двадцать минут… Но в городе, где прямой дороги больше не существовало, это еще неплохо. Что же творилось за его пределами, я пока не знал, но предполагал, что там будет несколько лучше. Все-таки, там нет остатков зданий и такого множества коварных ловушек, в которые легко угодить. В мире, где больше не осталось телефонов и электричества, все стало отброшено на много лет назад… Но все-таки, хоть кто то, но спасся же? Неужели я один такой… Счастливец? Мне хотелось немедленно идти на поиски, но я опасался оставить склад, спасший мне жизнь. Даже отойти от него всего на несколько шагов не мог - не в силах был заставить себя потерять холм из виду.

А на улице тем временем заметно похолодало. Я выбирался из подвала и сразу ощущал, как обжигающе холоден и колюч ледяной ветер. Но это было единственное, что говорило о том, какое сейчас время года. Все так же не падал снег, почти не застывали лужи на земле, даже, наоборот - в некоторых озерках вода, если не была горячей, то и не становилась слишком холодной. Я объяснял это внутренним теплом, достигающим поверхности из глубин - и сурово сжимал брови, догадываясь, что добром это не может кончиться. Еще хватало мест, где огненные языки вырывались наружу - правда, их стало намного меньше, чем вначале. Зато ветер… При дыхании пар вылетал изо рта, а лицо стягивало маской. По моим прикидкам, мороз

достигал двадцати пяти-тридцати градусов. И опять столкновение различных температур воздушных масс и земли создавало пар, превращающийся в непроницаемый туман. Сумрак - небо так и не прояснилось, продолжало давить мрачными, непроницаемыми тучами - усиливался мельчайшими каплями, видимость пропадала, если не совсем, то очень сильно. Буквально в нескольких шагах все сливалось в белесую пелену, и разглядеть что-либо сквозь нее было невозможно. Я старался это время пересидеть внутри подвала.

И все же, я не мог оставаться в нем вечно. Прожить в моем арсенале, складе - я называл его по-разному - можно сколько угодно… Но не всю жизнь. Мне предстояло выйти и попытаться разведать местность. И, если не найти никого, то хоть иметь представление, во что превратился город и насколько далеко тянутся разрушения и провалы.

Я стал готовиться к экспедиции со всей тщательностью. Сшил из крепкой ткани мешок, который приспособил для ношения на спине. Заполнил его продуктами - из расчета, на несколько дней. Взял в основном самые питательные и легкие банки, только жестяные - стекло могло не выдержать моих прыжков и разбиться. Взял плоскую бутылку с коньяком - среди продуктов нашлось и разнообразное спиртное: ром и виски, джин и водка, а также множество других наименований, в которых преобладали вина самых разных сортов и стран. Дань этому богатству я отдал, едва понял, что являюсь их единственным владельцем - выпил на радостях пару бутылок вина. На этом попытка «надраться» и закончилась - никогда не был особым поклонником крепких напитков, предпочитая всему обычную воду. Даже коньяк был взят из соображений скорее необходимости, чем удовольствия. Мешок укомплектовал небольшой походной аптечкой. Увы, но я не знал, что нужно брать в первую очередь. Возможно, я оставлял дома то, что могло пригодиться, и брал вовсе ненужные лекарства. Но бинты и мази взять не забыл, как и средства от простуды, несколько шприцев с обезболивающими - в них я немного разбирался. Помогло то, что я работал когда-то спасателем. Умение оказать первую помощь всегда входило в наши обязанности, жаль только, что более подробное обучение не успело завершиться - я потерял работу, а потом был вынужден искать ее по всем краям и городам нашей, в прошлом великой, а теперь разоренной страны. И

работу - любую, вроде той, какую исполнял совсем недавно. Я несколько лет был строителем, что помогло мне так быстро и качественно оборудовать подвал.

Прикинув все за и против, еще раз подумал, что мне, тем не менее, повезло много больше прочих… Хотя назвать везением то, что я упал с высоты в пропасть и лишь чудом, не на дно, а в трубу - еще вопрос. Но я остался жив… А все, кто бежал, спасался рядом со мной - мертвы. Скорее всего, то, что я вылез наружу после многих часов блужданий в темноте, спасло меня, от какого-то губительного для всего живого, излучения - только этим можно объяснить то, что я не видел живых. Те, кто уцелел при землетрясении и наводнении, спасся от взрывов и огня, не выдержали чего-то еще… И, очень вероятно, что выжженные глазницы и черепа - как раз свидетельство именно этого. Но ведь не все? Кто-то, как и я, мог оказаться под руинами и завалами, и только потом, когда все кончилось, выползти наружу! Но я пока их не видел…

Глава 5 Скитания

Глава 5

Скитания

Любой, кому выпадет остаться наедине с самим собой, рано или поздно начнет выть от тоски по людям. Но, если ему в утешение останется мысль, что судьба, столь жестко распорядившись с ним, все же пощадила других - то на что мог надеяться я? Можно ли к этому привыкнуть? Не рвать на себе волосы, не резать вены, не броситься в пропасть, чтобы покончить со всем раз и навсегда? Сознавая, что во всем мире нет больше никого и ничего… А если кричать - то крик твой будет услышан лишь ветром. И только пепел и песок станут внимать твоим словам. Порой накатывало отчаяние…

Я выходил на поверхность, с тоской смотрел на мрачные картины, простиравшиеся во все стороны от моего холма и, опустив голову, убирался обратно, в тишину и надежность подвала. Там, занимаясь чем угодно - шитьем, рубкой дров, приготовлением пищи, пытался так измотать себя, чтобы уже ни какие мысли не посещали, кроме тех, что посвящены насущным заботам. Когда становилось совсем невмоготу, одевался, закидывал за спину походный мешок, брал копье и, плотно затворив входное отверстие, отправлялся, куда глаза глядят. Я многое узнавал из своего прежнего голодного бродяжничества, но с тех пор многое и изменилось. Пока я находился в убежище, земля еще не раз вздрагивала, старые пропасти сменились свежими, а те, которые я знал, пропали. Да и невозможно запомнить все расположение, когда я был поглощен только поисками еды. Кое-что, правда, отложилось - чисто автоматически. Я приходил куда-то и убеждался, что эта местность или пейзаж мне не совсем чужд, что поиски еды или укрытия уже приводили меня сюда в первые дни после спасения из глубин разрушенного подземелья метро.

Этим я обязан не разуму. *Звериная* память говорила о прошлом. Она так и не пропала окончательно, вместе с изменениями, о которых уже упоминал. Волосы, полностью отмытые от многодневной грязи, так и остались свинцово-стального цвета, все порезы и раны зажили, оставив малозаметные рубцы, а сила, присутствие которой я так

внезапно ощутил, пока никуда не исчезла. Я с удивлением смотрел на свои руки - вроде ничего и не прибавилось в бицепсах, но стоило взять в них что-то - и я понимал, что могу это что-то сломать, или погнуть. Сила скрывалась где-то внутри…

Понемногу я стал отваживаться отходить все дальше и дальше - только так можно надеяться, что встречу кого-нибудь, кому повезло так же, как и мне. Но все тщетно. Кроме звуков моих шагов да постоянно дующего порывистого ветра, ничто не нарушало спокойствия и мертвой тишины руин.

На первый взгляд, любой спасшийся мог обеспечить себя всем. Город давал такую возможность, и с этим сложно не согласиться. Но в том-то и дело, что все разбросанное среди холмов стало надежно упрятано многократно повторяющимися слоями пепла и песка, сцементировано грязью и залито водой. Увидеть хоть что-нибудь ценное уже довольно проблематично. Все очень похоже - один холм сменялся другим, руины продолжались руинами. А устремленный вдаль взгляд натыкался на свинцово-серые тучи, сливающиеся с горизонтом. Впрочем, и сам горизонт располагался не так уж и далеко - всего какой-то пяток километров. Смог или пылевая туча, продолжающая висеть над городом, никуда не делась. Нужен был очень сильный ураган, чтобы ее прогнать, или хотя бы сделать не такой плотной. А может быть, уже ничто не могло избавить меня от нависающего мрака…

Сам выход в город всегда оставался сопряжен с трудностями, именно из-за этого. То дождь, то туман и падающий пепел мешали правильно ориентироваться. И было очень неприятно и жутко бродить по городу, когда даже мой холм вдруг внезапно пропадал в темноте - я сразу прекращал все свои поиски и устремлялся обратно, страшась больше всего на свете потерять его из виду. Заблудиться в катакомбах можно проще простого. И если бы не моя прекрасная зрительная память - это могло случиться не раз.

Вскоре я обратил внимание на еще одну странность. Поражало полнейшее отсутствие зверья. Даже крысы, и те словно вымерли в одночасье. Ни птиц, ни кошек, ни собак - никого… Я скитался один среди этого мира мертвых… И искал - долго и упорно. Но что можно обнаружить, если придерживаться все время расстояния не более

километра от холма? Мне нужно было решаться предпринимать дальние походы...

Прежде чем покинуть подвал, я решил установить хоть какой-нибудь, знак, который бы стал указателем именно на мой холм, а не на многие другие, столь похожие друг на друга. Он не мог, конечно, просматриваться отовсюду, но пригодился бы на расстоянии доступной видимости. Я поднялся на самую вершину, где установил длинный шест, с привязанной тряпкой, укрепив его всем, что попало под руку. Случайный порыв ветра не мог его стронуть, ну а от урагана все равно ничего не поможет. Я надеялся, что он будет служить мне ориентиром. Сытый, отдохнувший, подлечивший раны, я был готов к скитаниям среди мертвого города, но на этот раз знал, что мне есть куда вернуться и куда идти, если в этом возникнет необходимость. Вряд ли мой импровизированный флаг мог быть заметен на очень далеком расстоянии… Скорее, это служило дополнительным средством самоуспокоения.

Пришел день, когда я отважился не вернуться в подвал на ночь. Скорее, это получилось случайно, чем осознанно. Не так уж я боялся заночевать в обломках, благо такого опыта хватало. Да и ночь назвать ночью можно лишь отчасти - она ничем существенным не отличалась от дня. Или, вернее, от тех сумерек, в которых все находилось. Только часы, спрятанные в плотно сшитый мешочек и носимые на груди, указывали на смену дня и ночи. Правда, я им больше не доверял… Что-то странное творилось со временем. Если по циферблату подходило к полуночи - всем своим существом я ощущал что в запасе еще как минимум, часа четыре. Попытки вставать ровно в назначенный срок, так же провалились из-за несоответствия часов биологических и электронных. Я поднимался гораздо раньше, причем вовсе не хотел спать. А то, что я успевал за день переделать кучу дел, удивляло еще больше. Оставив на будущее эти сложности, я предпочитал доверять себе больше, чем вышедшей из строя электронике. Но выкинуть их не торопился…

В первый раз я честно отошел на расстояние видимости своего холма, но зато на другой день решил продлить поиски. Местность вокруг была настолько изрыта оврагами, приподнята холмами и усеяна провалами, что придерживаться прямого направления стало невозможно. В итоге я забрался так далеко, насколько позволяли

припасы в заплечном мешке. Получилось два дня туда, два - обратно. Разведка на восток ничего не дала - руины, руины и снова руины. Сколько схватывал глаз - сплошные холмы бывших многоэтажных, и не очень, домов, которые нескончаемо возвышались впереди и по обе стороны от моей тропы. Под ногами взлетала и опять осаживалась пыль, ветер дул то в спину, то в лицо, а вместо солнца светились жутковатые облака. Иногда что-то, похожее на молнии, прорезало их, на миг, озаряя сиянием весь город. Но такое случалось редко. Я совершил несколько длительных вылазок, понемногу начал осваиваться в бескрайних руинах. Но теперь, по прошествии многих дней, все они покрылись почти беспрестанно падающими хлопьями, и все стало одного удручающего буро-красного цвета. Хлопья казались невесомыми, сухими на ощупь. Больше всего они походили на свалявшуюся пыль, а может, и являлись ею. Они застилали все сплошным ковром, мгновенно взлетая и перемещаясь от слабого ветерка. Следов на таком ковре не сохранялось. Зато когда шел дождь, хлопья сразу становились скользкими и жирными. Наступив на них, можно было сразу упасть.

Еще сильнее усилился холод. Не имея термометра, я судил по встречавшимся лужам. Если вода в них промерзала до самого дна - значит, явный минус… градусов двадцать ниже нуля. По времени, прошедшему с начала моих приключений, сейчас как раз приближался календарный праздник. Новый год. Я только скупо усмехнулся, подумав, сколь нелепо сейчас о таком думать… Новый, не новый, но, по любому - зима. Я боялся даже представить, какой силы могут оказаться ледяные ураганы, если не тепло, подогревающее город изнутри. Но то же тепло могло погубить и тех, кто прятался сейчас где-нибудь в подземельях - так же, как я сам в подвале.

Думая о других, я не мог смириться, что повезло уцелеть только мне. Даже если погибли миллионы. Ведь были еще города, громадная территория всей страны, другие государства, наконец! Но если кто-то остался жив... какой будет эта встреча? После того как я откопал в подсобке мясной отдел - мне все же пришлось, сжимая нос от тошноты, выволочь наружу гниющие куски и сбросить их в ближайшую пропасть - я нашел в нем несколько стальных крюков и багор. Выбранные ножи и топор с длинным топорищем я всегда брал с собой. Для топора сделал ременную перевязь и носил его за спиной, а

широкий тяжелый нож - за поясом. Еще один, поменьше, с узким длинным лезвием, был запрятан в рукаве. Добавляя к этому копье, я чувствовал себя настолько вооруженным, что уже не так боялся - именно тех, кого так старательно искал. Я не хотел признаваться себе, что это припасено как раз на случай встречи с человеком...

Подступающая ночь не отличалась от дня ничем - все ограничивалось легкими сумерками, позволяющими видеть окрестности так же ясно, как днем. И я решился. Кратковременные вылазки ничего не дали. Что ж. придется сделать настоящую разведку.

Свой первый дальний поход я направил на восток. Я знал направление, потому что среди всяческого снаряжения рыболова отыскал три простеньких компаса. Не было основания им не доверять, кроме того, я проверил их самым простым способом - выложил в ряд. Если все станут показывать одинаково - все целы. Если каждый сам по себе - какой-то, либо ни все, врет, но это уже не проверить и доверять им нельзя. Два строго вернулись стрелками на синюю черту - Север, и лишь один крутился во все стороны, куда не поверни. Именно этого я желал. Два не могут указывать одинаково и при этом оставаться сломанными. Ну а третий… Его я выбросил. Правда, когда надел на руку один из тех, которые считал работоспособными, мелькнула шальная мысль - а *тот* ли север он показывает? Что, если в результате катастрофы полюса Земли сменились? Что, если былая география планеты осталась лишь в моей памяти и сейчас ни один пункт, ни один штрих на карте не соответствует действительности? А континенты… Я с трудом заставил себя остановиться. Шальная мысль не добавила ни радости, ни спокойствия.

Хотелось дойти до края города и посмотреть, что там. Так же, как здесь, или не столь удручающе. Я понятия не имел, сколько мне для этого придется блуждать. Вполне возможно, дорога могла занять несколько дней, а то и больше. Расстояние ограничивалось только запасом продовольствия. Местами попадались бьющие в небо гейзеры, состоящие из воды, грязи и пара. Нередко вздыбленный асфальт или плитку прорезала трещина, порой достигавшая нескольких метров, и мне подолгу приходилось искать место, чтобы перешагнуть или перепрыгнуть без угрозы провалиться. Повсюду валялись остовы сгоревших и покореженных автомобилей, сохранившиеся стволы деревьев, на которых не осталось ни единой ветки. Они торчали

верхушками вверх и будто прорезали задевающее их небо. А небо... Оно не менялось. Словно сверху навис и парил гигантский студень, из которого свисали бахромой влажные и грязные космы. Опустись оно чуть ниже - и я никогда бы не смог вернуться обратно...

Я нередко менял маршрут, увлеченный отсветом дальних пожарищ или еле заметных костров, но всякий раз оказывалось, что это только следы стихии. Горели какие-то хранилища с горючим. Горел газ, вырывающийся из подземных недр, чадили сырым дымом остатки деревянных сооружений.

Компас меня все равно подвел - или же я где-то стукнул его так, что он перестал показывать верное направление. Впрочем, я и так не старался ему слишком доверять, полагаясь больше на запоминающиеся предметы. Но их было так много, что я, в конце концов, запутался... Вернуться назад предстояло по своим же следам. Не в смысле - именно следам, а руководствуясь теми местами, где проходил. Это не позволяло сделать петлю или крюк, чтобы сократить расстояние - иначе я мог подолгу кружить на одном месте. Если бы эти проклятые тучи хоть немного поднялись над городом - это значительно облегчило ориентировку.

Только очень внимательно рассматривая катакомбы, можно было догадаться, что там-то и там-то располагалась улица, а там - широкий бульвар. Здесь, возможно, перекресток, а далее - жилой квартал. Впору создавать новую карту города - хотя, вряд ли это, когда-нибудь, вновь станет городом...

Проехать по катастрофическим последствиям землетрясения невозможно даже на танке - а я с упорством и даже упрямством шел и шел вперед, туда, куда вели и любопытство, и просто желание хоть что-нибудь понять. Восток ли, юг - все равно. Картина повсюду одинакова. Над всем этим нависло столь безрадостное небо, на удивление прекратившее поливать меня своей грязной изморосью, что от одного его вида хотелось сесть и тупо смотреть перед собой… От постоянных холодных ветров на губах появилась простуда - а я, как назло, не взял с собой ничего именно против этой напасти. Хотя простого жира могло хватить, чтобы обезопасить меня от ветра. Опыт подобных странствий появился лишь потом.

В одном месте я наткнулся на разбитый автопарк, а возможно, что и вокзал. Здесь, по-видимому, в момент Катастрофы находилось более

сотни автобусов, больших и не очень, множество других автомашин, спецтехники - и все, сваленное в грандиозную кучу, словно это не внушительная техника, а детские игрушки, разбросанные шаловливой рукой. Но это были не игрушки… В очень многих я заметил останки шоферов, кое-где - пассажиров. Автомашины оказались навалены практически друг на друга, в иных местах образуя завалы в несколько этажей - тогда нижние оказывались сплющенными от многотонной тяжести. Я принялся обходить это кладбище стороной - даже на фоне всеобщего запустенья от него веяло жутью…

В другой раз попал на строительную площадку, и, как ни странно, на ней уцелело гораздо больше, чем в других местах. Несколько жилых вагончиков, оставшихся от строителей, почти полностью придавлены упавшим башенным краном - я ясно видел, как громадный крюк вонзился в одно из жилищ и пробил его насквозь. Кое-где - покореженные тачки, в которых развозят песок и землю, рваная одежда. Это походило на котлован - будущий фундамент большого дома. Теперь он был словно сплющен, а края сильно обвалились. Все, что находилось возле, - попало внутрь этой ямы. Скорее всего, там, в жидкой грязи, тоже лежали люди...

Почти на самом краю, на боку, валялась опрокинутая фура - каркас и тент сгорели, а содержимое рассыпалось по всей территории стройки. Преимущественно - стекло самой различной формы и цвета. Даже многодневные осадки не смогли закрыть его полностью - так много его рассыпалось на земле сплошным ковром. Мне пришлось обойти по кругу - иначе рисковал сам попасть в яму. Волей-неволей приходилось наступать на содержимое фуры. Под ногами хрустело, - я слегка запаниковал, меняя направление и выискивая более безопасную дорогу! - самодельная обувь не сильно приспособлена для острых граней. Но в земле - я лишь образно называл это землей - было так много всевозможных вещей, соприкосновение с которыми могло порвать в клочья любые ботинки. Приходилось только обречено вздыхать и продолжать движение, заботясь лишь, чтобы повреждения не были слишком сильны. Предвидя подобное, на крайний случай я нес за спиной еще пару меховых сапог. Непогода ли, непрестанный дождь или снег, перемешанный с пеплом, песком и еще неизвестно чем - наступить можно на что угодно. Если бы было тепло, светило солнце - здесь все давно покрылось жесткой коркой. А так ноги только

утопали в месиве, и при каждом последующем шаге предыдущий словно истаивал - грязь сразу заполняла след и создавала видимость нетронутого места. Да, по своим следам я вряд ли бы смог вернутся обратно... Стараясь все-таки запоминать особо приметные руины, я шел вперед. Никогда раньше мне не доводилось видеть ни ураганов, ни наводнений, ни вообще каких либо стихийных бедствий, по масштабам сравнимых с этим. Нет, конечно, бывало что-то - я участвовал в спасении людей во время оползней и наводнений - но такое…

Меня по-настоящему доставало жуткое, очень непривычное молчание. Нет, всяких посторонних звуков все-таки хватало - шум воды, треск поленьев, гул, доносящийся из-под земли, взрывоподобные раскаты гейзеров... Но не слышно других - чириканья птиц, жужжания насекомых, обрывков разговоров. Словно на уши надет специальный глушитель, не пропускавший эти звуки. И тогда становилось тошно - нет, не от вида мертвого города, а именно - от тишины. Бороться с ней нечем…

Я отсутствовал в подвале восемь дней… За четыре добрался до края - или казалось, что края? - города, потом почти тем же маршрутом вернулся обратно. То, что мне хотелось представить как край, было еще сильнее и беспощаднее уничтожено, чем центр. Я считал свой подвал центром, потому что определить, где истинный, не представлялось возможным. Там не осталось вообще ничего, настолько все было перемолото, перекрошено и рассыпано сплошным ковром. Он тянулся до пределов видимости, теряясь на горизонте. Идти по этой пустыне мне не хотелось. Там, где посчастливилось найти пристанище, казалось, гораздо спокойнее, чем в этой жуткой долине. На обратном пути я наткнулся на озеро, наполненное до самых краев человеческими телами... Кажется, дико заорал, и бросился бежать, не разбирая, куда и зачем. Испуг прошел так же внезапно, как и проявился. Что-то четко отпечаталось в мозгу - ну и что? Успокойся... это только лики смерти. И я вернулся, и уже действительно спокойно обошел это озеро, удивляясь лишь тому, как могло получиться, что они все нашли здесь свой конец? Может быть, они пытались обрести укрытие от летящих отовсюду обломков, может, спасались от языков пламени или удушающего газа - а он нашел их здесь?.. А потом вода, скопившаяся в результате дождей, затопила эту

яму, превратив ее в общую холодную могилу? В отличие от тех мест, где я обитал, тут земля прогревалась гораздо слабее. Середина озера застыла, и во льду ясно угадывались очертания немыслимым образом перекрученных рук и ног. Виднелись оскалы оголенных зубов, тоска и боль в застывших зрачках... От озера исходило мрачное притяжение, словно оно не хотело меня отпускать, заманивало в себя, обещая вечный покой взамен скитаний и нарастающему отчаянию...

Я поднялся на особенно высокий холм и осмотрелся. Безрадостная картина простиралась вокруг. Холмы, холмы и снова холмы. Дома, снесенные и рассыпавшиеся в прах. Улицы, ставшие ущельями, а весь город - хаосом. Стоя на вершине, я охватывал взором большую площадь, намечая новый маршрут, запоминал приметы, которые могли помочь выдержат нужное направление и не затеряться среди общего однообразия. И нигде: ни вблизи, ни в самой дальней дали - ни единого движения…

Жуткое озеро на какое-то время отбило у меня желание бродить по руинам. Зрелище, увиденное в нем, предназначалось не для слабонервных. И, хоть я таковым себя не считал - вмороженные тела вставали перед глазами, и я долго не мог успокоиться, меряя шагами склад, в который вернулся после путешествия. На стеллажах возвышались коробки с лекарствами, но от тоски они помочь не могли. Кто-то другой мог заглушить все алкоголем - но полнейшее отсутствие тяги к спиртному не давало такой возможности. Созерцая блики огня от очага, я напряженно пытался представить очертания города - чтобы следующая разведка не оказалась бесцельным блужданием по развалинам. Если и искать кого-то - то хоть знать, где? Идея, посетившая меня, могла прийти в голову еще многим - и подобный подвал должен стать убежищем для других. Но в том-то и дело, что такая удача, видимо, оказалась далеко не рядовым явлением. Сметенные дома образовывали непреодолимые завалы, сквозь толщу которых невозможно проникнуть ни в какой подвал. И не всякий подвал мог уцелеть при таком чудовищном сотрясении почвы, какой происходил в день катастрофы.

Метания по убежищу, больше напоминающие движения раздраженного тигра в клетке, приводили к тому, что я вновь собирался и покидал убежище, стремясь исследовать город во всех направлениях.

Недалеко от холма я обнаружил свежий ручей - а я точно помнил, что его не было, когда я уходил в первый раз. Вода, вытекающая откуда-то из-под земли, оказалась вполне пригодной для питья. Я оградил ручей камнями и сделал над ним навес - от продолжавшего падать пепла и песка. Для этого подошла брезентовая накидка от автомобиля. Она сохранилась потому, что сразу попала в воду. Я бы не смог ее обнаружить специально, но один из толчков выбил землю из под ног, и я, падая и стараясь за что-нибудь зацепиться, ухватился руками именно за край ткани. Поняв, что это такое, потратил немало времени, чтобы вытащить брезент из лужи, так как его порядком завалило грязью. Было ясно, что если падающий пепел и песок будут опускаться на землю такими же темпами, то через примерно полгода от города не останется даже следов. Но, если мне не казалось, высыпания становились несколько реже.

Чтобы упорядочить поиски, стал необходим чертеж. Хоть я и запоминал все, где проходил, со временем какие-нибудь мелочи могли забыться. У меня не нашлось бумаги и карандашей - зато имелись относительно ровные, побеленные стены подвала. Уголек из очага оставлял на них прекрасно различимые следы, и я принялся наносить на стену тоненькие штрихи. Разумеется, центром рисунка стал мой холм и все, что находилось поблизости. Восточная сторона, куда я отправился в первый раз, стала приобретать какие-то формы - хотя и там оставалось много белых - на самом деле, белых - пятен. Я нарисовал озеро, каменную пустыню, по которой не рискнул идти, пометил несколько особенно запомнившихся, холмов. Теперь я мог, даже через большой промежуток времени, опять направится в этот район - и уже точно знать, где нужно идти, чтобы не заплутать, среди подъемов и спусков каменных россыпей.

Пока отдыхал от походов, привел в порядок освещение. Свечей осталось немного, и я предпочитал пользоваться плошками, в которых горело масло. Масла должно хватить надолго, а ткань, из которой я нарезал лоскуты и укладывал в плошки взамен фитиля - на годы. Разумеется, они мало напоминали керосиновые лампы, не дающие столько чада, но другого света у меня не имелось. Я только добавил к уже имеющимся еще несколько - чтобы иметь возможность не ходить с одной по всем закоулкам склада. А там, где я жил, свет обеспечивал очаг.

В следующий раз я направился на север. Идти стало несравнимо тяжелее. Здесь встречалось гораздо больше трещин в земле, скрытых разломов и предательских ям. Приходилось проверять все опасные места древком копья и, лишь потом делать следующий шаг. Что заставляло идти? Я не мог, не хотел даже допустить мысли, что остался один... Но одной встречи я не хотел. Память очень отчетливо удерживала сцену с изъеденными крысами людьми и тот единственный, почти неповрежденный труп, который не мог называться человеческим. Сколько я не вспоминал этой случай, но так и не мог прийти ни к какому выводу. Что *Это* было?

На смену морозам пришла оттепель. Она не выражалась в таянии снега - он просто отсутствовал. И не в капании сосулек - их тоже не было. Нет, это ощущалось по более теплому ветру, вдруг прекратившему ледяные наскоки. На этот раз он дул с юго-запада, в отличие от другого, несущего стылость и дожди - северного. Он слегка подталкивал меня в спину, и я, обрадованный такой сменой погоды, уверенно пробирался сквозь руины вперед. Этот ветер подсушивал многочисленные лужи, ходьба по которым доставляла столько неудобств. Моя обувь больше годилась для снега, чем для влажной поверхности.

Дорога на север проходила мимо центра города - настоящего, как я себе представлял. Я старался запомнить все, что фиксировал взгляд - когда-нибудь это могло пригодиться. Чем ближе подходил к центру, тем яснее виделось, что разрушения, пронесшиеся над городом, здесь были чуть слабее, чем в тех местах, где я обитал, тем более, по сравнению с востоком и тянущейся там пустыней. Уцелевших домов не попадалось - как и везде. Но сохранилось много стен, и было непонятно, почему они устояли, когда все остальное здание сложилось грудой у их подножья. Многие стены накренились - они могли упасть в любой момент, и я старался обходить их на расстоянии.

Издалека я услышал шум. Заинтересовавшись, свернул с выбранного направления, и стал приближаться к тому месту, откуда он исходил. Уже на расстоянии увидел сверкающий луч, потом - столб, из воды и пара. Это не было новым явлением - подобное я уже видел раньше. Но этот гейзер отличался поражающими размерами: Водяная колонна высотой в несколько десятков метров била вверх и рассыпалась на тысячи мельчайших капель, которые зонтом падали

вниз, создавая фантастическую картину. Гейзер - иного определения этому явлению я не мог подобрать - был диаметром метра с два, не меньше. Вся поверхность земли возле озера влажная и слегка парилась - верный признак, что вода из гейзера падала горячей! Я осторожно опустил руку в озеро и сразу ее отдернул - едва не обжегся. На первый взгляд, в этой воде не имелось никаких примесей. Мне почему-то хотелось, чтобы она оказалась безобидной и не содержала какую-нибудь растворенную дрянь. Я зачерпнул немного воды чашкой, подождал, пока она остынет, а потом опустил туда руки и несколько минут наслаждался теплом. С кожей ничего не происходило - видимо, нагрев, и выброс воды был обусловлен какими-то подземными причинами, наподобие тех, которые заставляют работать гейзеры Исландии или Камчатки... И эта вода, поднимающаяся с больших глубин, была чистой. Гейзер имел цикличность - несколько выбросов до середины дня, потом затишье и вечером еще пара шумных выбросов. Каждый продолжался около десяти минут - не более. После этого фонтан исчезал - так, как будто его и не было. Вода в озере, образовавшемся при падении воды, успокаивалась и на некоторое время замирала. Она быстро остывала, и из-за этого над поверхностью происходило постоянное испарение.

Я наблюдал за гейзером долго - все равно нечем заняться. Когда вода достаточно остыла - рискнул искупаться в ней и не пожалел! После тесной бочки, здесь есть, где развернуться, кроме того, не нужно опасаться, что она опрокинется, и я упаду на мокрый бетонный пол. Вода понемногу уходила - впитывалась в отверстия в земле и просачивалась обратно, туда, откуда появилась. Но всосаться полностью не могла - из-за большого количества. А, кроме того - ее выбрасывалось так много, что поверхность возле гейзера уже сильно напиталась, и с каждым разом озерцо становилось чуточку больше....

К самому центру, откуда бил фонтан, вела дорожка из нескольких крупных камней-валунов, выброшенных наружу при землетрясении. На территории города таких камней просто не существовало раньше - из-за величины. Город, выросший когда-то поблизости от гор, сам располагался практически на ровной местности. И, никаких полу-скал, здесь просто не встречалось, другое дело – если они не были завезены кем-то специально. Но сейчас они возвышались передо мной, и каждый - практически, с одноэтажный дом. Я, перепрыгивая с одного

на другой, приблизился к самому месту выброса - там просматривался водоворот, темный и бездонный. Это было неприятно, и я поспешил вернуться на берег. Глубина озерца не превосходила моего роста - но со временем, когда гейзер наполнит всю котловину, он мог стать большим водоемом.

Решившись рисковать до конца, попробовал воду на вкус. Оказалось, пить ее тоже можно. Она имела слегка солоноватый вкус - лишнее подтверждение того, что поднимается с больших глубин и при прохождении различных пластов обогащается минералами. Во всем этом оставалось только одно, что несколько приводило меня в трепет - само существование гейзера. Оно лишний раз подтверждало, что где-то там, на недоступных глубинах, куется новое, еще более страшное бедствие… Хотя, пример той же Исландии, где гейзеры работают уже сотни лет, показывал, что это вовсе не обязательное явление. После купания все тело стадо как бы невесомым - я смыл усталость вместе с грязью и теперь чувствовал себя значительно лучше. Все мои ссадины и раны полностью зажили и от соприкосновения с горячей водой лишь слегка чесались. Возможно, это воздействие тех самых солей.

Мне стало многое понятно. В городе, после Катастрофы, все изменилось. Дремлющие много веков глубины, вновь ожили, и прежний ландшафт утерян навсегда. Теперь город, вернее, то, что от него осталось, находился на неустойчивой платформе, в любой момент грозящей повторением уже пережитого ужаса…

Понятно стало и другое. Обойди его хоть вдоль и поперек, людей нет. Мог ли я не встретить таких вот скитающихся, пусть даже в условиях скудной видимости, при отсутствии мало-мальски различимых дорог, прячущихся от непогоды и самих себя? Пусть, слегка одичавших, потерявших нормальный вид? Кажется, я действительно остался один. Совсем… И все же я не хотел успокаиваться. Признать себя последним из живых - для этого требуется гораздо больше смелости, чем все время встречать мертвых. Трупы уже практически не встречались - их занесло пеплом, заилило грязью и перемешало с обломками зданий.

Разведка уводила меня все дальше и дальше. Прошло еще два дня после того, как я наткнулся на озеро Гейзера, когда глаз уловил знакомый пейзаж. Я уже был здесь когда-то - память сразу подсказала невероятную картину чудовищного обрыва. Я захотел еще раз увидеть

его и стал протискиваться сквозь каменные глыбы, оставшиеся от какого-то многоэтажного здания. Хоть и сложенное из кирпича, он не устояло, как и все подобные, а рассыпалось вдребезги, и теперь его останки возвышались над округой метров на восемь в высоту и не менее пятидесяти в окружности. Все это довольно условно называлось холмами. Они могли иметь сквозные проходы, и наоборот - быть наглухо забиты землей. Но и те дыры и отверстия, которые еще оставались, становились в скором времени недоступны. Их заносило землей, или тем, что носилось в воздухе и оседало вниз. Город постепенно, медленно и верно, становился похож на бесконечную цепь больших и малых барханов. От настоящей пустыни его отличало лишь то, что песок, устилая его ковром, быстро твердел и схватывался коркой. Его не сносило ветром и не сдувало с вершин.

Я стоял у самого края. Страх никуда не делся - я хватался за выступающую над провалом плиту. Она могла упасть, как и многое, что уже отправилось в бездну. Но пока ее зарытый в землю конец держался надежно. Здесь тоже многое изменилось. Почти все, что находилось поблизости от кромки обрыва, рухнуло. Край стал более наклонным и изъеденным широкими рваными язвами от уже упавших в пропасть пластов. Не хватало лишь хорошего ливня, чтобы почти все, что еще держалось, последовало вслед за кромкой. Мягкие породы - глина и песок - вымытые водой и не выдерживающие тяжести руин, сползали в пропасть. И я видел - внизу теперь возвышались такие же холмы, какие встречались повсюду. Дно провала несколько приблизилось, а кромка отвесной стены, наоборот, опустилась вниз. Но и сейчас расстояние, отделявшее меня от нижнего мира, заставляло относиться к нему с уважением. Оно было как три-четыре высотных дома, поставленных один на другой. И вряд ли я ошибался. Подо мной уже находились твердые породы - я не мог определить, какие, потому что не был силен в геологии. Но то, что это камень, а не глина, уже различал.

Мне повезло. Погода улучшилась настолько, что даже серые тучи, висящие над головой, словно чуть приподнялись. Я мог рассмотреть остатки города, находящегося вдали, более отчетливо, чем в тот раз, когда попал сюда впервые. Были даже заметны далекие, большие озера - по размерам очень походившие на настоящие, а не получившиеся в результате землетрясения. Но, может быть, эта просто вода, которая

попала туда из подземных пустот и провалившейся в никуда реки. Возвышались остовы зданий - все напоминало ту же самую картину, что наверху. Очень далеко, на запад, город, как бы продолжающийся в провале, одним краем упирался в темную полосу, сильно похожую на лес. Скорее всего, это и был именно лес - только расстояние не давало возможности различить отдельные деревья. И наверняка ураганный ветер, пронесшийся везде, повалил множество из них, что образовало сплошные буреломы. Внизу тоже не виднелось снега. Но, возможно, я его просто не видел - слишком далеко и очень блекло… Скорее всего, что и там, внизу, температура поверхности мало отличалась от моей - если на том плато, где я находился, встречались замерзшие лужи, а порой и настоящий лед, почему ему не образоваться там? Хотя утверждать с полной уверенностью я не решился - слишком далеко и высоко.

Тем не менее, я высмотрел даже хвост самолета, рухнувшего из поднебесья на землю. Он почти полностью ушел в нее - скорее всего, попал как раз в момент, когда она разверзлась. Я вспомнил, как мелькали крохотные фигурки - точки в огненном небе… Очень возможно, что таких лайнеров там много. Город, в прошлом окруженный пятью крупными аэропортами, должен был принимать и отправлять сотни самолетов. Кто теперь скажет, сколько их нашло свой конец в этом месиве?

Мои глаза обшаривали провал очень внимательно - искали место, где его высота была бы более полога и ближе к поверхности города, лежащего внизу. Я еще не знал, нужно ли мне это, но где-то в глубине думал о том, что рано или поздно рискну спуститься туда и продолжу поиски на дне этой невозможно глубокой ямы. Хотя вряд ли это можно назвать ямой… Даже сейчас, не имея возможности увидеть краев этой бездны, стало ясно - громаднейшая часть области просто ушла вниз, как будто была обрезана от оставшегося куска. Либо - мой собственный кусок сам взметнулся ввысь…

После осмотра провала я опять отправился на восток, решив пройти вдоль обрыва столько, сколько мне хватит продовольствия в мешке. Через несколько дней - а картина обрыва не менялась и всюду оставалась одинаковой - я вышел к краю города… Моего города, а не того, который все еще продолжался внизу.

Больше дороги не было. Вернее, ее не имелось и ранее, но идти вдоль обрыва стало более чем опасно. Насколько хватало зрения, впереди узкой полоской шла как бы гряда, отделявшая край обрыва от огромного озера. В любой момент эта перемычка могла быть размыта, или разрушена новым подземным толчком - и тогда вся эта масса устремится вниз… Скорее всего, то водохранилище, хлынувшее на город с гор, каким-то образом задержались здесь - и теперь, его воды, лишенные притока свежих ручьев и горных рек, постепенно разлагались. Какой-то, неимоверно затхлый запах, хлюпанье, шумные вздохи… Такое впечатление, что вздыхала огромная жаба, то втягивая, то выпуская воздух, загаженный испарениями болот. Это и было болото - без края. Оно начиналось от самой оконечности руин и уходило вдаль - туда, где небо сливалось с землей. Вся восточная окраина города постепенно переходила в низменность, а та, в свою очередь - в чавкающую и покрытую зеленоватой ряской воду. Невозможно даже представить величину этого затопленного пространства - что на восток, что на юг, оно терялось, сливаясь с бурыми облаками. Я мог только подозревать, что где-то поодаль болото все же съезжало в провал - об этом говорили шумные всплески и гул падающей земли. Если будет со временем подходящий спуск в низину, скорее всего, он образуется здесь. Как вся вода еще не ушла туда - понять не пытался. Над болотом висело сплошное облако, мутное и белесое. Оно даже казалось мрачнее, чем небо, к которому я привык. Облако сливалось с ним, и получалось светлое пятно на фоне громоздящихся друг на друга туч. Где-то здесь и были испарившиеся холмы, над которыми взметнулся чудовищный атомный гриб... Я провел возле его берегов одну ночь - и уже сразу по возвращении в подвал пожалел об этом.

Неугомонность и желание все узнать, оказали плохую услугу - я заболел. И по всей вероятности, чем-то простудным. Едва вернулся домой, как почувствовал слабость и озноб. Не помогало даже тепло очага, возле которого я сидел. В аптечке перебрал кучу лекарств - но я не знал, какие мне нужны, и старался употреблять только хорошо знакомые… Все ощущения говорили о том, что это, скорее всего, грипп. Но я мог и ошибаться… Конечно, в каждой упаковке, на каждой скляночке имелась аннотация - сколько и от чего! А как я мог знать - от чего? Я старался ограничиваться только тем, что мне хорошо известно

- вроде аспирина или чего-либо безобидного. А чаще вообще предпочитал чай, заваренный на зверобое или чабреце - запас лекарственных трав в аптеке тоже имелся достаточно солидный. Меня лихорадило дней семь - а ночью, наоборот, приступы озноба сменял жар. Тогда все одеяла, которыми я укрывался, летели на пол. Внутренности ныли - словно я долгое время катался по камням. Кое-как приготовив ужин, с трудом его съедал - аппетит пропал совершенно, а затем вновь прислонялся головой к холодной стенке и так сидел в полудреме и ожидании неизвестно чего...

Постепенно до меня стало доходить очевидное. Тех, кто остался в живых, столь мало и они так далеко отсюда, что на их поиски я могу потратить всю жизнь… И еще больнее стало сознание, что катастрофа неминуемо пронеслась не только здесь. Моя семья… Мы оказались разделены тысячами километров, преодолеть которые невозможно и за годы странствий. Я успел отвыкнуть от них, почти всегда находясь на работе вдалеке от дома. Возвращение всегда становилось праздником - на короткий срок, после которого начиналась новая командировка. Но тогда я хоть знал, что всегда смогу вернуться туда, где меня ждут. А что могло ожидать теперь? Ужас, который я пережил, не оставлял надежд ни на что… Все, что видели мои глаза, все, что происходило вокруг, могло означать только одно - Катастрофа затронула всю планету. И шансов на встречу просто нет…

Болезнь не отступала - но и не усиливалась. Ощущение слабости в членах стало привычным, и я стал подумывать, что это последствия облучения, под которое когда-то попал. Только я не знал, какого. Одно только воспоминание о ядерном грибе, вознесшемся до облаков, говорило о том, что это более чем реально. А ведь было еще и какое-то свечение - в самом начале. Но, кроме слабости и перепадов температуры, больше ничего не происходило. Я, напротив, заметил, что у меня стало острее зрение. Как бы ни было темно - хоть днем, хоть ночью - я настолько привык к этим сумеркам, что улавливал малейшие оттенки - и мог безошибочно распознать очень далекие предметы...

Однажды ночью стало особенно плохо... Глова стала невыносимо тяжелой, лицо горело, руки покрылись каплями пота. Не удержав съеденный ужин, меня стошнило прямо на постель. Кое-как

убравшись, я без сил рухнул на влажную ткань, после чего забылся тяжелой, удушающей дремотой, которую и сном называть не стоило...

Плошки с маслом потухли - давно не заправлял маслом. В подвале воцарилась глухая, абсолютная темнота. Мне было все равно - я едва мог разлепить глаза, больше ориентируясь на ощупь. Рука в поисках чашки с водой упала, так ее и не отыскав - вероятно, выпил накануне... От сухости свело горло. Едва найдя силы, я попытался подняться - и упал прямо на бетон пола, приложившись головой о край собственного настила. Что-то сверкнуло, словно темень подземелья озарилась молнией, и я вдруг ощутил, что бегу... Бегу, делая огромные, чудовищно длинные прыжки, одним махом перепрыгивая целые улицы, пропасти и холмы! Бегу, хоть и ничего не вижу, словно зная, что ноги сами вынесут меня туда, куда нужно. В несколько невероятнейших прыжков я пересек весь город, оказавшись у самого края того жуткого провала... и сделал шаг вперед! Ужас не успел мной завладеть - я уже шагал через озера, через леса, вперед, навстречу чему-то неведомому, но зная, что Оно тоже знает обо мне...

А потом я увидел их. Они сидели кучкой возле одного из пожарищ, сгрудившись поближе для тепла - и лишь один, самый высокий и решительный, стоял чуть поодаль. Он обернулся ко мне... Клыки, выступавшие из челюстей, превратили его лицо в звериную морду, шерсть, покрывшая руки и ноги, заменила одежду, могучий торс мог выдержать удар молота, и весь он олицетворял собой страшное перерождение бывшего человека в нечто, чему не имелось названия... Он ударил себя в грудь рукой...нет, лапой! Потом открыл пасть - мне не воспроизвести этот звук! Но я догадался... Он говорил - Это - Зов! Ты услышал наш Зов!

Чудовище сделало шаг навстречу - и я отшатнулся, падая навзничь...

... Я пришел в себя на полу. Голова, еще минуту назад раскалывающаяся от невыносимой боли, стала удивительно легкой. Хоть какая-то польза от хорошего удара. Найдя во тьме край настила, вскарабкался на него, но, прежде чем провалиться в глубокий сон, успел подумать - галлюцинации... Последняя стадия. Пальцы нащупали шприц - вспомнил, что приготовил антибиотик еще вчера, но так и не смог его вколоть. Кляня все последними словами, я вонзил иголку в бедро и выдавил содержимое. Будь что будет...

Перелом наступил неожиданно - я проснулся и вдруг понял, что болезнь закончилась. Она просто ушла, оставив меня в покое. И в то же утро прорезался зверский аппетит. Я плотно позавтракал, потом, всего через пару часов, снова поел - и уже окончательно почувствовал, что силы вернулись.

Здоровый человек - не больной. Мне стало скучно сидеть в убежище, и я выбрался наружу. Здесь ничего не изменилось - все то же низко висящее, хмурое и холодное небо. От тепла, которое продержалось всего пару дней, ничего не осталось. Вновь дул пронизывающий ветер, опять песок и пыль летели в лицо, что напомнило о необходимости выходить с повязкой. Я вернулся в тишину и уют подвала.

Заняться нечем - порядок в убежище наведен еще до болезни и теперь только поддерживался. Бочки наполнены водой до предела, топливо для очага заготовлено. Теперь можно смело покидать склад и идти, куда вздумается...

Мои маршруты пролегали в основном на север и восток. Запад и юг оставались неисследованными. Восстанавливая по памяти географию области, я подумал, что на юге - но вовсе не близко! - должна находиться горная цепь, где некоторые вершины в холодное лето остаются покрытыми снегом. До этой гряды, если я не ошибался, по прямой, где-то немногим более ста километров. Раньше эта дорога пролегала по широкой долине. В самой долине я практически не был, лишь однажды работа происходила именно в предгорье, на строительстве двухэтажного особняка. Проездом, пока нас везли, успел заметить пару-другую небольших речушек и участки, поросшие зарослями кустарника или деревьев. Ближе к подножию хребта местность менялась - там начинались леса. Бригада провела в той местности около месяца, прежде чем мы свернули все работы и не вернулись на постоянную базу возле города. Запомнилась красота горных вершин… Где-то высоко протекало несколько рек, подпитывающих потом, на равнине, основную, широкую и полноводную, которая недавно пересекала весь город. Видимо, в горах тоже произошло много чего - раз вода, питавшая реку, пропала совсем.

Река… Во все времена именно реки становились связующими звеньями для групп людей. Все селились вдоль рек, находя возле них и пригодные пастбища для скота, и плодородные земли. Вряд ли теперь

есть хоть какие-то пригодные для этого земли - они просто не могли остаться в том же состоянии, в каком находилось, до Того дня... Я хотел посмотреть, что творится там, где ложе реки встречается с областью города. Так же ли, дно остается безводным, или вода вновь стала поступать в него с равнин?

Конечно, идти по битым камням, скрученному железу, тротуарной плитке и прочей мешанине, со стеклом, обрушенными деревьями и еще много чем в придачу - не самое приятное занятие. Но выбора у меня все равно не имелось. Да и наловчился уже находить оптимальный вариант и теперь искусно лавировал меж холмов, экономя силы для дальнего перехода. По моим предположениям, эта разведка могла продлиться не меньше недели.

Я остро жалел что так и не нашел настоящей обуви. Самодельные сапоги плохо выдерживали постоянную влажность, расползаясь после нескольких переходов. Их починка отнимала время, нужное мне для иных целей. Постоянно приходились чинить, и, в конце концов, я нашел приемлемый вариант, удивившись самому себе, что не догадался сразу. На этот раз я выбрал более крепкую подошву - из автомобильной покрышки. Это оказалось чрезвычайно трудно, но результат себя оправдал - я перестал беспокоиться, что они постоянно промокают. Но одно приобретение сразу компенсировалось другим - ноги стали скользить. И, пока я не догадался обжечь подошвы, постоянно падал. Лишь после того, как я сделал насечки и слегка оплавил низ обуви, ходить стало намного легче.

Приходилось следить за оружием. Влажность и дожди плохо сказывались на металле - я сшил чехлы. Топор, как основной инструмент, висел на перевязи, за спиной, вместе с мешком. Копье в руках - я им пользовался как шестом, чтобы перепрыгивать через большие рытвины и ямы. Ножи, лезвия которых, отточены на привалах так, что можно не стыдиться, тоже в ножнах - я изготовил их из плотной материи, в изобилии лежавшей в тюках в подвале. Я не разводил больших костров: редко встречающиеся уцелевшие деревья - слишком явный знак того, что топливо следует поберечь. Кто знает, на сколько, мне его может хватить? Правда, иной древесины валялось в изобилии - в виде обломков. Но все же я думал и о будущем…

Хорошо хоть то, что эти сумерки не превращались в настоящую ночь - в былое время в темноте, я вряд ли смог далеко уйти. А так -

практически одно и то же состояние, что утро, что вечер. Я больше не сверялся об их наступлении по наручным часам, окончательно перейдя на «собственные». Они развились очень остро, но все так же не сочетались с теми, которые оставались у меня в мешке. То, что показывало табло, никак не совпадало с моим собственным настроем. И не раз я ловил себя на мысли, что ночь, которую они показывали, даже не начиналась… Это тоже оставалось загадкой.

В этот раз я взял и импровизированную палатку - самую плотную ткань, что смог найти среди рулонов на стеллажах. Где-то мне приходилось встречать упоминание, как из обычного материала сделать непромокаемый. Следовало смешать мыло, воск или парафин, все это нагреть и дать ткани вылежаться в составе, несколько часов. Нахимичив с ее пропиткой, я добился некоторого эффекта - вода стекала по поверхности, почти как по зонту. Теперь появилась надежда, что это убережет во время ливня, если больше негде укрыться.

Вряд ли путешествие по руинам можно считать приятной прогулкой - острые грани камней, торчащие куски железа и жести, оконное стекло, провода… Все это постоянно цеплялось за ноги, затрудняя и без того непростое движение. Ведь присыпанные трещины и рытвины, слегка смерзшиеся и заполненные водой ямы, никуда не делись. И я постоянно был начеку, выбирая, куда можно без опаски провалиться, поставить ногу. Все это должно было измениться, когда висящая в небе взвесь окончательно опустится на землю. Но пока осторожность не мешала. Скорость, с какой я шел, не превышала пяти-шести километров за переход, и к берегу реки я мог выйти не ранее, чем через три дня. Предположение почти оправдалось - я вышел к берегу на исходе четвертого, считая с момента выхода из убежища. Быстрее пройти к нему не смог бы никто - а я считал, что передвигаюсь очень скоро. Кроме того, я один раз остановился на несколько часов, заинтересовавшись непредвиденной находкой. Пришлось переночевать под естественным укрытием - что это, нельзя даже описать. Так, навес из перевернутых машин, упавших столбов, шифера и множества грязи над всем этим. В нем я наткнулся на большое количество книг - видимо, их выбросило откуда-то взрывом, и они целыми кипами упали в одно место, образовав насыпь из полок и самих книг. Все верхние залеплены грязью и основательно размокли.

Но, покопавшись внутри кучи, я смог извлечь несколько более или менее целых - и даже не с окончательно расплывшимся текстом. В основном, нашлась художественная и учебная литература. Я бы предпочел в этот момент что-нибудь более подходящее к случаю, вернее - очень надеялся! - что увижу какой-нибудь лечебник. Иметь кучу лекарств и не знать, как ими пользоваться - обидно. Но, к сожалению, таких книг не нашлось, и я выбросил находку обратно. Мне стало неинтересно читать о том, что было или не было с кем-то там, далеко от той реальности, в которой я сейчас находился. Настолько все это сразу оказалось не то... На всякий случай, я отметил это место - воткнул длинный шест прямо в кучу, решив, что когда-нибудь займусь ею и покопаюсь более основательно. Но в душе сомневался, понимая, что это обещание вряд ли будет исполнено. Мудрость и логика мыслей, выраженные на этих страницах не подлежали сомнению - но нужны ли были они мне теперь?

Я остановился на возвышении. Нет, здесь ничего не изменилось. Река не восстановилась, и воды в ней не стало больше. Но я не зря проделал этот путь. Приобретение нового знания тоже что-то значит. Отсюда можно было увидеть противоположный берег - пусть, затемненный и тусклый, но я его различал. А на берегу - продолжение тех угрюмых и безжизненных развалин, в которых я находился эти месяцы. Стоило ли еще их добавлять, к своим? Единственное, что я мог сделать - прибавить к нарисованной в подвале карте парочку дополнительных штрихов. Еще одна безрадостная ночевка на бывшем берегу - и я отправился назад. Переходить на ту сторону, почему-то не хотелось…

Возвращение стало тоскливым. Я не нашел то, что искал, и с каждым днем надежды на встречу с людьми уменьшались… Вернувшись в подвал, я предался унынию. Зачем все, если нет никого? Представить, что я действительно последний… нет, это хуже, чем любой кошмар. Едва прошли короткие секущие дожди, как я снова собрался в поход, и теперь путь лежал на юго-восток. Я уже знал, как выглядят северная и центральная части. Оставалось исследовать южную окраину, чтобы иметь четкое представление обо всем, что там находилось. И мне хотелось узнать, как далеко простирается болото, которое видел возле провала.

Сборы не заняли много времени. Оружие, консервы, веревка - я стал брать и ее, после того как не смог спуститься в одну из трещин, на дне которой меня что-то заинтересовало. Кое-что из аптечки, воду, запасную обувь. Все снаряжение весило прилично, но полагаться на то, что я смогу найти необходимое в странствиях, не приходилось. Слишком часто убеждался в том, что это неосуществимо. Хоть с грязного и мокрого неба хлопья и стали падать гораздо реже, чем в первые дни, но и того, что уже упало, хватило с избытком, чтобы надежно упрятать все под собой.

Я не стал сразу спускаться ниже - к границам города на юг. Вместо этого снова прошел уже известным маршрутом, и лишь отойдя от подвала на расстояние, равное двум дням пути, стал заворачивать южнее. Город закончился внезапно - развалины сменились пластами перевернутой земли. Они были гораздо меньше холмов, образовавшихся в городе, и со временем могли выровняться и принять более равнинный вид. Этому способствовали проливные дожди - они опять зачастили, и приходилось прятаться от воды в укрытиях.

Похоже, что землю пробороновали гигантским плугом. Иного объяснения я не находил. А затем забыли разровнять... Она простиралась далеко от города, охватывая все его видимые пределы полукольцом. Скорее всего, выйди я сразу на юг от своего холма, уперся бы в эту перепаханную пустошь сразу. При достаточно скудном свете становилось ясно, что подобная картина ждет везде. Где-то там, за пределами видимости, за этой разрытой степью и могли находиться горы. Мне даже показалось, что я вижу их снежные шапки - но, сколько ни напрягал глаза, подтверждения не нашел. Видимость хоть и улучшилась, но не настолько. Самое большее, на что можно рассчитывать - пятьсот, шестьсот метров. Далее пелена.

Я опустил глаза вниз. Земля под ногами не имела привычного цвета. Скорее, наоборот. Она стала чуть ли не желтой, отчего я вначале испытал легкий шок. Набрав горсть, помял ее в ладонях и убедился что это, все-таки, земля, а не песок - структура почвы не изменилась. Мне стало не по себе - вдруг, она вся поражена радиацией, и это настолько серьезно, что даже прикосновение к ней может вызвать заболевание? Я сразу разжал пальцы - и она осыпалась к моим ногам.

Что-то заставило меня еще раз нагнуться. Среди комочков, растиравшихся в ладонях, обнаружилось несколько вкраплений,

словно кусочков расплавленного стекла. Они были с неровными закругленными краями. Вероятно, все уничтожающая на своем пути огненная волна от чудовищного взрыва пронеслась именно здесь... А значит, взрыв, чей грибовидный столб стоял у меня перед глазами, мне не привиделся. И, что бы мне ни казалось, он, все-таки, был. Огненный вихрь, затмивший собой весь горизонт, теперь вспомнился так отчетливо, что сомнения просто улетучились…

Я задумался. Мои странствия показали - вся сила взрыва оказалась направлена почему-то не в разные стороны, что вроде соответствовало логике, сколько в сторону от самого города. Это было видно даже в те минуты, когда замечать что-либо было вообще невозможно. Но я заметил - а сейчас вспомнил. Шапка, сорвавшаяся с верхушки атомной ножки, медленно и неудержимо валилась куда-то сюда - в те места, где я сейчас находился. Нет, конечно, она затронула и город… Особенно - воздушной волной! Но самая смертоносная, лучевая - что, если она сильнее всего проявилась именно здесь? От волнения я еще раз выронил землю… а потом горько усмехнулся. Смерть… Она столько раз была со мной, что я успел к ней привыкнуть. Возможность погибнуть предоставлялась неоднократно. Пришло в голову и другое - а что, если это излучение и погубило все живое, пока я был в подземелье метро? Все это непонятно и сложно. Разобраться, не имея никаких специальных знаний, рассуждая как дилетант… Я решил, что если и умру, то не от радиации. В противном случае, это могло случиться со мной уже сотни раз.

А земля, раскинувшаяся впереди, сколь хватало видимости, неровными грядами жутко вспаханного поля, хранила молчание… Не летали птицы, не бегали звери. Может быть зима - не самое подходящее для живности время? Но, хоть самые выносливые, могли остаться? Тараканы, например…

Мне здесь больше нечего было делать. Я увидел все, что хотел увидеть и добавил к своим открытиям еще одну страницу. Пытаться пройти через эти земли - безрассудство полнейшее. В них можно заблудиться и бродить, пока не откажут ноги.

Я возвращался через границу города, делая крюк к северо-востоку. Болота еще не показалось, и хотелось точно определить его края. Оно пугало меня куда больше, чем привычные развалины домов - вдруг, оно станет расползаться и поглощать все эти холмы из зданий?

Но только через три дня после того, как я свернул, оно дало о себе знать - испарениями и чавкающими звуками, слышными издалека. Оно выступило темной массой перед глазами. Мои опасения не подтвердились. Болото не проникало в город, а уходило от него - еще дальше на восток. Я не мог знать, насколько далеко оно тянется, но полагал, что территория, охваченная затоплением, может простираться очень и очень глубоко. Конечно, это было не совсем настоящее болото - но оно обещало стать таковым в будущем. Вода еще слишком свободно перекатывалась, гонимая ветром, и ее не сковывало льдом - хотя от мороза порой заиндевали ресницы т брови на лице. Но, когда вернется тепло, и все вокруг порастет травами - здесь начнется яростная борьба за жизнь. Появятся насекомые, вернутся птицы, возможно, заведутся рыбы. Все это еще должно появиться…

С походами на восток я изучил эту часть города более или менее подробно. Естественно, что запомнить все закоулки среди развалин оказалось невозможно. Но, как бы там ни было, на карте в подвале добавилось много новых рисунков и набросков. С каждым разом я уходил еще дальше и приходил в подвал все позже и позже назначенного самому себе срока.

Совершив столько вылазок, я запомнил много примет, в основном, самых высоких сопок и расщелин. Если первые виднелись издали, то вторые были специально помечены на стене - чтобы, планируя маршруты, не наткнуться на них во время похода. Мой холм и подвал под ним оказались совсем не в центре, хоть я и рисовал его посередине. Скорее, центром был Гейзер - именно с большой буквы. Но к югу мой дом оказался существенно ближе - на сутки, а то и более. Смотря, как идти… Измерять расстояние в километрах, придерживаясь старых стандартов, уже не получалось. Проще, а главное - точнее, это сопоставлять пройденный маршрут именно во времени, потраченном на его прохождение. Я придерживался не очень быстрого шага - ускорять движение означало сильно рисковать. Продолжительные и все более смелые походы-разведки дали свои плоды. Теперь я знал: с запада, от берегов бывшей реки, и на восток, до желтых пограничных песков, если по прямой - примерно восемь-десять дней. Но, по прямой - это не совсем точно. Так можно провести линию на карте, а в действительности, дорога, вернее, ее полнейшее отсутствие, никогда не позволяла идти ровно. Ямы, трещины, завалы,

холмы - хватало и препятствий, и ловушек. Их хоть и становилось все меньше, но ослаблять бдительность не следовало ни в коем случае. И одна и та же тропа могла быть как в неделю, так и в две пути…

Картина руин вырисовалась на карте и все больше - в моей голове. Она сильно походила на кляксу, расползшуюся в разные стороны, и ее щупальца-отростки иной раз уходили далеко от основного пятна. На западе, вдоль бывшего русла реки город, продолжался до самого провала. Я видел здания и бугры развалин, видел оплывшие берега… Пару раз приходило в голову предпринять вылазку на ту сторону - но останавливало нежелание спускаться вниз, в ил и тину, оставшиеся после ухода воды. Оттуда несло тухлятиной и запахом гниения. Я подозревал, что там могут оказаться трясины, в которых легко можно увязнуть. Морозы все еще не сумели справиться с ними, и я ждал, что это сделает ветер - высушит или хотя бы засыплет пеплом.

Север везде упирался в провал. Пройдя по его границам на запад, я оказался у еще одного обрыва - там, где исчезнувшая река, обнажив неровное дно, уходила в бездну. Земля просаживалась в пропасть уступами, и по ним стекала грязевая масса, слизывая мягкую почву и оставляя только голые скользкие камни. Все это образовывало целый каскад, и если когда-нибудь в реке вновь появится вода - получится изумительно красивый водопад. Но сейчас зрелище падающих в провал пластов внушало только трепет и ужас…

Юг тоже не преподнес ничего особенного. Земля за пределами города, вопреки ожиданиям, оказалась не желтой, как на востоке, а обычной. Разве что, вывороченной не столь жутко, отчего местность казалась менее изуродованной.

Постепенно вырисовывалась полная картина. Хаотичное нагромождение линий, символизирующих отдельные улицы и проспекты, точки возвышенностей, крестики, указывающие на провалы и пустоты и черточки в виде шалаша - укрытия. Их я особенно тщательно запоминал и обозначал на карте. Вылазки за пределы подвала не прекращались ни на день - усидеть в нем я не мог, начиная отчаянно тосковать по родным лицам. Приходил, приводил себя в порядок - что заключалось в ванне и бритье порядком отросшей щетины, стирке, смене белья. Потом отсыпался, сколько хватало сил, и опять уходил. Не все дома оказывались разрушенными полностью - встречались и такие, в которые, при известном риске стоило

проникнуть. Это было рискованно. Но иным путем, найти что-либо нужное среди руин, из того, что не имелось в моем подвале, нельзя. Все давно занесено, и увидеть искомое в бурой массе, слипшейся под воздействием ветра и воды, стало слишком сложно. Так продолжалось, пока я, позарившись на кресло, которое невесть как занесло на уступ покосившегося здания, едва не свалился вместе со стеной дома. Она зашаталась, как раз когда я почти добрался до вершины. Как успел спрыгнуть и не попасть под обломки? Могу ответить - такому прыжку мог позавидовать и горный лев. Я же считал себя человеком… С появившимися невесть откуда и почему, почти сверхъестественными способностями. Способностями, более присущими оборотню, из фильма ужасов. Или… Тому монстру, чей труп так удачно попался мне на глаза во время моих предыдущих скитаний. Но, слава небесам, таковые здесь не водились. Пока не водились… Мне до сих пор не попадались ничьи следы, и я все больше уверялся, что таскаю с собой всю эту груду железа совершено напрасно. Так я стал оставлять дома широкий и длинный нож. Потом - копье. Оставался топор, и если бы он не был мне необходим, чтобы нарубить дров, то стал бы ходить только с одним ножом. Дважды посетил Гейзер. Он работал, не переставая, как часы. Я еще раз проверил его по времени - интервалы не сократились ни на минуту. Зато озеро, которое тогда было всего метров восемь в диаметре, превратилось в настоящее - около пятидесяти. И были все предпосылки, что оно не станет меньше. Гейзер находился на небольшом возвышении, и вода скопилась в нем, как в чаше. Рано или поздно она найдет себе проход, и озеро сразу уменьшиться в размерах. Но пока вода лишь просачивалась небольшими ручейками по нескольким краям - это обеспечивало вытекание излишков, грозящих снести плотину. В трех часах - или полутора километрах? - от него, возвышалось приметное здание. Оно сложилось так, что все его стороны образовали пирамиду. Я поднялся на самый верх и посмотрел на город с высоты не менее двадцати метров. Здание оказалось на горе, образовавшейся в результате подъема земной коры, и обзор с него открывался великолепный…

С высоты я увидел еще несколько озер, подобных озеру Гейзера. Они соприкасались берегами и были одно меньше другого. Все - правильной округлой формы и издали напоминали несколько монеток различного достоинства. Я так и подписал их на карте - Монетные

озера. Впоследствии пожалел, что поторопился - когда встретил нечто такое, что имело к деньгам куда более близкое отношение.

За озерами тянулся разрушенный железнодорожный вокзал. Как и все вокруг, он оказался снесен до основания, не уцелели ни само здание, ни площадь, ни даже рельсы самой дороги. Они были вывернуты из земли и скручены самым немыслимым образом. Шпалы валялись, где и как попало. Поезда, которые я видел, сгорели и почти полностью засыпаны землей, если точнее - той смесью из постоянно осаживающегося пепла и грязи, которая падала с небес. Бродить там оказалось нисколько не легче, чем других частях города.

Таких примет, как пирамида или вокзал, на карте накопилось уже много. Я сносно представлял весь город и видел, что не изученной остается только часть за руслом реки. Собственно, единственное направление, которое могло считаться доступным и стоящим внимания - это как раз и было путешествие вдоль бывшего берега самой реки. Ни в странные, желтые земли-пески, ни вдоль озера, идти не хотелось. В провал - вообще, трудно даже представить… Правда, оставались еще и земли, располагавшиеся за пределами самого города - строго на юге. Дойдя до краев, я не решился идти туда слишком далеко - да и не видел в том смысла. Искать там кого либо? Среди голой степи? Если людей нет в городе - откуда им взяться тут? Правда, за ними мне показалось, что блеснули верхушки скал, о которых раньше и не подозревал. Было очень странно увидеть горы так близко. Но может быть, лик земли изменился так сильно, что весь город каким-то образом переместился к ним поближе? После того, как я увидел провал, удивляться уже нечему…

Отсутствие всего живого на исследованных землях меня более не шокировало. Как бы это ни получались, но в городе выжил только я. Даже кошки и собаки, даже крысы - и те покинули его. Я был уверен в этом, прекрасно понимая, что выжить без еды среди развалин невозможно, и есть только одни существа, которые могут разделить со мной право на владение руинами - тараканы. Но вот их-то я хотел видеть менее всего, поэтому всячески проверял и охранял свои богатства от непрошеных гостей и пока не замечал в складе ни одного насекомого. Вероятно, зима не давала им возможности гулять, где вздумается. Либо, их всех убило этим излучением, в котором я сам себя убедил…

А пока… Пока я занимался тем, что целыми днями пропадал в развалинах, учился кидать нож и метать топорик в мишень. Наносил на карту все новые и новые линии, зарисовывая белые пятна. В этих походах привык терпеть стужу и ветер, ледяные ливни и внезапные обвалы. Стал спать на голой земле, поддерживать огонь буквально из ничего, дремать вполглаза… Словом, учился жить той самой жизнью дикаря, которую был вынужден вести, лишенный всего, что составляло бытие раньше…

…Это произошло случайно - я вовсе не задавался целью искать что-либо подобное. Такая находка ничего уже не могла дать… Очередная вылазка в центр привела к целому ряду зданий, расположенных в виде квадрата. Они рухнули по периметру, и я с большим трудом нашел лазейку, чтобы попасть внутрь этого сооружения. Под ногами чавкала бурая жижа, вокруг - слякоть и сырость, повсюду царствует холодный ветер - я невольно поежился от холода. Тем не менее, возвращаться назад, не посмотрев, что удалось обнаружить, не хотелось.

Издалека это напоминало развалины средневекового замка. Хотя я прекрасно знал, что ни в городе, ни далеко за его пределами ничего похожего просто быть не может - не те у нас места. Так исторически сложилось, что все памятники подобной архитектуры находились в основном в северных районах страны. Это мог быть какой-нибудь монастырь - но руины сильно отличались от старых построек.

Я приблизился настолько, что смог разглядеть обломки отчетливо - нет, это совсем не похоже ни на замок, ни на культовое сооружение. Хмурая пелена дождя и взвеси, с которой приходилось мириться, чуть прояснилась - и передо мною грозно и молчаливо встали глыбы разрушенного бетона и кирпича. Практически все было повалено или накренилось - не смотря на то, что толщина некоторых стен достигала полутора метров! Но даже такая мощь не смогла вынести удар всесокрушающей стихии... Я осторожно вошел в пролом. Крыша здания, уткнувшись одним концом в землю, наполовину треснула и обрушилась. Часть повисла на стальных прутьях арматуры, другая - на накренившихся стенах. Она простояла так довольно долго, выдержала неоднократные последующие толчки - но, кто знает? Может, последний запас прочности, что неведомый конструктор вложил в нее

когда-то, именно с моим появлением закончится? И обломки рухнут на голову? Я не хотел рисковать…

Подцепив палкой мешавшуюся на дороге, проволоку, попробовал оттащить ее в сторону… и замер, обратив внимание на то, что вначале ускользнуло - это была не просто проволока, а цепкая, скрученная кольцами спираль, усеянная множеством острых резцов. Я прикоснулся к ней - несмотря на время и воду, непрестанно поливающую эту землю, проволока даже не поржавела… У меня мелькнула мысль, что неплохо было бы притащить моток к себе в подвал на случай появления незваных посетителей. Хотя какие еще гости? Вспомнив о своем полном одиночестве, я вздохнул и, потеряв всякий интерес к колючей находке, двинулся дальше. Чуть погодя увидел, что проволока, зарываясь в землю и выныривая вновь, как бы окружает развалины здания по всему кольцу. Мне стало интересно - что могло находиться в нем, коль его так явно старались оградить от посещения излишне любопытных субъектов, вроде меня? Впрочем, когда это здание стояло незыблемо, как мир, я вряд ли стал рисковать, чтобы узнать, для чего оно предназначено… Переступив через сталь и несколько особо опасных участков - над головой висели такие плиты, что упади хоть одна, и от меня не осталось бы даже пятна! - я проник вглубь развалин.

Похоже, постройки глубоко уходили под землю. Все, что находилось выше уровня земли, разрушено. А так как верхние сооружения, по всей вероятности, достигали как минимум пяти-шести этажей, то эта гора прочно замуровала то, что находилось в недрах. И все же - проход внутрь нашелся. Через вентиляционное отверстие - его почему-то не придавило, и если постараться, можно протиснуться.

Я поискал глазами предметы, подходящие для горения - не лезть же туда без света? Нужен факел… Мне страстно хотелось узнать, что там может быть? Я надеялся, что обнаружу если не припасы - после склада нужда в них отпала - то оружие. Мне никто не угрожал, но как будет в будущем? Предчувствие, что многое в дальнейшем придется решать не словами, а кровью, заставляло подумать об этом…

А потом, когда я после узкого отверстия проник в придавленные подвалы, и увидел то, от чего на некоторое время впал в ступор… зло, тоскливо рассмеялся. Я ненавидел деньги. Их не хватало практически всегда. Из-за них я был вынужден подолгу уезжать из дома, чтобы

обеспечить семью хоть в какой-то мере. И из-за них я оказался в самый ответственный момент так далеко от нее и теперь не имел ни малейшего понятия, что с ними произошло!

Пол был усеян рассыпавшимися мешками, из которых виднелись стопки перевязанных между собой пачек - их предназначение не могло оказаться ни для кого секретом. Купюры - различных видов и достоинства, разных стран и времени… Вещи, более чем употребляемые в очень недалеком прошлом. Сейчас же, пригодные разве что на растопку.

Во мне появился какой-то бес разрушения - со злорадным смехом и яростью стаскивал порванные мешки в одну кучу - а затем, резвясь и одновременно скрежеща зубами, чиркал спичками, старясь вызвать огонь из отсыревшей коробки. Сколько *они* мне попортили крови! Работа, начавшаяся в шестнадцать неполных лет, вечно тупая и вечно недостаточно оплачиваемая… Отсутствие этих самых бумажек, от количества которых зависело так много. На них нельзя купить счастья, но их отсутствие делало его и вовсе проблематичным.

Деньги лежали, покрывая поверхность пыльного пола, хрустящие и мягкие, старые и новенькие, только что отпечатанные - и мятые, перешедшие из рук в руки сотни раз… А еще - мешки с мелочью, рассыпавшиеся тяжелым грузным ковром. Я не колебался - вспыхнувшая спичка полетела в сложенную кучу - и через минуту веселый костер покарал это мерило человеческого труда. Я не жалел - пачки летели одна за другой, вмиг покрываясь огненными язычками. В топливо шло все - и наши, и чужие, считающиеся более ценными, чем купюры собственной страны. Я сжигал целые состояния, в прошлом могущие составить чудовищное богатство. Миллионы сгорали в пламени костра - а виновник этого сидел на стопке мешков и грел ладони над пламенем, размышляя, что содержимое этого хранилища уже никогда никому не понадобится. Меня это веселило - я тихонько посмеивался, чуть ли не впадая в исступление от того, что получил возможность сделать такое… Но, сколько я ни подбрасывал в огонь новые и новые пачки, удовлетворения это не приносило. Они не значили ничего - и это принижало значимость происходящего. Они были в моей власти. Впервые за столько лет унижений и испытаний. Они в моей - а не наоборот. Можно сколько угодно рассуждать о том, что человек независим - но всего каких-то несколько недель назад я

был полностью прикован к тому, чтобы добывать их тяжелым и неблагодарным трудом. Нет, не эти бумажки были виновны - сама система, сделавшая так, что прожить, не имея их, просто нельзя. Здесь должен был бы гореть тот, кто их изобрел! Хотя, если задуматься, это было одно из величайших изобретений человечества… И одно из самых подлых. Ценности, хранившиеся здесь, уже не имели ничего общего с теми, которые на самом деле стали нужны. И соответственно, толку от них не осталось никакого.

Я поужинал содержимым из банки, подогретой на костре, запил все водой…

- Что, Дар? Сбылась твоя мечта?

Лицо прорезала горькая ухмылка - вряд ли во всем мире еще кто-нибудь, имел возможность так погреться…

Глава 6 Собака-людоед

Глава 6

Собака-людоед

Вскоре бессмысленные хождения по городу надоели - я хотел большего, понимая, что ничего нового среди руин не обнаружу, даже если обойду их по сто раз из конца в конец. Ничего живого в пределах досягаемости моих ног здесь не было. Люди - единственное, что я хотел найти и к чему стремился. Не столько от чувства полнейшего одиночества, сколько от незнания, что все-таки случилось и чего ждать от судьбы в будущем. Но я обманывал сам себя, считая, что смогу жить один… Нет, тоска змеей вползала в грудь, не давала свободно дышать, и гнала прочь - куда угодно, только чтобы не видеть опостылевших белых стен.

Город был практически изучен - может быть, за малой частью, куда я не стремился попасть. С момента падения в пропасть, завершившегося скитаниями в темноте метрополитена и выходом наружу, прошло столько дней… И, если мой календарь верен, эта, показавшаяся бесконечной зима, скоро сдаст свои позиции весне. Я отгонял от себя тревожные мысли про тысячелетний смог - вроде последствий удара о землю астероида, или взрыва супервулкана. Тогда зима будет длиться вечно…

Ни на востоке, где разлилось огромное болото, ни на западе, вплоть до русла пропавшей реки, я не встретил никого. Север не пропускал - там все дороги обрывались Провалом. От одной только мысли, что туда, быть может, не мешало бы, спуститься, у меня, всю жизнь панически боявшегося высоты, сжималось сердце от ужаса... Нечего делать и на востоке - огромное озеро заполнило собой всю низменность и сделало дальнейшее продвижение невозможным. Оставался юг - там высились горы, которые просто физически не могли исчезнуть, и только там я рассчитывал, что поиски окажутся более удачными. Ну и, быть может, другая сторона реки…

Поиски людей… Почему это стало так важно для меня? Я мог достаточно долго существовать при своих запасах, практически не испытывая нужды ни в еде, ни в материалах для пошива одежды.

Большего и не требовалось. Сама собой пропала зависимость от зомбоящика - по иронии судьбы, мне ни разу не попался на глаза ни один, даже развороченный телевизор. Но, так же, не тянуло, что либо, прочесть - хотя, помня о найденном хранилище с книгами, я мог без особого труда обставить свое убежище сотнями томов. Прав ли я был, посчитав излишним сохранение лучших умов человечества? Или сейчас все свелось только к самому примитивному, и все иное потеряло всякий смысл? Наверное, я поступил бы иначе - зная, что живу не только для себя самого…

Все зависело от того, как скоро мне удастся их встретить, и на сколько дней дороги я смогу унести продуктов, чтобы успеть вернуться к подвалу. Если, конечно, смогу и встречу. С каждым днем надежды становилось все меньше… Ведь если кому-то повезло, и этот *кто-то*, уцелел при землетрясениях, пожарах и наводнении - а потом, вероятно, еще и испытал мощь ядерного взрыва! - то последующим, самым тяжелым испытанием, станет голод… Не всем могло так повезти, как мне с моим подвалом.

Я решил пройти по берегу исчезнувшей реки - это была хоть и извилистая, но точная дорога, где меньше риска заблудиться и не найти обратный путь. От подвала до берегов примерно три-четыре дня - в зависимости от погоды. Налегке и без груза - одно, а с мешком и оружием - совершенно другое. Я набил свой походный мешок консервами - предпочтительно мясными, решив, что пусть их будет меньше, но они будут питательнее. Привыкнув обходится малым, я еще раз пересмотрел свои вещи. Еда, плащ-палатка, оружие… Подумав, решил оставить дома большой нож. Не с кем воевать. В угол отправилось и копье. После стольких вылазок, появилось чувство уверенности в собственных силах, и посох больше не требовался - а для иных целей копье так и не пригодилось. Оставался один нож, поменьше, и топор. Его решил оставить. Посаженный на прочную рукоять, он являл собой внушительное оружие, хотя я вовсе не представлял себе, против кого собираюсь его применять. Но им можно нарубить дров…

Вторая ночевка пришлась примерно на середине дороги от подвала. Дойти до русла быстрее не получалось из-за ям, трещин и прочих опасных препятствий. Решив сократить путь - примерно представляя себе, где нахожусь - я повернул круче на юг. Мне

казалось, что, если пройти оставшуюся часть пути под углом, значительно выиграю во времени и уменьшу расстояние, отдалявшее меня от реки. Но, увы, верно говорят, что самые прямые дороги - не самые верные. Проплутав по незнакомым местам, я уперся в преграду - овраг, образовавшийся возможно, не столько от последствия землетрясения, сколько за многие тысячелетия до него. Я находился на вершине и зло рассматривал преграду. На дне тлело множество огней, газы вырывались из-под земли, не давая возможности пересечь овраг, по прямой. Обходить с юга бесполезно, он тянулся далеко и заметно сворачивал к востоку. Ближе к реке меня бы это не сделало. Интереса ради спустился немного ниже - и сразу почувствовал характерный запах серы, а потом легкий дурман в голове. Через минуту он превратился в круги перед глазами и сильную боль. Меня затошнило. Я решительно поднялся обратно и пару часов просто отдыхал, приходя в себя после ядовитого испарения оврага. Место, по-настоящему гиблое… Следовало отметить его на карте, когда вернусь!

Обходил его почти весь день, кляня себя, что поддался неосторожности. Ведь только сейчас вспомнил, что уже видел его, когда, в полусумасшедшем состоянии метался по руинам в поисках пищи. Вместо того чтобы сократить расстояние, я его увеличил… Спешка всегда могла плохо кончиться, а сломанная нога или вывихнутый палец значили куда больше, чем пара часов выигранного времени. Случись что - кто бы мог мне помочь?

В одном месте я наткнулся на танки. Было неприятно видеть их здесь, среди развалин, жутковатых, но все же возникших не в результате военных действий. Танки стояли, засыпанные по самые башни. Стволы многих направлены вниз - что-то очень увесистое упало на них и согнуло сталь орудий. Это что-то - мощные плиты перекрытия, толщиной около тридцати сантиметров. Сопоставив их с остатками полусохранившихся стен, я пришел к выводу, что нахожусь в цехе ремонтного завода. Обычный ангар, возможно… Остался ли экипаж внутри, или успел вылезти - выяснять не пытался. Скорее всего, их там и не было. Люки тоже придавлены намертво грудами бетона. Может быть, это произошло после того, как люди успели выйти, а может... В любом случае, оружия в них явно не имелось. Нет смысла хранить его в цехах, где производится ремонт…

А если, это не завод? И танки напротив, просто законсервированные и готовые к бою - такое тоже вполне возможно. Тогда, откуда здесь, на окраине города, такое хранилище техники? Несколько минут я стоял в растерянности - не связано ли это с тем, что уничтожило и город, и все вокруг? Может быть, военные действия, о которых уже никто не узнает, стремительные и сокрушительные… Но, подумав, отбросил эту мысль, как нелепую - нам никто не угрожал, по крайней мере, столь явно. Да и не вязалось как-то все происходящее с ядерной войной - в этом случае было непонятно многое из того, что я видел раньше. В конце концов, военные машины могли оказаться здесь и случайно - если рядом располагалась воинская часть. Окинув для порядка все окрестности внимательным взором, я опустил глаза вниз. Зацепиться не за что. Если здесь и есть то, что меня интересует, то слишком надежно и хорошо укрыто этими грудами бетона и камней. Среди руин слишком сложно, что либо, найти. И стоит ли оно того? Ну, откопаю автомат или что-либо более другое - а зачем? От кого я собираюсь защищаться? Подумав пару минут, и оставив сомнения, я продолжил путь к реке - благо, уже оставалось совсем немного.

Через пару часов, как назло, опять зачастил дождь. Бесконечная жижа черного и бурого оттенков, оставляющая грязные разводы на куртке и мокасинах - я переделал свои меховые сапоги по подобию индейских. Укрывшись под навесом из плит, стал ждать, пока он утихнет. Дождь становился то сильнее, то реже - но не настолько, чтобы продолжать дорогу. Взгляд рассеянно блуждал по окрестностям и упал на ложбину, располагавшуюся прямо передо мной. Там виднелось что-то, похожее на башни, и я заинтересованно поднялся с камня. Похоже, что здесь тоже случился провал - типа того, который был на севере. Рухнувшие здания словно находились в чаше, и мне стало интересно, что там такое.

Здесь имелся обрыв, не такой вертикальный и уж гораздо менее глубокий, чем там, и мне удалось потихоньку спуститься вниз, придерживаясь за торчавшие куски железа и деревьев. Более всего это походило на сортировочный узел - и я скоро убедился по нескольким надписям на стенах, что не ошибся. Благодаря тому, что вся цепь строений оказалась во впадине, воздушная волна не столь сильно ударила по зданиям, и все разрушения были последствиями подземной волны, которая прошлась гигантской рябью по всему живому. Что-то

сохранилось лучше, что-то - хуже. Мои мародерские замашки не позволяли пройти мимо, не попытавшись поживиться, хоть, чем-нибудь. Я постоянно рассчитывал найти или склад готовой одежды, или обувной магазин. Я и сам не знал, что меня больше привлекало. Внизу, вблизи, этот узел оказался очень большим. Мне пришлось прошагать почти три часа по его территории, прежде чем замкнуть круг. На окраинах ничего интересного не наблюдалось - нужно было углубляться вовнутрь, туда, где торчали скелеты железобетонных столбов, лучше всего сохранившихся при землетрясении. Несколько цехов ничего нового не принесли - сплошные завалы, ничем не отличающиеся от своих копий, попадавшихся в остальной части города. Когда пробрался в большой корпус и осмотрел его, решил идти дальше, к реке. И тут что-то привлекло меня блеском. Пришлось преодолеть несколько десятков метров, прежде чем удалось приблизиться к этому месту.

Сверкали тысячи бутылок, вывалившиеся из грузового вагона. Почти все разбились при падении, но высматривались и целые. Их не смогли засыпать ни пепел, ни переносимый ветром песок. Я не мог сдержать улыбки - как раз этот предмет меня интересовал меньше всего! Хотя… Я вытащил из общей кучи большую двухлитровую бутыль со спиртом, изготовленную в виде объемного бочонка, с высоким узким горлом и ручкой, за которую так удобно держаться. Я вздохнул - в другой ситуации от этого добра, может, и имелась бы польза, но сейчас? В подвале и без них достаточно алкоголя, гораздо лучшего качества, сам я практически не пью, и менее всего собираюсь увлекаться этим сейчас. Впрочем, спирт мог пригодиться - хотя бы как топливо, или в медицинских целях. Но нести его с собой - а вес даже одной бутылки довольно приличный! - я не собирался. Посчитав, сколько примерно осталось неразбитых, решил убрать несколько бутылок в сторону. Это на случай, если придется возвращаться тем же путем. Сложив в яме неподалеку двадцать штук, решил, что этого вполне достаточно, если остальные пропадут. Оставалось еще около сотни целых, но доступ к ним был затруднен: приходилось шагать по битому стеклу и рисковать порезаться, вытаскивая их из-под осколков. Впрочем, жадность заставила прикрыть неожиданное богатство несколькими листами шифера, чудом не расколовшегося на мелкие

кусочки. Если приспичит - смогу отыскать и найти эту нычку, даже если ее засыплет пеплом на высоту колена. Пусть лежат...

Возможно, рядом располагался завод по переработке и изготовлению винно-водочных изделий. Это объясняло такое количество спирта, уже разлитого в бутыли, а не перевозимого в цистерне. Или это был технический спирт, применяемый в промышленности - но тогда он становился для меня еще более бесполезным. Пробовать даже не хотелось...

Случайности, иной раз даже счастливые, в природе не редкость - все содержимое этого вагона было уничтожено в результате крушения поезда и последующего пожара. Огонь, бушевавший всюду, не мог пройти мимо столь лакомой добычи. И как при этом уцелели эти бутылки - удивительно. Но, раз уж уцелели, более того, попались мне на пути - грех не воспользоваться…

После сортировочной, препятствий, особо затрудняющих дорогу, больше не попадалось - я быстро вышел к берегу реки и уже вдоль него направился на юг. Хотя, если судить по изгибу высохшего русла, путь мой пролегал скорее на юго-запад, причем больше на запад. Но я хорошо помнил, что, в конце концов, река все равно должна будет сделать поворот в ту сторону, куда я стремился.

Не первый раз я так далеко отошел от города. За спиной остались темнеющие руины - они стали сливаться в одну сплошную черную черту через несколько часов после того, как я вышел из последних завалов. А ведь ушел я не далее, чем на семь-восемь километров. Тропа не радовала - земля, вздыбленная и вспоротая, упавшие деревья, ямы и рытвины… Нет, тут никоим образом не казалось лучше, чем в тех местах, где я привык бродить.

В одной трещине увидел, какой может быть сила стихии - на примере останков трактора. Он не просто оказался разбит - массивный скелет мощной машины буквально перекручен и свернут в штопор. Ничто не могло сопротивляться жутким объятиям внезапно взбесившейся земли…

Расстояние, пройденное от города, увеличивалось - и с каждым шагом скорость стала падать, а потом я и вовсе остановился. Если до выхода сюда и надеялся увидеть что-либо, то надежды оказались напрасны. Более того - по сравнению с мертвыми холмами, откуда я пришел, эта пологая и не столь изрезанная прибрежная полоса

оказалась еще мрачнее. Я горько улыбнулся - наивный… Если уж катастрофа уничтожила целый город со всеми обитателями, если неимоверная сила разломала и сбросила в бездну громадный пласт - разве сила, пронесшаяся тут, могла пощадить эти края? Не было и не могло быть ни одного загородного дома или поселка, который бы не постигла общая участь.

Случайный взгляд на ту сторону показал, насколько верно такое суждение. Там как раз высились остатки каких-то строений. Мне вдруг расхотелось идти дальше - зачем? Все ясно. Я остался один - нравится мне это, или нет. Это факт, непреложный и неоспоримый. Я могу рассчитывать только на себя. На подвал с его содержимым, на ловкость и силу. Этого могло хватить еще надолго - но, когда какая-нибудь случайность доведет меня до конца! - не пожалею ли, что сопротивлялся столько времени? Тоска заполонила без остатка - я сел на землю и угрюмо уставился на дно реки. Можно попытаться перейти на ту сторону, но зачем? Никакого шевеления я не замечал - поселок мертв, как и оставленный далеко позади, город.

Не помню, сколько просидел так - может, час, может, больше. Холод, до того не чувствовавшийся из-за постоянной ходьбы, стал забираться внутрь, проникая сквозь мех и ткань куртки. Я поежился, распрямил спину и встал. Делать нечего - нужно идти обратно. Путь вдоль русла не привел никуда. Он и не мог окончиться, ни чем иным. Горы, к которым я стремился, гораздо дальше. Идти к ним - это обречь себя на многие дни пути, если не недели. Сквозь хмурые, свинцово-серые облака ничего не просматривалось. Лишь очень далеко что-то темнело, вроде напоминая по форме возвышенность. И мне стало казаться, что там и не горы вовсе - на них не было снега. А ведь я помнил, что вершины хребта всегда покрыты серебряным ковром - даже в самое жаркое время года. Наверное, их, как и все остальное, занесло пеплом. Впрочем, я не видел вершин...

Когда уж, сделал первый шаг, поворачиваясь, чтобы идти назад, мой слух, обострившийся до предела, уловил что-то, чему не нашлось объяснения… Я замер, боясь ошибиться - мне показалось, что я слышу вой! Повернувшись в сторону реки, стал смотреть на поселок, не веря своим ушам - что это значит? Кроме шума, производимого ветром, больше ничего не доносилось. Это могло быть бредом уставшего человека, жаждущего хоть что-то найти… И все же, я чувствовал, что

это не так. Ветром принесло пыль - она хрустела на зубах, забивала носоглотку и засоряла глаза. Внезапно мною овладела ярость - из-за погоды, земли, себя самого - сколько можно?

Решившись, или, вернее, даже не подумав о последствиях, я стал спускаться к кромке берега. Съехал на пятой точке - не удержалась нога, и я упал на скользкую поверхность склона. Крутизна не позволяла замедлить падение, и в итоге, теряя мешок и топор, упал плашмя лицом в грязь. Это отрезвило - ныли ушибленные бока, саднила кожа, разодранная о какую-то корягу, выступающую из-под земли и едва не выбившую глаз. Я встал, кое-как привел себя в порядок и умылся из ближайшей лужи, которых в избытке нашлось на дне. Вода хоть и ушла, но дно не являлось сплошь сухим - постоянные дожди наполняли все впадины мутной жидкостью, состоящей из ила, песка и тины. Уже жалея о своем решении спуститься, стал искать место, где можно без ущерба для грязной одежды, подняться наверх. И снова замер - уловив не столько слухом, сколько всей кожей - новые звуки, донесшиеся с той стороны. Это необъяснимо - я стоял, как вкопанный, боясь поверить в то, что такое возможно… И, тем не менее, мне не послышалось - я был уверен, что оттуда, откуда дует ветер, доносятся непонятые звуки, принадлежащие либо зверю, либо человеку!

Теперь ничто не могло меня остановить. Ширина реки в этом месте казалась приличной - я стал искать, где бы ее перейти выше. Русло немного сужалось где-то через километр.

Сделав первый шаг, с опаской остановился - мне казалось, что сильно рискую, пытаясь перейти по дну реки на ту сторону. Оно очень сильно напоминало болото, с той лишь разницей, что вокруг не встречалось растений или травы. Зато хватало грязевых затонов и просто заиленных участков - нога сразу вязла и с трудом выдиралась наружу. Дно не промерзало, как многочисленные лужи в городе - видимо, оттого, что где-то под ним грело подземное тепло. Несколько фонтанчиков, из которых со свистом и шумом вырывался кипяток, говорили об этом. Я дотронулся до одного - вода очень горячая, мне пришлось сразу отдернуть руку.

Разглядывать дно особенно некогда - я стремился туда, где слышал вой. По пути пришлось подобрать длинный шест - и тут пожалел, что оставил копье. Пользуясь им, благополучно пересек дно,

и только в паре мест соскользнувшая с влажного валуна нога угодила в яму, наполненную водой. Еще наступил на осколок бутылки и едва не располосовал стопу.

Наконец русло осталось позади. Я устало вскарабкался на противоположный берег и, отдохнув пару минут, устремился к поселку. Здесь почему-то казалось темнее, чем на моей стороне - я мог различать местность на расстоянии не более двухсот-трехсот метров. Хотя, время уже шло во второй половине дня. Дальше все сливалось. К этому невозможно привыкнуть - знать, что по времени положено быть дню, а глазами фиксировать постоянную ночь… А ночь - опасна! Я вдруг остановился и непроизвольно сжал в руках шест - мне не хотелось быть застигнутым врасплох тем, кто мог издавать звуки…

Вскоре я подошел к развалинам строений. Очевидно, это остатки речного порта, возможно, грузового. Была различима рухнувшая пристань и пара судов возле нее, осевших на бок и увязших в иле, упавший портальный кран больших размеров - он при падении рухнул на крышу дома и пробил ее насквозь. Все, что не истребило землетрясение, довершил пожар. А пронесшаяся волна, которая вырвалась из водохранилища, сравняла с землей и жалкие остатки, которые выдержали толчки и огонь.

Я приблизился к покосившемуся забору - тот выстоял, выложенный из бетонных плит, но во многих местах пошел трещинами и зиял дырами. Повинуясь необъяснимому инстинкту, войти, как положено - через ворота или двери, направился вдоль забора и очень быстро наткнулся на то, что искал - сорванные железные двери, уже почти неразличимые из-под нанесенного водой песка и падающего сверху пепла. Это и был вход в порт - но от самого порта уже ничего не осталось. Вблизи он напомнил покинутый город – так же сильно разрушен, и то, что издали напомнило строения, оказалось холмами, наподобие многократно встречаемых среди моих руин. Жить здесь явно нельзя. Но я помнил о вое или о чем-то, очень на него похожем. И, что бы это ни значило, хотел выяснить - что? Решив обойти всю территорию, пересек двор и вышел к громадному баку - видимо, там хранилось топливо для автомашин. Он полностью прогорел, а по рваным краям я догадался, что перед этим бак взорвался. Всем, кто находился здесь в тот момент, пришлось несладко - впрочем, как и всем повсюду. Было очень тихо… Но откуда, в таком

случае, до меня донесся этот вой? Или же это просто злая шутка - в виде осколка бутылки, случайно повернутого боком к ветру и потому издающего такие заунывные звуки? Мне и самому приходилось подобным образом пугать в детстве соседей - пока они не нашли бутылку на чердаке и не нажаловались матери. Однако ветер дул, хоть и с перерывами, практически всегда с одинаковой силой - если он виновник, то звуки должны повториться. Предчувствие говорило, что здесь все не так просто…

Обыскав весь порт, я решил выйти с его территории - укрыться здесь уже негде. Как ни обидно, но приходилось признавать, что звуки, принятые мною за живые, все-таки почудились. И я напрасно прислушивался, стараясь уловить в дуновении ветра завывания неведомого зверя или стоны человека…

Я находился возле забора. Здесь он сохранился чуть лучше, чем там, где я вошел в порт. Он тянулся довольно далеко, и я стал идти вдоль него, собираясь вернуться в порт, а потом направиться к переправе. И тут…

Жуткий, громкий и страшный рев - иначе не назвать! - пронесся над развалинами, сразу заставив меня замереть и вздрогнуть от ужаса… Это было так дико и необъяснимо, что на какое-то время я потерял способность что-либо понимать. Уже много дней и ночей я не слышал ничего, кроме шума ветра или треска пожаришь - и только сейчас до меня дошло, как необдуманно поступил. Еще неизвестно, чего можно ждать от встречи с живым существом, способным издавать такой рык. Несколько мгновений я просто оцепенело стоял, не веря ушам. Как-то доводилось слышать, что люди делятся на две категории: тех, кто замирает на месте в случае опасности, и тех, кто сразу же срывается с места и идет ей навстречу. Сердце бешено забилось, ладони покрылись потом... Страх внезапно сковал все движения. Но, по-видимому, я относился к обеим категориям сразу - и, придя в себя, медленно сделал шаг. Страх одиночества казался менее пугающим, нежели встреча с чем-то живым, и, скорее всего, одичавшим. В тот момент мне показалось, что это человеческий голос - хотя я и сам не мог себе объяснить, почему так решил. Наверное, мне так хотелось встретить себе подобного, что я просто позабыл об осторожности…

Я обвел глазами развалины и, не найдя ничего, взобрался, по возможности тихо, на вершину холма, возникшего на месте когда-то

жилого дома. Мглистый свет не давал возможности рассмотреть окрестности толком, и я притих, прислушиваясь, не проявит ли себя обладатель этого голоса еще раз. Я был уверен, что мне не послышалось. Пришлось простоять на вершине несколько долгих минут, прежде чем тоскливый вой пронесся над развалинами вновь. Его отголоски еще затихали вдали, а я уже спускался вниз, на сторону противоположную той, откуда поднялся. Ничего не увидел, но определил источник звука точно. В этом не было ничего сложного - при той тишине, которая царила вокруг, слух обострился до предела, и я улавливал малейший шорох. И очень скоро по уху словно резануло скрежетание когтей по жести, возможно, останкам бывшей автомашины. Оно донеслось оттуда, где я проходил только что, и меня это сильно встревожило. Не осталось никаких сомнений, что это зверь, и, судя по мощи и силе воя, весьма крупный. К тому же, насколько всем известно, выть умеют только хищники. Я словно очнулся - какие люди?

Метнувшись туда-сюда, я отчаянно начал выдергивать из завала кусок водопроводной трубы. После нескольких попыток у меня в руках оказалась слегка изогнутая и расплющенная на конце железка, немногим больше моего роста. Она не могла заменить копье, но, совершено позабыв про топор, висевший за спиной, я был рад и такому оружию... Кто бы он ни был, этот зверь - он шел по моему следу! Какой окажется встреча? Смогу ли я противостоять ему в предстоящей схватке? А в том, что она состоится, сомнений уже не осталось! Я оглядывался, отыскивая подходящее место для предстоящего сражения, и вскоре его нашел. В нескольких шагах от меня виднелась ниша, образованная раздавленным автобусом и горой земли над ним. Если *Он* действительно велик - пролезть вслед за мной не сможет! А, если сможет - нужно как-то сдержать его, пока сам буду выбираться. У меня оставался свободный выход через второе, не забитое землей окно, если понадобится удирать. Я принялся быстро создавать баррикаду, нисколько не заботясь о грохоте и шуме. Теперь я клял себя за чрезмерное любопытство - не будь его, не попал бы в столь удручающую переделку! С плеча полетел мешок, а потом и куртка - если уж придется сражаться, то пусть на мне будет как можно меньше вещей, стесняющих движения. Закончив приготовления к схватке, прислушался - шарканья когтей исчезло, зверь не подавал

никаких признаков жизни. А ведь не услышать меня он не мог! Кровь хлынула к венам - я готовился к битве, исход которой не мог даже представить, так как не знал, с кем мне придется сражаться! Никогда раньше, за все прошедшие после катастрофы дни, мне не приходилось участвовать в смертельном поединке - ни с человеком, ни со зверем. И тем более - убивать! Судорожно сжимая в руках рукоять топора, я с трудом представлял, как буду вонзать тяжелую сталь в чье-то живое тело… и это вместо того, чтобы найти друга, которого так давно искал. Послышался шорох - я обернулся. Чья-то когтистая лапа - мне показалось сперва, что она размером с лапу льва, царапнула по обшивке автобуса, оставив на ней продолговатые следы когтей. Закричав, я вскочил с колен и сильно ударился головой. От удара прикусил язык и взвыл не хуже самого зверя - ответом стало могучее рычание, от которого по телу пронесся холодный пот. Было позабыто все! Я мгновенно понял, что означает выражение "волосы встают дыбом" Еще один страшный рык, многократно усиленный эхом - и я, не выдержав, сделал непростительную глупость - выскочил из окна автобуса и бросился бежать, позабыв, что собирался оказать сопротивление обладателю этой глотки, кем бы он ни был…

На несколько мгновений я его опередил - зверь рванулся следом и сразу увяз в куче хлама. Я успел за это время добежать до бетонного забора и нырнуть в одну из многочисленных дыр. За забором виднелись развалины домов - понесся со всех ног туда. Топор, с которым собирался встретить врага во всеоружии, вылетел из рук - но я даже не обернулся, торопясь укрыться от мчащегося по пятам чудовища, где-нибудь под плитами домов. Я не оглядывался - по шумному дыханию и быстрым прыжкам за спиной понимал, что преследователь вот-вот вцепиться в спину. Нога попала в расщелину, и я растянулся во весь рост, проехав по жиже около двух метров. Тотчас темная тень в сильном прыжке перемахнула через меня и распласталась в такой же жиже впереди. Зверь собирался свалить меня с ног, и только случайное падение спасло меня от сокрушающего удара! Я еще раз заорал и вскочил на ноги - на мое счастье, темное чудовище никак не могло подняться из зловонной лужи. Если бы я догадался тогда применить нож, мне было гораздо легче справиться с противником - в те мгновения он оказался в худшем положении, чем я. Но от страха я почти потерял остатки разума - а ведь куда более

жуткие часы Первого Дня встретил гораздо более хладнокровно, и это спасло тогда! Видимо, долгое пребывание в одиночестве приучило не опасаться ничего, кроме стихии - и теперь я расплачивался за это.

От бетонного забора отходил деревянный - и он сохранился намного лучше. Я мчался вдоль него сломя голову, в надежде найти лазейку - а зверь опять настигал, громко рыча от ненависти. Мелькнула щель между досками - и порыв юркнуть туда оказался быстрее разума. Туша чудовища с маху ударилась о забор - он пошатнулся, но выдержал натиск. В панике оглядевшись, я увидел двухэтажное строение - остатки дома с чудом уцелевшим балконом. Он провис, но еще держался, каким-то непостижимым образом не падая вниз. Посмотрев вдоль забора, я похолодел - совсем недалеко настежь распахнуты ворота, и зверю нет никакой нужды ломиться на доски, чтобы добраться до меня. А он снова ударил, и к скрипу ломающихся досок добавился ухающий и утробный лай.

Темная туша вышибла полусгнившие доски, и в образовавшееся отверстие просунулась громадная оскаленная морда. Доли секунды она яростно смотрела на меня, затем, отступив назад, вновь бросилась к появившейся бреши. Я как-то сразу пришел в себя, поняв, кто за мной гонится. Это собака - но очень больших, просто невероятных размеров, огромная, словно медведь! Содрогнувшись от ее вида, я на несколько секунд впал в ступор - убить ее моим жалким оружием? Это невозможно! Теперь, поняв, кто передо мной, уже сознательно не остался на месте - слишком большим пес казался в тот момент и слишком злобным, что, впрочем, соответствовало действительности. Нужно спасаться - но как? От очередного сильного удара доски разлетелись в разные стороны - псина ворвалась внутрь! Громадный размер чудовища, его сила позволили без особого труда разметать преграду, и теперь он быстро приближался. Ругая себя последними словами - какой черт меня понес на этот берег, к этому дому и вообще, в дорогу? - быстро бросился к дому, надеясь найти там укрытие.

- Гау! Га-а! - раздалось позади. Огромная псина, поняв, что я намереваюсь сделать, бросилась ко мне. Последний раз я так бегал во время землетрясения! С ужасающим лязгом клацнули зубы - но я уже подтягивался на перилах балкона. Собака взвыла и бросилась в дом. Я понял - через несколько секунд она будет здесь. Бежать дальше некуда - оставалось только принимать бой. Я посмотрел на комнату, в которой

оказался: длинная, полностью лишенная мебели, с кучей сваленных и уже покрывшихся плесенью плакатов в углу. Сгнивший пол, провисший потолок… все может рухнуть в любой момент! Позади - вырванная дверная коробка, через которую я перепрыгнул, выбираясь с балкона. Впереди - две двери, вернее, два проема. Через одну из них должно влететь это чудовище!

Но, видимо, собака изменила тактику. Я больше не слышал ее шагов, ее громового лая. Все вдруг стало так же спокойно, как до моего появления в разрушенном порту. Наверное, она затаилась за одной из дверей и только ждала, пока я выйду, чтобы наброситься сбоку. Я решил перехитрить ее и снова выскочил на балкон - не станет же она прыгать вслед за мной с высоты? Однако позади не раздалось ни звука... Я задержался на кромке, едва не спрыгнув вниз, и прислушался. Но зверюга ничем не выдавала своего присутствия! Понемногу я стал успокаиваться. Будь у меня пистолет, либо ружье - и эта тварь не смогла так безбоязненно за мной гоняться! Но во всех моих скитаниях ничего подобного я так и не нашел... Если не считать недавнего арсенала, рыться в котором мне не хотелось. Как я себя клял за это!

Впрочем, что мечтать - топор оставался внизу, а иного оружия, если не считать ножа, у меня не имелось.

Где-то в доме кто-то коротко и жалобно взвизгнул, отчего я разом вновь напрягся. Скулеж повторился - и он никак не вязался тем ревом, что только что производил этот монстр! А затем раздался грохот, несколько шаркающих шагов и утробное рычание... Зверь выбежал во двор и, не обращая больше никакого внимания на меня, кинулся к не замеченной мной ранее норе, видневшейся почти возле самого забора. Зверь забрался внутрь и почти сразу выполз наружу, волоча что-то за собой. Я присмотрелся и похолодел... Черное чудовище тащило в дом человеческую ногу! От неожиданности и ужаса я вскрикнул... Собака остановилась и подняла огромную голову. В мрачных глазах зверя горела сумасшедшая ненависть. Она выпустила свою ношу и, посмотрев на меня, завыла…

Отсюда, с безопасного расстояния, я наконец-то смог разглядеть обладателя этой глотки и еще более жутких клыков… Почти полностью черного цвета - из-за налипшей грязи и скудного освещения, увидеть окрас шерсти трудно. Ростом с хорошего теленка,

взъерошенная и нервно бившая хвостом по земле. Страх преувеличил размеры - на меня скалила зубы хоть и очень крупная, невероятно больших размеров, но все же просто собака. Она еще раз глухо зарычала, не сводя с меня потемневших глаз. По пасти скатывалась пена - слишком много для здорового зверя… Мне пришло в голову, что это признак безумия! А может даже - бешенства! Но, если так, то даже малейший укус, любое прикосновение этих клыков - заражение и гибель. А то, что она не оставила надежды со мной разделаться, я ясно различал в ее, хоть и замутненных, но яростных зрачках! Погоня, прекратившаяся на какое-то время, вовсе не окончилась…

Псина вновь подхватила свою ношу - и потащила в дом. Она прошла совсем близко, под балконом. Я успел увидеть, что нога вроде обута в ботинок, а главное - сочится кровью! Это могло означать только то, что ее обладатель убит зверем совсем недавно! И тут у меня тоже что-то взорвалось в голове - я подумал, что зверь, сошедший с ума, растерзал, кого-нибудь из тех, кого я тщетно пытаюсь отыскать. Страх разом отступил, освободив место ненависти. Теперь уже я жаждал боя с этим чудовищем - не меньше, чем оно со мной! А зверь, словно потеряв ко мне интерес, скрылся в подполе дома, где-то подо мною. Видимо, там у него и было логово, и я совершенно случайно потревожил ее обитателей, пока осматривал окрестности. Выждав, пока собака скроется, перевалился через перила, и как мне казалось, бесшумно спрыгнул - и сразу рванулся к топору, готовясь встретить зверюгу с оружием в руках.

Я отбежал и, увидев возвышение, а на нем криво стоящее дерево, прислонился к нему спиной. Так я мог не опасаться, что собака сможет напасть на меня сзади. А лицом к лицу… Теперь я мог встретить ее ударом топора - и не сомневался, что смогу разрубить череп чудовища так же просто, как до того рубил в щепки самые крепкие деревья. В тот момент я был уверен в своих силах - скитания и постоянная заготовка дров закалили мышцы до каменной твердости. Раздалось громкое рычание, а затем леденящее душу чавканье - точь-в-точь, как если бы это пожирала что-то свинья. Останки человека! Я не выдержал и издал такой громкий крик гнева, что он уже мало отличался от рыка собаки. На мгновение в доме все стихло - а потом оттуда раздался ответный рев, в несколько раз, превосходивший мой, по злобе и ярости. Еще одно рычание - видимо, зверь решил, что сможет прогнать

непрошеного гостя одной только силой луженой глотки! Но то, что вселяло в меня почти животный ужас пару минут назад, больше не могло подействовать на человека, охваченного неистребимой жаждой расправиться с людоедом. Теперь я жаждал убийства - и наши желания совпадали!

Раздался скрип половиц, скрежет когтей о бетонный порог входа - с хрипом и рычанием вынеслось здоровенное существо, покрытое свалявшейся шерстью. В доли секунды я изготовился, и когда оно совершало последний разделявший нас прыжок, изо всех сил рубанул перед собой топором. Зверь взвыл, но по инерции врезался в меня, и мы оба упали. Мой удар не пропал втуне - топор пробил череп страшилища и застрял в нем, вывернувшись из рук. Я сразу вскочил и опять подвергся атаке - косматое чудовище, не смотря на ужасающую рану, развернулось и сделало попытку прыгнуть, целясь прямо мне в грудь. Едва увернувшись от громадных кривых клыков, я ухватил собаку за шкуру и жестоким ударом всадил в нее нож. Как я сумел попасть в нужное место - случайно или осознанно, вряд ли, когда-либо отвечу… Но попал! Оно опять взвыло, но на этот раз более жалобно, и попыталось вырваться. Я, не отпуская захвата, придавил тушу к земле коленом и вновь взмахнул ножом…

Собака задрожала, лапы ее задергались. Из-под массивной туши стало расползаться багровое пятно. Я отшатнулся, еще не веря, что удалось ее победить. Оскалившись, в последней попытке дотянуться до меня клыками, она глухо рявкнула - и глаза подернулись предсмертной пеленой. Распластанная на грязи, невероятно больших размеров псина, напоминавшая кавказскую овчарку и ньюфаундленда одновременно. Вероятнее всего - специально выведенной породы, вроде волкодава. Пес таких размеров мог бы потягаться и с некрупным медведем… Беспощадное, дикое выражение глаз постепенно ослабевало и стало, словно более разумным. Она несколько раз дернулась в агонии, после чего затихла, вывалив наружу шершавый розовый язык. Дрожа и пошатываясь, я приблизился к туше - вытащить топор, крепко засевший в раскроенном черепе собаки. Оружие подалось с трудом - как она не умерла сразу после такого удара? Глаза людоеда вдруг открылись - псине ничего не стоит цапнуть врага напоследок!

Я отпрянул, но после склонился над ней, готовый вновь вонзить нож, и тут, оступившись, поставил ногу возле ее морды. На доли секунды у меня перехватило дыхание - оплошность дорого обойдется! Но вдруг, едва оторвав громадную голову от земли, она лизнула мокасин дрожащим языком, потом еще раз дернулась и затихла. От изумления я сам застыл как истукан. То, что произошло, не укладывалось в сознании…

Со стороны дома послышалось поскуливание. Я подобрал топор и настороженно подошел к бревнам, угрожающим рухнуть. Скулеж стал еще отчаяннее. Как и все вокруг, строение едва держалось. Опасаясь, что дом может развалиться в любой момент, осторожно вошел внутрь. Первый этаж мало отличался от второго - более того, вздыбленные доски пола и змеистые трещины в стенах указывали на скорое падение этих останков. Но меня интересовало не состояние руин…

Забившись в дальний угол, под упавший стул, на меня со страхом смотрел крупный щенок, трясущийся от страха. В другом углу лежали окровавленные, обглоданные останки человека. К горлу подступила тошнота…

Удержать в себе ранее съеденный завтрак оказалось невозможно - меня рвало так, словно внутри все раздиралось целой сотней таких собак! Отдышавшись, я сделал пару глотков из фляжки. Жгучая жидкость еще больше заставила скрючится - по ошибке выпил не воды, а водки.

Я все понял - собака, непонятно как уцелевшая в эти дни, обезумев от всего и отягощенная заботой о щенке, не нашла иного способа, чтобы не сдохнуть от голода. И только когда нож вонзился в сердце и оборвал жизнь, она на краткий миг пришла в себя... А все, что успела сделать, так это вспомнить, что она - самый близкий друг человека… И только теперь до меня дошло, какую неимоверную глупость я совершил, выбрав схватку с людоедом, вместо того чтобы убраться отсюда, подальше. Мне просто повезло, что зубы зверя не коснулись моего тела. Была ли она бешенной, или только безумной, я бы, конечно, выяснил… Когда сам заболел, получи хоть малейшую рану.

Я сделал шаг к щенку - он рванулся в сторону и отчаянно завизжал, скаля маленькие, но острые зубки. Пришлось отступить назад - еще движение, и он от страха мог кинуться в подпол. Там

виднелись битые стекла и куски жести. Падение с такой высоты ничего хорошего не сулило, а мне, почему-то хотелось заполучить его живьем.

- Ну что ты, парень?

Я как можно мягче произнес несколько слов, пытаясь приучить его к звуку человеческой речи. Щенок снова ощерился и звонко залаял, призывая на помощь мертвую собаку. Я покачал головой:

- Не шуми зря. Не придет твоя мама… И не убьет больше никого.

Присмотревшись, я понял, что несколько ошибся… То, что я вначале принял за останки человека, является чем-то иным. Скорее всего, это изгрызенные куски какого-то животного. Похоже, что овчарка охотилась здесь уже давно и на всех подряд. Но нога… Нога все-таки была человеческой. Щенок дернулся в сторону - из-под его лап выкатилась резиновая игрушка, мячик, почти потерявший цвет и форму, со следами зубов. Мячик подкатился ко мне, и я остановил его ногой. Я нагнулся, дотронулся до него кончиком носка мокасин и вновь покатил к щенку - но уловка не сработала. Он прекрасно понимал, что сейчас не время играть. Оставалось или выманить его оттуда, или просто оставить в покое и уйти. Но уходить не хотелось.

- Значит, не хочешь? А жить хочешь?

Щенок тявкнул - озлоблено, как затравленный и пойманный в ловушку зверек. Едва я протянул в его сторону руку, как он рванулся - и вместо того чтобы сигануть в яму, где я потерял бы его безвозвратно, изо всех своих собачьих сил цапнул меня за пальцы. Острые зубы вмиг прокусили слабую защиту - ткань перчаток. Я отдернул ладонь - на ней сразу появилась кровь.

- Вот ты как?

У меня появился азарт - теперь я, во что бы то ни стало, желал поймать его и забрать с собой. Он мог стать мне другом, если уж найти друга из людей как-то не получалось…

Я сделал вид, что ухожу - вышел из дома и присел неподалеку на бревно. По пути наступил на покосившееся крыльцо. Овчарке везло, как и мне, что она не сломала на нем лапы, возвращаясь с охоты к щенку. Я нахмурился - какой охоты? Судя по тому, как выглядят останки, она не брезговала нападать на тех, кто, как и я, недавно бродил по руинам. А неизвестный зверь, чьи остатки я видел, вряд ли пойман позже, чем за три-четыре дня тому назад. Но, если так - то это

означает, что люди все-таки здесь есть! И не только люди - но и животные! У меня сразу пересохло в горле… Да, если это ела собака, то значит, это ел и щенок? Нужен ли мне такой приятель, который в самом нежном возрасте успел отведать человечины? А, если и он уже заражен бешенством, как его мамаша?

В доме громко завыли - кутенок горько жаловался на судьбу. Похоже, мать не приучила его сохранять молчание во время своих отлучек. Такой надрывный скулеж не мог не привлечь внимания. Наверное, именно так и погиб тот несчастный, которого убила эта черная бестия. Пришел на вой, как и я - а нагрянувшая внезапно овчарка прикончила его, разжившись запасом продовольствия. Скулеж стал нестерпимым - теперь щенок уже сам хотел, чтобы его вытащили оттуда, куда он так рьяно прятался. Я усмехнулся - все-таки, уйду отсюда вместе с ним, даже если для этого придется разобрать дом по частям. Пришлось вскрыть банку консервов и устроить ужин. От тушенки исходил ароматный запах - я предварительно разогрел ее на небольшом костре.

Смотря на банку, я покосился в сторону дома. Я вдруг? Хотя вряд ли этот маленький скулящий комок, мог сильно страдать от голода. Не особо надеясь, все же выставил аппетитно пахнущие консервы к крыльцу, а сам приготовился. Ждать пришлось долго, ноги отекли от напряжения. В какой-то миг, щенок высунул тупую мордочку и мгновенно спрятал ее обратно. Потом снова показался и, нелепо косолапя, спустился по ступенькам вниз. Убежать я ему уже не дал...

Я всегда носил с собой целый моток веревки - на случай, если вдруг придется спускаться или наоборот, выбираться из ямы. Сейчас она послужила для того, чтобы связать щенку лапы и пасть. Он отчаянно сопротивлялся и несколько раз снова укусил меня за руку. Но все же силы были не равны - я с ним справился и, переводя дух, положил мохнатый комок на крыльцо. Он даже в таком положении пытался сопротивляться и угрожающе рычал на меня, яростно сверкая своими ясными глазами-бусинками…

Следующим этапом стало возвращение к убитой собаке - теперь, после того, как я впервые в жизни одолел в смертельном поединке, существо, значительно превосходящее меня силой и размером - у меня появилась своеобразная гордость. Я хотел увековечить память об этом - хоть хвастаться такой победой, собственно, не перед кем…

Она распласталась на земле. Возле черной туши темнело пятно, которое быстро впитывалось в землю. Я встал возле собаки и несколько секунд раздумывал… Потом резким ударом топора отсек ей когти на лапах, а затем - громадные клыки, которыми она запросто могла разорвать меня на части. Мне просто повезло, что я смог удержать топор в руках, когда встретил ее в неистовом полете навстречу смерти. Лезвие практически раскроило морду, и, хоть довершил начатое нож, но главный удар был нанесен именно топором. Только теперь я до конца осознал, что впервые в жизни одержал настоящую победу в смертельной схватке, где цена проигрыша означала собственную жизнь…

Я склонился над тушей и, преодолевая брезгливость и стараясь не оцарапаться, перевернул ее на спину - чтобы снять шкуру. Это первый в моей жизни подобный опыт - но все когда-нибудь делается впервые. Я разрезал шкуру на брюхе от шеи до паха и принялся сдирать ее так же, как сдирают шкуру с баранов. Мне приходилось это видеть в юности, когда жил в совсем иных краях.

Нельзя сказать, что это просто и легко - скорее, наоборот. Я боялся нанести себе малейшую ссадину. Ее кровь могла попасть на ранку и принести мне столько проблем, что о других я бы уже и не вспоминал… Кто его знает - здорова ли была эта псина, прежде чем судьба свела нас в страшном поединке. Слишком явная злоба, слишком сильное желание разорвать меня на части… Да, зверь явно страдал от болезни - но, бешенство ли это? Нормальные собаки себя так не ведут. Хотя, откуда им сейчас взяться - нормальным? Если предположение насчет болезни оправдается, и вместе с матерью заражен и щенок - все эти предосторожности станут излишни. Придется его оставить здесь. Только как это проверить? Он вроде выглядел не таким злобным… Через часа два - все же это был мой первый опыт, и не самый удачный! - освободил шкуру от ее прежнего владельца и теперь не знал, что с ней делать дальше. В подвале и без нее достаточно любого материала. Как обрабатывать, не имел ни малейшего понятия. Зачем мне она? Но что-то заставляло меня забрать шкуру с собой. Может быть, гордость за одержанную победу. Так ничего не придумав, решил скатать ее как можно туже и разбираться с трофеем уже дома.

Жалобный скулеж, чем-то напоминающий плач ребенка, казалось, был бесконечным. Где только щенок находил силы, чтобы так

настойчиво выть? Нервы у меня не выдержали…

- Ну что ты орешь? Так плохо, да?

Он косился испуганными глазками, но даже в таком состоянии пытался скалить зубки…

- Придется тебя посадить в мешок.

Я еще раз прошелся по поселку. Мать щенка притащила ногу из дыры. Если *Том*, кого она убила, все еще там…

Поиск в яме ничего не дал. Либо, человек погиб где-то далеко отсюда, либо, она уже сожрала его. При таких размерах, неудивительно… Самая высокая точка - холм у берега. Взобравшись на него, я посмотрел по сторонам. Всюду знакомая и мрачная картина всеобщего запустения и нависших облаков. Откуда *Он* пришел? Куда мне направить свои поиски? И нужно ли это делать - если это такой же одиночка, как я сам? Где искать следы? Есть ли эти следы? Ответ неясен…

Так ничего не решив, я спустился. Щенок притих. Я сложил вещи и вновь заглянул в дом. Страшные останки пиршества следовало закопать…

Груз за спиной вел себя неспокойно. Мне это порядком надоело. Мы уже отошли от поселка и пересекли русло. На своем берегу я опустил мешок на землю и вытащил щенка наружу. Я мог отпустить его на поводке, заставив следовать за собой. Но тот, словно изменив решение относительно нашего вынужденного знакомства, вовсе не собирался убегать… Черный комок, неуверенно держась на подгибающихся лапах, сделал шаг, другой и ткнулся мордочкой мне в руку. Волна нежности к этому маленькому существу сразу затопила меня без остатка - я столько дней был один! И этот щенок, по моей вине оставшийся без матери - и, может быть, спасенный этим от смерти! - сейчас искал во мне защиту и тепло, которых я и сам был лишен. Я взял его на руки, и щенок сразу прижался к груди. Он перестал поскуливать, быстро отогреваясь и пряча влажный нос в искусственном меху моей самодельной куртки.

- Есть хочешь?

Я погладил его по холке. В ответ он высунул шершавый язык и лизнул меня в ладонь. Это выглядело настолько впечатляюще - как осознанная реакция! - что я на мгновение растерялся…

- Ну… Ты что, слова понимаешь? Бред какой-то.

Вильнувший хвостик слегка задел руку. Пес снова ткнулся мордочкой в шерсть и затих, подобравшись в мохнатый и пушистый клубок. Некоторое время я просидел без движения - отдыхал от длительного перехода, да и щенок, на первый взгляд не очень тяжелый, все-таки был ощутимого веса, особенно когда проделаешь двенадцать-двадцать километров с таким грузом за спиной. И почти всю дорогу этот груз не вел себя спокойно… Кроме того, в мешке, на дне лежала шкура овчарки - я почему-то надеялся, что знакомый запах сможет его успокоить. Естественно, это оказалось ошибкой - запах крови лишь будоражил щенка. Я опустил его на землю, слегка опасаясь, что он все же попытается убежать. Но ему было необходимо другое - пес отошел в сторонку, и, как бы виновато на меня глядя - мол, сил больше нет терпеть, а спрятаться негде! - присел и сделал лужицу. Я усмехнулся:

- Иди сюда.

Щенок послушно вернулся.

- Ну что, пообедаем? А то еще идти порядочно. Пока еще до места доберемся. Придется тебя на ночь привязать покрепче - а то вдруг передумаешь да смоешься обратно. А там тебя уже никто не ждет…

Я достал банку консервов, вскрыл ее ножом, посмотрел, как щенок терпеливо ждет - только подрагивающий хвостик выдает обуревающие его желания - и выложил половину содержимого на землю.

- Ишь ты, какой воспитанный. Ну, ешь!

Второго приглашения не понадобилось. Тушенка исчезла с такой скоростью, что я только рассмеялся, глядя, как пропадают куски мяса и гречневой каши с того места, где лежали секунду назад. Нос щенка воткнулся в землю, туда, сюда - где? Ведь лежало, только что? Пришлось дать ему еще немножко. Остаток выскреб ложкой, отломил кусочек сухаря и запил водой из фляги. Щенок тоже хотел пить. Я налил воду в сложенную лодочкой ладонь. Он вылакал, облизнулся…

- Ну, все, хватит. Ты и так тяжелый, а тащить тебя на веревке - только время терять. Так что придется снова в мешок. Потерпи.

В мешок пес не хотел. Он зевнул, встал на задние лапы и положил голову мне на колени, просясь обратно на руки. Я приподнял его, и, не опуская, принялся рассматривать, подумав, что как-то не удосужился сделать это раньше. Щенок, на вид порядочно грязный, но через налипшие комья было заметно, что он такого же черного цвета, что и

мать, и, лишь на грудке, начинаясь от шеи и заканчиваясь где-то в районе пупка, красовалось белое пятно. Шерсть густая, слегка курчавая, словно у барашка. Видимо, при всем своем безумии, его мать заботилась о щенке и иногда вылизывала его, так что он не выглядел совсем уж заброшенным заморышем. У него были большие массивные лапы с очень широкой пятой - по всему, должен вырасти в крупную собаку. Об этом говорил и размер его матери, справиться с которой я бы никогда не смог, если не случайность да топор... Уже сейчас в щенке чувствовались будущая сила и мощь. Остренькие зубки, белым снегом выглядывающие из пасти, крепкие клыки, грозящие вырасти в настоящие кинжалы. Этот щенок, по видимому, означал самую лучшую мою находку - жизнь, которую мне предстояло вести, значительно облегчалась с приобретением такого товарища. Правда, в прошлом у меня никогда не было собаки, и я не знал, как ее тренировать, приучать к командам, лечить.

Я посмотрел щенку в глаза. Пес не отвел свои блестящие черные бусинки - он очень уверенно держал взгляд, а ведь ни одно животное не может смотреть в глаза человеку!

- Ну, ну… И как тебя зовут?

Щенок тихонько гавкнул - ему надоело висеть в моих руках. Пришлось опустить его на землю, он немедленно вновь поднялся на задние лапы и стал карабкаться на колени.

- Ладно. Придем домой - придумаем тебе имя.

Я погладил его по лобастой башке. Он затих у моих ног и внимательно слушал, что я говорю. Речной порт остался далеко позади. Где-то там, в его окрестностях, я, быть может, мог найти людей… Но весь новоприобретенный опыт говорил, что это пока неосуществимо. В смысле - именно сейчас. Их не могло там быть. Вся эта земля все еще оставалась безжизненной зоной, где едой могло служить только то, что не было рождено ею. До времени, когда из почвы появятся первые ростки, должно пройти еще несколько месяцев… или лет? Кто знает, что теперь ждать от природы? А чтобы жить, питаться нужно каждый день. Если нет другой пищи… Едят тех, кто слабее. Сейчас слабее оказался человек. Как он забрел туда, откуда? Ответа я не знал. Он не мог быть из города - моего города, если на то пошло. Оттуда, с той стороны? Я еще не был в той части, которая находилась за дном бывшей реки. Но где, в таком случае, его

вещи? Если я, решившись пойти в столь дальний поход, взял целый мешок, то и ему понадобилось бы продуктов не меньше. Или же собака, преодолев немалое расстояние, притащила части убитого в логово? Мысли роем кружились в голове, и я не знал ответа… В одном я мог быть уверен - мое одиночество временно. Люди есть на земле, и я - не последний, из выживших. Но сколько, и как далеко… И где?

Домой мы добирались долго. Один бы я проделал этот путь намного быстрее, но неспокойный груз не позволял делать дальних переходов, и мне приходилось чаще отдыхать. Большую часть пути нес щенка на спине. Если он пытался идти самостоятельно, то отставал из-за того, что скорость моего и его передвижения была несопоставимой. Мучаясь, ругаясь и успокаивая себя мыслями о более счастливом будущем, я преодолевал все препятствия, которые нам попадались. Дорога назад ничем не лучше той, которую проходил несколько дней назад. Ничто не изменилось - разве что там, где оставил бутылки, в надежде вернуться, пришлось сделать незапланированную остановку - я укрыл их более надежно, посчитав, что спирт, даже если и технический, никогда не помешает в будущем. Нести же его с собой, взваливая на себя еще одну ношу - извините…

При подходе к подвалу щенок особенно рьяно стал рваться наружу - устал от долгого мотания в мешке. Он вертел лобастой башкой, приходя в себя после бесконечной качки. Что делать, еще не скоро щенок вырастет в крупную собаку и станет сопровождать меня уже на своих четырех так же уверенно, как я сейчас - на двух. Когда придет это время - уже не я, а он будет поджидать меня на тропе.

Я остановился, и, зажав собаке пасть, внимательно осмотрел местность - порядком испуганный размерами его мамаши, теперь опасался того, что кто-то вроде нее может появиться и здесь. Но страхи были совершенно беспочвенны - никто и ничто не нарушало покой моего холма.

В подвале щенок сразу стал изучать все углы - но, к моему изумлению, ни в одном он не оставил свои отметины, хотя для собаки такое поведение просто удивительно. Впрочем, он ведь был еще совсем щенок и не мог знать, как ведут себя взрослые псы. Но, даже когда ему приспичило - он подбежал ко мне и, призывно гавкая, заставил выйти наружу… Я определил ему место. Из множества уложенных на стеллажах ковров один был сброшен на пол, чтобы

щенок, укладываясь спать, не лежал на голом бетоне. Коврик получился гораздо больше самого щенка, но я решил, что так даже лучше - не придется заботиться об этом, когда он немного подрастет. Пришлось также найти миску - мне стало неприятно смотреть, как он слизывает консервы с пола. У одного из ведер я удалил стенки - вернее, вырубил их топором, а потом закруглил края и оббил их обухом - получилась вполне приличная миска. Правда, если ее наполнить до краев, содержимого могло хватить для нескольких таких щенков. Подумав, отложил идею о поводке - куда он денется? Если захочет убежать, то и ремень не поможет. А потеряться, будучи постоянно со мной - вряд ли.

Отмыв его после дороги - а попутно обследовав на предмет всевозможных болячек, которых, к моему облегчению не обнаружилось - предоставил ему полную свободу. Пес оказался здоровым, если я хоть малую толику в этом разбирался. Аппетит тоже отменный - мог есть и есть, без конца, а прикончив одну порцию, сразу начать выпрашивать другую. Он рос - этим все и объяснялось. А еды я не жалел. Куда ее беречь? Содержимого подвала хватит на много месяцев, если не лет. Скорее, оно успеет испортиться, чем мы с собакой прикончим последние запасы. Хотя, я как-то читал о солдате, попавшем волею случая в примерно такой же подвал в результате взрыва, без всякой возможности выбраться наружу. Шла война - и он оказался позабыт в нем, как был забыт сам склад, который весь завалило. И, если я мог покидать свое убежище, то тот солдат - нет. Он прожил в нем одиннадцать лет, пока строители не раскопали его, прокладывая траншею для будущего фундамента, планировавшегося на том месте дома. Страшная участь… Но я не ставил себя на его место: оказаться запертым в таком складе - почти то же самое, что быть похороненным, заживо…

Щенок быстро обжился - и теперь мне стало гораздо веселее, чем раньше. Он носился по складу, развлекая меня своими выходками, и я нисколько не жалел о том, что проделал такой опасный и утомительный путь в поисках живой души - хотя искал совсем другое… Я старался понемногу приучать его к командам, самым простейшим, вроде "нельзя!", "ко мне!". У него оказалась врожденная чистоплотность - он не справлял естественные нужды в подвале, а просился наружу, сразу приняв склад как дом, в котором надо вести

себя соответственно. Это добавило хлопот - приходилось выводить его по нескольку раз в день, и что особенно сложно, по утрам, когда хотелось спать. Но постепенно я и сам приучился к такому распорядку. Возвращаясь, опять заваливался на постель, а щенок либо гулял по секциям, либо терпеливо ждал, пока я окончательно не поднимусь. Я так и не определился с его именем, а он, откликаясь на все подряд, спешил на зов, являя собой полнейшее добродушие и коммуникабельность. С появлением собаки жизнь стала намного содержательнее. Теперь я не скучал без общения, и хотя нормальный разговор присутствовал лишь с одной стороны, но и этого хватало, чтобы не позабыть человеческую речь. Без него я вообще разучился бы разговаривать, или стал говорить сам с собой - такое уже происходило. Даже купание этот коренастый увалень воспринял спокойно, и как мне показалось, даже пытался плавать. Сделать это в бочке для него, естественно, оказалось затруднительно, и я сразу представил себе, как пес будет выглядеть в более широком водном пространстве - озере Гейзера, например. Теперь я еще больше убедился, что в его родословной имелись собаки-водолазы. Находка в речном порту не только избавила меня от тягостного одиночества, но и разрешила до того неизвестную задачу - сохранились ли вообще живые существа в этом мире, кроме меня самого? Ответ мешался под ногами, требовал внимания и звонко оглашал каменные своды подвала задорным лаем. Если выжили собаки - а щенку, на мой взгляд, вряд ли больше одного-двух месяцев - как можно не верить, что выжили другие представители животного, и главное, человеческого мира? Слишком убедительные доводы я встретил возле собачьего логова… Вопрос лишь, где они? Их не могло быть в городе - в этом я неоднократно убедился, обойдя его вдоль и поперек несколько раз. За пределами города возможностей остаться в живых больше - там не валились на голову здания, и последствия сокрушительного бедствия могли оказаться слабее. Но зато там не было и не могло быть такого склада, какой обнаружил я, а, следовательно, нечего есть. Но ведь человеческие останки откуда-то появились?! И то, что я посчитал растерзанной тушкой какого-то зверя - тоже? А на многие километры от порта во всех направлениях, лежала безжизненная, голая, изуродованная земля… От вопросов голова пухла, и я старался переключаться на что-нибудь иное. Полная уверенность имелась только в одном - после такого вмешательства

география земли изменилась, и изменилась очень сильно. Одно лишь то, что я мог увидеть горы, которые раньше и в ясную-то погоду просматривались с трудом, а теперь, при столь сумрачном и предательски все изменяющем освещении, темной полосой возвышались на юге - что-то значило…

Я надеялся, что когда-нибудь дойду и до них - особенно если со мной теперь будет щенок. К сожалению, у меня не имелось никаких навыков в дрессировке, учить пса и учиться самому пришлось на ходу. Мы с ним прекрасно ладили - характер Черныша, Кути и Малого - как я его иногда называл, оказался, к моей великой радости, не испорчен пребыванием с сумасшедшей мамашей. Болезнь не перекинулась на кутенка - в противном случае, мне пришлось бы его убить. Понаблюдав за щенком какое-то время, я успокоился на этот счет. Породу щенка так и не смог определить - это была какая-то невероятная помесь кавказской овчарки, ньюфаундленда и ирландского волкодава в одном флаконе, или же что-то вообще неизвестное. Но, кем бы он ни был, со временем, пес мог вымахать во что-то очень мощное и крупное. От водолаза у него присутствовал окрас, и форма шерсти, добродушие и висячие уши. Вообще внешность ньюфа проглядывалась более всего. Сила и мощь - хоть собаки указанной породы, тоже не из слабеньких! - по-видимому, наследовалась от кавказца. Ну а рост - явно следствие скрещивания с ирландским волкодавом. Тем более, значит, щенок перерастет свою мать, шкура которой сейчас висела растянутой на палках в дальнем углу комнаты на просушке. За время нашего возвращения в подвал шкура ссохлась и стала жесткой. Раствор из соли, золы и пепла, соскобленного на улице, практически никак не повлиял и не сделал ее мягкой. Но, по крайней мере, она перестала пахнуть псиной и кровью - а в будущем я надеялся, что смогу употребить ее как подстилку под ноги возле кровати.

Глава 7 Оружие

Глава 7
Оружие

После приобретения попутчика я стал все чаще и все дальше уходить от дома. Полагаясь на нюх, хоть и не взрослой, но все же собаки, уже не боялся заблудиться в однообразных подъемах и спусках, которыми изобиловали окрестности. Мой пес обладал надежным чутьем, и я уже имел случай в этом убедиться. Как-то раз, когда мы играли с ним у подножия нашего холма, я спрятался за большой валун и решил не выходить из-за него, полагая, что щенок не скоро меня обнаружит. Однако не прошло и минуты, как радостное тявканье возвестило, что мое убежище раскрыто. А в следующую секунду мохнатый комок ткнулся в ноги влажным черным носом. Мне стало интересно - и я уже специально отошел подальше. Все повторилось в точности. Так родилась новая игра под названием "потерять-найти". Естественно, роль потерявшегося, всегда доставалась мне. Я усложнял задачу - уходил все дальше и дальше, выбирал труднодоступные места, заметал следы и, даже старался идти по верху. Благо, возможностей для этого было предостаточно - балки, плиты, воткнувшиеся торчком, уцелевшие стены зданий… Пес отыскивал меня повсюду - рано или поздно. Но ни разу он не усаживался на месте и не принимался скулить от испуга, что его хозяин пропал безвозвратно. Не помогало ничто, что бы я ни придумывал, чтобы сбить его со следа. Я снимал мокасины и специально заходил в воду ручья. Передвигался по верхушкам камней, один раз даже попробовал облиться едкими духами, чтобы совсем перебить запах (это было глупо, подобные проверки могли вообще погубить щенку обоняние!) - не помогало ничего! Щенок уверенно и неотступно преследовал меня повсюду. Я полагал, что он обладает редким даром - верхним чутьем, присущим только очень опытным собакам, специально натаскиваемым для охоты на зверя. Рекордом стала моя почти пятичасовая отлучка - я ушел от него на расстояние не менее трех километров, выбирая участки, почти не преодолимые для пса. Меня обуял азарт - неужели он сумеет? Но щенок и на этот раз не

ударил мордой в грязь - он не стал идти точь-в-точь по моим следам. А преспокойно выбрал тропинку поблизости и настиг меня даже раньше, чем я планировал. Я надеялся, что когда он вырастет, то будет надежным помощником в походах и охоте, о которой уже следовало начинать думать… Хоть продукты на складе имелись в достатке, но хотелось чего-то более свежего. И мне не давал покоя вопрос - что за зверь был пойман взрослой собакой, и где?

То, что пес способен к охоте, я понял очень скоро. До того, как мы вернулись вместе со щенком из моего похода, ни разу не встречал в городе ничего, что хоть отдаленно напоминало бы о его обитаемости. И, когда с помощью пса впервые увидел каких-то маленьких и вездесущих зверьков, изумлению не было предела. Они так шустро передвигались и успевали спрятаться, что без него я бы так и продолжал считать, что в городе царит пустыня… Щенок увлеченно и даже яростно преследовал невидимую мне живность, облаивая и пытаясь залезать в узкие щели, каких хватало практически везде. Чем питались эти зверюшки, понять оказалось невозможно - на голой земле, покрывавшей ковром руины, ничего не росло. И, хоть погода стала чуточку теплее, но еще слишком рано для весны и до того времени, когда из земли что-то потянется наружу. Выходило, что они едят либо себе подобных, либо останки людей…

Однажды мы с ним прогуливались по уже протоптанным тропинкам. Они появились в наиболее посещаемых мною местах - по дороге к ручью и на ближайшую свалку, где валялось множество древесины. Вдруг кто-то проскочил почти у ног и принялся удирать в каменные россыпи - щенок мгновенно среагировал и кинулся догонять зверька. Я не успел его окликнуть, как он исчез под почти полностью осевшей плитой. Слышалось только его повизгивание, скоро перешедшее в возбужденный лай, а потом - тишина. Я испугался - вдруг он провалился в какую-нибудь яму и теперь лежит там с переломанными лапами. Достать его оттуда я бы не смог при всем желании - в развалинах существовало множество мест, в которые пролезть просто невозможно. Но щенок объявился сам, измазанный глиной, а в пасти безжизненно висела тушка, лишь немного меньше его ростом. Я округлил глаза от удивления. Он не только самостоятельно справился со зверем, почти не уступающем ему в

размерах, но и притащил его мне! Не разодрал, не бросил на месте, а, именно - принес! Хотя никто его этому не учил…

Щенок отряхнулся и деловито затрусил в мою сторону. Он положил законную добычу у моих ног и присел, словно исполняя команду. Я наклонился и стал рассматривать убитого зверя. Тот был какого-то буровато-желтого оттенка, с короткой шерстью и очень массивной головой, составлявшей чуть ли не треть всего роста. Хвост имелся, но совсем короткий. Меня сразу поразила одна особенность - странные лапы. Они очень отличались от обычных - я даже стал тереть глаза, подумав, что мне почудилось. Они чем-то напоминали кошачьи, и, лишь вглядевшись, я увидел всю разницу. У зверя словно отсутствовала пятка. Вернее, она была - но оставалась почти незаметной, из-за того, что была совершенно круглой и прикрытой шерстью, свисавшей с лап. Более всего это походило на совершенно ровный, обтянутый шерстью, столбик. На концах этих лап-столбиков росли внушительные когти - я сразу перевел глаза на щенка, опасаясь, что зверь успел его поранить. Но тот спокойно ждал, пока я закончу осмотр, и ничем не выражал, что у него имелись повреждения. Вероятно, что когти могли втягиваться вовнутрь - это тоже являлось признаком того, что их обладатель в чем-то схож с кошкой! - но на этом сходство и заканчивалось. Он не был похож ни на кого, и я растерялся, не зная, кто это лежит передо мной. Я приподнял зверька - на вес, примерно четыре-пять килограмм! У моего щенка действительно, есть силы в мышцах…

А пес терпеливо ждал, пока я перестану изучать его добычу. Я же не знал, как поступить, и медлил… Решившись, вытащил нож. Разрез пришелся по брюшку - оттуда стали вываливаться внутренности. Мне стало дурно - хотя, когда я снимал шкуру с собаки, не чувствовал ничего похожего. Шкурку все-таки стянул, но с остальным делать ничего не стал - пусть все достанется тому, кто его добыл. Щенок не стал отказываться, и в отличие от хозяина, стал с удовольствием уминать мясо. Мне пришлось отойти в сторону - хруст костей и окровавленная мордашка пса выводили из себя…

Зато я убедился в том, что руины все-таки обитаемы… Пусть не люди, но хотя бы животные, принадлежность которых я так и не смог определить. Меня это обрадовало - жизнь вернулась в город! Это же открытие внесло коррективы и в наше, до тех пор спокойное

существование. Раз имелись такие зверьки, по размерам мало уступающие моему псу, то наверняка в руинах водились и более мелкие. А раз так, что мешало им проникнуть в наш подвал и учинить погром, от которого мы бы не смогли оправиться? Придя к этому выводу, я принялся замазывать всевозможные щели и дыры, на которые до того не обращал внимания. Смешивал глину с битым стеклом, и, рискуя порезаться, тщательно забивал смесью все, что попадалось на глаза. Не трогал только те отверстия, через которые шла вентиляция нашего убежища. Лишь одно не решился заделывать - которое вело наверх, сквозь раздавленные этажи магазина. Несмотря на то, что прекрасно помнил, какое зрелище меня там может ожидать, почему-то имелась уверенность, что оно еще пригодится…

Закончив работу, все-таки не удержался, и, соорудив возвышение из ящиков и бревен, решил исследовать дыру на всем ее протяжении. Несмотря на достаточно частые толчки, иной раз сотрясавшие поверхность холма, меж плитами перекрытия, разделявшими потолок подвала и верх первого этажа здания, так и осталось свободное пространство. Очень узкое, чтобы там можно свободно пролезть, и непроходимое еще потому, что в нем оказались останки людей… Вначале я сразу захотел спуститься, но потом, передумав, повязал на лицо тряпку и протиснулся дальше. При слабом свете свечи - масляную плошку я брать не рискнул, боясь, что переверну ее и подпалю здесь все - увидел обломки мебели и какие-то пакеты. Рука едва дотянулась до ближайшего, и я с трудом вытащил один. Пытаться пролезть дальше казалось безумием - плиты могли осесть и придавить меня здесь навсегда.

В пакете обнаружилось женское нижнее белье. Я не смог сдержать улыбки, когда увидел, что добыл в рискованном предприятии. На многих даже стояли ценники, и я вконец рассмеялся - купить их в подарок, для девушки, мог позволить себе далеко не каждый! Но мне оно оказалось совершенно не нужным…

Отверстие вело выше, продолжаясь в еще нескольких слоях упавших плит, пролезть мимо которых я уже не рискнул. Оно могло вывести к вершине обрушенного здания, снаружи превратившегося в сглаженный ветрами и пеплом холм. Я не стал его заделывать. Кто знает, вдруг оно, когда-нибудь, мне еще понадобиться? Попробовал отыскать снаружи, где оно выходит наверх, в каком месте холма. Но,

как ни старался, так и не обнаружил. Возможно, оно скрывалось где-нибудь под плитами, сдвинуть которые я даже и не пытался. А копать специально не сильно хотелось. Довольно и того, что я знал о его существовании. В конце концов, как вентиляция, отверстие работало исправно - хорошо и на этом.

Ну а пока - мы развлекались тренировками и прогулками по ближайшим окрестностям. Я продолжал упражняться в метании ножа и маленького топорика, добавив еще и метание копья. Лезвие, укрепленное на конце древка, пробивало деревце-мишень почти насквозь - при особо удачном броске. От скуки еще раз сходил в "библиотеку". Наверное, это могло показаться кощунственным, и быть может, даже наглым - но я бы отдал все эти произведения всего за пару-другую неприметных тетрадок с описанием, как вести себя в данной ситуации. Советы, которыми щедро снабжали туристов во всевозможных передачах, теперь мало годились… « - Идите по течению ручья, и он приведет вас к реке!» - но мои ручьи впадали в провалы в земле или могли увести к пропасти. «Осторожно разводите огонь в лесу, пользуясь сухими веточками и мхом!» - а где, собственно, тот лес, который следовало беречь? В городе уже давно сгорело все, что могло гореть, и огни костров поддерживались теперь чем-то иным, вырывающимся из недр. Все это не очень-то связывалось с тем, что меня окружало. Вот как выделывать шкуры, как ставить силки, как обеззараживать воду? Ради этих сведений стал бы раскапывать эту кучу до самого конца. А классики уже не привлекали ничем. Впрочем, как и более читаемые, модные и увлекательные авторы - все, что описывалось их произведениях, теперь не имело никакого смысла. Это не было даже историей… Потому что история теперь писалась с чистого листа. И одним из этих листочков стал я и все, что со мной происходило.

Впрочем, несколько книжек я вытащил и принес в подвал. Набрал, не рассматривая - и рассортировал уже дома. Они были полуобгоревшие, сплошь сырые, и мне пришлось сушить их возле очага, на дощечках. Я и сам не знал - зачем я их достал? Читать не хотелось… Герои давно прошедших эпох, приключения и сражения - все это стало очень-очень далеким. Путешествия и открытия - да, когда то было безумно интересно. Но - раньше. А сейчас, даже той земли, которую они открывали, уже не существует. Я это, хоть и не мог

объять взглядом всю планету. Довольно одного Провала, чтобы удостовериться в том, что земля переменилась. Оказалось, что все, что всегда ценил - стало обыкновенным сборником нескольких сот мокрых листов, пригодных разве что для скручивания папирос. Но я даже не курил… Наверное, так листал сочинения какого-нибудь, древнекитайского мудреца, средневековый студент в Европе - далеко, заумно, скучно, а, главное - зачем?

Но жизнь продолжалась. Щенок, узнав все о подвале и прилегающей местности, не давал засиживаться - он жаждал новых открытий. И мне не оставалось ничего другого, как заразившись его энергией, отправляться, куда глаза глядят, зачастую покидая наш склад надолго. Иногда разживался в этих прогулках находками - вроде фарфоровой чашки или пары согнутых вилок, выброшенных наверх очередным подземным толчком. Сотрясения почвы стали редки и не были столь разрушительны, как вначале.

На всякий случай - я все еще надеялся, что выводы относительно безлюдности руин могут измениться! - натаскал на вершину холма хвороста и укрыл его пологом. Теперь я мог в любой момент развести большой костер, видный издалека. Впрочем, понятие "издалека" - довольно условное, так как хмурое небо и вечные тучи не давали ничего увидеть уже на расстоянии в пятьсот-шестьсот метров. Привыкнуть к этому невозможно - казалось, что оно все сильнее и сильнее пригибается вниз, и, в конце концов, упадет… Оставалось только не поднимать голову.

Я стал печь лепешки. Отсутствие хлеба заставляло изобретать замену. За неимением сита мука просеивалась руками через пару слоев тончайшей тюли. Для этого имелась причина - я надеялся, что таким образом выполняю то, что требуется при просеивании - насыщаю муку воздухом. Дрожжей на складе тоже не нашлось, вернее, их было слишком мало и я их берег. Способ приготовления выбрал достаточно простой: смешивал муку с водой и специями, добавляя жир или масло. Круто солил, потом клал раскатанное в блин тесто на стальные листы. Железа в городе хватало, и я приволок в подвал куски, пригодные для установки на очаг. Лепешки подгорали, пузырились, прилипали к стали - но постепенно я научился печь их, как заправский хлебопек. Это был не хлеб - скорее, жареное тесто. Но и этому я был рад, даже гордился тем, что сумел сделать. Благодаря специям, лепешки

хранились на удивление долго, при этом каменея, как сухари. Но достаточно подержать их над паром, и они становились мягкими и доступными для зубов. Наконец-то я мог брать в походы не одни только осточертевшие вконец консервы…

Странствия заставили серьезно пересмотреть рацион - носить множество тяжелых банок не очень-то удобно. Я вскрывал их и в сковородке, на медленном огне, вытапливал жир. Оставшееся мясо, которое и так состояло из одних волокон, собирал на другой лист и вновь просушивал. Так повторялось по несколько раз. Жир смешивал со специями - получался смалец. В итоге чистого мяса становилось очень мало, но оно и занимало мало места, к тому же становилось легким и не пропадало. Практически - пеммикан. Одного мешочка такого порошка мне одному хватало надолго, что, увы, не подходило щенку. Из-за него таскать с собой консервы приходилось почти в том же объеме. Зато я отъедался по возвращении в подвал - или дом, которым он стал для меня и моего четвероного друга.

Один раз он сильно поранил лапу - и прибежал ко мне на остальных трех, скуля и поджимая четвертую под брюхо. Занозу пришлось удалять долго и мучительно. Она вошла глубоко, и я не видел ее через окровавленную шерстку. Щенок терпел, и только в самые болезненные моменты прихватывал мою руку зубами - а потом сразу отпускал, словно извиняясь. Я выбросил щепку в огонь, а щенка взял на руки. Там он и уснул, а я, не будя его, тихо просидел в кресле возле очага, несколько часов, дожидаясь, пока он выспится. Кресло мне досталось тоже при толчке. Я нашел его уже давно и все не мог решиться взобраться за ним по почти отвесной стене, где оно зацепилось. Все же я дождался, пока его сбросит с возвышения, после чего приволок домой. Вид, конечно, у него был еще тот, но сидеть в нем оказалось гораздо удобнее, чем на моих табуретах.

Пес припадал на лапу пару дней - а потом как-то незаметно перестал хромать совсем. С момента возвращения в город со щенком, прошло всего несколько недель – но, насколько более разнообразней они стали по сравнению с теми, когда я был один! Блуждания по руинам, приготовление еды, починка вещей… Вместе со щенком это стало намного веселее.

Совершенно перестали сыпаться хлопья, а снаружи стало значительно теплее. Вряд ли можно совсем раздеться, но, по моим

прикидкам, температура воздуха составляла около двух-трех градусов выше нуля. Точнее узнать нельзя - градусника среди вещей в складе не нашлось. И даже грязное небо словно приподнялось над головой - что сразу добавило широты в обзоре округи. Мои подсчеты тоже указывали на весну. Оставались сомнения лишь в том, что она вообще наступит… Как теперь происходит смена сезонов на земле? И происходит ли вообще?

В подвале было переделано все, что можно. Перешита и починена обувь. По-новому скроена и сшита очередная куртка - я стал заправским портным, сам кроя и подгоняя для себя всю имевшуюся в наличии одежду. Теперь в ней, свисающей, как звериная шкура, еще больше стал похож на какого-нибудь доисторического человека, вооруженного топором и ножом - не хватало лишь копья, которое стояло в углу. Нож, расшатанный частыми метаниями в дерево, отвалился от древка, и мне пришлось заново его укреплять. Я помнил, как копье могло пригодиться. И как неосторожно я поступил, оставив его валяться дома… Даже обувь стала получаться удобной и легкой, и я больше не тратил столько времени на ее изготовление. К тому же - прекратившиеся морозы заставляли подумать о чем-то более легком. Трудно описать, что обувка собой представляла, но эффект получался несомненный: меховые сапоги уже не годились для этой земли, а "мокасины" - в самый раз. Шить их оказалось несложно - просто оборачивал шкуру вокруг ноги и, простегав места изгибов, закреплял сложенной в несколько раз нитью. Потом проделывал отверстия, и уже зашнуровывал получившуюся обувь чуть ли не до колена. На самый низ наклеивал куски брезента или резины - в зависимости от того, что имелось под рукой. Наступать на острые камни не следовало, но для более бережного применения она годилась. А шагать по развалинам осторожно я уже давно научился.

Я поднялся на холм. Он теперь стал не то что маяком, указывающим на наш подвал, а чем-то вроде фетиша. При виде холма я, откуда бы ни возвращался, сразу наполнялся уверенностью в завтрашнем дне. Не нужно опасаться голодной смерти или непогоды - всегда можно укрыться в больших, надежных помещениях склада. Во все стороны от холма простирались развалины города. Где-то выше, где-то, наоборот, много ниже мест нашего обитания. Что ждало меня в будущем? И ради чего стараюсь, преодолевая все эти ухищрения

природы, так осложнившие жизнь? Теперь я предполагал, что уже не один - где-то там, в неизвестном направлении, могли оказаться те, встречи с которыми так жаждал. Но сколько времени пройдет, как произойдет эта встреча? Слишком далеко могли оказаться такие же одиночки, как я… А из собаки, как ни старайся, не сделать человека. Уйти в еще более дальний поход? Дойти до пределов, где земля упрется в горы - и уже там продолжить поиски? Но есть ли в том смысл? Катастрофа все перевернула вверх ногами… И существуют ли теперь эти горы вообще? Вдруг они тоже провалились куда-нибудь в бездну! В городе я мог быть уверен в своем будущем. Был, конечно, еще один путь для разведки - Большой провал. Но даже мысль, что туда придется спускаться, приводила в трепет. Всю жизнь, всегда, я боялся высоты. Это не просто, трусость - а самая настоящая болезнь. И когда мне приходилось совершать поступки, связанные с лазанием по обрывистым склонам, или стенам домов, душа сворачивалась в тугой комочек и пряталась куда-то ниже пяток...

Я обладал несметными богатствами - и не мог до них докопаться. Мог прожить годы, ни о чем, не заботясь - и с отвращением смотрел на ряды коробок и банок, забыв о том, как неистово желал их найти, каких-то пару месяцев назад. Мог бродить, где вздумается, делать все, что хочу - и никто не станет на пути. Но этого-то мне и не хватало. Я был один - не считая преданного пса. Сумасшествие, один раз овладевшее мной, кажется, стало возвращаться - или это действовал укус моего друга, полученный, когда я пытался его забрать из логова. Дни шли за днями - я чувствовал, что если ничего не поменяется, то скоро стану выть не хуже пса. Спасти меня от бешенства могла только постоянная занятость чем угодно. И лучшее, что смог придумать, - отправиться в новый поход, куда бы он ни был направлен!

Раньше, когда слышал, какие испытания наваливаются на психику человека, оставшегося вдруг в полном одиночестве, не мог понять - почему столько драматизма? Ну, нет никого… и что? Иной раз даже хотелось, чтобы все куда-нибудь исчезли, и появилась возможность просто побыть в тишине. Дико, но мое желание сбылось… Сбылось так, что от этой мертвой тишины хотелось выть волком!

Только щенок - верная и неразлучная тень - сопровождал меня в вылазках и путешествиях. Он терся об ноги, выпрашивал ласку и

внимание. А я, забываясь, порой начинал разговаривать с ним. Да еще и удивлялся, что не слышу ответной речи!

- Что ты там опять унюхал?

Пес увлеченно копался в очередной куче хлама. Его нос вбирал в себя недоступные мне запахи - он поскуливал от переизбытка чувств, водил им по ветру и всеми четырьмя лапами старался прокопать нору в глубине этой кучи.

- Что, талант землекопа пропадает?

Щенок не оценил шутку. Гавкнув что-то, продолжал рыть свою яму. От нечего делать - мы не спешили - я присел рядом, на слежавшуюся землю. Это была даже не земля - та взвесь, которая падала на мою голову всю зиму. Спрессовавшись под нескончаемыми дождями, она стала столь же крепкой, как твердая порода. Только за пределами города, там, где почти не встречались каменные строения, она как-то разлагалась в почве и не затвердевала настолько сильно. Теперь я понимал, почему дикари, про которых случалось смотреть кино, или телефильмы, всегда носили на задней части какую-нибудь ткань. Повесив кусок пледа по их примеру, я сразу оценил такой способ предохранять кое-какие участки тела, от неблагоприятного воздействия холодных камней. А ведь присаживаться на отдых приходилось часто, причем не на самые подходящие камни или глыбы. Подумав об этом, я с грустью усмехнулся - вот так! Одеваюсь, как дикарь, ем, как дикарь, наверное, скоро стану и думать так же… Разве только что пока еще не охочусь - но что-то подсказывало мне, что это не за горами…

- Как ты думаешь, щеня, когда я начну сходить с ума?

Хорошо, хоть он меня не понял - я бы точно свихнулся, начни он смотреть на меня, после этих слов с укоризной - что, мол, несешь, хозяин? Он рылся в яме - наружу уже торчал один хвостик.

- Смотри, морду себе не оцарапай! Как я потом тебе ее лечить буду? Не пластырь же накладывать…

Ответом донеслось приглушенное сопение - он меня не слышал. Небосвод заметно потемнел. Первый признак, что через несколько минут нас опять начнет поливать, какой-нибудь дрянью. Я уже научился определять, когда пора сматываться в укрытие, и решил поторопить пса.

- Закругляйся! Нам пора!

Хвост вертанулся еще разок и замер. Из глубины донеслось приглушенное и злое рычание.

- Крыша поехала? Вылазь, тебе говорят!

Рычание стало еще более грозным.

- Что такое?

Какое-то нехорошее предчувствие заполонило грудь - словно знал, что щенок докопался до чего-то, что при ближайшем рассмотрении вряд ли может мне понравиться.

- Ну, чего там? - почему-то шепотом спросил я.

Мой пес понемногу - то ли боком, то ли пятясь, как рак, выползал из отверстия. Он высвободил голову и грозно рыкнул - в голосе щенка уже слышалась будущая мощь! Он повернулся к яме задними ногами… и полил, как метят все собаки встречные столбы во дворах.

- Ого? Помечаешь? Или, презрение выказываешь… Если последнее, то поясни, пожалуйста, на чей счет?

Он неторопливо приблизился ко мне и ткнулся мордой в ладони. Я погладил его по голове. Щенок взвизгнул - отпрянул в сторону.

- Не понял… Ты ранен?

На ладони красными пятнышками отпечаталась кровь. Я притянул его к себе и раздвинул шерсть - на голове пса обнаружился длинный свежий рубец!

- Порезался?

Щенок снова взвизгнул - я задел края ранки пальцами.

- Нет… Не похоже. Словно за крючок зацепился. И что там тебе было надо?

Пес повернулся к яме и зло гавкнул.

- Ага, яма виновата. Не лезь, куда не надо!

По лукавому выражению на мордашке, я понял, что все не так просто, как хотелось бы… Хотелось? Я поймал себя на мысли, что уже, кажется, догадываюсь, откуда эта царапина…

- Ну-ка, отойди, щеня…

Я подобрался, и, выставив копье вперед, наклонился к яме. Пес прокопал около метра, а далее виднелся темный провал…

- Вот как? Дыра… а в дыре кто? Что-то железок не наблюдаю, о которые можно так порезаться, - я вздохнул, вглядываясь в темноту. - А значит… В этой дырке, кажется, что-то есть. Так?

Щенок склонил голову набок, прислушиваясь к моим словам.

- Так. А вот что… и кого ты там нашел, мы выяснять, знаешь ли, не станем. Если оно смогло тебя так уделать - извини, но и мне туда не след соваться. Яму прикроем на всякий случай.

Высмотрев поблизости один из крупных валунов, я с трудом подкатил его к отверстию. Щенок спокойно сидел и наблюдал, ни во что не вмешиваясь.

- Вижу, ты не против… Тогда - так тому и быть!

Я навалил валун на яму и, убедившись, что он плотно лег на отверстие, положил сверху еще несколько камней поменьше. Сдвинуть их с места теперь не сможет даже очень крупный зверь, если решит выбираться наружу. Уже стал накрапывать, вначале легкий, а потом усиливающийся дождик.

- Пошли! А то через минуту нас, как полотенца, выжимать станет можно!

Мы дружно побежали под ближайшее укрытие - я высмотрел его заранее, когда еще сидел на камне. Едва втиснулись в узкую щель, как крупные и тяжелые капли, с силой стали барабанить по земле, и все вмиг покрылось сплошными потоками грязи. Но я знал по опыту, что стоит дождю закончиться, как вся эти вода и грязь исчезнут через полчаса, полностью впитавшись во все всасывающий пепел.

- Ну, и что же это было, щеня?

Смочив тряпку в воде, осторожно промыл ранку. В ремне я всегда носил мешочек с иголками и нитками, и, невзирая на отчаянный скулеж и попытки вырваться, на живую зашил края раны.

- Терпи, родной… Не маленький. Впрочем, извини. До большого, тебе еще расти и расти. По виду сразу и не поймешь. Вроде, вырос малость… Но, если ты в маму - то маленький.

Промокнув тряпку йодом - имелся и он! - очень аккуратно прикоснулся к кровоточащим краям. Щенок завизжал совсем уж обречено, но остался на месте, словно понимая, что эту боль тоже придется вытерпеть, чтобы после не пришла иная, похуже…

- Вот и молодец! Потерпи еще немного - потом легче станет. Вот так!

Все убрав, я прижал его к себе. Мы пережидали ливень, лежа под одной из сотен плит, которых так много теперь валялось в земле. Под ними всегда можно спрятаться от воды или хлопьев - я предпочитал пережидать любые осадки, а не шлястся под ними на открытом

пространстве. Зима, не зима, весна или нет, а погода все одно пока не располагала к хождению по руинам в мокром виде.

Щенок оказался прекрасной грелкой. Он вообще очень хорошо переносил и лютый ветер, и воду. Впрочем, имея такую шубу, можно не бояться никаких погодных катаклизмов.

Случайно или нет, но однажды, бродя по городу, мы вышли к берегу реки. Я уже неоднократно бывал здесь и всегда с недоверием и опаской смотрел на пологое дно - оно было гораздо шире, чем в том месте, где я переходил к речному порту. Очень много ям, из которых с шумом вырывались всплески жидкой грязи или столбы дыма. Да еще и затопленные участки, ставшие настоящими ловушками. Достаточно поставить в такое место ногу, как ее начинало усиленно засасывать, словно кто-то внизу пытался тянуть на себя. Один раз я уже оставил так один из своих мокасин - и, если бы не пара запасных, в подвал пришлось идти босиком.

Я смотрел на ту сторону, и постепенно шальная мысль переправиться на тот берег, стала завладевать моим сознанием. Мы не шли сюда с такой целью и даже не были достаточно экипированы. Но, внезапно подумав, что ничего особенного брать в поход и не нужно, я сделал первый шаг. Продуктов могло хватить при экономном расходовании, а все остальное не требовалось. Оружие, веревка и кое-что из мелочей носились за спиной постоянно. Окликнув щенка, который уже где-то копался в земле, стал спускаться по довольно крутому склону. Щенок бросился ко мне, остановился у края и заскулил - для него это казалось очень отвесной стеной. Я сурово пристыдил его, стараясь говорить без малейшей иронии:

- И что? Мне теперь подниматься за тобой? Нести на себе, да? А потом - и на ту сторону? Один раз ты уже покатался на мне, хватит. В тебе веса… А у меня еще и мешок, оружие. Давай, сам спускайся! А нет - оставайся здесь и жди.

Моя ли пламенная речь подействовала или что-то другое - щенок, решившись, кубарем скатился вниз. Я подхватил его, когда он уже пролетал мимо и мог с головой погрузиться в ближайшую, стоячую лужу.

- Эх ты, верхолаз. Пошли уж…

Переход оказался довольно труден. Тогда, в верховьях, дно в основном было почти сухим и не изобиловало ямами и омутами. Здесь

же переправа встала сложной - я буквально упал на землю, когда почувствовал, что оставил русло бывшей реки за спиной. Лишь в одном месте крыша здания, снесенная ураганом, упала точно посередине реки и стала единственным надежным покрытием, дававшем возможность посидеть и перевести дух. Щенок спокойно пережидал в мешке - я не мог пустить его самостоятельно. Постоянно приходилось прыгать и перелезать через препятствия, а любой неосторожный шаг означал гибель. Тут следовало обладать цепкостью и ловкостью обезьяны, что как-то не сочеталось с его четырьмя лапами, пригодными для бега по твердой поверхности.

Зато берег оказался гораздо более пологим - мне не пришлось совершать такого же подъема, какой остался на моей стороне. Я спустил щенка на поверхность, и мы стали входить в развалины этой части города. Сказать, что здесь что-то сильно отличалось от моей стороны, нельзя. Все повторялось почти с той же точностью: завалы, холмы, трещины… Возможно, здесь больше преобладало небоскребов - очень многие холмы превосходили по высоте "мои". Но это могло получиться еще и потому, что земная кора не опустилась достаточно низко. Тогда все переворачивалось вверх головой… Сплошные горы бетона, камней, кирпича, породы, глины и еще многого, что находилось в этих домах, а теперь в виде трухи и праха хоронилось пеплом и песком…

Мы уходили все дальше и дальше. Я намеревался совершить что-то вроде круга, с расчетом не заплутать, среди повторяющихся вершин. Но со мной теперь был щенок, и я надеялся, что он выведет нас обратно, даже если я сам не запомню дороги. Несколько раз, оставив его внизу, я взбирался на верхушки холмов - хотел посмотреть на город сверху. Но, ничего, кроме свинцового неба, как назло, начавшего темнеть, не увидел. Я надеялся обнаружить хоть какой-нибудь след - дым костра, например. Но костров здесь было так же много, как и у меня. И также каждый из них мог оказаться и делом рук человеческих, и обычным явлением бушующей в подземелье стихии.

Град начался внезапно. Кроме темного неба, ничто не предвещало, что погода испортится. Не было шквального ветра, не покусывал за уши холод, а то, что иногда срывалось сверху, и дождем-то назвать нельзя - так, редкие капли привычного серо-бурого цвета, пачкающие мне одежду, а собаке - шерсть. Все началось мгновенно.

Раздался сильный удар грома, эхом пролетевший по разрушенным улицам, а вслед за ним, с отрывом в пару секунд, - настоящая бомбардировка крупными ледышками, величиной с хороший булыжник. Мы со всех ног бросились прятаться - попадание такого камешка могло убить на месте… Град шел очень долго, что само по себе непривычно. Вся поверхность земли оказалась усеяна крупными ледяными камнями. Они ломали и дробили все, что оказывалось в точке приземления. И так же, как и капли дождя, не являясь чистыми, казались слепленными из песка, глины и льда. Сколько же пыли летает там, наверху, что она до сих пор осаживается на землю… Наверное, этим объяснялось все. Отсутствие солнца, постоянный полумрак, странные изменения погоды, то награждающей нестерпимым холодом, то вдруг - неожиданными порывами очень теплого ветра. В атмосфере скопились последствия чудовищнейших извержений, взрывов, сотрясших всю планету. Как при всем этом, не началась та самая, ядерная зима, о возможности которой так часто предупреждали ученые - неясно. А может, она и началась, да только я этого не ощущал. Или все пошло не совсем так, как предрекали ученые…

От града стало существенно темнее. Хоть я и не рассчитывал на ночевку именно здесь, похоже, выбора уже не оставалось. Достал банку тушенки для щенка и лепешку с сушеным мясом для себя. Тот сразу открыл глаза и потянулся носом к вкусному запаху. Я вывалил содержимое на землю, предварительно постелив кусок брезента, который специально носил с собой. Позволить ему есть из банки нельзя - щенок еще не научился этого делать и мог порезать язык об острые края. Он вылизал все и вопросительно посмотрел на меня.

- Э, нет, дорогой! Достаточно. А то нам никаких припасов не хватит, чтобы домой вернуться. Брюхо от голода не сводит? Вот и достаточно!

Обед запили водой. Это единственное, что мы могли себе позволить, не находясь в подвале. Там всегда имелся выбор - или соки, или, если не полениться - кофе или чай. А иногда я варил бульон, балуя и себя, и щенка. Щенок не только грелся, но и согревал меня теплым боком. На смену граду пришел дождь. Он тоже шел около двух часов. Идти куда-то было уже неразумно - мы и так находились в дороге, считая время, которое провели до того, как вступили на дно реки, не меньше десяти часов. Усталость давала о себе знать.

Монотонные удары капель о крышу нашего временного убежища действовали так успокаивающе, что вскоре, прижавшись поплотнее друг к другу, мы заснули… Потерянные во времени и пространстве, не имеющие никого ближе друг друга на многие десятки километров во все стороны света.

Разбудил меня щенок. Он грыз руку острыми зубками и при этом ни издавал, ни звука. Способ достаточно действенный, чтобы я сразу же открыл глаза и потянулся к оружию. Поведение щенка меня встревожило - я осторожно выглянул наружу. Но там все казалось тихо и спокойно - только почти истаявшие куски льда во множестве валялись на земле. И не было никого, кто мог бы испугать пса.

- И что?

Он недоверчиво выставил вперед мордашку, потянул воздух, и, убедившись, что я ничего не опасаюсь, уже смело вылез и встал рядом. Я подумал, что здесь могло пробежать одно из тех непонятных существ, которые неожиданно стали появляться на нашей стороне города. Наверное, щенок почуял их - вот и поднял тревогу.

Лед размолотил землю, превратив ее в скользкую жижу, идти по которой оказалось очень трудно. Ноги скользили и разъезжались, мокасины вязли. Градины таяли медленно, и хоть вода впитывалась в пепел очень быстро, но слишком большое количество грязных ледышек всячески мешало продвижению. Благодаря подземному теплу, на поверхности не образовывались сугробы снега - зато вместо них появлялись сугробы сажи и пепла. И только в очень редких местах это тепло почему-то не действовало - как, например, в том озере, где я обнаружил столько вмерзших в лед, тел… Я подобрал несколько градин. В руке медленно таяли два кусочка, оставляя грязные разводы на перчатке. Все могло измениться в этом мире. Возникнуть и исчезнуть цивилизации, сместиться материки и океаны - а законы природы, как действовали миллиарды лет, так и будут продолжать действовать, пока жива сама Земля. И что ей до нас, прячущихся и мечущихся в жалких попытках спастись? Катастрофа стерла все, что было создано на планете человеком, а, может быть, и само человечество подошло к той грани, после которой уже не могло возродиться никогда…

Прикрыв глаза, я вспоминал неимоверную подземную волну, разом стряхнувшую с поверхности самые прочные и самые

устойчивые конструкции. Все и все, кто в них находился, погибли. Но, похоже, что самый главный удар людям нанесла все-таки не она - хотя могла пробудить от вековой спячки дремлющие вулканы - а нечто иное… Не взорвавшиеся атомные станции или ракеты, не землетрясения и наступившая тьма. Я вновь и вновь представлял ярчайшую вспышку, которая тогда ослепила меня и заставила закрыть глаза руками - сама смерть была в ней… Какое-то излучение, от которого я чудом уцелел, провалившись в бездну - именно оно прикончило всех живых, оставив лишь очень редких представителей животного мира. А людей, похоже, не оставив совсем…

Мы прошли несколько часов, все больше углубляясь в не изученный нами до сих пор, район. Дорога становилась все круче - словно взбирались на гору. Я уже хотел было остановиться и попробовать пойти в обход, когда мое чувство тревоги неожиданно кольнуло под сердце. Я остановился, посмотрел по сторонам, и, не найдя ничего подозрительного, сделал шаг…

Пес предупреждающе гавкнул, рванулся ко мне, но было уже поздно - взмахнув руками, я нелепо заваливался на бок, а под ногами, раздаваясь во все стороны, разлетались доски, на которых я стоял. Они были покрыты землей, и я не смог различить их на общем фоне. Яма оказалась неглубокой - около трех с половиной метров. Но вполне достаточной, чтобы довольно чувствительно приложиться макушкой и коленом. Охнув и выругавшись от боли, тотчас вскочил - мало ли что могло оказаться в провале? Но это была просто яма, образовавшаяся при подвижках земли и словно специально замаскированная сверху этими досками. Щенок стоял у края ямы и словно сочувственно поскуливал.

- Ну, знаешь… - я раздосадовано развел руками. - Мог бы и настойчивее предупреждать. А если бы тут лететь метров сто?

Он замахал хвостом и обиженно тявкнул. Я даже не нашелся, что ответить - настолько естественно это получилось - "сам, мол, виноват!". Пыль улеглась, колено слегка ныло, но стоять я уже мог. Ничего не оставалось, как попытаться найти способ покинуть ловушку. К сожалению, ничего подходящего под руками не виднелось. Конечно, можно забросить наверх веревку - но, даже если щенок и догадается ее тянуть - его сил на мой вес явно недостаточно. Доски,

как назло, отлетели в сторону - на дне нет ничего, кроме обрывков линолеума и нескольких кирпичей. Еще хорошо, что не упал на них…

Я осмотрелся: везде земляные стены, которые могли поддаться под руками. Единственный способ вылезти - пробить в них ступени. Либо обвалить край ямы… Оружие, упавшее вместе со мной, не пострадало. Я отложил в сторону копье, и, с сожалением посмотрев на лезвие топора, которое придется затупить, стал с силой рубить им землю. Несколько хороших ударов, подсечка по низу - и из земли выпал здоровенный кусок. Лезвие высекало искры - под сталь попадались ржавые гвозди, куски раскрошенного бетона, камни, да и просто всяческий мусор. В любом случае, это была не та земля, которую рачительный хозяин стал бы нести на свой участок - так она засорена всяческим хламом.

Вдруг, с очередным ударом, я, не удержавшись, крепко врезался стену плечом - топор, пробив кажущуюся монолитной стенку, чуть не вырвался из рук, уйдя в пустоту. Расширить отверстие было делом нескольких секунд. Передо мной предстала небольшая ниша, в которую очень плохо попадал свет. В яме и так его не хватало, и увидеть что-то в образовавшемся отверстии сложно. Расширив пролом, принюхался, не решаясь влезть внутрь. Пахло сыростью и еще чем-то, неуловимым, напоминающим гниль. Возможно - запах тления… Если так - нужно как можно скорее покинуть это место. Но любопытство пересиливало… Протиснулся в дыру и попытался посмотреть, что же удалось найти? Почти ничего не было видно, и я, лишь по некоторым предметам, догадался, что нахожусь возле придавленного прилавка какого-то торгового зала. Массивная плита, упавшая сверху, была круто накренена, верх упирался в груду земли - своеобразный потолок сооружения. Она могла соскользнуть в любой момент. Внутри стоял жуткий запах, от которого выворачивало внутренности - похоже, действительно, трупный… Но доступ к ящикам и нескольким сохранившимся столам был! Когда я это понял, мною сразу овладел охотничий азарт - в недрах прилавка обязательно могут оказаться какие-нибудь интересные вещи! Я вылез назад, обмотал лицо платком и, стараясь производить как можно меньше лишних движений, полез обратно. До стеллажей оставалось около четырех метров. Передвигаться пришлось, где ползком, где на четвереньках. Почти в полной темноте - не рискнул зажигать факел! - я

шарил руками, убирая в сторону стекло, куски какой-то рамки и кафельной плитки. Что-то хрустнуло вверху. Я похолодел: плита могла осесть, и я оказался бы завален без всякой надежды выбраться. В который раз, кляня себя за безрассудство, остановился, подумывая, что не стоит так рисковать. Весь интерес сразу улетучился, и я пополз к выходу. Что-то зацепилось за ногу - от испуга дернулся, рванулся вперед - и когда перемахнул за проем, позади сильно ухнуло, из отверстия шибануло осколками и пылью. Я отер капли пота на лице, чувствуя, как похолодела спина…

Щенок встревожено гавкнул сверху. Нужно выбираться. Попытался встать - и сразу обнаружил, что нога все время за что-то цепляется. Я опустил глаза вниз - на ступне, каким-то образом обвившись вокруг, повисла ременная петля. Второй ее конец терялся в только что случившемся завале. Я потянул ремень на себя - он не подавался. Пришлось откапывать, отбрасывая в сторону камни и кирпич. Резать ремень не хотел, посчитав, что он может мне еще пригодиться. Пальцы ухватились за что-то жесткое. Через некоторое время освободил длинный предмет, очень похожий на своеобразный саквояж причудливой формы. От его ручки и тянулся этот ремень. У меня от радостного предчувствия слегка заколодило сердце - попытка все же оказалась не напрасной! Вскрыть саквояж было просто - ударом обуха по замкам. Я потряс его, и к моим ногам выпало что-то, завернутое в узорчатую ткань. При этом послышался чистый звон металла. Я развернул сверток, предвкушая, как увижу что-то необычайное… и широко раскрыл глаза от восторга и удивления! Ожидание не обмануло! На ткани лежал настоящий, прекрасно изготовленный меч! Великолепная костяная рукоять, украшенная вырезанным по всей длине лежащим львом. Узкая чашечка гарды, защищающая руку от ударов, длинный, суживающийся к концу клинок, острый с обеих сторон. По лезвию шли непонятные надписи, начинаясь у кровотока и заканчиваясь у самого кончика. Сам клинок абсолютно прямой, наподобие скифского акинака. Мне, как человеку, много и жадно прочитавшему книг по истории войн, было знакомо описание и внешний вид различных типов вооружения. Но этот совсем не походил на музейный экспонат! Напротив - весь вид меча указывал, что он изготовлен совсем недавно. Он очень подошел бы, для, какого-нибудь, фильма в стиле фэнтези - его вид просто навевал мысли о

сказочных временах и сражениях… Почему-то пришла уверенность, что это отнюдь не бутафория. Напротив - изделие настоящего мастера! Повертев его в руках, решил проверить - если игрушка, то испытание покажет. Я рубанул по доске. Та рассыпалась в куски. Но дерево могло и сгнить, следовало выбрать что-то более твердое. Для большей верности я поискал глазами - и уперся взглядом в кусок арматуры, торчавшей из завала. Лезвие с такой легкостью снесло кусок железа, что я даже вскрикнул от радости. А на самом клинке не осталось даже царапины! Приложив к плечу, измерил - длина лезвия вместе с рукоятью равнялась как раз длине самой руки, плюс еще ладонь. Так как рукоять оказалась удлиненной, его можно было брать и двумя, и одной рукой. Скорее всего, при отливке использовались особо прочные и самые современные сплавы. Но я мог только догадываться, нисколько не разбираясь в металлургии. Тем не менее, изделие явно готовилось не для широкой продажи. Оно могло быть только разовым, заказным. Что-то помешало его будущему владельцу прийти за мечом… Может быть, именно катастрофа. Это было настоящее грозное оружие, и мне еще предстояло в будущем научиться владеть им.

В ткани лежали и ножны - не менее изукрашенные, чем сам клинок. При нужде они так же становились оружием - я видел извивы, словно специально подогнанные под захват, чтобы ножны использовать как дубинку. Слегка утолщенный кончик внизу превращал их в подобие палицы с острым и увесистым шипом. Кроме того, в ножнах, в едва заметных выступах, оказались два узких стилета - они хитро вынимались, и их предназначение явно угадывалось по форме. В них совсем отсутствовала рукоять, само лезвие трехгранное и тяжелое - клинки для метания!

В футляре еще что-то гремело, и я, оставив меч, заглянул внутрь. Там находилась еще одна ткань, сквозь которую проступали очертания какого-то сложного устройства. Я вытащил и его. После того, как была развернуто и это полотно, у меня закружилась голова…

На этот в моих руках оказался лук. И какой лук! Если меч поразил необычностью и качеством стали, то лук - совершенством форм. Это было великолепное, не серийное производство, и даже неспециалисту вполне по силам понять, что за ценность нашлась в куске грязной тряпки. Лук состоял из двух половинок, крепящихся друг к другу

обычным ввинчиванием одного в другой. Каждая имела сложно изогнутый рог, очень крепкий и отлитый, как мне показалось, из пластика. В отдельном мешочке лежал набор - тугая тетива, в количестве двух штук, напальчник, защитный кожаный браслет… Все, что необходимо профессиональному лучнику. В футляре не нашлось только стрел - наверное, они остались в засыпанном землей и мусором помещении, из которого я так вовремя успел сделать ноги. Что ж, предстояло изготовить их самому. Но, после того как нашел такую вещь, вопрос стрел стал казаться далеко не сложным - надеялся, что справлюсь с этим достаточно быстро. О луке я уже думал - мешало только отсутствие подходящего материала и то, что его не для чего применять.

Выбравшись после долгих трудов наверх, еще раз рассмотрел свои находки - и отдал им должное неуемной радостью в виде громких восклицаний. Щенок, ткнувшийся любопытным носом, был немедленно отогнан, прочь - я опасался, что он порежется об очень острое лезвие меча. Но тот вел себя осторожно, словно знал, что дотрагиваться до него не стоит… После падения и нахождения футляра всякое желание бродить по неизвестным развалинам пропало немедленно. Хотелось вернуться домой и испробовать приобретения в деле. Я повернул назад. Щенок, которому было все равно, куда идти, послушно развернулся и забежал вперед. Пес всегда стремился первым разведать тропинку, по которой приходилось идти. Мы никуда не сворачивали. Дорога запомнилась хорошо, и я не терялся в выборе пути к переправе.

Через пару часов должен был показаться берег. Не успели мы преодолеть эти километры, как щенок, опять убежавший вперед, остановился как вкопанный, и, поджав хвост, бегом направился в мою сторону. Меня заполнило очень нехорошее предчувствие…

- И что на этот раз?

Я и не заметил, как перешел на шепот… Щенок прижался к моим ногам и лишь сверкал встревоженными глазенками. Он явно что-то увидел впереди - или унюхал! - что не могло ему понравиться, но вот что? От волнения взмокли ладони. А если, это люди? Но почему тогда я не чувствую радости, а напротив, встревожен не меньше своей собаки? Эта тяжесть в груди появляется всякий раз, когда следует ожидать очередной неприятности. Я не знал, не мог объяснить, что со

мной - но чувствовал, что там, куда мы направляемся, нас ждет что-то такое, встречи с чем... Или кем? - Мне вовсе не хочется.

Рука сама собой легла на рукоять топора. А потом, опомнившись, потянул к себе футляр, в котором лежали лук и меч. Оказалось, у ножен было еще отличное приспособление, позволяющее носить его на спине. Я торопливо нацепил их и сразу почувствовал уверенность в собственных силах. Проверив, как вытаскивается меч, я, стараясь говорить спокойнее, обратился к щенку:

- Ну? Пойдем, посмотрим, что там?

При первом же моем шаге он заскулил и стал упираться. Мне это очень не понравилось - я полагал, что щенок не станет капризничать по пустякам. Но выяснить, что же его могло так испугать, было необходимо - чтобы не бояться самому!

Оставив его на месте - он даже не лаял, видимо, сознавая, что может этим привлечь внимание - отправился вперед. Когда я прошагал шагов двадцать, щенок сорвался с места и легко меня догнал.

- А ты не такой уж и трус…

Я улыбнулся - все-таки, в этом лохматом клубке билось храброе сердце. Тем более что я прекрасно видел, как нелегко ему решиться. Но не делал ли я большую глупость, отправляясь туда, куда так отчаянно не хотел ступать пес? Решив не нарываться - мало ли? - свернул в сторону и стал взбираться на холм. Отсюда не было видно ничего подозрительного - только наша часть города, темной полоской выделяющаяся на той стороне реки. Что испугало щенка? Мы направились к берегу. Чтобы ни шаталось в этой части города, ночевать я здесь больше не желал. Наша сторона все же была более родной и хорошо изученной… И там щенок не делал таких испуганных стоек. Мы прошагали около двухсот метров, когда он опять остановился и глухо, как-то очень по взрослому, зарычав, прижался ко мне. А потом я увидел, как на нем дыбом поднялась шерсть, отчего он стал, чуть ли не вдвое больше! От удивления у меня не нашлось слов - такое я видел впервые! Но в следующую секунду заметил то, что заставило мое сердце сразу забиться учащеннее, и поудобнее перехватить копье в руках.

Это были следы! И менее всего они походили на человеческие… Такие могли принадлежать только зверю. Вернее - нескольким. Следов было много, совершенно круглых, словно впечатанных в оплывающую

грязь. Впечатление такое, будто туда опустили и вытащили обратно чайные блюдца. Вот только у этих блюдечек имелись характерные выступы - когти! Я сравнил размеры следа, с возможными размерами чудовищ - даже собака, которую мне пришлось убить, вряд ли могла иметь такие! Эти же, если верить отпечаткам, должны быть как минимум раза в три больше! А главное, они появились совсем недавно - еще вчера их тут не было. Я хорошо запомнил, где мы переходили реку, и никаких следов здесь не видел. На влажной поверхности могло отпечататься все, что угодно, вот и наши со щенком следы остались в грязи почти полностью, расплывшиеся, и уже почти не различимые. Но - наши. А эти - чужие. И - свежие. Они появились здесь не больше трех часов тому назад. И… Я вгляделся, и по телу волной прошел жар - следы уходили в развалины, продолжая наши собственные! Звери шли по ним! Какое счастье, что мы, возвращаясь, случайно сделали небольшой крюк - иначе столкнулись бы с ними нос к носу. Количество и мощь этих зверей совершенно точно не в нашу пользу.

Я очень плохо разбирался в следах. Всю жизнь, прожив в городе, работая в городе, редко выбирался на дикую природу. А уж чтобы уметь ее понимать - для этого следовало выбирать иную профессию. Но даже моих, более чем скромных познаний хватило, чтобы высчитать, сколько всего зверей шло по илу. Не менее шести. У пары следы оказались несколько крупнее - это могли быть вожаки. Если скорость этих монстров высока (а стоит ли в том сомневаться?) то очень скоро они набредут на место, где мы свернули. И тогда нюхом легко определят, что идти дальше не стоит. А вот вернуться по нашим, более свежим следам - очень даже нужно.

Я молча подхватил щенка и бросился к переправе. Кто бы это ни был - бой лучше принимать на своей территории. А еще умнее убежать от него, если такая возможность пока существует. Вряд ли они станут преследовать нас всей стаей по дну реки, там особо не разбежишься. А если и догонят… Что ж, я зло усмехнулся - мне как раз есть, чем их встретить! Становиться кормом для каких-то, пусть и очень больших тварей, я не собирался.

Это было более чем неприятно. Впервые после встречи с большой собакой я почувствовал страх. Но тогда знал, с кем имею дело, а сейчас не мог даже догадываться. Впервые видел, как поднимается шерсть у щенка - меня это встревожило не меньше, чем следы. Что

такое происходит с нами? Что твориться с природой, с нашими организмами, со всем миром? Я, получивший неизвестно откуда немалую силу и странные волосы, цвета мокрой стали. Щенок, выказывающий очень большую, не по возрасту, сообразительность. Эти звери. Что все это значит? Нечто, совершенно чуждое всему, что я знал, гналось за нами - и хотело убить, так как иной цели у диких животных просто не могло быть.

Знал или догадывался об этом и щенок. Он не рвался в мешке, не стремился высвободиться - молчал. Я прыгал, как горный архар, с камня на камень, с бревна на бревно, стремясь, как можно дальше оторваться от неожиданных преследователей. Любой неверный прыжок мог занести в сторону, и мы погрузились бы в тину или чавкающую грязь. Взорам открывались затонувшие лодки и катера, нагромождения затопленных стволов, образовавших целые леса, рыбацкие сети и запутанные в них коряги, много посуды, каких-то полуразложившихся шкур. В одной из лодок я увидел два скелета - их уже почти полностью затянуло бурой тиной и водорослями.

Занятый выискиванием безопасного пути, я не оглядывался назад - зато это делал щенок. Он так неожиданно рявкнул за ухом, что я едва не упал, балансируя на одной ноге, на скользком, мокром валуне. Я повернулся. Щенок высвободил морду и теперь глядел на берег, покинутый нами. Проследил взгляд - вдалеке, быстро спускаясь с холма, мелькало несколько почти неразличимых теней…

- Твою мать…

Я сплюнул сквозь зубы. Дело принимало дурной оборот. Нас могли настичь раньше, чем мы доберемся до нашего берега. И сразу земля под ногами стала уходить куда-то вбок - а я, выдергивая одной рукой щенка из мешка, а второй стараясь, куда-нибудь, поставить копье для поддержки, стал падать в вонючую грязь. Все поплыло перед глазами - тина и вода, в которую я должен был погрузиться, вдруг дернулась - и вместо них я увидел черную яму. Копье упало плашмя на обе стороны провала. Кляня все на свете, сделал что-то вроде подъема-переворота на древке и буквально вышвырнул себя из этой западни. Пес захлебывался лаем, бил лапами по воде, отчаянно стараясь не утонуть в зловонной жиже. А вокруг все ходило ходуном… Началось еще одно из сотен постоянных землетрясений, которые продолжались уже более двух месяцев. Пусть не столь мощных, как

первое, но тоже очень неприятных. Метрах в пяти дно вспучилось, из кратера вылетел столб кипящей воды, обдав нас горячими брызгами. И я, и щенок закричали - каждый по-своему. Пес погибал. Он уже не мог самостоятельно вылезти, и только его морда торчала из жижи. Я рванулся, копье перехватил лезвием к себе - но древко не доставало до пса! Матерясь, рванул из-за спины веревку. Бросок достиг цели - а щенок, сообразив, что от него требуется, вцепился в нее зубами с такой силой, что я выдернул его из трясины, как пробку из бутылки. Его по инерции пронесло над моей головой, и я едва успел рвануть веревку еще раз, иначе бы он прямиком угодил в кратер… Вся вода, которая была поблизости, стала быстро уходить в трещины на дне. Повсюду творилось что-то страшное - трещины змеились во все стороны. Возникли провалы и гейзеры, маленькие и большие, вулканы, выплескивающие кипяток и огонь. Судно, находящееся всего в метрах ста, накренилось и очень быстро ушло вниз, скрывшись в грязи. Я проследил за ним - было жутко видеть, как, погибшее однажды, оно вновь погружается в бездну…

Тряска кончилась так же внезапно, как и началась. Улеглось волнение среди луж, дыры стали заполняться водой - а там, где мы недавно прошли, появилась извилистая и широкая щель, перепрыгнуть которую было далеко не просто. Я почувствовал нечто вроде удовлетворения - теперь этим тварям намного труднее нас догнать!

- Ну, родной, у нас с тобой сегодня полный набор удовольствий! Или как? Что молчишь, испугался?

Щенок не реагировал. Он нахлебался воды и теперь весь трясся.

- О, да ты никак плох… Ничего, щеня. Сейчас выкарабкаемся на сухое место - я за тебя возьмусь.

Меня самого начало трясти. Выдержать столько в недавнем прошлом, испытать смертельный ужас при катастрофе, выжить в безлюдном городе, суметь убить здоровенную псину - а теперь едва не пропасть при самом обычном толчке. Привычка всегда находиться в шаге от смерти так и не сделала из меня фаталиста.

А меж тем, еще нужно было как-то добраться до своего берега - камни, по которым переходил дно, пропали, погрузившись в трясину, и я абсолютно не знал, куда поставить ногу. До берега оставалось не менее полутораста шагов. А до подвала - об этом и думать не хотелось! Мерить километрами расстояние не приходится - а вот днями и вовсе

тошно… Дальнейшая ходьба больше напоминала прыжки с препятствиями. Выждав еще какое-то время, я осторожно стал продвигаться вперед, проверяя дно копьем. Вода доходила в некоторых местах до пояса, но в основном не поднималась выше коленей - идти можно. Я опять засунул щенка в мешок, оставив ему возможность высовывать голову для обзора, и принялся зигзагами лавировать меж опасных мест, все ближе подбираясь к обрывистому берегу. Щенок насторожил уши. Поняв, что его слуху можно доверять больше, чем своему, я остановился. Мы оба замерли, ожидая чего-то, что должно было сейчас произойти…

С покинутого нами берега донесся далекий и жуткий визг - словно скрежет камнем по стеклу. Те, кто намеревался нас настичь, уперлись в невидимую нам преграду, и теперь зло и яростно, выражали свое разочарование… Землетрясение создало там расщелину, преодолеть которую они не осмеливались. Но она не мешала им нас видеть или чуять. Но я, как ни старался, никого не мог различить, стоя почти по грудь в воде. Только щенок, опять топорща шерсть, неотрывно смотрел назад и скалил маленькие клыки…

А визг повторился - и наступила тишина. Весь в грязи, вымазанный тиной, я, закусив губу, вновь стал продираться к берегу. Можно было уже не торопиться - стало ясно, что неведомый враг не решится повторить наш маршрут. Но ведь река тянется на много километров выше и ниже, этого места - они всегда могут попытаться пересечь дно в другом месте!

…Мы сидели на берегу. Я сурово рассматривал русло, пытаясь увидеть и опознать любое проявление движения между черных провалов и тускло отражающих свет водяных озер. Но ничто не нарушало покоя этого дна, кроме легких порывов ветра, заставляющих воду трястись мелкой рябью. Словно не было только что ни толчков, ни нашего бегства… Это могли быть одичавшие собаки - хотя никогда раньше я не мог представить таких больших собак. И следы - они, если разобраться, никак не могли оказаться собачьими. Но тогда - чьими? Я тщетно ломал голову - выяснить, кто это мог быть, можно только увидев их вблизи. Те тени, которые заметил щенок, и увидел я сам, были слишком далеко…

Глава 8 Первая охота

Глава 8

Первая охота

- Ну что, Черный? Пойдем в поход?

Так и не придумав щенку имени, я позвал щенка к себе. Ни одна из кличек не приживалась, и я называл его всякий раз по-разному. То Щеней, то Черным, то просто - собакой. Как-то не вязалось с его добродушной физиономией ни одна из перечисленных - хотя он с готовностью окликался на любую. Но я понимал, что это все - не то… Называть его как-либо, совсем уж сурово - вроде не к месту, звать Дружком - и вовсе глупо. Так он и оставался с кучей временных прозвищ.

После возвращения с того берега, где мне так удачно повезло упасть в яму, и не сломать при этом кости, мы несколько дней отдыхали. Едва я проснулся, после того, как мы, обессиленные и уставшие, повалились отдыхать, сразу потянулся к футляру. Я обладал оружием! У меня было оружие! Пусть не современное и не способное поражать как огнестрельное - но оружие, с которым чувствовал себя если не воином, то, по крайней мере, кем-то вроде него. Я отложил и копье, и топор - они не шли ни в какое сравнение с тем, что теперь висело у меня в изголовье.

Когда-то, в далекие детские годы, я, насмотревшись исторических боевиков, изготовил себе лук. На мое счастье, упражнения с ним не закончились ничьими выбитыми глазами или еще более серьезными потерями. Увлечение продолжалось не очень долго, но навыки, как ни странно, остались. Тогда я мастерил все сам - в том числе, и стрелы. Я долго не мог понять, как приделывать к ним наконечники, но, увидев в музее проржавевшие остатки возле не менее древнего колчана, догадался… Разумеется, настоящие отлить не удалось - попытки расплавить свинец и залить его в форму хоть и оправдали себя, но зато сам наконечник был слишком мягким, к тому же - тяжелым. Собственно, я знал только два вида наконечников, до которых додумался самостоятельно.

Это был либо гвоздь, наполовину утопленный в древке стрелы, либо кусок жести от консервной банки. Первый делался намного легче и казался эффективнее - чего проще, чем выпилить серединку в древке, вставить сам гвоздь, обмотать все это хозяйство крепкой шелковой нитью с клеем и подождать, пока высохнет. Насчет "убойности" при проверке показал весьма страшную способность (по моим, тогда еще детским понятиям!) Даже в руках двенадцатилетнего летнего мальчишки, всаживающего стрелы в мишень на расстоянии в тридцать шагов, стрела пробивала двухсантиметровую доску насквозь. При этом очень редко когда ломалась. И мне это казалось верхом технической мысли, тем более что тогда найти какой либо самоучитель по изготовлению стрел и наконечников нельзя было и в помине. Однако, издырявив кучу досок и смотанных пальто, я стал задумываться и о самой форме острия. Во всех фильмах, которые довелось посмотреть, стрелы обладали широкими наконечниками, наподобие удлиненного треугольника. Мои наконечники-гвозди, выглядевшие как обычное шило, на это никак не подходили. Кроме того, где то вычитал, что широкое лезвие балансирует саму стрелу в полете, придавая ей большую точность. Ну и там типа, что острые края наконечника приносят охотнику больше пользы, так как сильно шокируют дичь болевым шоком. Там же узнал и про первый способ, который более подходил для пробивания доспехов, но раны оставлял не настолько смертельные. В мальчишечьей голове все это отложилось, и на следующий день я взялся за изготовление наконечников широких. Легко сказать, взялся... В магазинах их не купить (мне живо надрали бы одно место за сам лук!) а выточить из металла не по силам. Но я нашел способ, как мне кажется, совершенно случайно - и лишь годы спустя узнав об этом на всевозможных форумах и сайтах, которых в мое время просто не существовало. Помог случай. Мне с приятелем нравилась сгущенка, и иногда мы вскладчину покупали ее и обжирались, благо одной банки хватало с избытком на обоих "стрелков". Вот и тогда, открыв очередную, мы слопали ее содержимое, после чего друг стал мять банку в руках, демонстрируя свою силу. Пока он бахвалился, я невольно смотрел - и вдруг сообразил! Отняв банку, аккуратно вырезал крышку до конца, свернул ее в виде конуса и ткнул приятеля в бок. Тот отскочил - острие получилось весьма крепким, а укол болезненным. Почти сразу и он

догадался, какие мысли обуревают боевого товарища - и мы, уже вместе, стали корпеть над оружием. Оказалось, что если под определенным углом свернуть жесть, она становится гораздо более крепкой, и вполне годится для производства наконечников совсем иного рода. Путем проб и ошибок пришли к выводу - использовать можно. Но само изготовление оказалось намного сложнее. Следовало сворачивать жесть так, чтобы древко с трудом входило внутрь конуса, кроме того - вырезать в жести полоски, которые крепились к древку. Ну, а если еще залить в сам конус немного клея - наконечник стыковался с древком намертво. После этого широкие края конуса очень аккуратно отбивались молотком - и приобреталась такая знакомая форма, имеющая все очертания настоящей стрелы. Не пожалев несколько тыкв, с приятельского огорода, мы провели испытания. Однако, пробивная мощь у новой стрелы оказалась на порядок меньше, чем у прежней. Но и положительные качества присутствовали тоже. Первая пронзала плод насквозь, но и входное и выходное отверстие оставались небольшими, ровно под саму толщину древка. Второе тоже пробивало тыкву, но при этом практически взламывало ее при входе, словно был нанесен удар кувалдой... Зато при стрельбе в дерево, жесть хоть и вонзалась, но после этого становилась непригодной, иными словами - стрела была утеряна безвозвратно. Вскоре мы поняли - второй способ, из жести, более, если можно так сказать, "кровав", и ближе к реальности. Но первый вроде как легче и предпочтительнее. А потом наши робин-гудовские стрельбища сами собой прекратились, и мы с успехом позабыли, о луках, стрелах и прочих мальчишечьих радостях… Тем не менее, то, что я вынес из детства, сразу вспомнилось, и сейчас я решил прошлые опыты перенести на новую почву.

Впрочем, это было детство. Сейчас «консервный» вариант не годился. Не по мишеням я собирался стрелять… То, что загадочные звери не пустились за нами в погоню, еще ничего не значило. Рано или поздно, мы все равно должны будем встретиться, и я желал подготовиться к этой встрече заблаговременно… Для этого следовало сделать мои стрелы стали по-настоящему, «убойными». И я приступил к производству…

Для наконечников вновь использовал гвозди - те самые, которые обнаружил в подсобке. Пересчитал - ровных и слегка изогнутых

оказалось двести восемьдесят штук. Если не шиковать - хватит надолго. Я нагревал их в очаге до покраснения, добиваясь некоторой мягкости, после чего рубил на части - нудная и самая тяжелая часть труда. Потом слегка отбивал с одной стороны, придавая заготовке форму типа трехгранника. Выдержав острую часть в огне, еще раз плющил ее обухом топорика, придавая совсем плоскую форму. После этого "гвоздь" затачивался на камне. Технология укрепления наконечников осталась прежней - как и с ножом на копье. Выпиливал в древке продольный паз, вставлял в него гвоздь, все щедро намазывал клеем и обматывал тоненькой бечевой. После высыхания наконечник держался как влитой. Как бы там ни было, после окончательной доводки все это казалось довольно грозным оружием… Будь хотя бы инструмент! Вместо оперения использовались жесткие кусочки пластика. На это пошло несколько ящиков, как раз отлитых из этого материала. Для самих же стрел тоже ящики, но уже из дощечек. Пришлось разобрать всю свою «постель» - иного материала под рукой не имелось. Выбирал самые длинные - на всю длину руки с припуском. Расщеплять пришлось ножом, проводя длинные и глубокие бороздки. После того, как закончил с оперением и насадкой наконечников, тщательно обработал древки стекло, добиваясь полной гладкости… Окончательной доводкой стало лакирование - я не капли не жалел все те ценности из женской косметики, что в изобилии свалил в одном из углов. Цвет, после этого, у всех стрел стал разным и радужным, что тоже пошло на пользу - не потеряются! Из футляра, слегка переделав, смастерил колчан - теперь стрелы помещались в аккуратном хранилище и не путались. Всего помещалось почти сорок штук. Вполне достаточно, чтобы держать на расстоянии любого, кто попытается покуситься на нас или наше имущество. Детские ли навыки или врожденный талант - но буквально, с первых выстрелов, стрелы стали попадать в мишень. Если учесть, что дерево, служившее для этого, находилось на расстоянии все тех же тридцати шагов, а сам круг, вырезанный из нескольких сбитых досок, не превышал размеров крышки от большой кастрюли - очень неплохо! Может, они и уступали настоящим наконечникам, из стали, но и с таким оружием я чувствовал себя намного увереннее. Конечно, эта форма не позволяла им удержаться в теле «мишени», но нанести ей серьезное увечье - очень даже способны! Пока я мог рассчитывать только на то, что

стрела, пущенная моей рукой, может пробить врага чуть ли не насквозь. В этом сомнений не возникало - они пробивали мишень не то, что за тридцать - за пятьдесят шагов! Далее я не старался - не был уверен, что попаду.

Если с луком все ясно - я тренировался с утра до вечера и очень быстро достиг неплохих результатов - то с мечом намного сложнее. Он находился у меня на спине, я легко мог выхватить его… и не более того. Нигде и никогда мне не приходилось учиться столь сложному делу, как фехтование. И вряд ли кто-нибудь мог меня этому научить. Но и оставлять такое замечательное оружие дома я не хотел - одна только мысль, что оно со мной, уже наполняла уверенностью и самоуважением. И все же я старался, припоминая хоть какие-нибудь приемы, проводить бой с тенью или воображаемым противником.

Большой топор однозначно решил заменить маленьким - я не желал оставаться совсем без топора, он всегда требовался при рубке дров, в походе. «Томагавк», как я его в шутку называл, носить намного удобнее и легче. Кроме того, набив руку в метании, я легко мог всадить его почти из любого положения во что угодно - как настоящий индеец. Окончательно остался дома и большой нож - хватало одного, более узкого и остро заточенного, висевшего на груди. Теперь я совсем стал походить на дикаря из каменного века - одетый, словно по последней моде тех времен, и вооруженный, пожалуй, даже лучше, чем они. Брился раз в неделю, а то и реже. Скоблить быстро отраставшую щетину лень, да и нечем - одноразовые станки выходили из строя, а заниматься этим в походах - не с руки. Но, когда я находился дома, в подвале, то всегда старался выглядеть опрятно. Мне уже следовало чем-то заменить свою одежду - зимний вариант не годился для усиливающегося весеннего тепла. Интересно, как те же дикари носили кожу? Ладно, зимой - а летом? Не очень удобно…

Среди множества различных плотных и легких тканей попадались всякие - от искусственного меха до очень тонкого ситца. Все это хорошо - если не отсутствие швейной машинки. Я со вздохом чинил порванные вещи и мечтал, что когда-нибудь, все-таки отыщу склад готовой одежды.

Да, я полагал, что это уже весна, хотя, если считать по отмеченным мною дням - до нее оставался еще не один день. Но уж больно все вокруг говорило о том, что состояние, в котором находился

город, как-то не вяжется с зимой… Я окончательно выбросил все свои «приборы» - часы и компас. Либо, они достались мне уже сломанными, либо - все, что показывали, больше не соответствовало действительности. И последнее мне казалось более вероятным. Если изменилась вся география, если существует *такой* Провал, день удлинился на несколько часов, а погода выкидывает фортели – то, как им можно доверять? Земля стала иной…

Оружие словно прибавило сил. Мне не сиделось. Мы провели в подвале несколько суток, и я опять начал маяться, и искать выход своей энергии. Но отправляться больше на ту сторону реки не собирался - не нарываться же на неприятности? Подумав, что ответный визит столь же возможен, натянул возле наших тропинок несколько хитрых проволочек - если кто-нибудь решится подойти незаметно, звон пустых банок поднимет нас даже среди ночи. Но еще больше полагался на чутье верного пса и свое собственное, уже проверенное временем.

Мне еще раз захотелось разглядеть, что же виднелось на юге. Что это за скалы или горы просвечивали сквозь темные тучи на горизонте? Я не боялся заблудиться - со мной теперь пес, и можно отважиться на предприятие, которое раньше могло окончиться плохо. После того как я прошелся вдоль русла реки, примерно представил расположение всего края и нанес его на карту. В отличие от города, где белых пятен осталось совсем мало, там они изобиловали. Единственная изученная линия - берег. И то, только до речного порта и разрушенного поселка, где я обрел своего друга.

Тренировки, постоянное пребывание на воздухе, длительные переходы - все это столь сильно закалило мой организм, что я стал относиться к пребыванию вне подвала, словно к чему-то само собой разумеющемуся. В привычку вошло оставлять подвал в таком состоянии, что возвращение не должно требовать лишних хлопот - прежде всего дрова и вода. Мало ли, каким придется вернуться? Прошлая болезнь научила предусмотрительности. Я орудовал топором, будто с ним родился. У меня не имелось пилы, и все бревна приходилось рубить. Это трудно и отнимало много времени - но, обладая приобретенной силой, я практически всегда справлялся с любым стволом. Почти все деревья, валявшиеся возле холма, уже были переработаны и перетасканы внутрь, заняв целую секцию. Правда, я

стал замечать, что с мышцами творится какая-то ерунда - иной раз я с легкостью поднимал любое бревно, а через несколько минут - едва мог сдвинуть его с места. Словно их кто-то накачивал мощью, а затем внезапно эта мощь пропадала. Контролировать ее я не мог. Это мне не нравилось и сильно озадачивало.

Заготовив в подвале очередной запас топлива, пересмотрел мешок. Щенок, привыкший к обычному рациону, уже не так приставал - он тоже будто понимал, что отъедаться будет дома, а не в походах. Но все равно, длительные вылазки требовали многое нести на себе. Возникла иная необходимость… Пришлось переделать лямки таким образом, чтобы они не мешали выхватить оружие. После едва не случившегося столкновения с неведомым врагом, не хотелось оказаться застигнутым врасплох. Так как ножны меча можно было закрепить на спине, я тщательно подогнал их по размеру. Там же следовало носить колчан со стрелами. В руках оставался лук, но и его стоило убрать - руки желательно держать свободными. Подумав, в поход решил захватить и копье. Не столько для самозащиты, скорее - как посох. Иной раз он меня выручал…

Я все реже брал консервы, стараясь заменить их сухим мясом и лепешкам - они занимали примерно столько же места, но зато были легче, сытнее, а главное - их хватало на гораздо больше время. Порой, двух-трех лепешек мне хватало на весь день. Норма щенка в подвале составляла две банки в день - утром и вечером. В пересчете на пеммикан и «хлеб» - половина того, что требовалось мне самому. Из расчета на десять-двенадцать дней, требующихся на длительную разведку - большую часть мешка составляли именно съестные припасы… Я остро стал осознавать необходимость чем-то восполнять этот рацион. Теперь, когда появился лук, можно попробовать охотится. Но на кого? Та мелочь, которую с успехом находил щенок, как-то не привлекала… Став осторожным, я создавал тайники в городе по всем направлениям - найти их, не зная конкретного места, чужаку невозможно. А мы могли воспользоваться ими в любой момент, остававшись без доступа в подвал, или, задержавшись в дороге.

Погода нам благоприятствовала. Странная, то теплая, то, наоборот, перемежаемая ледяным ветром. Тем не менее, она больше не пугала меня неожиданными порывами налетающих ливней или градом. По календарному - если я не ошибался? - начало весны.

Соответствовала ли она этому? Сложно сказать… Днем могло припечь так, что я раздевался до пояса, а ночь приносила такую стужу, что вода, забытая в плошке снаружи, застывала до самого дна. Часто стали повторяться грозы. Огненные шквалы на небосводе прорезали его до самой земли и даже сопровождались взрывами! Я полагал, что в месте удара молнии находились выходы газа - и они взлетали вместе с горами земли. Мой щенок тогда испуганно забивался в ноги, и лишь когда все кончалось, высовывал мордочку - мол, страшно, хозяин! Но видя, что я спокойно смотрю вдаль, успокаивался и храбро выбирался наружу. Пес вообще очень поражал меня способностью понимать почти все слова - возможно, по интонации. Достаточно дать команду, несколько раз ее продублировать - и он догадывался, что от него требуется. Так я научил его самому необходимому - "сидеть!", "рядом!", "ко мне!", "ползком!", "тихо"… И, разумеется - "взять!". Последняя команда исполнялась особенно рьяно: щенок с такой бешеной энергией и напускной яростью начинал рвать смотанный в рулон ковер, что летели клочья. Когти щенка не уступали клыкам - а зубы обещали со временем вырасти во что-то очень серьезное. Я как-то подумал, что когти придется обрезать - что-то слышал об этом. Но увидев однажды, как он втягивает их внутрь подушечек, опешил и сел, где стоял. Ни одна собака в мире не умеет втягивать когти! На это способны только кошачьи… Но он, что бы там ни было, - пес! Вместе со способностью вздыбливать шерсть, это было второе, что заставляло меня посматривать в сторону щенка с некоторым недоверием…

Бродить с ним оказалось намного веселее, чем одному, когда я мог разговаривать только сам с собой. Нет, конечно, щенок не поддерживал моих случайных реплик или тирад, но его мохнатая мордочка весьма красноречиво реагировала на слова и жесты. Он отлично понимал все команды и довольно послушно выполнял, даже если ему не очень хотелось. Щенок немного подрос, хотя, может быть, мне это только казалось. Он и так был довольно крупным - как все представители больших пород. Щенок безоговорочно признавал меня вожаком нашей маленькой компании, и мне ни разу не приходилось кричать или сердиться. В черных бусинках светился такой недюжинный ум и понимание, что временами мне становилось не по себе… После непонятных следов, после странных зверьков, а также той давней и жуткой находки - мертвого «оборотня», я догадывался, что природа

изменилась так же сильно, как и ландшафт. И, возможно, даже гораздо сильнее. Если изменился я сам - почему щенку не получить какие-то новые качества? Лишь бы они не оказались неприемлемыми для меня.

Унылый ландшафт почти не менялся - а ведь мы находились в пути третий день. На его исходе я смог различить вдалеке темную гряду - вряд ли это горы. До них еще очень далеко. Но, тогда что? Появилась цель, к которой мы стремились, она вырастала и уже все отчетливее виднелись вдалеке. Я рассчитывал дойти к концу четвертых суток. Земля, изрытая ямами возле города, стала несколько ровнее. Возможно, ее сгладили нескончаемые ливни, которых так много пролилось в первые дни. А может, толчки не затронули так сильно именно эту область, что позволило мне идти по ней с гораздо большей скоростью.

Щенок отбегал в сторону, рылся в попадающихся земляных кучах, что-то откапывал, бросал или приносил мне. Так он приволок книжку без переплета, мокрую и насквозь покрытую плесенью. Осколок фарфоровой чашки с сохранившимся фрагментом рисунка. А однажды - наручные часы из драгоценного металла, покрытые сияющими камешками. Они были изувечены ударом, сплющившим внутренности, и, в отличие от моих, найденных почти подобным образом, показывать время уже не могли. Я подержал часики в руке, подумав, как много могли они значить для их владельца, каким мерилом жизненного благополучия и богатства могли быть… И выбросил. Прочь. Золото больше не играло привычной ценности. Зачем оно нужно в этом мире, где куда дороже рыболовный крючок или кожаный ремень? Я даже и не думал, что, если встречу людей, это может мне понадобиться. Нет, на такие сокровища уже ничего нельзя купить…

Вечером мы устроились на ночевку. Я насобирал в округе всяческого хлама и разжег костер. Приноровившись пользоваться огнивом, спички, которых осталось мало, предпочитал беречь. Может, их и можно изготовить самому - но я этого не знал. Когда-нибудь, придется придумать…

И я, и щенок любили сидеть возле огня, наблюдая, как язычки пламени подогревают ужин. Вот и сейчас, пес облизывался, предвкушая, как я брошу шепотку пеммикана в котелок, приготовляя крепкий мясной бульон. Лепешки, обмакнутые в него, размокали и становились мягкими - и еда и питье одновременно. Я же развлекался

тем, что доводил до кондиции острие ножа - оно спасло меня однажды, и я не забывал заботиться, чтобы оно всегда было в норме. Бриться лезвием клинка еще не доводилось - но я хотел попробовать, не желая полностью зарастать щетиной.

Тьма сгущалась. Наступающие сумерки отбрасывали причудливые тени по ближайшим холмам и буграм, падали вниз от изломанных деревьев, занесенных сюда чудовищными силами урагана. Иногда срывался ветер, в последнее время чаще дующий с востока. После того, как северный, почти перестал напоминать о себе, закончилось и самое холодное время. Что южный, что восточный - они несли с собой тепло. Это тоже удивляло - если впереди горы, откуда тепло?

Пес приподнял голову и стал втягивать воздух широкими ноздрями. Ветер нес запахи, неразличимые для меня, но понятные моему спутнику. Он принялся глухо ворчать, иногда вздыбливая шерсть - запахи ему не нравились. Потом он успокоился и опять положил голову на лапы. В его зрачках тоже сверкали огоньки, отражаясь от костра. Уши щенка слегка подергивались, продолжая чутко реагировать на еле слышные звуки, доносящиеся издалека. Где-то на севере оранжевыми сполохами черную серость неба прорезали молнии. Они не сопровождались раскатами, возвещающими о наступлении дождя - мы могли продолжать ночевку, не заботясь об укрытии. На всякий случай я нес с собой и тент: рассчитывать, что сможем спрятаться посреди голой степи, оснований не имелось. Вообще-то, дождей становилось все меньше, и они были слабее. Хотя, до настоящего тепла еще довольно долго - если верить моему настенному календарю. Но стоило ли ему верить? Он отражал только привычное расписание смен времен года. А какое расписание существовало сейчас? По каким законам будет происходить смена сезонов на земле? И будет ли? Что считать зимой, что - весной? До сих пор, сквозь мрачную взвесь, ставшую лишь немного светлее и выше, ни разу не проглядывало солнце. Я уже отвык от него…

Мы лежали, подставляя теплу костра то один, то другой бок. Пес внимал моим речам, изредка постукивая по земле хвостом. Щенок стал единственным собеседником, кто мог утолить мою жажду общения. И возможно, именно такой, все понимающий и не спорящий ни с чем, был нужен мне тогда. После ужина я вытер насухо котелок, кинув псу

остатки лепешки. Как бы там ни было - после бульона, щедро приправленного пеммиканом, чувствовалась сытость. Я научился такому способу давно, когда ходил в горы. Как давно это было… Словно в иной жизни. А может, это и было - в иной жизни? Только эта, начиналась как-то не так... Ночь постепенно сходила на нет. Смену времени я узнавал скорее интуитивно, чем глядя на небо. На нем вряд ли можно вообще что-либо увидеть - то свинцово-стальное, то серое, то буро-коричневое - ни одного светлого тона. Восточный, чуть ли не горячий ветер иссушил землю - даже редкие следы от давно прошедших ливней, в виде скоплений стоячей воды, теперь испарились. Хорошо, что я тащил на себе несколько фляг - нам хватит, чтобы дойти до скал, где я рассчитывал пополнить запасы. Ну, а если нет - придется очень жестко экономить на обратном пути.

До утра было еще далеко, когда, забросав остатки костра землей, я поправил снаряжение и кивнул псу:

- Хорошо тебе… Я таскай, а ты - лопай. Вот навьючу как ишака, узнаешь, что почем. Вставай, лежебока… Идти пора.

Пес забегал вперед, поджидая меня на склонах, разведывал все интересные, с его точки зрения, места, и недовольно повизгивал, если я слишком медленно поднимался на очередной пригорок. Неожиданно он звонко залаял, устремившись в одну из ближайших впадин.

- Сейчас, не торопи…

Я вскарабкался наверх. Впадина была не меньше стадиона, если такое сравнение допустимо. Что-то раздражало, мешало сосредоточиться и внимательно осмотреть местность. Я ни как не мог понять, что, пока щенок, весело лая, не стал подпрыгивать и пытаться поймать что-то зубами. Я застыл на месте, позабыв опустить занесенную для следующего шага ногу.

- Ты что, каши объелся?

Но щенок и ухом не повел, продолжая свои нелепые скачки. Присмотревшись, я ахнул - и на земле, и в воздухе мельтешили мелкие, почти прозрачные существа, более всего походившие на мошкару. Вместе с тем, за ними гонялись существа покрупнее - и, поймав, пожирали на месте, оставляя только почти не видные слюдяные блестки-крылышки. Ни тех, ни других, я раньше не встречал. Щенок пытался поймать, какое-нибудь, из тех, что больше, но у него ничего не получалось. Они так быстро передвигались, что я

не мог уследить ни за одним. Пораженный, что было кому и за кем гоняться, тупо смотрел по сторонам, и с натугой соображал: "Как? В зимнее время? Насекомые? Насекомые ли?" Щенок гавкнул и бросился прочь, махом взлетая на возвышенность из камней и вывороченной земли. Он ткнулся в кучу носом и энергично заработал лапами, хвост моего приятеля закрутился, как маховик. А через пару секунд он негодующе взвыл и пулей помчался обратно. Я остановил его, успев ухватить за загривок.

- Ты бы постоял, что ли…

Щенок потер нос лапой. На влажном черном пятне проступила капелька крови.

- Укусили?

Он мотнул башкой, извернулся и вновь побежал на холм. Я из любопытства проследовал за ним. Что там творилось! То ли гусеницы, то ли, черви - совершенно не похожие ни на что, когда-либо виденное в прошлом. Некоторые очень крупные - чуть ли не с ужа, но не имеющие ни глаз, ни рта. Они напоминали дождевых червей, но сильно отличались цветом и размерами. Такие же скользкие, быстро сжимающиеся и мгновенно вползающие в землю. Когда мы подошли, многие стали проникать в рыхлую почву. Я придавил одного древком копья и сразу отпрянул назад - этот, то ли червь, то ли змейка, вдруг приподнялась на хвосте и метнулась ко мне. Он коснулась копья, обвил его и сразу бросился обратно - под спасительные комья.

- Нормально… Вот, значит, кто тебя цапнул.

Пес взвизгнул. Он вовсе не чувствовал себя расстроенным и собирался продолжать раскопки…

- Нет, приятель. Не нравится мне все это. Надо идти дальше. Бросай это дело… Рядом!

Щенок заартачился - как можно покидать такое интересное место? Но, видя, что я удаляюсь, сразу спустился и бросился вдогонку.

- Значит, не все погибло? То, что было в земле - сохранилось? И приняло вот таки, непонятные обличья. Что-то не очень привлекательно… - рассуждал я вслух, не обращая внимания на взгрустнувшего пса. - Конечно, тем, кто находился под землей, легче всего уцелеть. Но что-то я не припоминаю подобных размеров. Опять, мутанты? Мало нам непонятных следов, так еще и это! Значит, кое-кто, все-таки выжил.

Щенок опять залаял. Его звонкий голос далеко разносился по степи, и я от неожиданности вздрогнул. Он отбежал на несколько шагов, подпрыгнул и стал призывно гавкать в мою сторону. Я увидел, что он удерживает лапой что-то, издали очень похожее на клубок шерсти. Пес, наученный горьким опытом, больше не пытался обнюхивать все подряд, а лаем призывал меня подойти и посмотреть самому. Я подбежал - меня тоже интересовало, что могло водиться в безжизненных, на первый взгляд, просторах этого поля. Но не успел - клубок извернулся и буквально истаял среди камней, приняв их расцветку и вид. От обиды пес вновь зашелся лаем и стал кидаться на все камни подряд. Пришлось его привлечь к себе и успокоить.

Мы продолжали идти вперед. С каждым шагом я настороженно вглядывался по сторонам - природа преподнесла нам сюрприз, и следовало ожидать, что на этом они не кончатся. А мне не хотелось сюрпризов - особенно слишком крупных. Таких, для кого мы со щенком сами можем стать сюрпризом. Съедобным…

Пес, по-прежнему бросающийся из стороны в сторону, теперь уже не пытался сразу засунуть нос во всевозможные дырки. Ничего не скажешь - учился прямо на глазах.

Почва здесь была более влажной, чем в покинутом нами городе и уже пройденном участке степи. Если раньше часто встречались места, покрытые, словно черепашьим панцирем (и это несмотря на то, что воды в развалинах хватало!), то здесь земля была почти везде рыхлой. Теперь, после встречи с насекомыми и слишком крупными червями, я стал замечать нечто похожее почти всюду - нужно только внимательно оглядываться по сторонам. Жизнь в степи появилась. Пока странная и непривычная. Но - есть. И раз здесь водились такие существа, то, со временем могли появиться и иные, еще более странные и большие. Я был почти уверен, что если мы зайдем дальше, обязательно увидим, что-нибудь в этом роде…

Становилось жарко. Я давно стянул безрукавку и оставался в легкой куртке на голое тело. Впечатление, что греет именно солнце, стало таким ярким, что я не раз поднимал голову, пытаясь рассмотреть его сквозь бесстрастную завесу облаков. Но, если солнечный свет они и не пропускали, то тепло - пожалуйста. Жарко и псу. Он высунул язык и стал посматривать на меня, а в частности - на флягу, привязанную к поясу.

- Погоди. На привале.

Я проследил его взгляд и проверил, как фляга держится на ремне. Вода слишком много значила, чтобы случайно ее лишиться. Он вздохнул, совсем как человек, и поплелся позади. Щенок устал.

После однообразия каменных пейзажей города идти среди далеко просматривающихся полян и круч было даже интересно. И не так мешали вечно попадающиеся под ноги, обломки, как в развалинах. Но даже здесь, на расстоянии не менее шестидесяти километров (или трех дней!) от него, попадались какие-то части машин, сорванные крыши киосков - все, что могучая сила ветра сумела приподнять и унести. Впрочем, здесь тоже имелись села и деревни - все это могло принести оттуда. Я не ошибся еще в одном предположении - ядерный ураган, или то, что заставляло меня так думать, пронесся гораздо восточнее, оставив эти степи незатронутыми. Здесь не попадалось ни стекловидных камней, ни обожженной почвы.

Зато очень часто стали встречаться какие-то ростки - они выглядывали из земли совсем немного, чуть-чуть, но и им я обрадовался, как цветущим деревьям. Есть ростки - будет и растительность! Лишь бы только не вернулась стужа, и не погубила их раньше, чем они войдут в силу! Да, если когда-нибудь придется уходить из подвала - то сюда, где жизнь, похоже, вновь вступает в свои права.

Я чувствовал себя разведчиком. Только не было тех, кому мог рассказать про все, что я видел. Но, даже если повсюду простиралась одна, невероятно огромная зона, хотелось ее пройти, чтобы быть уверенным до конца. Зона, с единственным, проживающим в ней, представителем человеческой породы… Стало быть, должны где-то присутствовать и наблюдатели? Чушь какая-то… Нет, к сожалению, вряд ли все это можно назвать «зоной». Скорее - зоной будет именно то, что не изменилось в результате всех этих катаклизмов. А в это поверить вообще трудно.

Где-то впереди, сливаясь с тучами, улегшимися прямо на вершины, вздымались скалы. На них отсутствовал снег - я уже хорошо различал это. По всем прикидкам, до них оставалось около четырех часов ходу, не более. Не будь видимость настолько скудной, я, пожалуй, мог определить расстояние точнее. Но приходилось довольствоваться тем, что есть. Мой мир ограниченный нависшими

облаками, заканчивался быстро… Хотя, если сравнить с тем, что вначале - я мог только радоваться. Тогда взгляд в любую сторону упирался в преграду через пару десятков метров. Сейчас, после того как большая часть осадков уже опустилась на землю, стало намного лучше. И имелись все предпосылки, что тенденция сохранится и впредь. Может быть, со временем появится и солнце… Но это уже из разряда почти несбыточных надежд.

Идти оказалось несравнимо легче, и я думал, что успеем добраться до скал как раз ко времени ночевки. Если, конечно, то, что напоминает скалы, не окажется принявшими их форму облаками. Я так и не мог припомнить этой гряды - вроде, до гор как минимум, километров сто? Или больше? Но что же это тогда? Как много я бы отдал за простой бинокль…

Дорогу преградил глубокий овраг. Я выругался - такие препятствия всегда смешивали все планы. Пес остановился возле него и вопросительно посмотрел на меня.

- Пошли, пошли. Обходить не будем.

Я спустился по насыпи вниз. Дно, практически полностью покрыто камнями, из-под которых не проглядывала земля. Крупные и помельче, серые в прожилках красного цвета, они имели острые грани, и приходилось быть осторожными, чтобы не изрезать обувь и ноги. Некоторые валуны достигали размеров автомобиля. Пес заметался - ему, не снабженному обувью, передвигаться по режущим кромкам особенно невмоготу...

- Иди ко мне.

Я взвалил его на плечи, увеличив и без того нелегкую ношу. Пройдя овраг поперек, стали подниматься на другую сторону. Следовало запомнить и нанести его на карту - овраг продолжался далеко на восток и неизвестно, где заканчивался. Западная же его часть тянулась еще около метров семисот, после чего плавно пропадала из виду. Похоже, это и был тот самый, довольно серьезный разлом, который начинался где-то в городе и продолжался уже здесь, в степи. Кстати, столь же вероятно, что он имеет непосредственное отношение к оврагу, встреченному мной в путешествии на восток, когда я попытался выйти из города и обойти болото с юга. После оврага уклон поля стал резко вздыматься вверх, начался подъем. Мне это показалось хорошим знаком - значит, то, что я принял за горы, действительно -

горы? Но тогда и предположение, что они каким-то образом сместились и стали ближе - тоже реальность?

Но это были не горы. Через два часа, когда мы пересекли каменную пустошь, я смог рассмотреть их более отчетливо. Перед нами возвышались скалы - очень крутые, высокие, и как мне показалось, абсолютно непроходимые. Они стояли сплошной грядой, ни в одном месте этой монолитной стены не замечалось ни единого просвета.

- Вот это номер… Откуда?

Я смущенно посмотрел на пса. Тот, выжидающе, - на меня.

- Похоже, мы в тупике. Что ж, придется исследовать эту стену вдоль. Куда пойдем? На восток, к желтой пустыне? Или к реке, на запад? Река предпочтительнее - все-таки, мы там уже были.

Щенок почесал за ухом лапой. Ему было все равно. Решать пришлось мне.

- Рад, что ты - за. Еще бы уточнил - за что? Тогда - на восток. Разведка так разведка.

Скалы тянулись сплошной китайской стеной, по обе стороны света - только высота их кое-где казалась, сравнима со средней руки небоскребом - или, если я не ошибался, примерно достигала пятидесяти-шестидесяти метров, что не могло быть сопоставимо ни с какой рукотворной стеной в мире. Походило также на то, что она возникла ниоткуда - сама собой, словно вылезла из земли. Как будто бросили сказочный каменный гребень, и тот, самым волшебным образом принял эти непреодолимые формы... Только стена, в которую я уперся, была далеко не волшебной, а очень даже явственной.

Щенок скучал. Он водил носом и ждал, когда же я дам команду хоть куда-нибудь идти. Ему хотелось есть, и пить, и я решил устроить небольшой привал.

Отсюда открывался хороший вид - перед грядой земля круто вздымалась, мы были на возвышенности, и вся пройденная нами степь лежала как на ладони. Мы словно находились на краю чаши и примерно до середины могли все в ней разглядеть. Правда, развалины города все равно не просматривались - так далеко не пропускал этот осточертевший смог. Либо, слишком далеко зашли. На западе клубился туман - скорее всего, над руслом, где на месте бывшей реки продолжалась работа гейзеров и горячих грязевых источников. На

востоке - какое-то светлое пятно. Вряд ли это могла оказаться та самая желтая пустыня. Так далеко не поможет даже бинокль. Но иного объяснения не находилось. Вполне логичным было отнести это к свечению остаточной радиации… И стоило ли тогда туда топать, рискуя получить смертельную дозу?

Пес зевнул и потянулся - ему надоело лежать, он встал, подошел ко мне и поставил лапу на мокасин.

- Приглашаешь вперед? Ну ладно…

Я поднялся. Припасов и воды у нас оставалось пока достаточно, можно и попробовать пройти какое-то время в любом направлении. Выбрав все-таки восточное - сняв шляпу по волосам не плачут! - стал спускаться со склона. Радиация, не радиация - один черт. Если до сих пор жив, и никакое излучение меня не убило - пронесет и теперь.

Рассуждая подобным образом, успел заметить - вдоль линии оврага идти действительно, легче. Отдохнувший пес резво трусил впереди. Я все больше ловил себя на мысли, что знаком не со всеми его талантами, и кто знает, чем он удивит в будущем… Во всяком случае, его преданность внушала надежду, что, когда он вырастет и станет таким же большим и грозным, как его мать, то не превратится во врага.

Кое-где из почвы вырывались ярко-желтые и красные побеги. Это казалось столь непривычно, что я сорвал один и стал разминать его в пальцах. На коже появилась розоватая жидкость - сок растения.

- Ну и ну. Все больше чудес…

Справа возвышались темные скалы, возле которых я не решился оставаться. С верхушек могли сорваться здоровенные глыбы - таких немало лежало вокруг, и я боялся, что мы можем запросто попасть под одну из них. Теперь я понимал, что просто ошибся, приняв верхушки гребня за очертания горной цепи. Даже самое чудовищное землетрясение не могло так изменить мир, чтобы они стали настолько ближе. Но и этих скал не помнил - вот они-то как раз появились совсем недавно! Это стало понятно и по тому, что они словно выдавились из глубин - земля разверзлась, выпустив каменных исполинов. А может - и не будто, а именно так и случилось… Разверзлась. Они накрепко преграждали дорогу на юг, и, если уж я и решусь все же добраться до пресловутых гор, предстояло найти в скалах проход. Или - вернуться к реке. Но, предварительно хотелось узнать, как далеко они тянутся по

направлению к желтой пустыне. Земля больше не казалась мертвой - чем дальше мы уходили от руин города, тем чаще встречались следы пребывания всяческой живности. То какие-то норы, то, насекомые роем начинали кружиться возле самого лица. Пес с лаем метался по сторонам, и я был вынужден окликом призывать его обратно, боясь, что нарвется на укус. Связываться с насекомыми, не зная, что они из себя представляют, как-то не хотелось…

Далеко впереди обрисовалась резкая грань между небом и краем этой земли. Это зрелище заставило меня остановится. Слишком красиво и несколько жутковато. Странно видеть желтые ростки, слышать одну только тишину, нарушаемую нашими шагами.

Щенок, убежавший вперед, крутанулся на месте и что-то схватил зубами. Я позвал его к себе и, сжав ноздри, заставил выплюнуть добычу. На земле, копошась в слюне и пытаясь расправить надломанные крылья, возился большой жук. Одного взгляда на насекомое мне хватило, чтобы окончательно потерять охоту к путешествию. Таких жуков я еще не видел…

- Да, впечатляет. Вот теперь кто претендует на то, чтобы стать хозяином мира. Ну и зверюга…

Жук поражал размерами. Почти с мою ладонь, с украшением на овальной голове в виде длинного зазубренного рога - как только щенок не поранил небо? Мохнатые, крепкие лапки и вроде как подобие гребня на спине… Он перевернулся на брюшко, отполз на сухое место, задергал жесткими крыльями, и - полетел! От его полета раздался приглушенный гул, словно вдали ударили в колокол. Щенок бросился было за ним, но я осадил его суровым окликом:

- Назад! Ко мне!

Пес резко затормозил, и, вернувшись, как бы независимо поплелся за мной, с сожалением оглядываясь в сторону посадки насекомого.

- Нет, приятель. И не думай. Кто его знает - вдруг ядовитый? Слопаешь ненароком, а потом сдохнешь здесь, в коликах. Видел, какой у него рог? Застрянет в брюхе, и ау…

Пес посмотрел на меня скептически и забежал вперед. Я, ошалев, даже остановился:

- Бред… Не знаю, как на счет разговаривать, но односторонняя связь, кажется, уже установлена. Меня ты понимаешь прекрасно. Если

еще со временем услышу внятный ответ… Стоп, лучше не надо.

Ночевать остановился возле большого валуна, вывернутого из глубин и теперь возвышавшегося в поле. Он достигал размеров одноэтажного дома, и в его естественной выемке мы могли укрыться от дождя, если тому вдруг приспичит начаться. Я, все-таки, решился на следующий день пройти в сторону непонятного свечения, а потом, перейдя овраг, направиться домой. Разведка впустую не обрадовала. Хотелось найти что-нибудь интересное, вроде разрушенного жилья, а там - чем черт не шутит? - следы пребывания людей. Хоть золу от костра… Пришел же откуда-то, тот несчастный, который нашел свою гибель в пасти обезумевшей собаки? Хотя в степи, это, честно говоря, казалось нереально. С другой стороны, - какая еще степь? У мегаполиса существовало до двадцати городов-спутников, не считая сотен мелких поселков и ферм - не провалились же все они в преисподнюю? И во всех них тоже имелись магазины, склады… Мародер из меня вышел опытный, возвращаться с пустыми руками не хотелось. И, если главная цель не достигнута, то вторичная должна быть исполнена. Самоуспокоившись, таким образом, я накормил пса и преспокойно улегся на расстеленное одеяло.

Ночь прошла быстро. То ли не спалось, и я провел большую ее часть, ворочаясь на подстилке, то ли просто рано встал. Мы быстро позавтракали - хотелось пройти как можно больше, чтобы успеть вовремя, повернуть к развалинам. Я жевал с неохотой - все приелось!- зато пес с нескрываемым удовольствием. Только ради него я брал с собой еще и банки, что существенно утяжеляло ношу. Он так обожал свою неизменную перловку с мясом, что я не мог сдержать улыбку, видя, как он поглощает содержимое. Погладил его по холке - щенок сразу завалился на спину, подставляя живот. Пришлось почесать и туго набитое брюшко.

- Что-то ты разъелся, милый. А растешь медленно. Может, таким и останешься?

Он блаженно задергал лапами, и лишь приподнявшееся ухо выдало его интерес к моим словам.

- Правда, ты и так не очень-то маленький. Или я не замечаю, как ты тянешься. Станешь с медведя - как потом кормить? Ладно, разнежился. Пошли. Нечего валяться. Еще местных блох нахватаешься - остригу потом наголо, будешь знать!

Он кувыркнулся через плечо, и, встав на лапы, ткнулся мордой мне в ладонь.

- Ну - все, все… Нежности тут развел. Пошли!

Еще полдня мы тащились по склону оврага, который, казалось, тянулся нескончаемо. Яркая полоска на востоке сильно приблизилась и теперь занимала почти все видимое пространство. Все больше становилось побегов - все таких же красных или желтых. Я сорвал еще один и понюхал:

- Запах, как запах. Травой пахнет, зеленью… Или, как теперь правильно будет - желтенью? Так…

Пес тоже понюхал, но не найдя для себя ничего интересного, побежал дальше. Я немного отстал и сорвал очередной росток.

- Значит, не только животные… То есть - не одни насекомые. Те зверьки, которых ловит в городе щенок. Те звери, которые хотели поймать нас. А теперь - и растения. Почему? И почему мы с псом не изменились? Или - все еще впереди? Нет, не хочу…

Из раздумий меня вывел лай пса. Я поднял голову. Он мчался по склону, делая красивые и длинные, словно кошачьи, прыжки. Собаки так не бегают. Я отметил про себя - еще одно доказательство… В следующую секунду меня прошиб холодный пот - что-то бесформенное, не уступающее щенку в размерах, выскочило из земли, угрожающе рявкнуло, и скрылось среди камней. Щенок в азарте кинулся вдогонку и растерянно закружился на месте.

- Стоять!

Я бросился к нему. Пес злобно гавкал и бросался на какое-то отверстие, не решаясь, однако, туда пролезть.

- Стоять!

Еще раз крикнул, видя, как при моем приближении, у щенка появляется, исчезнувшая было отвага. Мало ли, какая тварь могла там скрываться? Судя по мелькнувшим размерам - вполне порядочная. Из отверстия тянуло сыростью и плесенью.

- Сиди.

Оставив пса возле дыры, сделал небольшой круг. Будь это подземный житель - таких норок могло оказаться немало, и второй, а то и третий вход найдется обязательно. Но осмотр ничего не дал - ни единого отверстия я не обнаружил. Вернувшись к щенку, призадумался. Вторая половина дня обещала стать веселой - если

оставаться на месте и попытаться достать этого зверя? Но что это могло нам дать? Я посмотрел вперед - степь продолжалась еще далеко… Возможно, там, дальше, ничего и нет…

- Ко мне.

Я отошел от норы и снова скомандовал:

- Ко мне!

Пес неохотно подчинился. Я погладил его и заставил сесть возле себя.

- Спокойно… Терпение, щеня. Подождем, пока он… оно само не выползет наружу. Куда ему, такому здоровому, деться? А чтобы больше хотелось… Сидеть!

Я опять придавил пса к земле, заставив его вытянуться и лечь, а сам достал из мешка кусок лепешки.

- Так! Посмотрим, что любят эти обитатели равнин.

Я примотал шнурок к куску и положил его возле самого входа. Мы стали ждать. Около часа ничто не нарушало кажущегося спокойствия и тишины. Когда терпение стало иссякать, и я, раздосадованный, уже хотел продолжать путь, в отверстии что-то зашевелилось. Щенок дернулся, но мне во время удалось его остановить, навалившись всем телом.

- Тихо…

Шевеление повторилось. Мелькнула бурая лапа с длинными и массивными когтями, цапнула землю возле хлеба и проворно убралась обратно.

- Ага! Нет, дорогой, придется показаться полностью!

Я подтянул шнурок поближе. На этот раз ждать пришлось недолго. Снова послышалось шевеление, опять мелькнула лапа, но ее хозяин упорно не желал вылезать наружу. Пес потянул воздух, и, ткнув меня лапой, осторожно высвободился. Он явно давал мне что-то понять, что я, увлеченный выманиванием зверя из норы, не улавливал. Щенок гавкнул и опять втянул воздух.

- Ну что ты, там… Ах, черт! Точно! Ветер с нашей стороны, прямо к нему! Он нас чует, вот и не выходит. Молодец!

Мы сменили место засады. Но зверь, видимо, потеряв интерес к сухому хлебу, не проявлял больше никаких признаков жизни. Продолжать движение по равнине уже не представлялось возможным -

эта незапланированная охота незаметно забрала несколько часов. Выругавшись с досады, достал припасы и подозвал пса.

- Маху дали… Не увлекись я этим - сейчас, или подходили к окраине, или обратно, к дому пошли. Заночуем - и в город. Хватит.

Ночью нас никто не тревожил. Иногда пес вставал и водил носом по ветру, принюхиваясь к чему-то. Ветер приносил ему запахи, говорившие о многом, что было не понятно мне. Погода к утру переменилась: вместо теплого ветерка, дующего с востока, начался южный, более сильный и порывистый. Он срывался со скал и буквально обжигал - я не мог понять, почему! Но потом, потирая в очередной раз глаза, догадался. Он нес крупинки песка, впивающиеся в кожу, как иголки. Я повернулся спиной к камню и сел на землю. Оставалось только ждать, пока ветер уляжется. О том, чтобы продолжать путь, нечего и думать. Ветер мигом заставил и меня, и пса смотреть только под ноги, а так далеко не уйдешь. Щенок чувствовал себя не лучше. Было несколько досадно - срывалось намеченная разведка, ничего особенного не найдено, и только какой-то неведомый зверь, словно в насмешку показавшийся из норы, оставил гадать, кто же он был? И в самом деле - кто? Внешне он казался даже крупнее пса - секунд, которые я его видел, не хватило, чтобы разглядеть, как следует. Не зря ли я вообще затеял эту охоту? Вдруг он обладает такой силой и свирепостью, что выведенный из себя, разметет нас обоих? Я хищно усмехнулся - ну нет уж… Животное, которое убегает - само боится! Значит - считает нас сильнее! Вот мы и должны доказать - себе, прежде всего! - что это недалеко от истины. И еще - когда такая возможность представится снова? Не так уж часто у нас появлялись звери на дороге… Правда, он мог сидеть в норе так долго, что мы никогда не дождемся, пока он захочет еще раз появиться на поверхности. Если он живет под землей (в этом сомневаться не приходилось!), вполне возможно, что у него там и кладовые, и вода - а раз так, то нет никакой нужды рисковать… А жаль - мне вдруг так явственно представился кусок жареного мяса, что я сглотнул. Да, не одно любопытство, а именно это заставляло меня сидеть здесь, тратя и время, и кончающиеся припасы. Желание поймать и убить зверя, чтобы попробовать его на вкус. И ничего, что он мог быть не таким уж и съедобным. Не попробовав - не узнаешь! Все это мелькало в голове, и я несколько поразился собственной кровожадности. Точно, дичаю…

Ветер тем временем продолжал дуть и, похоже, не собирался утихать, неся мельчайшие крупинки пыли и песка. Я укрыл морду пса тканью, сам достал повязку на лицо и еще глубже вжался в землю. Пыль лезла повсюду: проникала сквозь плотно стянутые рукава, забивала рот и нос, скрипела на зубах, комом сбивалась в волосах… Мне было не очень-то хорошо, а щенку и вовсе паршиво. Он чихал, тер морду, негодующе взлаивал - но ветер так и дул, засыпая нас в укрытии и устилая все вокруг сплошным ковром. Да, в этой степи хватало сюрпризов, и этот оказался не из самых приятных. А ведь еще пару часов назад ничто не предвещало такого исхода. Ни встать, ни отыскать более подходящее место мы даже не пытались.

Когда приоткрыл лицо, чтобы осмотреться, песок буквально иссек мне его, так и не дав ничего рассмотреть. Все было в сплошной пелене. Пылевая буря продолжалась около трех часов. У меня отекли ноги, дышать под повязкой становилось тяжело. Но стоило только слегка отодвинуть полог, под которым мы прятались, как песок начинал забивать горло и легкие, отчего оба долго откашливались.

Ветер стих так резко, что я решил что оглох… О том, чтобы продолжать движение к востоку, нечего и думать: теперь все сливалось, и даже нюх щенка не мог помочь, если мы заплутаем среди песчаного однообразия. Ничего не было видно, только темные скалы с одной стороны и едва различимые холмы - развалины города! - на севере. Я вздохнул. Так хорошо начавшееся путешествие, так плохо заканчивалось. Пес тявкнул и с силой отряхнулся. От его шерсти во все стороны полетел песок.

- Живой? И то хорошо. Все, Черный, приключения закончились. Теперь бы нам до подвала как-нибудь добраться…

Ветер принес много сухой древесины: палки, ветки, сломанные деревца. Я собрал их в охапку и забросил за спину - если не успеем до развалин, ночевать опять придется в степи. Пес уловил, чем я занимаюсь, и тоже внес свою лепту - принес в зубах несколько веток.

- Соображаешь… Спасибо, родной. Будем вечером с огнем.

Я подумал: что, если навьючить охапку на щенка? Вероятно, он мог бы справиться с такой задачей. Трудность заключалась в том, что научить его что-либо таскать на спине я еще не пытался. Но представить, как это будет выглядеть, не успел. Мы встретились взглядами - и я почувствовал, как знакомая волна обостряет слух, а

руки напрягаются для предстоящей схватки! Пес прижал уши и заворчал…

Песок, укрывший землю ковром, метрах в пятнадцати от нас вспучился, комья полетели в разные стороны, и нашим глазам предстала запоминающаяся картина: уже знакомая внушительная лапа показалась над образовавшимся холмиком, потом другая - и на свет вылезло что-то, очень отдаленно напоминающее крупного барсука. Рассмотреть толком не удалось - собака сорвалась с места и с оглушительным лаем кинулась к зверю. Оставалось только выматериться от злости: непременно спугнет животное, надежду увидеть которое, я уже потерял! В итоге так и получилось. Пес подбежал к яме - оттуда вылетел ком земли прямо ему в морду, отчего он на пару секунд ослеп, а затем та же лапа отвесила ему такую затрещину, что щенок кубарем покатился с холма. Я вскочил, судорожно нашаривая копье. Но зверь, удовлетворившись эффектом, уже исчезал по выкопанному ходу обратно. Я стоял возле отверстия и яро ругал щенка, а тот виновато поджал хвост, не решаясь подойти поближе. Мы опять упустили этого странного зверя, а мне так хотелось увидеть его вблизи! Я даже не думал, что он может оказаться опасным. Хотя, обычная росомаха, которая примерно таки же размеров, способна запросто растерзать щенка и предоставить нешуточную угрозу для меня. Что-то очень знакомое показалось в этой внешности, но я так и не смог заметить, что.

Пес напрягся, навострил уши… Я подумал - неспроста. И снова, как в прошлый раз, далеко от нас земля разлетелась, и на свет появились длинные когти… Я увидел их и резко прошипел:

- Сидеть… Сидеть, кому говорю!

Задень щенка этот зверь всерьез - и я смело могу рыть ему могилу. Коготь зверя в четверть размера моего ножа, а я не считал его слишком коротким… Пес, весь дрожа, рвался с места, но я оставался непреклонен. Зверь не стал выползать - его лапа прошлась по краям ямы, как бы уминая землю, а затем скрылась в глубине. Он не стал показываться, видимо, чуя нас.

- Ну? Что делать будем?

Щенок скалил клыки, порываясь вскочить…

- Конечно. Куда тебе сейчас советовать.

Похоже, песчаная буря засыпала все входы в логово подземного жителя и лишила его притока воздуха - вот почему он появился наружу! Идея пришла внезапно. Я когда-то читал, как лисиц, прячущихся в норах, выкуривают дымом. Как бы там ни было, тот, кого мы преследовали, тоже обитал под землей. Правда, он умел рыть ходы с такой скоростью, что я диву давался… Но уйти от дыма даже ему будет непросто. Я перевел взгляд на охапку, оставшуюся на песке.

Задумано - сделано. Сорвался с места и принялся, мечась как угорелый, собирать все, что могло гореть. Дров, припасенных для костра, могло не хватить. Огонь следовало устроить возле всех выходов, какие отрыл зверь, оставив только один - для тяги. Я не знал, зачем он так порывается наружу, может, стремится к воде… Или пища зверька могла быть только на поверхности - неважно. Но снова сидеть и ждать, пока он соизволит выбраться - нет!

Пес привстал с места и спустился с холма, обходя его по кругу. Я не стал ему мешать, полагая, что урок пошел впрок, и теперь щенок не станет напролом бросаться навстречу зверю, если тот вдруг выползет из-под земли. Пес сделал один круг, второй, третий… Я не понимал его тактики, и с интересом следил за маневрами. А он, опустив нос к земле, иногда останавливался, потом снова делал шаг и опять останавливался. Круги становились все уже, он постепенно поднимался к вершине. Он слышал это существо! Слышал, как тот пробирается под землей! Я заметил, как из отверстия, оставленного не заваленным, стал валить дым - внутренняя тяга работала безукоризненно. Но на этот раз - не в пользу зверя. Кроме того, дым стал просачиваться из вовсе неприметных щелей в холме, далеко от того места, где мы находились - нора у него солидная!

Мы оба увидели, как отвалился кусок земли, а затем с надсадным кашлем, наружу вывалилось что-то бурое - и я не сразу понял, то это и есть тот самый зверь! Зато это понял мой пес. Он рванулся наперерез, отрезая дорогу к ближайшей дыре. Но и зверь оказался не менее проворен: загреб лапами кучу земли и так сильно швырнул ее навстречу, что щенок опять слетел с ног и откатился в сторону. Пока я вскакивал, зверь скрылся в нагромождении валунов. Он стремился к оврагу - там легко затеряться! Но теперь я знал, что он не сможет скрыться в норе: дым валил отовсюду…

Пес беззвучно появился среди камней и, преодолев несколькими прыжками около пяти метров, так же молча вцепился клыками во что-то… Послышалось злое, то ли рычание, то ли хрюканье, и я увидел, как бурая масса, поднялась, словно на дыбы. Еще мгновение - и оно упало на спину, подмяв под себя щенка. Я закричал, подумав, что сейчас потеряю своего любимца. Но с ним не так-то легко справиться - он ужом вывернулся из-под зверя и отскочил на пару шагов. Зверь тоже весь подобрался, не спуская со щенка настороженных злых глаз. Я размахнулся и метнул копье. Оно впилось в землю возле самой морды - подземный житель успел непостижимым образом среагировать, и отскочил. И тут щенок сразу использовал благоприятный момент! Он догнал зверя, и с разбега ударил его грудью. Это был первый раз, когда я видел, как он использует этот прием - и не мог не оценить по достоинству! Зверь словно споткнулся, и, несмотря на свой вес, пропахал по склону около двух метров, мордой вперед. В следующее мгновение пес ухватил его клыками за шею! Но все же, тот был гораздо крупнее и сильнее щенка - мотнув башкой, он просто сбросил его, а затем поднял лапу, собираясь распороть бок своими страшными когтями. Все это продолжалось какие-то мгновения! Но и мне этого хватило, чтобы все увидеть, оценить и успеть подбежать к месту схватки. Выхватив лук и, почти не целясь, послал в зверя стрелу. Она чиркнула по его макушке, выбив прядь шерсти, и отвлекла на секунду от собаки. Пес успел избежать повторного удара - лапа с когтями шарахнула по камням, отчего по ним даже проскочила искра! Отбросив лук (так близко не отважился стрелять, боясь попасть в собаку!) я подхватил упавшее копье и с силой ткнул им перед собой. Раздался звук, похожий на скрип - лезвие пробило шкуру и бок животного. Он как-то глухо хрюкнул, резко дернулся, выдернул копье у меня из рук и попытался пробежать с ним еще несколько метров, намереваясь скрыться в яме. Пес, улучив момент, снова сбил его с ног, предоставив мне возможность выхватить меч… Удар по спине, второй! Зверь захрипел, не сводя с меня кровавых глаз, стал оседать на задние лапы. Он взмахнул передними - когти буквально просвистели мимо моего живота. Я отпрыгнул, снова приблизился и взмахнул клинком. Меч перерубил ему обе страшные лапы! Раздался какой-то жуткий вой… всхлип - я снова отскочил и,

вырвав из туши копье, еще раз с силой всадил его в тушу. Зверь хрюкнул, судорожно дернулся и вытянулся во весь рост…

Величина животного поразила: он не только оказался вдвое крупнее щенка - он и в длину был почти около метра! И, если его резцы - у него оказались не зубы, а именно резцы! - не казались столь грозными, то когти на очень больших передних лапах, могли составить конкуренцию даже медвежьим… Голова тупая, массивная и чем-то напоминающая крысиную и свиную одновременно. Цвет меха, покрывавшего его полностью - бурый, с коричневыми отметинами на брюхе. Я вгляделся - если отбросить, что размеры не соответствовали действительности, более всего он походил на суслика со свинячьей головой, только увеличенного в несколько раз! На это указывали и глаза - маленькие и подслеповатые, явно не приспособленные для того, чтобы разгуливать по земле. Зато широкий нос зверя мог очень хорошо улавливать запахи и под землей, и снаружи. Сходство со свиньей заключалось как раз в странном носе: он был точь в точь пятачок, но только черный. С тех пор, как я вышел из подземелья, не считая, собаки, это первый увиденный вблизи крупный зверь - и он не походил ни на что, что водилось на земле до катастрофы!

Щенок, настороженно принюхивающийся к убитому, приблизился, и вопросительно посмотрел в мою сторону.

- Сейчас… - не то прохрипел, не то прошептал я - Дай отдышусь.

Я склонился над "свиньей"… Спешка сыграла плохую службу. Опыт со сдиранием шкуры собаки оказался забыт. Кроме того - никто и никогда не учил меня, что вначале нужно выпустить кровь. Едва я сделал надрез - она фонтаном хлынула прямо на меня! Весь облитый, я вытер лицо. Запах внутренностей мутил…

Пес следил за моими руками, иногда нервно облизывая морду шершавым языком.

- На!

Я отхватил небольшой кусок мяса и кинул щенку. Тот на лету поймал и сразу проглотил, не жуя. Хвост восторженно заметался из стороны в сторону, и он преданно и просяще сделал шаг поближе, глядя мне в глаза.

- Погоди… Подождем немного. Надо понять, можно ли это есть. Но вроде, запах не такой уж тяжелый…

Со шкурой я провозился около часа, потом она, залитая кровью и вся в дырах от ударов, оказалась у меня в руках. Я гордо приподнял ее. Вот она, наша первая совместная добыча!

После разделки "свиньи" у меня оказалось несколько килограммов жира, мяса и даже сала. До отвала наевшийся щенок тяжело плюхнулся на землю и почти сразу уснул. У меня не нашлось времени раньше осмотреть его - нет ли ран? Но ни одной отметины не увидел - судьба оказалась к нему благосклонной. Вместе со шкурой теперь в подвал придется нести несколько килограмм лишнего веса - нелегкая задача, если учесть, как мы измотаны и как далеко забрались от дома…

Поджарив на остатках догорающих дров несколько кусочков, я, впервые после столь долгого перерыва, поел настоящего мяса - и нашел вполне съедобным. Что до пса, который, развалив лапы, дрых сейчас непробудным сном, то он, слопав ничуть не меньше килограмма, был доволен еще больше. И если бы я его вовремя не остановил - он, по-моему, вполне был в состоянии съесть еще столько же. Я не жалел - опасался лишь, что столь большое количество отрицательно скажется на его самочувствии. Но мне казалось - и я надеялся! - что инстинкт не позволит ему проглотить больше, чем нужно. Зря надеялся… На моих глазах он умял все с такой жадностью, словно я до этого месяц держал его на голодном пайке. Набив брюхо до такой степени, что оно стало волочиться по земле, он тяжело рухнул прямо возле разделанной туши. Пришлось налить ему воды перед носом - он ее вылакал и сразу закрыл глаза.

- Ну, ты и обжора… - только и нашелся я, что сказать, глядя на эту картину.

Щенок рос - этим все и объяснялось. Ему нужно очень много еды - но я не представлял, что он способен поглощать ее просто в фантастических количествах! Кроме того - свежее, сочащееся кровью, мясо…

Меня грызло опасение, что на запах сбегутся все окрестные хищники - если они, конечно, здесь есть. Но уходить в более безопасное место не имелось никаких сил. Схватка вымотала, а разделка "свинорыла" отняла много времени. Я присел возле блаженно спящего пса и сам прикрыл глаза…

Щенок разбудил меня, покусывая за ухо. Это его любимый способ поднимать меня по утрам дома, в подвале. Но, если там он всегда был бодр и весел, то теперь выглядел, как-то не очень… Я усмехнулся - пережрал, скотина! Зато, если самочувствие пса оставляло желать лучшего, то настроение у него оставалось на высоте. Морда выглядела такой сытой, что я позавидовал - как мало нужно для счастья. Увы, человеку! Ему всегда чего-то не хватает…

Остатков туши на месте не нашлось. А вот следов крупных когтей возле нее - в избытке! Что щенок, переевший мяса и проспавший появление новых подземных жителей, что я сам - мы оба, кажется, легко отделались...

- Впредь наука...

Оставив все, как есть, я решил покинуть это место как можно скорее. Мы отправились в путь во второй половине дня. От налетевшего песка все стало желто-блеклым, дорога назад не казалось столь интересной, как вначале. А идти стало тяжело. Ноги утопали в песке, вязли в занесенных лужах, из которых нельзя уже набрать воды. А ее у нас почти не оставалось. Пес, после того, как я красноречиво опрокинул перед его носом флягу и последними каплями смочил ноздри, кивнул и больше не приставал… Я подумал, что он мог бы помочь.

- Вода. Щеня, вода. Найди, понял?

Он понюхал флягу и вопросительно посмотрел на меня. Я устало бросил:

- Эх… То ты все слету ловишь, то разжевывай, как ребенку. Воду ищи! Я-то, выдержу, а вот ты в своей шкуре можешь и не дойти. Вода!

Я рявкнул, давая выход эмоциям, и он испуганно отпрыгнул.

- Извини… Ну, попробуй, ты ведь у меня умница…

Щенок еще раз облизнул горлышко фляги и кинулся куда-то прочь. Я проследил за ним и поплелся следом - мне, груженному шкурой, мясом и нашими вещами, поддерживать такую же скорость несколько затруднительно...

Он вернулся через час, высунув язык и слегка прихрамывая.

- Нашел? Ясно… не нашел. Тогда - терпи.

У меня имелась еще одна фляга, но там оставалось совсем немного, и я берег эту воду на привал - что дойти до города не успеем, было понятно уже давно.

Пес еще раз убежал. Он поднял морду, вбирая в себя все запахи степи, и скрылся за барханами, занесенными ветром. В этот раз он отсутствовал очень долго. Я стал беспокоиться - потеряться здесь, в сплошном однообразии, очень даже просто! Но, когда у меня совсем кончилось терпение, он вернулся, и на этот раз его физиономия выражала такое удовлетворение, что я с надеждой спросил:

- Нашел? Нашел!

… Мы дошли до одной из луж, оставшихся не забитыми до конца песчаной бурей. Воды во фляге оставалось на донышке, и я только смачивал губы себе, а щенку - протирал нос и глаза. Расходовать ее иначе нельзя… Но пить из лужи, не рискнул. Она вовсе не отличалась чистотой и свежестью. Пес, прильнув вначале, тоже вдруг фыркнул, и отвел нос в сторону - вода ему не понравилась. Там резвились какие-то мельчайшие ниточки - я подумал, что пес не так уж и не прав… Тяжелая шкура упала с плеч - как она мне надоела! Мясо и жир брошены в степи давным-давно...

- Черный… Щеня!

Пес устало присел на задние лапы. Он еще раз лизнул поверхность лужи, и, сморщив нос, отошел. Я покачал головой - ну уж если он не пьет, мне и вовсе не следует… В нос ударил тяжелый запах - шкура стала подванивать, а до дома еще так далеко. Щенок втянул воздух и глухо зарычал.

- Успокойся, щеня. Это - уже мертвый… мертвая… Как правильно, то? Крот? Свинья? Что, назовем это кротом? Нет, так и запутаться недолго - вдруг настоящих кротов еще найдем. Большой, сильный, копает здорово… на свинью похож. Роет… Роет? Свинорыл! Согласен?

Пес недоуменно покосился на меня и на всякий случай вильнул хвостом. Он сильно устал и предпочитал лежать возле самой кромки воды, ни на что не реагируя.

- Согласен. Понятно. Хорошо хоть не против, а то пришлось бы искать другое имя. Свинорыл… Ну и название. Интересно, а ты бы что предпочел, а?

Я пнул шкуру ногой, и она, соскользнув, ушла в воду, сразу погрузившись на дно.

- Ну и пусть, - вяло подумал я. - Хоть вонять не будет…

Мы заночевали прямо возле лужи. Костер разводить не хотелось. Есть - тоже. Кроме того, в желудках ощущалась непривычная тяжесть - сказывалось мясо убитого зверя, съеденное в таких количествах. Пес тоже мучился и пару раз отходил в сторону - у него началось расстройство желудка. Меня же доставала неприятная отрыжка. Да, дорвались…

К утру полегчало. Ветер, донимавший всю дорогу сухостью, снова сменился, и мы опять ощутили легкое дуновение тепла, прилетевшего с востока. У нас, не смотря на жажду, отдохнувших и приободрившихся при виде знакомых очертаний, вновь появилось настроение.

- Ну что, собака? Домой? Домой… Придем, искупаемся, отоспимся, посидим пару деньков - и опять. Хорошо? На юг. Или - на восток? Все же интересно, что там творится. А может - на запад, на ту сторону? В город за рекой? Где яма? Где мы нашли меч и лук? Ты как думаешь?

Щенок гавкнул, подтверждая мое решение.

- Ишь ты? На запад, значит? Ну-ну… Посмотрим.

Я поглядел на воду. Кольнуло… Что-то было не так, как вчера, когда мы ложились спасть… Присмотрелся - точно! Шкура! Она выглядела совершенно иначе, чем когда я сбросил ее в воду. Вода распушила все шерстинки, и они поднялись дыбом. Между ними виднелись мелкие пузырьки кислорода, время от времени всплывающие на поверхность, отчего на воде появлялись маленькие фонтанчики…

- Что это? Так. Похоже, что под этой лужей… Эй! Это же гейзер, щеня! Рванет, зараза!

Но я ошибся. Все было спокойно, хотя шкура явно колыхалась под водой, словно ее кто-то подергивал за края. Я поддел ее копьем и вытащил наверх. Это уже была совсем не та шкура, которую я вчера сбросил. Она стала совершенно чистой, словно обработанной острейшими скребками, с нее исчезли все мелкие кусочки трудно сдираемого жира, частицы пленки и мяса. Исчезли и все следы крови, даже на ощупь она казалась мягче, чем была до этого.

- Знаешь что, Черный, хорошо, что мы ее не стали пить. В этой луже, по-моему, кто-то есть… Или - что-то. Дочиста обглодали. И нас бы тоже… Изнутри.

Я развернул шкуру и потряс, смахивая впитавшуюся воду.

- Ого! Просохнет - прекрасную шубку сшить можно! Если зима вернется…

Подождал, пока вода стечет окончательно, но времени, пока шкура просохнет, не оставалось - жажда нас мучила очень сильно, а после такого эффекта пить эту воду уже не решились бы ни за что…

Входя в город, обернулся на песчаную пустыню, из которой выбрались. Разведка, если не считать неудачи с бурей, прошла успешно. Я узнал главное - жизнь вернулась. Странная, неведомая прежде, но - вернулась. Мне предстояло либо влиться в нее, став равноправным участником, либо погибнуть, не приняв ее нового содержания. Но теперь, после стольких одержанных побед - и победы над собой, в том числе - я хотел жить!

Глава 9 Крысы- мутанты

Крысы-мутанты

Второе путешествие изменило многое. Я получил полное представление о земле, находящейся далеко за пределами городских руин, убедился, что она обитаема, и теперь более спокойно и уверенно обдумывал предстоящую вылазку на ту сторону реки. Да, я выбрал запад - несмотря на то, что там могли вновь столкнуться с теми существами, от которых один раз уже убегали. Меня сильно влекло к яме, где посчастливилось найти лук и меч: вполне вероятно, что я упал возле оружейного магазина. В случае удачи, там могло оказаться что-нибудь солиднее клинка. И теперь, после встречи и стычки со «Свинорылом», я абсолютно спокойно ожидал увидеть кого либо, куда более агрессивного - а в этом случае раскопки на месте падения, становились необходимы. Как бы не был хорош лук, но что либо, огнестрельное, увеличивало шансы на выживание несоизмеримо. Тем не менее, к возможному поединку с нашими неопознанными преследователями я готовился заранее…

Из тридцати возможных - в мишень попадало двадцать шесть, двадцать восемь стрел. Учитывая расстояние в сорок шагов и скорость, с какой я старался стрелять - результат не то что неплохой, а даже очень хороший. На этот раз я приспособил мешок, набив его трухой, щепками и кусочками изрезанных в клочья ковров. Эх, если бы у меня еще были настоящие наконечники! Я всячески старался усовершенствовать имеющиеся, но, к сожалению, лучшее средство - полная замена. Иначе говоря, отливка по форме. Изготовить ее не то, что бы сложно - глины под руками хватало. Но вот чем ее заливать? Как плавить железо?

Один раз решил попробовать лук на дальность. Стрела пролетела почти триста шагов. Я усмехнулся - разговаривать с неизвестным пока врагом можно и на расстоянии…

Как обычно, в снаряжении присутствовали мешок с провизией, запасные мокасины, две фляги с водой, одеяло и накидка от дождя. Разумеется, веревка и кое-какая мелочь, без которой обойтись порой трудновато - вроде нитки с иголкой или спичек, тщательно завернутых

в непромокаемый мешочек. Ну и оружие, без которого я уже не покидал подвал. Я был уверен, что если нам придется столкнуться с этой стаей, то преимущество останется у того, кто первым обнаружит противника. Для этого следовало не дать застать себя врасплох. Эта задача целиком возлагалась на пса - или на его нюх, что, собственно, одно и то же. На его клыки я пока не надеялся - мал. Хоть он прекрасно показал себя при охоте на свинорыла. Но одно дело - вдвоем против одного убегающего, и другое - вдвоем, но против многих нападающих.

От идеи навьючить что-нибудь из снаряжения, на пса, пришлось отказаться. Мысль разделить с ним трудности дальнего похода, пришедшая однажды в голову, со стороны щенка не встретила должного рвения. Он упорно не хотел понимать, что от него требуется, и всякий раз стаскивал хитроумно связанные ремни. Я устал воевать и забросил упряжь в дальний угол, решив, что без нее он и впрямь будет мне полезнее.

Русло реки преобразилось. Всего каких-то несколько дней назад на нем были только вкрапления черных зеркальных пятен - воды, скопившейся в ямах и трещинах. Сейчас она покрывала почти все дно, оставив лишь очень узкие и обрывающиеся полоски сухой поверхности. Проход, по которому мы шли, стал недоступен. Странно, но уровень воды вроде как возрос, хотя я не отмечал сильных ливней.

- Можешь мне объяснить, - я обратился к виляющему хвостом спутнику. - Что здесь происходит? Откуда эта вода… и почему у меня нет никакого желания переходить ее вброд? А я своим желаниям уже как-то привык доверять. Не нравится мне здесь, дорогой. Ох, не нравится… И берег тот не нравится. Правда, мы тогда здесь с пользой побывали. Вот она, польза, - я поправил рукоять меча за спиной. - А теперь, зачем идем? Ах да… копать. Хорошо бы еще лопату найти. Ладно, все проблемы - по мере поступления…

Пес залаял. Эхо донесло звуки до того берега и даже отразило их обратно, многократно усилив…

- Ого! Вот так эффект. Вижу по твоей лукавой морде, что мое мнение полностью и целиком разделяешь… И что дальше?

Я спустился к воде. Она, мутная, даже возле самой кромки, тихо накатывалась на гальку и также бесшумно уходила обратно. На ней сверкала тончайшая пленка, не позволяющая слишком сильно

расплескиваться. А может, так оно и было - вон, сколько цистерн и вагонов с нефтью и танкеров с мазутом, валялось, что на дне, что по берегам. Не все сгорело, кое-что пролилось на почву, и теперь постепенно впитывалось многострадальной землей.

- Ну что? Идем?

Щенок тявкнул, втянул воздух и, поняв, что шутки кончились, попробовал воду лапой. Сморщил нос и чихнул.

- Не нравится?

Щенок принюхался к воде и недовольно отступил назад.

- Не нравится…

Мы были вынуждены подняться вдоль берега несколькими километрами выше - я помнил о мосте, рухнувшем в реку. Его остатки вместе с упавшими вагонами грузового поезда образовывали на реке завал, по которому можно попытаться пройти. Иной переправы поблизости не имелось - и я не знал, плохо это, или хорошо? Если так дело обстоит на всем протяжении, скоро та сторона станет для меня не доступной. А я намеревался исследовать ее так же подробно, как и свою. Особенно место, где мне повезло наткнуться на оружие. Вся эта вылазка затевалась именно для этой цели. Не ради же встречи с обладателями больших лап… Но учитывать появление неизвестных зверей стоило.

Мост сохранился. Упав вниз, он разломался на несколько неодинаковых частей. Впадины между ними заполняли вагоны, сгоревшие и во многих местах почти засыпанные илом и пеплом. Однако, пройти можно…

- Сам?

Я с недоверием посмотрел на пса. Тот не хотел лезть в мешок и рвался вперед, к переправе. Я подумал, что так даже лучше. Не всегда же мне его таскать на плечах? Пусть пробует…

Он ступал медленно, дав мне возможность выбирать направление, часто поджидал на трудных участках. Оступившись, я ухватился за поржавевшую опору и едва не сорвался вниз. Пес щелкнул зубами, сразу ухватив меня за рукав.

- Ну, ну… Спокойно.

Он вдруг вздыбил шерсть и устремил немигающий взгляд на мутную поверхность, в которую я чуть было не ушел. Там прошла легкая рябь, вовсе не похожая на производимую ветром…

- Что там?

Он весь дрожал и тянул меня поскорее покинуть это место. Я вгляделся в мутную воду - нет, в этой луже ничего увидеть нельзя. Но рябь мне тоже не понравилась…

К моему удивлению и облегчению, щенок довольно ловко перепрыгивал с вагона на вагон, с кочки на кочку, с опоры на опору и достиг берега раньше меня.

- Неплохо, - сдержанно похвалил его, про себя радуясь самостоятельности приятеля. Он гавкнул, приглашая не задерживаться на откосе.

- Погоди…

Я поправил снаряжение, проверил, как вынимается меч из ножен, и отвязал ремень с древка копья.

- Вот теперь - готово. Ты уж напрягайся, родной… Чтобы нас врасплох не застали. Понял?

Возле одного из зданий я задержался. По всем признакам, здесь раньше располагалась сеть сооружений, не предназначенных для жилья. А это означало, что под плитами и балками могли находиться магазины, в которых можно поживиться. Собака прошлась по нескольким сохранившимся залам, осторожно опуская лапы, перед тем как ступить. По поведению щенка я понял, что находиться в здании опасно - все может обрушиться в любой момент. В одной яме уже побывал, испытывать судьбу как-то не хотелось…

- Черный! Пойдем. Возвращайся.

Щенок послушно повернулся и так же осторожно ступая, приблизился ко мне.

- Неспроста… Что там? Чревато?

Он мотнул башкой. Я приподнял с земли большой камень, метнул его на середину зала. Пес, проследив за полетом, резко сорвался с места и галопом ускакал наружу. Я мигом поспешил за ним. Позади раздался гулкий удар, шум и грохот падающих балок - на чем все держалось? Дождавшись, когда осядет пыль, подошел к образовавшемуся холму. Все было раздавлено, и на этот раз проникнуть внутрь не оставалось никой возможности.

- Нет, Черный. Нам туда дороги нет.

Я оттянул его от отверстия, ведущего из-под плиты, и добавил:

- Ты все равно без рук… и что надо, не притащишь… Ладно, оставь. Пошли дальше. По-моему, нам до того холма осталось не так уж и далеко - вот там и покопаемся всласть.

Что-то нам здесь не нравилось. Я не мог объяснить своего состояния, и от этого нервничал, уже не радуясь, что мы предприняли новый поход. Было ощущение постоянного чужого присутствия - словно за нами следили чьи-то внимательные глаза… Я подумал, это из-за того, что мы здесь - нечастые гости, и на нас просто давит непривычная обстановка. Не так уж сильно эти развалины отличались от покинутых нами, на нашей стороне реки. И все же, внутри словно свербело… Даже щенок, обычно убегающий вперед, на этот раз старался быть ближе к моим ногам. И, если я мог отнести происходящее на счет разыгравшегося воображения, то к нему такое определение никак не подходило. Он часто оборачивался, принюхивался и даже поскуливал… Это настораживало - пес не вел бы себя так, не чувствуй угрозу! Но, в том то и дело, что я ее тоже ощущал - хоть и немного. Какая-то неприязнь, дискомфорт присутствовала во всем…

До холма мы не добрались. Резко ухудшилась погода - подул сильный ветер, привнося с собой мелкий песок и грязные капли дождя. Вроде не очень частый, но нудный и не собирающийся останавливаться. Идти стало затруднительно, и я стал искать укрытие.

Первую ночь мы плохо спали - я решил сторожить, да и пес долго не смыкал глаз. Но, не смотря на все страхи, нас никто не побеспокоил.

Плохо отдохнувшие, мы шли дальше на запад, потеряв в однообразии руин прошлые ориентиры. Нужная площадка с ямой осталась где-то в стороне, и я, окончательно заблудившись, о ней уже не вспоминал - хотелось просто дойти до границ города. Путь стал бесконечным: здания, рухнувшие совсем и наполовину, стены, стоящие одиноко среди холмов, камни, выхваченные жуткими силами из недр… Не было только края, к которому я стремился. Похоже, что тот центр, нарисованный на карте в подвале, лишь в моем воображении оставался центром - на самом деле, большая часть города осталась как раз здесь, на западе. А если учесть, сколько еще домов и районов ушло в провал, получалось, что наше жилище находится где-то с самого боку.

Кольнула мысль - если на исследование только своей территории ушло так много времени, то, как долго придется блуждать здесь, не обладая такой базой и местом для отдыха? Но быть может, в силу размеров именно эта часть предоставила убежище тем, кого надеялся отыскать? Я пялил глаза, в надежде увидеть костер - рукотворный, а не возникший из провалов в земле. Увы… На небе, сильно почерневшем и словно вздувшемся с натуги, опять стали клубиться тучи. Я наклонился к щенку и потрепал его по холке.

- Все, щеня. Приехали. Вторая ночевка - и назад. Домой. А сюда… Сюда надо приходить всерьез и надолго. А для этого желательно иметь что-то надежней собственной спины. Не нести же весь склад. Охотиться тут не на кого…

Я кинул взгляд на руины. Безжизненное запустение царило вокруг. Нет, на степи возле скал, это походило очень мало…

- А вот дичью стать - очень даже возможно. Что-то подсказывает мне, что не все так просто, как кажется. Уж очень тихо… Чуешь?

Пес чуял. Нервно оскаливал зубы, топорщил шерсть на загривке и вообще всячески давал понять, что не против покинуть эти мрачные завалы. Но уходить при угрозе ливня - чистейшее безумие. Можно только промокнуть насквозь, кроме того, все равно слишком далеко до переправы.

Оглядевшись, увидел несколько одиноко стоявших покосившихся деревьев. От них остались одни стволы - все остальное сожрал огонь. Между ними я растянул накидку - скрываться от воды под плитами не хотелось. Я опасался, что плиты сползут по жидкой грязи и придавят нас. Нет, у себя как-то привычнее, проще…

Вторая ночевка оказалась еще хуже первой. Мы продрогли и спасались лишь тем, что тесно прижимались друг к другу. Я влил в глотку пса несколько капель коньяка. Тот фыркал, отплевывался, но, вынужденный разжать пасть, проглотил обжигающую жидкость.

- Не ты первый, - хладнокровно заметил я. - От чумки вашу породу водкой лечат. Или крепленым вином, если память не изменяет. Коньяк-то лучше. Или как?

Щенок обиженно отвернулся и положил морду на лапы. Я погладил его по загривку:

- Зато согрелся. Не от коньяка, так от возни.

Говорят, алкоголь обманчив. И, не единожды услышанная теория, всегда убеждала в обратном: мол, при сильном холоде, крепкими напитками только создается видимость тепла. Не могу с этим спорить. Тем не менее, жидкость подействовала. Дрожь исчезла, и даже появилось ощущение легкого опьянения. Но бедный пес не понимал моей полупьяной ухмылки и лишь поскуливал в такт непрекращающемуся дождю.

Отправиться в путь мы смогли не раньше обеда. Я распалил костер из остатков деревьев, желая накормить себя и пса горячей пищей, а заодно и просушить вымокшую одежду. Накидка, все-таки, помогла не очень… Щенок, съев положенную норму, начал закрывать глаза, но я предупреждающе прикрикнул:

- Но-но! Не спать! Потерпишь, Черный! Я же не сплю!

У меня самого слипались глаза, а руки висели, как плети. Две таких ночи подряд - это слишком. Как выдерживал такое раньше, сам не знаю. Но ведь выдерживал, а тогда было куда хуже. Раздет, разут, без ясного понимания всего случившегося. В страхе и унынии, не имея ничего в запасе - а сейчас было все. Нет, чем лучше живешь, тем слабее сопротивляешься невзгодам. А может, и нет. Знание, что всегда есть, куда прийти, где есть еда и тепло, дает надежду - это очень много!

Мы назад не шли - плелись. То я отставал от щенка, то он от меня. Дойдя до какого-то полуразрушенного дома, я окликнул его:

- Сюда! Отдохнем - а утром на переправу. И чтоб я этого берега больше в глаза не видел…

Посидев в укрытие пару часов, мы опять поднялись. Разведка, как ни крути, все же произошла. Пусть не в том объеме, какой планировался, но часть города теперь на карту попала. Я не мог знать, что развалины здесь тянутся столь далеко.

Едва я взгромоздил на спину мешок, как меня пронзило знакомое ощущение опасности! То, что нас преследуют, мы поняли одновременно! Мне, всей кожей, всеми чувствами, обострившимися до предела, стало ясно - чужие, кто бы это ни был, близко! Но, если я еще не знал - кто? - псу, получившему от поколений предков великолепное звериное чутье, это было ясно. Еще никто ни разу и нигде не пытался нападать на нас, но теперь мы оба знали - роли переменились. Это мы

стали намеченной жертвой, и те, кто шел за нами давно и упорно, наконец, выбрали место для нападения!

Щенок подскочил и весь напрягся. Сон с него словно слетел - так четко и резво он вбежал на ближайший пригорок и внимательно, не отрываясь, стал всматриваться в сторону, куда мы направлялись. Оттуда слегка дул ветерок, и при каждом его веянии у собаки вырывался глухой рык. Что-то волной пронеслось и по моим жилам…

- Что ты? - почти шепотом вымолвил я, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. Предчувствие пугало не зря…

Пес сорвался, несколькими прыжками подскочил ко мне, и ухватил за штанину.

- Бежим?

Он уперся лапами в землю и стал тянуть так, что ткань затрещала.

- Бежим…

Я мигом собрался, оглянулся еще раз в ту сторону, куда так пристально смотрел щенок, и устремился за ним. Мы неслись, почти не выбирая дороги! Пес, скорость которого значительно превосходила мою, часто останавливался, поджидал, пока я, задыхающийся и обливающийся потом, настигал его, и вновь устремлялся вперед. Такой гонки я не помнил уже давно. Бег, когда я спасался в День катастрофы, был хоть понятен и объясним - я видел, от чего спасаюсь, а на этот раз приходилось всецело полагаться на щенка. Но мне даже в голову не могло прийти, что он стал бы так себя вести понапрасну. Миновали несколько разрушенных кварталов, пролезали между сдвинутых стен, перепрыгивали ямы и трещины. Я перемахнул через ров, который в обычном состоянии предпочел бы обойти, и, не удержавшись, растянулся на земле, застонал:

- Не могу больше… Стой!

Щенок уже стоял рядом. Его бока ходили ходуном - при его размерах ямы и холмики становились еще круче и длиннее, чем для меня. Но он все так же пристально смотрел туда, откуда мы убегали.

- Да что же там такое? Что ты учуял?

Пес ощерил клыки. Что это могло означать? Что-то или кто-то преследовал нас. И щенок полагал, что его следует бояться… Вот только чуять, как он, я не умел…

- Что же ты меня так тащишь… Я сам! Погоди, дай хоть вздохнуть. Куда мы мчимся? Давай встретим его здесь! Справились же

с тем кротом…

Но щенок явно не разделял моей убежденности и нетерпеливо перебирал лапами, дожидаясь, пока я встану.

Он опять притих, застыл, как изваяние, и весь вытянулся. Я положил руку на эфес. Пес глухо гавкнул - мол, тихо ты… - и скользнул в катакомбы. У меня, оставшегося одного, засосало под ложечкой.

Черный вернулся неслышно и сразу стал меня торопить, всем телом демонстрируя, как нужно спешить.

- Да… Такой собаки еще ни у кого не было. Ты - единственный в своем роде. Если бы еще и говорить умел. Что ж, будь, по-твоему!

И мы опять побежали. Бежали, прыгали, скакали. А потом, когда я едва не сорвался с почти отвесной стены и в сердцах послал своего проводника куда подальше, он торжествующе взлаял и скрылся среди развалин. Но уже через минуту вернулся и протянул мне переднюю лапу.

- Порезался? Вовремя…

Он не порезался. По мохнатой шерсти тяжелыми и скользкими каплями стекало что-то очень знакомое…

- Мазут! Нефть? О, черт… Но где? И зачем мы сюда неслись?

Щенок отбежал и призывно оглянулся - я поспешил за ним. Несколько узких проходов, в одном месте ползком - иначе протиснуться нельзя, еще какие-то преграды - и мы встали у скопления руин. Впечатление, что со здания сорвали и положили наземь крышу, а стены большими кусками валялись поблизости. Щенок поднырнул под край и залаял. Я наклонился к отверстию.

Под крышей сохранился громадный продолговатый зал, высотой около пяти метров. Голова сразу закружилась от стойкого и тяжелого запаха - в одном его углу овальным озером расплылась нефть. Почти по всему полу своеобразного резервуара протянулась трещина, и большая часть топлива утекла в нее. Но кое-что осталось. Озеро перекрывало доступ к выходу на другую сторону зала. Щенок стоял у самой кромки, поджидая меня. Я, прикрывая лицо ладонью, приблизился. За щенком тянулась узкая полоска, не видная из-за сумрака - по ней можно было пройти, почти не замочив ног, и выбраться из зала наверх. Любой, кто решит последовать за нами, вынужден будет придерживаться такого же маршрута: шаг в сторону

означал падение в топкую маслянистую жидкость. Но не это главное - достаточно бросить факел… А мы, успев добежать до края, оказались бы на безопасном расстоянии раньше, чем последующий взрыв разметал все в округе, вместе с нашими преследователями!

- Ну, знаешь… - только и прохрипел я. - Нет, ты на самом деле не простой пес. Пора тебе и имя дать, более солидное!

Но подумать об этом не успел - щенок навострил уши и метнулся по полоске на ту сторону. Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру. Ноги разъезжались: все оказалось пропитанным насквозь, и я едва удерживался, чтобы не соскользнуть с тропинки. Щенку это удавалось куда лучше, и он с недоумением оглядывался, не понимая, почему такой большой и сильный хозяин так медленно и осторожно переступает по невидимым холмикам. Наверху что-то ухнуло, скрипнуло, дохнуло пылью и знакомым гулом - я замер и поднял голову. По своду, словно паутинная сеть, расползлись трещины. Сквозь некоторые сыпались песок и сажа вперемешку с землей… Я затаил дыхание - все может обрушиться просто от шума! Пес уже подбирался к краю этой лужи, когда я заметил, как над ним, отрываясь от основной массы, сползает по перекрытию целый пласт…

- Назад! Ко мне!

Он вывернулся и отпрыгнул, почти по брюхо, попав в нефть. Пласт отвалившегося бетона рассек воздух, и упал на место, где он мог оказаться, если бы не отступил. Во все стороны полетели брызги. Гул падения вызвал эхо, и оно несколько раз отразилось от свода, вызвав новую волну сотрясений.

- Скорее!

Я пересек озеро и подхватил щенка за загривок. Еще один такой кусок - и весь свод упадет! До выхода оставалось несколько шагов, когда в проломе мелькнуло несколько темных теней.

Пес рванулся в одну, другую сторону и взвыл. И сразу, едва он умолк, мы услышали ответ! Яростный, жуткий, усиленный эхом, рев пронесся под потолком. В нем смешалось рычание и визг, скрежетание зубов и нескрываемая ненависть - что-то очень страшное неслось нам навстречу!

- Твою мать! Назад! На тропу!

Я пропустил пса и столкнул в озеро бревно, по которому мы шли - теперь, чтобы пересечь нефть, преследователям придется или плыть в

ней, или сооружать переправу. Но вряд ли звери это умеют - а то, что это не люди, я был уверен!

Рванулся обратно. Страх ли подгонял меня, надежда - но теперь пересек озеро значительно быстрее. По своду словно прошлась дробь: сверху, на крыше, кто-то пронесся, перекрывая нам выход в обоих направлениях. Вместо того чтобы оставить преследователей позади, мы угодили в ловушку!

- Вот зараза… - проскрежетал я…

И сразу все стихло. Ни единого звука, ни шороха - все словно замерло, ожидая развязки, неминуемой и смертельной для тех, кто сейчас должен встретиться лицом к лицу… А позади оставалось озеро, угрожающее вспыхнуть от малейшей искры! Неведомый враг отлично знал, что отсюда нет иного выхода, и теперь не торопился. Мой пес тоже это понял. Он отряхнулся и угрожающе зарычал. И опять с обеих сторон раздался тот же невероятный рев, от которого у меня кровь заструилась по жилам… Ах так? Дикое желание убивать вдруг накатило волной - я сбросил с плеч поклажу и встал рядом с псом. Мое ответное рычание уже мало походило на человеческий крик…

Я взбежал на невысокий холмик, образовавшийся возле озера из упавших плит. Щенок резко пронзительно залаял и в два прыжка встал рядом со мной. И сразу, на секунду затемнив свет, падающий из щелей, в подвал влетело несколько уродливых и жутких созданий. Всего мгновения продолжалась пауза, во время которой они заполонили залу, но мне хватило их, чтобы понять, кто нас загнал в ловушку. Я содрогнулся - это крысы! Но - какие крысы! Каждая вдвое крупнее моего пса - и, намного длиннее! Вытянутые, лишенные волосяного покрова хвосты, еще более удлиняли их продолговатые тела. Тупые, обрубленные морды, торчащие из оскаленных пастей, зубы-резцы... Маленькие глазки сверкали жаждой крови и убийства. Видимо, им уже приходилось добывать себе пищу подобным образом - вот почему я не встретил здесь людей!

Они очень грамотно окружили нас полукругом, отрезав все пути к бегству. Но нам и так некуда отступать. Позади нас озеро из нефти, по бокам - свод рухнувшей крыши. Кипя от ярости, я все же смог заметить, что скорость передвижения тварей несколько ниже, чем у их обычных родственников, иначе бы, они давно нас настигли. Они передвигались скачками, но вряд ли могли обогнать в беге щенка. На

лапах этих созданий имелись загнутые когти, и они загребали ими осколки на полу, поднимая скрежет и пыль.

Щенок оскалился и зло рявкнул. Это словно послужило сигналом. Все крысы, сорвавшись с мест, бросились к холму! Я, едва сдерживая дрожь в руках, спустил тетиву - коротко свистнув, стрела вонзилась в глаз одной из тварей, и та с бешеным визгом, отлетела назад. Закружилась, пытаясь вырвать окровавленное древко - стрела пробила морду насквозь, и острие торчало с другой стороны черепа. Щенок сорвался с места и рванулся вбок. Одна из крыс сразу метнулась за ним, а остальные еще плотнее обступили меня на вершине. Следующая стрела только чиркнула зверя по боку - крыса заметила мое движение и успела отпрыгнуть. Впрочем, она сразу вернулась обратно и бросилась на меня уже сверху, самым непостижимым образом вскочив на едва заметные выступы на отвесных стенах. Удар ножа, который я выхватил, пробил шкуру с треском, словно это был кусок заскорузлого брезента. Зверюга упала мне под ноги, а я, позабыв про нее, рванул копье - времени на еще один выстрел не оставалось! Нога соскочила с камня, под ступней оказалась жидкая смесь из песка и мазута - и я, теряя равновесие, стал падать набок. Нефть, на которую рассчитывал, как на союзника, оказала предательскую услугу…

Падая, выставил копье перед собой. Серая бестия, рассчитывающая в прыжке добраться до моего горла, напоролась на лезвие всей тушей, и оно пропороло ее, вывернувшись из рук. Крыса в агонии раскрыла пасть - я отдернул ногу, зацепив какую-ту арматуру. И тотчас на меня, и без того лежавшего ничком, съехал обломок плиты, до того державшийся на других. Лишь по случайности он не переломал мне все кости - падение замедлила все та же торчащая арматура. Кусок придавил обе ноги…

Остальные крысы - их было четыре! - замерли на миг, ошалело глядя на свою дергающую хвостом подругу. Потом они перевели взгляды на меня, и я опять увидел их чудовищные резцы. Природа сыграла плохую шутку, так внезапно увеличив их в размерах - теперь они могли истребить все живое, что еще оставалось в этом мире, и мало кто мог встать на их пути! Но немного понадобилось времени, чтобы убедиться, что и крысы - еще не самое страшное, что могло встретиться в этом преобразившимся мире…

Уже давно я не был так близок к гибели! Из-за придавившего веса не мог подняться, копье валялось в стороне, глубоко погруженное в тушу издыхающей твари. А крысы, все четверо, насторожено и неумолимо подбирались ко мне, и по их бешеным глазам я видел, что остались лишь мгновения жизни… Они рванулись все вместе - и тут, словно черная молния, вылетевшая из-за камней, снесла ближайшую прочь, прямо в озеро с нефтью! Другая крыса щелкнула зубами - резцы сорвали клок шерсти с отважного пса, и тут же последующий удар грудью отправил ее вслед за товаркой! Две оставшихся кинулись на щенка, позабыв про меня. На камнях началась схватка, яростная и свирепая. Результат ее был предсказуем - щенок слишком мал… Они растерзают пса, а потом покончат со мной. Но, к моему удивлению и радости, крысы никак не могли ухватить щенка за шею или лапы, а он, напротив, с проворством и ловкостью отпрыгивал от острейших зубов, успевая при этом парировать укусы своими крепкими клыками! Я вырвал руку из-под спины, куда она попала при падении, выхватил меч - и вовремя! Одна из выбравшихся из нефти крыс кинулась в мою сторону! Острейшая сталь пронзила ей грудь, и та, с воем, упала на меня. Я отпихнул отвратительное создание в сторону. Еще одна, видя, что оружие не представляет для нее большой опасности на расстоянии, стала кружить, пытаясь зайти с головы. Я описал мечом круг - это отпугивало зверя до какого-то времени… Потом она ухватила меня за ногу в районе щиколотки и резко рванула. От боли из глаз посыпались искры… Но крыса, сама того не желая, помогла мне высвободиться из под плиты. Я приподнялся и она, увидев, что я снова на ногах, отпрыгнула назад. Раздался визг и булькающий всхлип - я стиснул зубы, решив, что это пришел конец моему смелому другу. Но не тут то было! Одна из нападавших на него тварей валялась у его ног с порванным горлом, а вторая, отбежав на несколько метров, нервно била по полу хвостом, с которого лилась кровь. Та, которая не оставляла меня в покое, тоже соскочила с холма и присоединилась к первой. Щенок тут же встал возле меня. Видимо, поняв, что мы не станем для них легкой добычей, они сорвались с мест и бросились к выходу. Но я не вовсе не был намерен дать им уйти… Дотянувшись до лука, по счастью, валявшегося рядом, выхватил из колчана стрелу и, не целясь, спустил тетиву. Я успел в последний момент - одна из крыс ткнулась мордой в землю - у нее оказался перебит позвоночник.

Вторая все же успела выскочить из подвала, и ее хвост мелькнул среди обломков, скрывающих проход наружу.

Она могла привести еще одну стаю - кто-то же не дал нам выбраться наружу через второй вход? Щенок опустился возле меня. Пасть его была липкой, в дурно пахнущей, чужой крови. Я понял, что клыки пса сегодня совершили что-то большее, чем расправа с мелкими животными на нашей стороне - он впервые убил врага, намного превосходящего его по размерам и силе!

- Герой … - только и нашелся что сказать, прижимая его к себе. - А мне уже казалось, все… Как же ты справился с ними?

Пес молча ткнулся мне в грудь мордой.

- Фу… Нет, ну и запах! Не надо! Физиономию твою вначале вытереть бы не мешало! И выбраться отсюда, тоже!

Он мотнул лобастой башкой и поднялся на лапы. Я видел, что он припадает на одну - крысы все же достали его в схватке…

- Попало? Выберемся, посмотрю. А вообще - ты у меня молодец! А что будет, когда вырастешь?

Я нагнулся за мечом - и нога вновь съехала вниз, отчего я нелепо взмахнув руками, завалился на спину. А следом съехала плита, под которой я уже успел побывать. И снова, придавленными оказались ноги. Я лежал на пропитанной нефтью земле и не мог ни за что ухватится, чтобы найти опору для рывка. Плита очень медленно скользила в озеро, утягивая меня за собой…

- О, черт…

Щенок попытался меня вытащить, но вскоре присел рядом - вес огромного обломка ему не по силам. Я огляделся. Проломленная во многих местах крыша пропускала достаточно света, и теперь, в более спокойной обстановке, можно принимать какое-то решение. Крыса, которую я ранил ножом, боком отползала в камни. Пес, увидев движение, дернулся, но я остановил его - подранок мог оказаться даже опаснее здорового зверя! Ноги стали отекать. Боли я не чувствовал - все обошлось без травм. Щенок попытался подрыть под плитой, но там оказалось столько железа и стекла, что пришлось отказаться от этой идеи. Он мог изрезать всю морду. Я снова посмотрел наверх - над головой виднелось отверстие, а в нем переплелись в кольцо завитки арматуры. Опять эти прутья… Если через них пропустить веревку, а свободные концы оставить у себя в руках, то… стоит попробовать.

Ничего более умного в голову не приходило. Приподнялся на одной руке, сколько смог, подобрал и метнул камень. Он пролетел мимо железа, и я решил, что с веревкой булыжник попадет так, как надо.

- Дай веревку!

Щенок навострил уши.

- Веревку!

Он вопросительно посмотрел на меня - время ли играть? Но я был непреклонен:

- Веревку! Принеси мне веревку, Черный!

Он подчинился и приволок мешок. Я вытащил моток и стал привязывать булыжник. Щенок смотрел за приготовлениями и зализывал лапу. Несколько бросков ничего не дали - камень попадал в плиты перекрытия и падал обратно. Не очень-то удобно совершать такие броски, лежа… Я еще раз попробовал, и снова камень вернулся назад, едва не приземлившись мне на голову.

- Черт! Давай ты, что ли… - взмолился я - Видишь, у меня ничего не выходит!

Но он не понимал, что я хочу, и только переводил взгляд то на меня, то на веревку.

- В кольцо надо протянуть, понимаешь? В кольцо! Ты же сообразительный… такой сообразительный, что оторопь берет. Что же ты сейчас сидишь, как колода? А, черт… Нет, ну не идиот ли? Неси сюда лук!

Кляня себя последними словами, я привязывал к древку стрелы кончик веревки…

То ли от злости, то ли просто приноровился - но уже первая стрела влетела между прутьями! Но там и осталась. Веревка протащена сквозь арматуру - полдела сделано. Я облегченно откинулся на спину. Но теперь без его помощи уже не обойтись…

- Так… давай на крышу. Веревку… Нет, сбрось стрелу вниз!

Он поднялся и посмотрел на крышу.

- Веревку, родной. Принеси мне… Сбрось вниз, понял?

Он, прихрамывая, направился к выходу… Иногда пес меня просто пугал. Нельзя, невозможно так понимать! Но в тот момент я мог только радоваться этому обстоятельству. Он появился в проеме, и я увидел в пасти стрелу.

- Бросай! Дай мне!

Щенок разжал зубы. Стрела со свистом воткнулась рядом с виском… Ругнувшись про себя, посмотрел наверх - веревка теперь перекинута через прутья арматуры!

- Так… Хорошо, теперь моя очередь.

Я напряг мускулы. Вес плиты не позволял ее приподнять. И не так-то просто в полулежачем положении делать какие-то силовые упражнения. Но сейчас от этого зависела моя жизнь. Плита уже съехала одной стороной в озеро, еще немного - и она начнет скользить с гораздо большей скоростью. В глазах потемнело… Я обливался потом - осталось еще немного, но сил не хватало! Пес, возникнув, как привидение, молча вцепился зубами в свободный конец, и этих крохотных усилий хватило - я вытащил одну ногу, а вскоре и вторую. Через минуту, поглаживая его по холке, я тихо приговаривал:

- Спасибо тебе, родной… Сегодня ты нас спас.

Достав мазь, я перебинтовал ему лапу. Тот спокойно сидел и ждал, пока я закончу. После пришлось заняться собой - резцы полоснули по руке и содрали клок кожи. Нога не пострадала - резцы не прокусили толстый слой обмоток. Я собрал вещи - мы собирались уходить, когда взгляд упал на мертвые туши. Здравый смысл подсказывал, что задерживаться не стоит, но, у них, кажется, весьма плотные шкуры… Вздохнув, я посмотрел на ту сторону озера - вроде, все тихо. Пес подобрался к одной из крыс и глухо зарычал - она еще вздрагивала. Я вытащил нож…

Пока я возился, он охранял, сидя возле входа в подвал. Сладковатый запах крови, которым пропитались камни вокруг, перебивало мощным запахом нефти. Вслед за смотанными шкурами пошли и резцы - вот что сможет заменить мне наконечники для стрел! А потом, когда повыбивал их топориком из окровавленных пастей, пришла шальная мысль: если уж приходится жить по диким законам, не обзавестись ли и украшением в стиле тех эпох? Я отрубил когти и засунул в мешок. Копье, к сожалению, сломалось. Выдернул обломок древка из туши - лезвие осталось на нем, как влитое. Оно оправдало себя - только мое падение не дало возможности нанести еще удар. Я подумал, что если придется провести оставшуюся жизнь среди таких монстров, понадобится все оружие, какое только смогу изготовить… И что еще эта жизнь могла преподнести? Свинорыл, крысы, насекомые, которых никогда не видел… И загадочная тень в воде - от которой так

шарахнулся мой пес? Да, если человек где-то и выжил, то соседство с этими монстрами значительно сократит его численность, прежде чем он научится с ними бороться! То, что я одержал верх, в схватке, еще ничего не значило: численность тварей может быть огромной! Если учитывать, сколько их насчитывалось до катастрофы - в подземельях, в заброшенных подвалах и коммуникациях города. Пусть не все, а только часть превратилась в таких - разве мало? Направляясь на поиски, я уже был внутренне готов к сражению - и то, с трудом не выронил оружие от ужаса перед хищниками! Мне просто посчастливилось, что крысы не появились на нашей территории раньше. Естественные преграды - провал и река - не позволили им сделать этого. Но, если я со щенком смог перейти дно полузатопленной реки-болота, смогут и они. Рано или поздно, они ее преодолеют - и тогда битва продолжится… Чем-чем, а живучестью, эти твари, всегда давали дать фору любому. Поспорить с ними могут разве что тараканы - но те хоть не достигали таких размеров! Правда, раньше… А сейчас? Я поморщился, представив подобное. Бр-р-р…

Черный предупреждающе зарычал. Опять! Я подскочил и бегом пересек подвал. Здесь, снаружи, стоя возле покосившегося ската крыши, понял, почему щенок предпочел нижний путь - по верху пройти нельзя. Это только снизу казалось, что крыша преодолима, на самом деле, будучи размером, чуть ли не с футбольное поле, она вся была изломана и держалась буквально ни на чем. Щенок, выполняя мое приказание сбросить веревку, очень сильно рисковал… Стая, встретившая нас у входа, скорее всего, знала про это - вот почему напали так слаженно и все вместе. Они видели, что нам просто некуда деться! Но была ведь где-то еще одна группа, этих чудовищ – которая, почему то задержалась и до сих пор не проникла в подземелье с нефтью, с обратной стороны! И, если эти руины им так хорошо знакомы, это означало, что они сейчас появятся здесь, минуя завалы, по ходам, известным и доступным только им. И нам опять придется спускаться в подвал и принимать еще один бой!

Я кинулся назад - щенок, не колеблясь ни мгновения, следом. У нас не оставалось выбора: или мы еще раз пройдем по опасной тропе, через озеро, или опять примем бой… с непредсказуемыми последствиями. Времени оставалось в обрез. Я подбежал к краю, где застыла черная пленка нефти и, сбросив груз со спины, подтащил

дохлую крысу - вот она, переправа! Пес, который понял мой замысел с полуслова, уже волок за загривок еще одну. На этот раз мы сумели перебраться на ту сторону даже быстрее, но, после того, как в третий раз побывали в нефти, что моя одежда, что шкура собаки - все было покрыто густой тягучей смесью, разъедающей кожу. Вряд ли это нефть в чистом виде, но вдаваться в подробности уже некогда. Мы видели несколько серых точек, мелькнувших и пропавших у противоположного края крыши - крысы бросились под свод!

- Мало вам? - я недобро сощурился...

Мы отбежали примерно на сто шагов от этого резервуара, когда в голову пришла опасная идея… Обвязав наконечник одной из стрел тряпкой, как следует, обтер им шкуру пса, и, отогнав его на несколько шагов, вытащил спички… Потом, тщательно рассчитав расстояние, выстрелил - огненная полоса пересекла половину крыши, а затем нырнула в отверстие.

- Ну, теперь - ходу!

Примерно через пять-десять секунд за спинами раздался такой взрыв, что земля ушла из-под ног. Позади к небу вздымался густой столб дыма и пламени. Все заходило ходуном, и многие еще стоявшие стены стали крениться и падать в опасной близости от нас. Волна жара прошла над головами - озеро взлетело на воздух и теперь полыхало, покрыв все в округе огненными брызгами.

- Все. Сколько бы их там ни было - им теперь не до нас. И вообще ни до кого. Сгорели.

Попали крысы в огонь или успели удрать - но за нами, по крайней мере, никто не шел. Но если в развалинах водились другие хищники, запах двух окровавленных шкур, которые я тащил, мог приманить новые стаи.

Желания отыскивать яму с оружие прошло. Вместо него, возникло другое - как можно скорее перебраться к себе! На этот раз мы вышли точно - к мосту. В наиболее трудных местах подхватывал щенка и брал его под мышку: он не мог идти, как прежде - мешала и пораненная лапа, и то, что он весь был вымазан в нефти, постоянно срывался и скользил даже на ровном месте. Только сейчас я обратил внимание, как он стал тяжел - давно не таскал пса на спине! Хорошо хоть, что не стал с собой брать все шкуры, а только те, которые посчитал наиболее подходящими для обработки.

Мы преодолели несколько секций моста, проползли по крышам и бокам опрокинутых вагонов, остановились - дальше началось открытое пространство около тридцати метров. Вагоны и секции продолжались, но до них еще следовало добраться. Бревна и доски, по которым мы перебирались, исчезли. Либо их унесло водой, либо случился очередной толчок. Это не имело значения - перед нами была вода, и я не знал, что решить. Спускаться с надежной крыши в эту мутную жижу не хотелось. Впрочем, среди воды все-таки попадались не очень отстоящие друг от друга, бревна. При желании можно попытаться перепрыгивать с одного на другое и таким образом достичь остальных секций. Правда, подобное граничило с цирковым искусством, но если вспомнить все мои фокусы… О том, чтобы переходить реку в другом месте, не стоило и думать: уровень поднимался чуть ли не на глазах. Но легко сказать - перепрыгнуть… С грузом. С собакой на плечах, с оружием…

Я поставил щенка возле себя и примерился - хочешь, не хочешь, не оставаться же здесь навсегда! Больше из упрямства, чем от здравого смысла, прыгнул на ближайшее - бревно ушло из пол ног, а я оказался по пояс в воде. Глубина небольшая, но ноги сразу стали вязнуть в иле. Когда бревно перестало качаться, подтянул его к себе и махнул собаке:

- Давай! Ко мне!

Он совсем не хотел следовать моему примеру, и просто лег на крыше, не желая никуда прыгать.

- Ко мне! - уже строго сказал я. Пес нехотя встал, потянулся, и через секунду брызги окатили меня - он прыгнул. Зато дальше уже не я - он был впереди, переплывая от ствола к стволу и сокращая расстояние до следующей группы вагонов. Оставалось несколько бревен, когда он завис передними лапами на последнем, и почему-то упорно не желал двигаться дальше.

- Ну вот. Столько прошли и вдруг встали. Ты что это?

Я ступил на ствол. Он крутанулся у меня между ног, и я опять слетел в воду. На этот раз ушел в нее полностью - с головой! Вкус воды, скорее напоминающей слизь, был такой, что меня едва не вывернуло наизнанку. Пес, до того не решавшийся оторваться от ствола, бросился ко мне - решил, что нужна помощь… Но помощь понадобилась ему самому: он беспомощно бил лапами по жиже и постепенно погружался - тина обволакивала, не давая плыть.

Я швырнул к нему канат - пес сразу ухватил его зубами, и я, уже не обращая внимания ни на зловоние, ни на то, что сам все сильнее ухожу в топь, стал подтаскивать его к себе…

- Досталось?

Щенок выглядел жалко. Весь мокрый, в разводах от нефти и грязи, облепленный водорослями, подергивал боками и тяжело дышал. Мы находились на ближайшем вагоне, упавшем так удачно, что его колеса словно стояли на дне.

- Да… Придется отмывать тебя и себя тоже. Но дома - не в этой, вонючей луже! Ничего, осталось немного. Вагонов восемь, там чуть-чуть - и берег.

Щенок навострил уши и посмотрел на переправу. Я ощутил знакомое волнение…

- Что? Опять?

Он зло ощерил клыки и встал. Сомнений не оставалось - нас так и не оставили в покое! Та ли стая, которая так упорно стремилась покончить с нами возле резервуара с нефтью, другая - не имело значения. Крысы, семь-восемь, - силуэты монстров сливались в сумеречном свете. Они бежали по нашим следам, вскидывая зады в каких-то странных скачках, и вскоре остановились возле берега. Секундное замешательство - и я увидел, как первая запрыгивает на наклонный борт первого вагона… Они шли точь-в-точь как мы, словно настоящие следопыты. А может, так и было - что я мог знать о крысах, которые никогда раньше не стремились попадаться на глаза человеку? Я перевел взгляд на щенка - он не собирался никуда бежать, готовый принять бой здесь, на скользкой жести изувеченных вагонов. Я подумал, что пес прав. Куда бежать? Рано или поздно, они придут и к нам, в наш подвал…

- Ну, что, Черный? Так я и не успел тебе имени придумать. Полагаю, не обидишься. Видишь, как теперь времени не хватает…

Я обернулся - нам оставалось всего восемь вагонов и одна секция моста. Но это уже ничего не меняло. А лучшего места для засады и придумать нельзя! Я не стал даже прятаться. Собственно, прятаться и некуда. Вагон наполовину затоплен, и лезть внутрь, в дурно пахнущую жижу, из которой только что вылез, совершенно не хотелось. Зато нас, с головы до ног покрытых грязью, хищники могли и не почуять. Это лишь на руку… Я положил колчан возле себя, встал на одно колено и

придавил щенка к крыше вагона - не мешай! Лук приподнял на уровень груди - Это не темень под сводом, сейчас я собирался проявить все свое мастерство в полной мере! Но пусть подойдут поближе…

Они не могли бежать по крышам все вместе. Вагоны упали так, что стае волей-неволей пришлось вытянуться длинной цепочкой - это многое упрощало. Я рассчитывал, что успею снять, как минимум, половину, прежде чем остальные поймут, в чем дело. Уж вряд ли они решатся напасть после такого прореживания собственных рядов. Короткого знакомства в подвале, поднятом взрывом до небес, хватило, чтобы понять - твари не любят быть в меньшинстве. Они предпочтут удрать на свою сторону - если я им позволю это сделать!

Их было девять. Все такие же громадные, как и те, с которыми мы столкнулись ночь назад. Две из них имели абсолютно черный цвет, остальные - такие же, как и первая стая - серые, с бурыми вкраплениями на брюхе и в области зада. У всех - такие же непонятные, округлые лапы, позволяющие очень ловко передвигаться по самым крутым поверхностям. Но пасти и острые резцы у всех блестели одинаково. Я пообещал себе: прежде, чем, куда либо идти, обязательно сделаю ошейник собаке, вроде тех, какие надевают волкодавам на пастбищах. Тогда ни одна тварь не сумеет сжать свои клыки на его горле - шипы раздерут ей пасть!

Крысы быстро приближались. Впереди скакала одна из черных, скорее всего - вожак. Она подскочила к краю последнего вагона, увидела нас и остановилась. Следующая не успела затормозить и врезалась в спину черной. Возникла короткая свара, в которой нетерпеливую ждала быстрая и беспощадная взбучка. Крыса с визгом отскочила. Первая осторожно принюхалась, тронула воду лапой и сразу одернула. Она чего-то опасалась… И, как мне показалось, вроде даже не нас…

- Что они ждут, Черный? Так и будем друг друга караулить? Ни нам отойти, ни им вернуться… А если какая-нибудь другая группа сейчас нам в тыл заходит? Но, нет. Вроде поблизости дно перейти негде… Или, послать тебя, чтобы посмотрел? Нет, по этим крышам в одиночку бегать несподручно. Вот если бы ты такие лапы имел, как у этих!

Я покосился на щенка. Бррр… Нет, пожалуй. Имей он такие лапы - я потеряю покой и сон, видя возле себя, еще одного оборотня… Щенок преданно смотрел на меня, и я смутился:

- Ну да, конечно. Что я несу? Ты, хоть и пес, умный не по возрасту… Но все же, только пес, и не более. И очень хорошо - что не более. А то я бы совсем тронулся.

Крыса-вожак решилась. Она еще раз коснулась воды, медленно шагнула по подтопленному бревну и очень ловко перескочила на следующее. А потом - на третье, скакнула на край, нетерпеливо пискнула - и вся стая, словно, до того ожидая команды, цепочкой стала повторять ее маршрут. Я нахмурился: они преодолевали препятствие, куда лучше, чем мы. Стая могла подготовиться, собраться вокруг вагона и окружить нас, а потом одновременно напасть. Учитывая, как слаженно они действуют, отвечать необходимо немедленно…

- Сами напросились…

Одна крыса все же не удержала равновесие и соскользнула в воду - примерно в том же месте, где в нее плюхнулся щенок. Она пыталась вцепиться в ствол кривыми, страшными когтями, и я не стал терять благоприятный момент… Вжик! Резкий свист, всплеск воды - и над затоном раздался отчаянный визг. На таком расстоянии, уже настроившись на схватку, я не мог промахнуться - стрела пробила хищнице плечо! Она дернулась всем телом, и по воде стали расплываться темные пятна крови. Все крысы замерли, не понимая, что происходит. Я уже спускал вторую стрелу… Щелк! Еще одна беззвучно слетела с бревен - на этот раз пробил ей глотку, порвав артерию. Кровь хлестала фонтаном. Я целился в третью, как вдруг в схватку вмешался новый участник событий…

Щенок вскочил. Он задрожал, поднял шерсть и сделал шаг назад. Все крысы жутко завизжали - один я пока не понимал, что случилось. Возле барахтающегося подранка возник сильный водоворот, и из воронки появилось нечто невообразимое. Огромная, разинутая пасть, кривые длинные зубы, морда, похожая на крокодилью, но гораздо больших размеров, костяной гребень, на покрытой тиной голове. Мне показалось, что оно не имело лап - вылетев из воды почти на два метра, просто подбросило раненую крысу ударом мощной головы, и уже в воздухе поймало жуткими зубами. Все крысы, толкая, и сбрасывая друг друга, мгновенно бросились наутек. Но чудовищу

оказалось мало одной добычи… С непостижимой быстротой оно проскользнуло под бревнами и мощным броском выбило ствол из-под ног у второй черной хищницы, которая замыкала стаю при переправе, а теперь оказалась первой при бегстве. Снова появилась невероятная пасть и захлопнулась, утаскивая в глубину верещащую жертву. Я встал по весь рост и опустил лук, находясь в каком-то оцепенении… Первым отреагировал щенок - он цапнул меня за ногу и оттащил от края крыши вагона. Тем временем на наших глазах разыгрывалась настоящая бойня! Крысы сбились в кучу на бревнах, не осмеливаясь прыгать. Они так страшно визжали, что я не услышал, как раздался очередной всплеск. Столб воды - и третья взлетела в воздух, подброшенная неумолимым убийцей! Оно уничтожало крыс одну за другой! По мутной воде, еще минуту назад имевшей спокойный зеленоватый цвет, во все стороны расходились багровые пятна. Осталось всего две, когда последние решились на отчаянный поступок. Они бросились в воду и поплыли, пытаясь пересечь водную гладь напрямик. Но ни той, ни другой, не суждено было увидеть берег - существо, более всего походившее на многократно увеличенного змея, но с совсем не змеиной головой, стремительно настигло их и перерезало им путь. Мелькнул длинный хвост - подводный монстр, кажется, достигал в длину около восьми метров! - и раздался хруст переломленного позвоночника. Последняя повернула назад и теперь приближалась к нам - я и не думал, что крысы так быстро умеют плавать!

Щенок, не обращая внимания на то, что происходит в воде, продолжал меня тянуть. Я опомнился, и, подхватывая мешок, бросился по крышам к нашему берегу. Если с крысами еще можно было бороться, то с этим… Уцелевшая серая тварь поднырнула под наш вагон и затаилась где-то меж переборок. Зеленоватая тень молнией проплыла вдоль борта и тоже скрылась в воде. Мы быстро перебегали с одного вагона на другой и остановились возле последнего препятствия - далее только вода. До кромки, где она кончалась, и начинался спасительный берег, около двадцати шагов. В прошлый раз мы шли тут по камням, но теперь везде только мутноватая жижа. И я не решался спускаться вниз, помня о том, кто рядом устроил столь жуткую охоту. Щенок, напротив, прыгнул в воду и стремительно поплыл к берегу - он не колебался. Я последовал за ним, решив, что

монстру, сейчас, наверное, не до нас. Когда выходил на берег, раздался всплеск за спиной. Резко обернулся - крыса, до того прятавшаяся в составе, тоже решила спастись на суше и теперь устремилась за нами. Почти возле самого берега - оставалась лишь пара гребков! - над ней выросла уродливая голова монстра. Ящер (*а более всего это походило на доисторического ящера!)*подбросил крысу над водой, поймал пастью, и мы увидели, как глотка чудовища раздулась, пропуская жертву в пищевод. Щенок гавкнул, дрожа от возбуждения.

Ящер повернул голову к нам. Я застыл, как изваяние, встретив взгляд его желтых беспощадных глаз… Щенок ощетинился, сделал шаг назад и заскулил. В ответ пасть раскрылась, показался длинный раздвоенный язык, с которого стекали густые капли крови, и мы услышали леденящее душу шипение. Клацнули зубы - у меня или у щенка? Монстр исчез в воде, махнув на прощание хвостом. Я сглотнул и вытер дрожащей рукой лоб. Вздумай это создание выползти на берег, наши шансы точно оказались равны нулю. Щенок прислонился к моим ногам. Он тоже был до предела напуган - только везение не сделало нас участниками этой резни!

- Ну, вот и все, щеня… Больше туда - ни ногой! И это - навсегда! Вот теперь понимаю, почему до сих пор мы не встречали этих тварей в нашем городе. Этот страж переправы никого не пропустит. Ни туда, ни сюда. И как только он не заметил нас? Видимо, эта образина, не первый раз тут добычу караулит. А нм просто повезло… Похоже, крысы знали, что их может здесь ожидать - вот почему медлили. Хорошо, что этот крокодил, вроде, только водоплавающий - выползи на берег, нам с тобой точно… конец.

Мы шли домой, нервно оглядываясь на каждый шорох. Я не мог даже представить, прообраз, какого зверя мог послужить для создания этого существа, словно вышедшего из мифов и легенд седой древности? Ну, свинорыл, ну крысы - даже это было непонятно, но я мог отнести их за счет какой-то невозможной мутации. Но змей? Таких размеров? И сколько еще предстоит встретить нам вот таких, возникших словно ниоткуда, способных расправиться с нами одним ударом хвоста? Я представил себе силу и зубы монстра, покачал головой - настоящий дракон!

Шкуры крыс, которые я тащил, провоняли настолько, что от запаха кружилась голова. Да и мы тоже пропитались этой зловонной

водой… Я мечтал о бочке, в которой смогу выкупаться после всех передряг. Словно в ответ желаниям, собравшиеся наверху тучи выдали что-то вроде пристрелочного дождичка. Потом, собравшись с силами, стали падать капли посерьезнее, и, наконец, настоящий ливень заставил искать убежище, так как идти под сплошной стеной воды стало уже нельзя.

- Ты посмотри, какая встреча! Город нас отмывает, Черный!

Я криво усмехнулся, а щенок устало вильнул хвостом. Дождь хлестал с таким ожесточением, что капли, попадавшие на голую кожу, причиняли настоящую боль. После таких ударов оставались красноватые следы, и приходилось вжиматься под навес, стараясь не выставлять наружу ни рук, ни ног. Я смотрел на потоки воды и представлял, что бы могло быть, затопи она город… Сколько ее ни лилось - она вся уходила под землю и возможно, в провал на севере. Я уже давно там не был.

Это путешествие изменило многое, если не все в нашей судьбе. Я окончательно убедился, что жизнь, которую так искал, существует. Но вовсе не та, прежняя. Она стала иной - суровой и безжалостной, дикой и чуждой миру, к которому привык. Если хочу выжить - должен научиться убивать. И, кажется, получалось неплохо… Но, этого мало - если хочу жить! Жить, как человек - с себе подобными, общаясь не только с маленьким, четвероногим другом. А, раз так - я все равно не брошу своих поисков, с какими бы трудностями и опасностями это ни было сопряжено.

А дождь хлестал, заливая и руины, и землю, и все мои мысли были такими же тяжелыми и холодными, как эти нескончаемые капли…

Глава 10 Видение

Глава 10

Видение

- Брюхо ненасытное! Проглот!

Щенок улепетывал от брошенного полена, а я, в сердцах наблюдая разгром, учиненный моим приятелем, искал, чем бы еще запустить в неугомонного пса. Щенок решил удовлетворить свое любопытство, разгрызя несколько мешков с крупой - и повсюду взвилось густое, мучное облако.

- Твою мать... Ну, появись только - вместо мишени на столбе повешу! Удумал, зараза! Тебе что, ковров мало? Хоть обгрызись, слова не скажу! Нет, продукты подавай! Что б тебя, обжора лохматый...

Высказав все свое негодование, я принялся искать веник. Тот стоял возле очага - щенок, уже знакомый с суровым характером этого предмета, предпочитал обходить метлу стороной.

- Ладно... Вернешься.

Я погрозил в сторону выхода и направился в дальний угол - наводить порядок. Не то, чтобы он много попортил, но, сама выходка всегда послушного пса, оставила неприятный осадок. Растет, характер формируется... Упущу - сядет на шею. А как воспитывать? Меня никто не учил, как обращаться с собаками. Тем более - большими. А то, что Черный вырастет могучим псом, не подвергалось сомнению.

...Ночь, по возвращении из нашей неудачной разведки, запомнилась кошмаром. Я весь извертелся, пока заснул. Да и щенок всю ночь повизгивал, переживая видимо, наше столкновение с выросшими до неузнаваемости, громадными крысами. Но мне больше грезился змей... Ящер, с мордой крокодила. Он захватывал меня в свою пасть, мерзко шипя и облизывая раздвоенным языком - и я просыпался, весь покрытый холодным потом. Пил пару глотков коньяка - что раньше не входило в привычку, снова ложился - и опять, гребнистая, омерзительная спина, появлялась из мути речной воды...

Встал разбитый, словно провел эту ночь не в постели, а таская ящики со склада. Собственно, это ощущение и заставило посмотреть в

сторону настила, где хранились припасы. Там уже вовсю орудовал щенок - и я широко раскрыл глаза, увидав картину разорения...

- Корми тебя, корми... Когда уж, сам научишься? Раз в степи есть эти... "Свинорылы", может, пора и кому другому нарисоваться? Зайцам, например. Вроде, охотились в областных лесах... Да, если только эти зайчики сами в охотников не превратились.

Я покачал головой, ставя мешок на место. Все возможно... Выползая из подземелий метро, мог ли подумать, кого увижу на развалинах города. Уж всяко - не то, что пришлось... Одного Нелюдя достаточно. А теперь - крысы. В ходе схватки как-то не было времени задуматься - зато сейчас, отвращение и запоздалый страх слегка охолодили сердце...

- Нормально... Зверинец прибавляется. Удивляться, полагаю, не стоит. На небесах решили пошутить - оставив меня самого практически прежним. Волосы не в счет - подумаешь, серого цвета? А вот ящер, или эти милые создания - нечто из ряда вон...

Шкуры убитых крыс валялись возле входа. Я, превозмогая тошноту, приблизился. Вчера, бросив их, как придется, не предполагал, что за ночь они провоняют собой все помещение. Наверное, поэтому заслужил такой сон. Вытащив их наружу, я осмотрелся. Щенок не появлялся. Мне это не понравилось - убежит еще, с перепугу. Правда, я ведь не со зла так орал... Но он может принять всерьез!

- Черный! Щеня! Ты где?

На холмах игрался ветер. Он вздымал ввысь какие-то бумажки, невесть как попавшие на вершины, охапки трав и лоскутья ткани. Щенка там не было.

- Щеня! Домой! Домой, кому говорю!

От шкур несло, словно их обладатели всю свою жизнь провели в помойной куче. Подумав так, я поежился. Чему удивляюсь? Так оно и есть. До Катастрофы все эти твари были обитателями самых зловонных мест, вроде канализации. И на кой черт я приволок их в подвал? Кстати... А чем питаются эти гады?

От догадки стало еще хуже... В земле, а еще больше - в руинах, куда мне не добраться, но вполне могут пролезть эти создания, полно еды. И, если под землей им не особо разжиться - странное тепло только способствовало гниению, то, на поверхности, где еще часто

хозяйничал мороз, им были уготованы сотни "консервов"... Люди, погибшие и оставшиеся там, где их застала смерть.

- Логично... - Я пнул шкуру. - Даже очень. Миллионы лежат не захороненными. Кому-то, нужно позаботится... Вот и могильщики, как раз. И размер вполне - прежним, маленьким, так не справится. Природа играет злые шутки... Кстати, туда и Свинорыл. Что не достанется крысам - подберет он. Выходит, мы ели трупоеда?

Я весь скривился... Ощущение тошноты только добавилось - и я почти бегом спустился в подвал, хлебнуть успокоительного...

- Так. - Бутылка была оставлена на полку. - Не хватало еще, спится... Черный? Не пришел еще? Морда бесстыжая... Ладно, вылазь. Можешь не прятаться - вижу, где сидишь. Не трону. Иди ко мне...

Щенок, умильно виляя хвостом, осторожно приблизился. Я потрепал его за холку.

- Веник?

Он настороженно замер.

- Не хочешь... Не буду - раз обещал. А в том углу ты что делал?

Я направился в дальнюю комнату, где скрывался лохматый проказник.

- Ну, и что тут для тебя интересного? Банки, склянки, хлам, тряпки... А, это что? - Я остановился на коробке, из которой торчала сине-зеленая, вся в одинаковых отверстиях, ткань.

- Ах, черт... Забыл. Это ведь сеть!

Черный непонимающе приподнял ухо.

- Тебе не объяснить... На рыбалку мы еще не ходили. Да и куда? Какая сейчас рыба? Хотя...

Я задумался. Консервы и все прочее порядком приелось. Вода, в основной своей массе, во всех известных мне водоемах свободна ото льда. Не считая того озера, где, по-прежнему, лежат десятки вмерзших тел... Правда, где гарантия, что в любом ином их нет? Уж скорее, наоборот...

- А может, стоит попробовать? - Я посмотрел на пса. - А то, лепешки да лепешки. И свинина в банках, от которой кишки воротит. Впору взбесится. Нет, если сравнивать - я, может, самый богатый человек на свете! Но, у всего есть нюансы...

Щенок привстал на задние лапы, сунув нос в коробку с сетью.

- Не трогай. Кто там знает, что дальше... Может, мы с тобой еще и лодку найдем. И выйдем на реку, на ящера невод закидывать... Нет уж, туда - только с динамитом! А вот удочку взять, да куда поближе - стоит рискнуть...

Мои сокровища изрядно пополнились в последнее время. Взяв в привычку, тащить домой всякий ширпотреб, я натаскал целую кучу того, что, по моему мнению, могло пригодиться в будущем. Тарелки и чашки, мятые кастрюли, мотки проволоки и проводов, несколько гаечных ключей – попадалось и такое! – целую прорву ботинок, всех фасонов и размеров, книги, обрезки металлических труб, и прочее, прочее, прочее… Мне могли обзавидоватся, Шейлок и Плюшкин, вместе взятые. Но в мире, где закончилась эпоха свободного приобретения нужного товара, пренебрегать не стоило ни чем.

Одно из самых ценных приобретений – находка абсолютно не пострадавшего набора, из двенадцати наименований. По сути – просто столовые ложки, ложечки, вилки и ножи. Последние, я без малейшей жалости разбил, выбросив костяные рукояти в мусор. Из лезвий, после соответствующей обработки, получились прекрасные наконечники для моих стрел. Куда острее прежних, из гвоздей, и, достаточно широкие, для нанесения весьма кровавых ран. В дальнейшем, я надеялся использовать и вилки – но, в кого стрелять этими четырехзубыми железками? Сейчас, посмотрев на сеть, я вдруг представил себе нечто вроде остроги… Охотились ведь, где-то в диких джунглях тропических островов, на рыб, с помощью лука? Вот только у меня здесь совсем не тропики…

Вздохнув, среди отложенных когда-то удочек, я выбрал парочку самых, на мой взгляд, пригодных. В отдельной коробке валялись баночки с крючками, лески и грузила. Мало разбираясь в этих сокровищах, я взял наугад несколько, рассчитывая не столько, на умение, сколько на удачу. А еще больше - просто на прогулку. Рассчитывать на улов, после такой встряски? Да от любой рыбы уже давно и скелетов не осталось!

Тем не менее, собирался основательно - как в поход. Привычка сыграла свое - без оружия, мешка со всем необходимым, обуви, я подвал не покидал.

Ближайшее озеро, более-менее пригодное для этого занятия, находилось на северо-западе от моего холма. Кажется, там были

городские пруды. А подле них – автотрасса, поднятая по замыслу архитекторов, на высоту в пару десятков метров. Раз пруды уцелели, вполне вероятно, что и живность, ранее в них обитавшая, тоже скрывается под корягами. И, упавшими в воду, автомобилями. Не считая прочего...

Шли спокойно, но, соблюдая полное внимание к мелочам. После прошлого похода, я был склонен преувеличить опасность, чем пренебречь ею. И любой шорох, не присущий привычным, воспринимался как угроза. Да, в этой части города зверья, подобного увиденному, на той стороне реки, пока не появлялось. Как продолжиться дальше? Переберутся ли крысы ко мне, в поисках пропитания? Или, останутся у себя, не рискуя стать обедом зубастого ящера? И сам монстр – не ждать ли его, если вдруг, он способен передвигаться не только по воде? Кто послужил прообразом ящера? Мое оружие не очень годится для борьбы с таким врагом…

Я остро пожалел, что ни разу не наткнулся на что либо, огнестрельное. Хоть сломанное, хоть заржавленное! Следовало бы еще раз навестить то место, где наткнулся на танки. Хоть и не похоже на воинскую часть – скорее, на перевалочный пункт по отправке неисправных машин на заводы, за пределы города. Вдруг, я что-то упустил? И настоящее оружие осталось заваленным, а я вынужден скитаться с тем, что более подходит моим далеким предкам… Нет, нужно срочно подумать, где располагались всякие охранные ведомства, да и органы правопорядка проверить не мешает. Там наверняка найдется то, что мне нужно. Парочка очередей из автомата – и можно спать спокойно. Никакая шкура не выдержит свинцовых примочек, даже крокодилья. А вот стрелой – вряд ли… Только вот, все давно и прочно засыпано землей, сцементировано грязью и кусками бетона. И добыть «настоящее» оружие так же сложно, как отыскать тех, кто способен взять его в руки.

Мы достигли озер к вечеру. Еще вчера я собирался неделю отсыпаться, после такого бегства - но ноги сами выискивали надежное место для шага, а щенок, до сих пор белый от муки, трусил позади, суя нос во все щели.

- Как там говорят? На вечерней зорьке, самый лов? Или, я все напутал? И это рано утром нужно удочки закидывать? А... Все равно. Ночевать здесь, так что, и так, и этак - успеем.

Вместо червей я принес с собой перловку и банку тушенки. Первую собирался размягчить в воде, а вторую - вылить в эту миску, чтобы крупа напиталась запахом и вкусом мяса. Может, моя идея была в корне неправильной, но я не думал о рыбалке всерьез... Больше это походило на игру. После тяжелого испытания, где мы едва не погибли, требовался отдых. Не сиденье в подвале, а, именно, такой - отвлечься от всего. От мыслей о будущем. Что-то оно мне нравилось все меньше...

- Ну что, поужинаем? Не только в озеро всю кашу переводить? - Я достал котелок и вылил в него одну из бутылок. С собой носил всегда пару, а то и более - пить, что попало, не следовало...

- Сейчас, сварю нам похлебку... Не суетись! Твоя доля никуда не денется! Да отойди ты, перевернешь!

Поступая, как настоящий рыбак – я даже сразу насыпал горсть перловки в воду! – вразвалочку, словно опытный мастер, прошелся вдоль берега. Озеро раскинулось дугой, будто полумесяц. Для стоянки более всего подходил выступ, где возвышались горы земли. Строений почти не имелось – ранее возле прудов их просто не было. Зато, поднятые буквально на торцы, плиты, которыми выложили все подходы и дорожки вокруг пруда, теперь стояли тесной грядой, образуя естественную защиту от возможной непогоды. При ее сменах, по несколько раз на день – отнюдь не самая лишняя находка! Возле парочки плит я и положил мешок…

- Так, твоя очередь мыть миску. Что, не против? Кто б сомневался… - я чуть усмехался, глядя, как щенок тщательно вылизывает посуду. – Блестит! Молодец, получишь добавку! Но! Попозже… Если, что поймаю.

Удочки, надежно закрепленные на берегу, нависали над гладью воды, в которой абсолютно ничего не проглядывалось. Поплавки почти не качались – ветер стих, и все напоминало какую-то идиллическую картинку семейного пикника, где уже все набегались и теперь валяются в шезлонгах, лениво поглядывая по сторонам. Моим шезлонгом служил валун, вывороченный из недр. Удобная выемка, словно предназначенная для спины, достаточная высота – я восседал на нем, словно турок, кайфующий возле кальяна…

Щенок, исследовавший берег, на всем его протяжении, уже пару раз оббежал все озеро и теперь развалился неподалеку.

- Никого? Ну и славно.

Я прищурил глаза. Тишина… Никаких следов, никаких монстров. Это – мой город. Здесь нет таких уродов, от каких мы едва спаслись там. И удочки… Удочки?

Я буквально слетел со своего «кресла». Поплавок одной задергался и исчез под водой. Сама удочка, несмотря на достаточно тяжелые камни, вырвалась наружу, и я, лишь в последний момент успел ухватить ее рукоять.

- Ах, ты, чтоб…

Что-то очень сильное едва не вырвало бамбук у меня из руки. Снова рывок! Еще! Весь в азарте – я даже не думал, кто может оказаться на той стороне! – я напряг свои силы, стараясь не упустить выскальзывающего древка. Неожиданно натяжение ослабло. А потом меня швырнуло вниз – и я чуть не сломал колено, больно ударившись о землю. После этого рывки прекратились…

Удочка подалась легко – оборванная леска показала, что этот раунд я проиграл вчистую.

- Нет, ну ты глянь?

Весь в изумлении, – кто мог это сделать? – Я проверил вторую. Но там, и поплавок, и крохотный крючок, присутствовали на месте.

- Жизнь становится все интересней…

Загораясь азартом, я стал чинить снасть. Если там есть кто-то, способный разорвать леску – ну, что ж! Посмотрим!

Немного подумав, я пришел к выводу: Наживку проглотила маленькая рыбка, а вот ее саму – рыба намного крупнее! Не считать ведь, что на перловку позарилось что-то, очень массивное? Обычный карасик так запросто леску не оборвет…

- Эх… - Я тщетно поискал глазами. – Сюда бы, кого другого…

Хрен его знает, как их ловить? Может, вообще сачок нужен? А моя леска, как слону дробинка. Порвет и спасибо не скажет!

А, если?..

Я достал из мешка брикет пеммикана. Нет стоящей наживки, но есть мясо. Посмотрим, что выйдет из этой затеи…

Ожидание затянулось. Словно насмехаясь, поплавки на обеих удочках вели себя мирно. Правда, на первой, не зная, на что, рассчитывая, я так и оставил крупу. Думая об этом, швырнул еще

горсть в воду – вдруг, приманка сработала, и в прошлый раз кто-то заглотил, привлеченный угощением?

Бывалые рыбаки, наверное, оборвали животы, наблюдая за моими потугами – но я, поглощенный надеждой на успех, настолько верил в эту идею, что нисколько не сомневался – рыба клюнет!

Так ли оно, или не так – но поплавок на второй, где был подвешен кусочек сухого мяса, вдруг дернулся и резко ушел вбок и вглубь. Удочка прогнулась – я ухватился за нее обеими руками.

- Ага!

Борьба продолжалась почти полчаса. Я ходил вдоль берега, куда меня таскал подводный обитатель, сам, в свою очередь, пытаясь вывести его на мелководье – и упорно держал удочку. Кто бы там не висел, на этот раз, я выволоку его на поверхность!

Сражение между мной и рыбой выиграл человек. Либо, там было слишком мелко и леске не за что зацепиться – я очень боялся этого!- либо, рыба просто устала. В какой-то миг на поверхности показалась спинка…

- Есть!

Еще больше воодушевившись, я напряг мышцы – и удочка угрожающе прогнулась…

- Черт! Только не сейчас!

Наверху услышали мои причитания… Рыба еще раз показала спину – а я, уловив момент, успел подвести ее к берегу. Здесь сопротивление возросло – но я уже вытаскивал ее наружу!

На земле забился здоровенный гигант, длиной с мой меч. Не давая ему приблизиться к воде, я оглушил рыбу камнем, после чего ударом ноги откинул прочь, подальше от берега.

- Не хило… Ты кто ж, будешь?

Щенок, которого тоже захватила страсть добычи, всячески старался вцепиться в рыбищу – но, почему-то не мог этого сделать. Я удивился – вроде, несмотря на размер, все, как обычно. Плавники, хвост, голова… Ничего ужасного, Присмотревшись, обнаружил, что ошибаюсь. Рыба была странной… Нож еле пропорол ее брюхо!

- Ого? Это как понимать?

Лезвию мешала чешуя. Я едва отодрал одну, словно влитую в кожу рыбы. Кольчуга, не меньше!

От внутренностей не исходило никакого неприятного запаха – и я подумал, что стоит попробовать использовать ее в пищу.

- Так, лохматый. Не мешать. Честно говоря, мы могли обойтись и без местного деликатеса. Но, раз удача повернулась одним местом к нам, а не к жителям озера – почему, нет? Ухи не обещаю, но пожарить ее на ветке – запросто. Да и надежней, по-моему…

Установив удочку на место, я взялся за рыбу. Чешуя не поддавалась, и я просто решил не обращать на это внимания. Пропечется и так. Слегка натерев внутренности рыбины, солью, пронзил ее мечом вдоль, ото рта и до хвоста. После насадил на ветку и подвесил над костром.

- Вот уж, не думал… Правду говорят – новичкам везет. И это – в городе, где все, что крупнее ладони, выловили, сто лет тому как… Или, потому что, она - другая? Ну, что ж, свинорыла мы ели. Попробуем это чудо…

Дождавшись, пока от улова не стал исходить дразнящий запах, я снял ее с огня.

- Щеня… Ты у нас первый специалист по всему, что можно засунуть в брюхо. Давай, определяйся – съедобно сие создание, или лучше выкинуть от греха подальше?

Пес слопал кусочек так быстро, что все мои сомнения разрешились сами собой. Я разделил рыбу на несколько частей и принялся есть. На вкус – очень даже прилично. Но, когда мы насыщались свинорылом, там, в степи – мясо нам тоже понравилось. Махнув на осторожность, я бросил псу здоровенный кусок, да и сам стал поедать рыбу, запивая водой. Будь, что будет…

От процесса отвлек Черный. Он сорвался с места и залаял в сторону воды. Подняв голову, я увидел, что еще одна удочка дергается в ямке, куда я ее определил.

- Ах ты, зараза! Неужели, еще кто погреться хочет?

Еду пришлось бросить. Повозившись несколько минут, я вытащил нечто длинное и узкое, сильно напоминающее змею. В первый момент так и подумал – и отскочил, опасаясь укуса. Рыба извивалась, словно состояла из одних пружинок. Черный, прыгнув на нее, вцепился зубами к ту часть, где находилась шея. Еще несколько движений – и рыба затихла. На этот раз он прокусил ее, и никакая чешуя не помешала. Осмотрев добычу, я пришел к выводу – никакая не змея.

Самое подходящее – угорь. Но, какие угри у нас? Здесь? Чушь полная…

Возится с «угрем» не хотелось. Тем более что почти сразу стал рваться другой поплавок. И снова я вытащил угря. Не став дожидаться щенка, ударил пяткой – рыба затихла.

- Кто бы мог подумать… Хотел, всего лишь провести вечерок на природе. Антураж приготовил, коньячок припас… Эх, не выйдет из меня путного рыбака. До сих пор трезв, да еще и с уловом!

Когда стало совсем темнеть, у удочки, где я нацепил кусок от «угря», снова появилось движение. Уже устав, от возни с предыдущим уловом, я не стал больше мучить себя ходьбой – в темноте легко оступится, а вывих или растяжение быстро уничтожат полученное раньше, удовольствие. Вместо этого, просто вытянул удочку с натянутой леской, словно канат. Но добыча не сорвалась. И я, разглядев, что попало, на сей раз, присвистнул…

Рак. Тоже, вроде обычный. Не считая того, что клешни чуть ли не вдвое больше по сравнению с туловищем. И усы с полметра. А сам – с мой локоть. Чудовище…

- Нет. – Я отпихнул пса. – Пусть валяется здесь. Придавлю его валуном, там посмотрим. Они живучие, до утра дотерпит. А там, видно…

Темнота сгущалась. Еще немного – и видимость сократится на расстояние в несколько шагов. Кроме того – просто пора отдохнуть. Рыбалка, собираясь на которую, я вовсе не рассчитывал на успех, неожиданно удалась. Если, конечно, считать везеньем двух вытянутых рыб, сильно напоминавших собой угрей, да покрытого слизью, рака. Или, того, что должно было им быть… Употреблять их в пищу я не собирался – не смотря на откровенно надоевшие консервы. Кто их знает, этих странных рыб? Доверия, обитатели озера, не внушали…

Что до первой добычи – мы уплели ее со щенком, почти без остатка. Мало разбираясь в породах и видах рыб, я полагал, что она съедобна. Ну, а если нет – узнаем скоро… Чрезвычайное изобилие колючек на спинном плавнике, множество мелких костей в самой рыбе – кто бы это мог быть? Внушала подозрение только величина, слишком большая, на мой взгляд. Но сейчас, похоже, все прежние представители фауны и флоры, сильно изменились в размерах. Если и дальше так пойдет – что мне еще предстоит увидеть?

Я решил собрать чешую. После того, как рыба прожарилась над огнем, она уже гораздо легче отслаивалась. Раз она такая крепкая, что с трудом поддается ножу – может пригодиться, в дальнейшем. Гвозди не вечны… И находки, подобные столовому набору, из которых я наделал новые наконечники, не валяются на каждом шагу. А эта чешуя, при обработке, вполне сгодится на замену. Только вот, когда мой колчан наполнится именно такими стрелами – я стану еще на шаг ближе к облику дикаря. Что поделать – цивилизация закончилась. И тем, кто сумел уцелеть во всех этих передрягах, выбирать особо не из чего. Так что, не за горами дубинки, обожженные на концах, звериные крики и прыганье возле костра…

Я поморщился. Виденье, которое сам себе нарисовал, приобрело столь отчетливые формы, что почти стерлась грань с реальностью. Брр…

Но, если отнестись ко всему трезво – а что еще я должен был увидеть? Во всем городе, насчитывающем миллионы, в живых остался я один. Если такое соотношение везде – кому возрождать человечество? Жалкие кучки, потерявшие все и всех, бродящие по опаленной планете… Звери, приобретшие не виданный раньше облик. Зима, которой нет конца. Небо, ставшее единого, буро-серого цвета. И тепло, исходящее от самой земли – что пугало порой не меньше, чем все эти проявления нового мира. Все странно, все необычно, и как с этим всем быть? А, кроме того, я ведь не смогу жить все время один. Не должен человек жить так – не может! Любой заключенный, любой потерявшийся в джунглях или пустыне, всегда знал – он может погибнуть, но на этом ничего не кончится. Что знаю я? Ничего, кроме однажды увиденной ноги, обладателю которой повезло меньше, чем мне… Где они, эти люди? Где? Или… Их нет больше? И все, что меня ждет – постепенное одичание, превращение в Нечто, больше присущее оборотню, чем человеку. Если это не бред голодного, то что, иное, видели тогда мои глаза? Нет… То – прежде было человеком…

Ругнувшись, я выпрямился. Шел сюда, в надежде забыться, а в итоге – снова вернулся к своим мыслям. Нет, так и с ума можно сойти…

Щенок метался возле кромки озера – ему было весело. Сытый желудок, рядом хозяин, свободы – хоть залейся! В любую сторону беги

– никто ничего не скажет, не бросит камнем, и машина, вскочившая из-за переулка, не раздавит своими колесами… Хорошо…

- Иди ко мне. – Я прикрикнул на пса. – Иди сюда, сколько звать еще? Темнеет… Хворост нужен. Давай, пошарим малость, по округе. Мне одному, в лом – хоть мешаться будешь, под ногами.

Дрова, припасенные для приготовления ужина, в самом деле, заканчивались. Впереди ночь – а у нас нет надлежащего укрытия. Нет, от дождя мы защищены надежно – навес, под которым расположились, выдержит любой ливень. Хотя его можно не опасаться – наверху тихо и нет никаких признаков непогоды. Хоть в этом проблем нет…

Но ночь, тем не менее, есть ночь. И, после столкновения с крысами, а еще больше – ящером! – обезопасить себя, от возможной нежеланной встречи, не мешает. Огонь – вот самое надежное средство, держать любого хищника на расстоянии!

- Добро… - Я натаскал к стоянке целую кучу ломаных досок, ветки, какие-то деревянные обломки стульев – до утра хватит. Будь здесь пара хороших, толстых бревен – мог соорудить настоящий, таежный способ обогрева и защиты. Достаточно расположить их правильно – но, увы… Пришлось обойтись тем, что есть.

- Ложись…

Черный привалился боком. Я запустил ладонь в густую шерсть. – Балдеешь? Меня, кто б, почесал… Ладно, не крутись – хватит на сегодня. Переночуем спокойно – и в подвал. А дальше…

Что дальше, я не знал. Напрасно пытаясь уйти от всего, посредством этой прогулки-рыбалки, я лишь снова вернулся к старому. И уже предвидел, каким станет следующий день.

- А дальше… Дальше - будет больше. Отправимся мы с тобой, куда глаза глядят. Не могу я всю свою жизнь на банки смотреть. Не жизнь это… Ты, как? Не против?

Черный игриво прихватил мою руку зубами.

- Не против. Так и запишем. Только, это… Поаккуратнее. Вроде, щенок еще – но клыки у тебя серьезные.

Половина ночи прошла спокойно. Вода в озере, ставшая похожей в темноте на массивное пятно, почти не колыхалась – ветер, мешавший днем, утих и тишину бередил только сухой треск сгоравших сучьев. Постепенно, я провалился в сон…

…Глаза открылись, словно мне кто вставил спички между ресниц. Ничего не понимая, я потянулся к луку – мало ли? Щенок заворочался, что ли? Но Черный беспробудно дрых, развалившись в опасной близости костра. Так почему я проснулся? Чувство опасности, кажется, молчит… Нет слышно никаких осторожных шагов, не доносится мерзкого запаха - ничего, что могло встревожить! И, все-таки… Что?

Щенок вытянулся и угодил лапой в угольки. Взвизгнув, он отскочил, смотря перед собой испуганными глазенками.

- Тихо…

Я сжимал лук, не зная, куда его направить.

- Тихо, уймись. Похоже, наш пикник перестал быть комфортным… Лучше помолчим.

Пес, внимательно навострив уши, слушал. Уловил ли он тревогу в моих словах, или, еще что – но щенок вдруг прижался поплотнее…

- Даже так? Ничего не скажешь, хороший признак. Никак, боишься? Хотелось бы знать – кого? А то вот я, хоть убей, ничего не слышу. Да и не вижу. Давай, родной, напряги уши. Тебе сподручней.

Черный продолжал лежать подле меня, и, хоть озирался по сторонам, но не пытался залаять, или убежать.

- Померещилось? Наверное, не стоило есть эту рыбу.

Я успокаивал себя, но внутри волной поднималась тревога. Происходило нечто странное, чему я не мог найти объяснения…

Неясное предчувствие чего-то страшного, нечеловечески жестокого, заставившее вскочить на ноги и озираться по сторонам. Я не мог объяснить причину, но, уже точно знал - сейчас произойдет нечто, свидетелем которого, стану! И, знал также, что лучше бы мне этого не видеть… Но я, напротив, всматривался до рези в густую темноту - и вскоре заметил на горизонте светящееся пятно. Оно быстро приближалось. Я стоял, не веря глазам. Самолет? Не может быть! Или... метеорит? Но почему я весь дрожу, словно пред мною сам Сатана?

Ответ был получен в течение нескольких секунд. Тупоносая, мрачная в своем зловещем и легко угадываемом облике, сигара, пролетела всего в паре сотен метров от земли, оставив в облаках хорошо заметный инверсионный след. Она проскользнула в вышине, буквально обдав меня жаром раскаленных двигателей, и, в пару секунд

исчезла где-то далеко на западе. Но даже одного мгновения, потраченного на ее рассмотрение, оказалось достаточно, чтобы я ощутил на сердце леденящий холод. А потом, что-то необъяснимое, чуждое и остервенело злое, буквально проявилось в сознании - я увидел все, что предшествовало появлению смертоносной птицы...

... Он заливал боль крепчайшим виски. Нога, раздробленная при падении лодки на лед, до сих пор давала о себе знать. Судовой врач выбыл из строя одним из первых - напоролся на стойку и из него вылезли все кишки. Ногу, начавшую покрываться синюшными пятнами, отрезал кок. Но, несмотря на то, что ее давно выбросили прочь, Он все время ощущал дикую ломоту в несуществующих пальцах... Чертов хирург, нашел время сдохнуть! А может, что и вовремя... От экипажа осталось меньше половины - большая часть разделила его участь, густо окропив все отсеки своими внутренностями. Никто не убирался - дисциплина стала падать с первых минут, а потом и вовсе, сошла на нет. Кок проболтался, рассказав уцелевшим подробности последнего сеанса с орбитальной станцией.

Он хлебнул еще. Плевать! Все уже решено. После разговора с астронавтом, последние сомнения ушли прочь. И уже никто не в силах, помешать ему сделать, задуманное. Сошедший с ума стармех, заперт в каюте, остальным не пробиться в центр управления, даже с автоматами. Или, они надеялись, что он отправится на тот свет в гордом одиночестве? Нет уж... В компании веселей, как сказал бы неунывающий тесть - бравый мультимиллионер и адмирал в отставке. Что ж, надеюсь, что в это плавание папаша отправился в достойном сопровождении. Нескольких миллиардов достаточно? Лишь бы не забыл прихватить с собой свою любимую дочь - его жену. Сука... Как Он желал врезать ей, хоть разок! Нельзя... Его назначение и счет в банке - забота всесильного тестя. И, попробуй Он, просто косо взглянуть на обожаемую Лили - карьере конец. А с ней, и всему остальному. Жена это прекрасно понимала и делала все, что ее душа желала. А душа желала поклонников, славы и секса. Поклонники осаждали, слава лилась рекой, насчет секса - Он давно наскучил ей, и, в их семейной постели перебывало не меньше кобелей, чем в питомнике для породистых собак. Белые и черные, метисы и мулаты, певцы и дипломаты, миллионеры и бомжи - жена искала приключений

на одно место, не делая различий между обладателями больших членов. Маленькие она не признавала, о чем с хохотом и откровенным пренебрежением, как-то сказала ему, на робкую попытку вернуть былые отношения. Сука! Больше никогда не раздвинешь ноги! Ни перед кем!

Он вдруг психанул и отшвырнул бутылку. На кой черт ему думать об этой твари? Наверняка, сгорела в пламени вселенского пожара, или, того лучше - улетела в самую преисподнюю!

Он зловеще усмехнулся. А ведь все могло быть иначе... Там, в верхах, лишь в последний момент решили отправить их крейсер к берегам этой проклятой страны. До этого, вахта проходила в более южных широтах - ожидалось вторжение в одну из банановых республик, и кое-кому не мешало убедиться в мускулах флота, превосходившего все иные флота мира по численности и совокупной огневой мощи. Только, что с того? Вместо льда, оказаться на выжженной земле или в пустыне? Нога, все равно, не отрастет обратно...

Он дотронулся до обрубка - кожа вдавилась и слишком долго возвращалась назад. Кто-то ляпнул, что гниющее мясо проверяют как раз таким способом. Да, он продолжал гнить. Приступы сумасшедшей боли почти не снимались уколами, да и те, уже кончались - в лодке никто не остался, совершенно здоров. Но, ему, как капитану этой посудины, пока еще делалось снисхождение... Пока. Экипаж смотрит недовольно - им чихать, что страны, отправившей их, больше нет. Как нет и той, против которой они должны были выступить - случись что... Случилось. Только не так, как планировали умники в кабинетах, возле гладких карт, где не дуют промозглые ветра, и не вздымаются гигантские волны.

Они находились на глубине в сто метров. Не предел, для такой совершенной, сверхсовременной лодки, капитаном которой он являлся. Но и не слишком комильфо... Нужда заставила - получил приказ скрытно приблизиться к самому северному острову, где проходили учения вражеских субмарин. Акустик слышал их, и Он, внутренне, торжествовал - ни одна не смогла их обнаружить, оставаясь уязвимой для их собственного удара. Удара не понадобилось. Нет, он и не планировался - в мире все оставалось стабильно-умеренным, и даже

эта, вечно мешающая всем, держава, не сильно рыпалась последние несколько лет.

Все произошло гораздо будничней... И намного хуже. Вначале пропала связь. Полностью. А через пару минут их тряхануло. Он тогда собственной кожей прочувствовал крепость корпуса и надежность всех швов - лодка трещала, будто ее сжимал в объятиях великий Кракен... На самом деле - это они выяснили позже! - волна цунами, вырвав все с гораздо большей глубины, устремилась на берег. Их швырнуло в сторону, каким-то чудом. Но не на землю - а сюда, на крепчайший лед Арктики. Пока приходили в себя, пока оказывали помощь пострадавшим - холод, стоявший снаружи на отметке в 45 градусов, сменился за пару недель на нечто несусветное - градусник показывал запредельную величину. Стармех, не будучи пьяным, один раз измерил - и скупо шепнул ему, что за бортом минус 90. Более, чем плохо. И, кажется, это не предел...

В первые минуты, когда восстановили аварийное освещение и хоть как-то навели порядок, они решили, что началась война. И их, несмотря на все ухищрения, засекли. Ну и вставили, по самые яйца. Это выражение тоже принадлежало тестю - потомственному мореходу и прожженному цинику. Но после, когда они обнаружили себя, выброшенными на добрый десяток километров от свободной воды, без единого следа от попадания торпеды - пришло осознание чего-то, совершенного иного...

Лодка погибла. Практически все механизмы и электроника вышли из строя. Корпус покрылся змеевидными трещинами - падение с жуткой высоты не могло не оставить своих отметин. О возвращении на базу можно забыть. Да и о каком плавании стоило говорить? На свете не существовало сил, способных сдвинуть многотысячнотонную махину с места, где она уверенно вмерзала в синевато-грязную поверхность льда. А после, стармех, с компьютером вместо мозгов, и руками, способными сделать из чайника электроволновку, каким-то образом наладил передатчик - и они в течение дня пытались услышать хоть что-то в эфире, вместо шипения и треска. Никто, не единая сволочь, так и не вышла на их волну. Да что там, их! Похоже, на всей планете больше никто не пытался устроить радиошоу - и это пугало больше всего. Почему? Что могло произойти, что заставило миллионы радиостанций одновременно умолкнуть? Лишь через пару недель

ситуация прояснилась... Чуть-чуть. Знали об этом только Он и стармех. Правда, на сеансе присутствовал кок - как раз делал очередную перевязку. Стармех застрелил его, когда услышал треп в кубриках. Поздно... А теперь, сам заперся у себя, и лакает бутылку за бутылкой. Выйти ему не дадут - команда совсем взбесилась, и готова разорвать каждого, кто еще пытается командовать у самого дьявола под носом. А как еще иначе назвать их состояние? До полюса всего ничего - их сносит течением. Хотя, сам полюс, похоже, вовсе не там, где ему положено быть.

Когда на сигнальной лампочке заалел огонек, он, несмотря на мучения, не покидавший рубку управления, заставил кока подтащить себя поближе - не хотел пропустить ни слова, из того, что им могли сообщить. Лучше бы оставался в неведении... Стармех, чудом связался с орбитальной станцией - а там, предвидя скорую гибель, вышли открытым текстом, без соблюдения шифров и каких либо других секретов. Да и от кого скрывать?

Там, в космосе, их не миновала общая участь. Но они хоть смогли понять, что послужило спусковым курком этого удара... Чудовищный, мощнейший электромагнитный импульс мгновенно сжег всю аппаратуру. И все, что происходило позже, они увидели, лишь, когда заменили добрую часть блоков, благо, на станции нашлась замена и умелые руки. Да им и некуда было деваться - без восстановления связи, можно сразу отбрасывать тапочки. Только вот ничего хорошего они не нашли - на планете бушевал ад... Не только космос - все на Земле вышло из строя. Все. Если бы этим ограничилось - Он мог молиться, что с ними хорошо обошлось. Но импульс служил только предтечей - что-то совсем уж немыслимое, заставило вздрогнуть всю планету. По всем континентам пронеслась волна землетрясений и гигантских цунами, с орбиты засекли жуткую вспышку на месте Йеллоустонского заповедника и, еще одну - в районе итальянского сапога! Подвижки поверхности вызвали сильнейшие взрывы супервулканов... Ни одна страна, ни один город, да что там - ни один дом не мог уцелеть в этом кошмаре!

Единственное, в чем были уверены астронавты, это - не война. Никто ни на кого не напал. Что-то извне, шарахнуло по Земле, вызвав самую страшную цепь катаклизмов, по сравнению с которыми меркли все ужастики прошлого.

На станции поняли - им некуда возвращаться... Но они надеялись, что хоть кто-то уцелел - почему и слали сигнал за сигналом! На Его лодке их услышали...

К черту! Они что там, решили возродить человечество?

Он грязно выругался. Нет уж... Отправляться в пасть смерти нужно всем. Без исключений. Выжили... А зачем? Чтобы выкинуть его труп, вслед за теми покойниками, что уже вповалку лежат возле выходного люка? На станции полагали, что, кроме них, мог остаться в живых еще кто-то... Там, где еще не покрыл все собой смог и пепел, где не выпала радиоактивная грязь. Ну и что? Он, Он этого не увидит! Так почему, какая-то счастливая мразь должна жить - а Он, успешный, богатый, сильный - нет? Почему? Или, его блудливая шлюха более достойна жизни, чем ее законный муж-рогоносец?

...Он не знал, когда принял Решение. Наверное, в те минуты, когда шел этот, последний сеанс. Со станции успели сообщить, что прощаются с ними и желают удачи... Ублюдки. Они хоть видят солнце. А им, пригвожденным, словно бабочка, достался лед. И хмарь над головой, вместо неба. Стармех сказал - последствия взрыва вулканов. Да хоть всех боеголовок сразу! Вот тогда он об этом и подумал...

Лодка упала на редкость удачно. Брюхом вниз, что очень пригодно - для пуска. Перенастроить пришлось немного. Двенадцать ракет, каждая с десятью разделяющимися головками, всегда были нацелены на определенную мишень. Попади, хоть половина - и от экономики, да и населения потенциального противника останутся воспоминания. И мертвая земля, лет так на сто... Одну, он, с тихим смешком, убедив головастого механика, «навел» домой - туда, где тесть выстроил уютное гнездышко, среди вилл таких же богатых и спесивых снобов. Хозяева жизни... Были, хозяева! А теперь, Он выбирает - кому коптить небо, а кому ее удобрить!

Стармех не мешал, напротив. Он, на удивление быстро, согласился отправить "гостинцы" по назначению. Он тоже прекрасно понимал, что отсюда выхода нет. На тысячи миль - невыносимый холод. На помощь не придут. Если кто, повыше рангом, успел спрятаться в норы, раскиданные по всему свету - плюнет в их сторону, как плевал раньше, отправляя миллионы на убой, во все времена и войны. Ну, так и они, пусть не ждут пощады... Подыхать, так с музыкой!

Старших офицеров не впутывали - напротив, стармех отключил его зама в коридоре, а после перерезал глотку. Никто особо не возмущался - оружие имелось только у него, а по силе, двухметровый гигант превосходил всех живущих. И он единственный не пострадал, когда цунами игралось их крейсером, как будто он не ядерный ракетоносец, а бумажный кораблик. Да и не знал никто, что они задумали...

Сейчас он вставит ключ и нажмет пресловутую кнопку. Идиоты... Неужели кто, всерьез полагал, что лишь президенты имеют доступ к "черным" чемоданчикам? А вдруг, глава государства, в неурочный момент, обосрется, и не сможет выполнить свой великий долг возмездия? Или, его еще раньше ликвидируют подкупленные охранники? На этот случай, у каждого командира, на каждой субмарине и в каждой шахте, имелось свое собственное задание - и его выполнение зависело только от того, не наложит ли он в штаны... Он - не наложит. Прошлой жизни не вернуть. Калекой, Он никому не нужен. Через несколько дней холод заберется в лодку окончательно - уже сейчас повсюду жгут все, что может гореть, несмотря на едкий чад и дым. Пока не добрались до основных кабелей - Он успеет... Да, вспомнилось - при погрузке этих адских сигар, он, пользуясь своим положением, сфотографировался возле одной, по приятельски, похлопав металл ракеты. Он представил себе след от ладони... Вроде, как раз она и полетит в сторону «вероятного» противника. Ну и хорошо – Он всегда ненавидел эту страну, не смотря на то, что лично ему никто из нее ничего плохого не сделал. Так воспитан. Как в семье, есть лишь один, кому принадлежит право отдавать приказы, а домочадцам – беспрекословно исполнять, так и в мире – только одна, великая нация. А кому не нравится – пусть отсосут… Вот и примите его последний привет, с запечатленной на стали, ладонью!

Кто-то ломится в дверь? Пронюхали? Поздно. После всего он пустит пулю в голову – «магнум», припрятанный в сейфе, сослужит хоть раз не на стрельбище. Сейчас он свершит великое дело, отправив к чертям и себя, и самого создателя. Слышал как-то, что земля – живая. Бред полный… Но, даже если и так – не тех она породила. Нужно все переделать заново. Или, рассыпаться на части, став скопищем астероидов. Жаль, такой силы у него нет…

Экипаж, втихаря называл " ракеты "мрачными стояками"... А что? Похоже. Супруга издевалась над ним, при тесте обзывая меленьким членом. Пришло время засунуть ей, по самые гланды! И всему этому проклятому миру, даже тем, кому повезло выжить! Получите привет от "Большого Члена"! Ну... Пора. Сколько не тяни… Вот и все.

Жуткое видение чужой жизни и отчаяния промелькнуло, словно я находился в голове у сумасшедшего капитана. И я воочию увидел палец, надавливающий на кнопку...

Пара минут прошла в мучительном ожидании... Донеслась волна сжатого воздуха, заставив упасть на колени. А потом земля вздрогнула под ногами. Каким-то, спинным мозгом, я почувствовал, это - не обычное землетрясение. Боеголовка нашла свою цель... Поднялся сильный ветер. На мое счастье - а может, не только мое? - он сорвался в сторону улетевшей ракеты. Он дул с такой силой, что я едва смог подняться. Где-то, очень далеко, появилось сияние, пробившее собой даже темную хмарь облаков. За рекой, много дальше руин города, расползается смертоносное облако, гораздо более страшное, нежели то, что я видел ранее. Там – выживших не будет…

Рыбалка и отдых закончились. Видение, вернее, ракета, как последний отголосок прошлого, жестоко поставила все на места. Людей ищешь? Они тоже - ищут. Живые мертвецы, хранители смерти, не желающие уходить в безвестность. Сколько на планете еще таких пусковых установок, способных выпустить ядовитое жало? Ты еще жалеешь погибших? Всех жалеешь? Ты, по-прежнему, считаешь, что надо искать людей? Ну-ну... Найди... На свою голову.

Глава 11 Страшная находка

Глава 11

Страшная находка

Жизнь разделилась на «До» и «После». До - когда мир рухнул, погребя под собой все прежние ценности, цивилизацию и самих людей. После - когда на его развалинах, уцелев в немыслимых испытаниях, я сумел выжить. Но, хотел ли я так жить? Жить, зная, что остался один?

Возвращение с «пикника» стало печальным. Не в силах объяснить жуткое видение, я отчетливо осознал – наряду со способностью предвидеть опасность, у меня есть еще и это… Умение поставить себя на место уже мертвого человека, увидеть последний миг его собственными глазами. Только я не обрадовался такому «дару»…

Напоминание о прошлом, в виде ядерной жути, злоба и ненависть – вот, что уготовано людям. И я напрасно считал, что после всего пережитого, что-то изменится. Нет. Любой, кого я надеюсь встретить, потенциально опасен. Враг. Угроза мне и моим запасам. Прежде всего – запасам. Ибо на земле пока еще нет, чем питаться. Или, почти нет. Любой, кого я приведу сюда, может решить для себя – лучше я сам стану хозяином, и не буду ни с кем делиться! А для этого – перережу глотку его прежнему владельцу…

Обуреваемый черными мыслями, я не находил себе места. Так стоит ли, кого-либо, искать? Меня все чаше стали одолевать сомнения…

Через два дня я, основательно нагрузившись спиртным, шатаясь и выглядя, как последний алкоголик, засунул свою опухшую рожу в бочку… Пора приходить в себя. Если есть на свете ублюдки, способные увлечь за собой, в мрак и отчаяние, почему не найтись другим? Я ведь, не желаю никому смерти! И искать мне нужно таких, как сам. Но, почему? Почему я никого не могу найти? Почему? Не может, не должно так случиться, что единственный, кто нашел в себе силы выстоять - это я. Где остальные? Где они?!

…Я поставил отметку на стене и отошел - черточек набралось с несколько десятков. Они обозначали дни после того, как я выбрался из

метро. Более трех месяцев… Если учитывать, что в какой-то момент мог сбиться со счета - во время болезни, или, неправильно начав наносить значки в самом начале, - и того больше. За это время, я ни разу не увидел людей, хотя предпринимал неоднократные попытки отыскать, хоть, кого-нибудь. Вместо них встречались лишь звери - совершенно неизвестные, и далеко не безобидные. И, если в первые дни я лишь тоскливо осматривал окрестности обитаемого мира, не видя ни единой живой души, то теперь эти взгляды стали вдвое внимательнее - опасность, грозящая нам с щенком от любой новой встречи с неведомым, стала уж очень осязаемой…

Мои путешествия, если можно так назвать скитания по бесконечным холмам из домов и строений, перемежаемых ущельями из бывших улиц и дорог, окончательно убедили - людей в городе нет. Может, они и были… Раньше. Но, в те первые недели, когда видимость не превышала нескольких десятков метров, а шок и ужас мешали нормальному восприятию действительности, я мог пройти в паре шагов, от себе подобного - и даже не понять этого. Возможно ли, что в таком огромном городе уцелел только лишь я? Конечно, нет. Но воля ли случая, или так сложились обстоятельства, только этой встречи так и не наступило. Те, кому повезло выжить, либо ушли из города, либо погибли. Мои скитания лишь еще более убедили - искать среди руин бессмысленно. Люди могли направиться в менее пострадавшие районы, подальше от жуткой могилы, каковым стал разрушенный до основания город. Хотя, остались ли такие районы? В масштабах всей страны - да, конечно. Но поблизости? Малоисследованными оставалась две области - огромные пространства озера-болота на востоке… И Провал. Искать кого-либо в болотах? Даже с очень большой натяжкой, что где-то там могут повстречаться островки, что там есть условия для выживших… Что можно найти в водах, понемногу превращающихся в зыбкую трясину? Но, тогда… Одна мысль, что предстоит спуститься на такую сумасшедшую глубину, ввергала в трепет. Но я понимал: если хочу удостовериться, что *там*, *внизу* никого нет, должен это сделать. Спустится - в бездну. И сделать это - не смотря на свой, практически панический страх высоты…

Основательно подумав, я все же сделал выбор в пользу болота. Даже не из-за того, что меня пугал спуск, а в силу еще меньшей вероятности встретить там людей. У меня просто в голове не

укладывалось, что можно уцелеть после такого… Земля опустилась на добрую сотню метров вниз, чудовищный толчок, темень, холод… Это все присутствовало именно в Провале. Если уж здесь, среди руин города, выживших практически нет, то, что говорить об этой бездне?

Впрочем, тоже можно сказать и о болоте. Мне довелось бывать на его краю - и ни одного признака людей. Хотя… Тогда видимость оставляла желать лучшего. Не то, чтобы сейчас она стала идеальной, но прошедшие недели значительно уменьшили жуткие облака над головой. Или, просто привык…

Облака, не облака, но само озеро, обещавшее, со временем превратится в болото, наводило мрачные мысли о предстоящей экспедиции. После того, как мы едва не погибли, любая большая вода не внушала доверия. Невероятный, словно вырвавшийся из доисторического прошлого, ящер мог с тем же успехом появиться и там, - и, кто знает? - повезет ли нам не попасть к нему в пасть? Иными словами - поход в любую сторону превращался в опасную игру с неведомым…

Сборы заняли один день. Несколько выпеченных из теста и приправ лепешек, с пару десятков выпотрошенных консервов - изготовление пеммикана поглощало уйму банок, запасная обувь, оружие, накидка-одеяло. Прошлый опыт научил ничего не упускать и не забывать. Если с перечисленным, особых хлопот не требовалось, то, кое-что, стало напрягать. Спички… Они расходовались со скоростью, куда большей, чем мне хотелось. А высекать искры из камня я еще не научился. Найденный среди развалин кусок напильника и обломок дверной стальной ручки от дверей давали призрачный шанс не остаться без огня, но лишь теоретически. До сих пор, таким вот образом мне удавалось добыть огонь лишь в одном случае из двадцати… Наверное, я как-то неправильно бил их друг о друга.

Мы вышли очень рано. Не имея возможности сверить свое чувство времени с более точным механизмом, я решил, что прикрыл дверцу в подвал примерно около четырех часов утра. Посмотрев на щенка, усмехнулся и негромко сказал:

- Не надоело еще шляться? Куда не пойдем, всегда в неприятности… Может, жалеешь, что со мной связался?

Вилянье хвостом и умильный взгляд на сумку с припасами послужил ответом…

- Ага, как же. Не уж, братец, слегка позавтракали и хватит. На полное брюхо идти плохо. Так что обед у нас нескоро.

Холмы и взгорки, ущелья и ложбины - все, что образовалось из разрушенного мегаполиса, мы преодолевали уже привычно, не делая лишних усилий. И я привык бродить среди руин, и щенок, в силу своего природного чутья, умевший вовремя обнаружить опасные места - мы без приключений добрались до застывшего озера… На моей карте - озеро Трупов.

Оттепель сюда еще не добралась. Одно только небо ведало, как там распределяется тепло по этой земле. В одном месте могли встретить островки начинающей пробиваться травы, в другом - крепкий лед, вроде этого. Из него торчали скрюченные руки, ноги, кое-где - головы. Зрелище не из приятных, и не для слабонервных… Но, похоже, что у меня уже совсем притупились все чувства, кроме самосохранения. Я совершенно спокойно осмотрел берега, с удовлетворением отметив, что с момента последнего посещения этого озера, здесь ничего не изменилось. С удовлетворением - это потому что все останки *таковыми* и остались… Нетронутыми. Именно это я и хотел увидеть.

- Уже неплохо.

На этот раз я говорил сам с собой, мало обращая внимания, на снующего всюду щенка.

- Следов зубов нет. Значит, ни собак, вроде твоей мамаши. Ни крыс-трупоедов. Никого. По крайней мере, остерегаться зверей не приходится. Посмотрим, что нас ждет возле болота…

Успокоенный увиденным, я решил сделать привал. Соседство с мертвыми не тревожило. Понимание того, что они везде, настолько въелось в сознание, что я больше не воспринимал это как трагедию. Достаточно того, что я даже место жительства выбрал под общим захоронением - если вспомнить, что находилось в верхних этажах супермаркета, над моим подвалом…

Черный обежал все озеро, сосредоточенно обнюхивая все, что привлекало его влажный нос. Я рассеяно смотрел за ним, в глубине души радуясь приобретенному товарищу. В самом деле, не стремись я на поиски себе подобных - не рискнул бы перейти реку. А там найти щенка…

Долго отдыхать не приходилось. Путь предстоял далекий, почти такой же, как и до реки, о которой я сейчас вспомнил. Так уж получилось, что подвал оказался посредине от обоих водоемов. Только к реке идти было несколько проще, привычней. В эту часть города я забредать не любил. Более вздыбленные горы земли, соседство с миазмами болота делали восточную часть города мало привлекательной для блужданий. Но предстоящую разведку следовало провести так, чтобы на будущее уже не осталось никаких сомнений.

Случайно, или нет - но именно щенок вывел меня к большой воронке, происхождение которой навело на мысль о грандиозном взрыве. И, что вероятнее всего, последовавшим, после того, как земляная, а затем и водная волна снесли все окрестные здания.

- Не хило…

Я прикинул размеры. Не менее пятидесяти метров в диаметре, и почти десяти - в глубину. Могло быть больше - края ямы обрушились, а на дне лежали обломки от домов.

- На газ не похоже. Скорее - воронка, как от снаряда. Только размер у этого снаряда просто великанский. Или - ракета? Но тогда что, все-таки - война? И все это - последствия нападения? Нет, наверное, все же газ… Вон иной раз, какие вспышки происходят! Под землей невесть что творится - скопился в одном месте и рванул.

Успокоив себя, таким образом, я миновал яму стороной. Почти обрывистые края оставляли мало шансов на подъем, и мне не хотелось приближаться, учитывая риск провалится. А вскоре новая находка вовсе заставила позабыть о воронке.

На этот раз я сам натолкнулся - щенок деловито рыскал по сторонам, и, оборачиваясь, чтобы его поторопить, я увидел указующую руку… В первый момент даже не понял - что это? Слишком большая, чтобы принадлежать человеку, слишком длинная! Потом рассмеялся - всего лишь, статуя, невесть каким образом, оказавшаяся среди битых кирпичей и грязи. Я прикоснулся в кисти - позеленевшая от беспрестанных дождей, очень холодная… Бронза. Материал нужный, но в моем положении, пока что бесполезный. Кому принадлежит это изваяние? Может, оно даже целое несмотря на все, что произошло с городом? Но проверить это не представлялось возможным. Ни постамента, ни самого владельца руки - все надежно присыпано. Торчала только рука, причем с одним пальцем. И он

указывал куда-то в противоположную сторону от того направления, которого я придерживался.

- Ну и ну… - Я усмехнулся. - Всякое видел, но что б указатель - первый раз. Нет, нам с Черным в иную сторону. Хотя?..

Крюк не входил в первоначальные планы. Но мне показалось, что найденный знак не случаен. Не сама ли судьба подбросила этого бронзового истукана? Я решил немного пройти, а затем вернутся - мы теряли только время, которого имелось в избытке.

Указующий перст вывел к массивному ограждению. По всем признакам - что-то вроде бетонного забора. Его первоначальное состояние могло сдержать даже слона - но сейчас везде зияли проломы, сам он покосился и кое-где и вовсе упал.

- И что на этот раз?

За подобным ограждением могло находиться, что-то значительное - не станут ведь ограничивать доступ к ерунде? Предвкушая что-то особенное, я уже с интересом направился внутрь.

Первые минуты ничего не дали - все походило на уже сотни раз виденную картину. Руины, камни, земля. Но я заметил отсутствие искореженных машин - обычно, хоть одна-две, но они попадались буквально везде. Здесь их не было совсем.

- А… Парк? Не похоже. Так ограждать не станут. На предприятие тоже не тянет. Ах, вот оно что…

Я остановился - разгадка находилась прямо перед мной.

- Все-таки, парк. Только с приставкой. Зоо…

В нескольких шагах от меня лежала туша бегемота. Если точнее - то, во что она превратилась за месяцы после землетрясения. Зрелище более чем неприятное - даже для меня.

- Да… Не будь зимы, да этой дряни с небес - без противогаза и шагу не ступить.

Я покосился на тушу. Большей частью сгнившая, с массивными клыками, она распласталась под тяжелой решеткой, которая, вероятно, и послужила причиной смерти животного. Сброшенная откуда-то, она пробила тело бегемота во многих местах, и теперь оголившиеся ребра торчали вперемешку с заостренным железом.

- Вот и сбылось. Давно я тебя искал…

Да, мне хотелось найти зоопарк. Встречи с неизвестными зверьми вселили страх перед будущим - и я хотел найти ответ здесь. Животные

лучше человека приспособлены к выживанию. Не все. Но они есть. И лучше заранее знать - какие?

Последний раз в зоопарке я бывал несколько лет назад. И сейчас с трудом вспоминал, что и в какой стороне могло находиться. В первую очередь - вольеры с хищниками. Все было слишком искорежено, перевернуто…

- Нет, это невозможно… - Я бормотал себе под нос, обходя все по периметру. - Уцелеть в Той мясорубке? Тем более - находясь в узком пространстве? В клетке?

Ответ, так мной ожидаемый, был получен не сразу. Мне пришлось не один раз пройти по бывшему парку, пока я не наткнулся на что-то, отдаленно напоминавшее заграждение для крупного зверя. Прутья были вырваны с мест, словно по ним ударили тараном. Сама клетка сдавлена и с боков, и сверху - уцелеть практически нереально… Еще несколько подобных встретил поодаль, потом в другой части парка - и решил, что достаточно. Я так и не понял - мог спастись кто либо, в Тот день?

- Лучше не надо…

Да, любой серьезный хищник, который сумел выжить, сейчас представлял нешуточную угрозу. Но еще более я опасался иного - что те, кому представилась такая возможность, превратятся во что-то, вовсе ужасное… Ящер не мог появиться, из ничего - кто-то послужил прообразом монстра. Так же как огромные крысы. Неясно со свинорылом - но со временем я надеялся понять и это. А вот если на свободе оказался медведь, или лев…

Прошло еще две ночевки, прежде чем мы приблизились к краю болота. Я с трудом узнавал местность. Либо в те разы я здесь вовсе не проходил. Все подступы к нему оказались защищены целым лесом из кустарника. Местами высохшего, ломающегося при нашем движении с треском, наподобие рвущейся бумаги. Но в большей своей части растения оказались более жизнеспособны, чем могло показаться вначале. От болота излучалось тепло - а я наоборот, ожидал увидеть замерзшую воду. Видимо, что-то основательно разладилось в экосистеме моей планеты, и я ничего в этом не понимал…

Заросли мне не понравились. В них очень легко можно спрятаться. А прячется, обычно, враг. И то, что он где-то есть, я, приученный последними событиями к самым неожиданным вещам,

скорее принимал за данность, чем вероятность. После посещения зоопарка я склонялся к мысли о том, что некоторым животным судьба дала шанс - и они могли его использовать. Слишком высокой казалась эта трава, слишком густой… Но путь к болоту пролегал через нее, и теперь следовало обходить заросли много южнее, а, следовательно, потратить еще несколько дней. О возможности выйти северным путем, ближе к обрыву, я даже не задумывался. Эта дорога, вряд будет короче, а вот сложнее - очень даже возможно. Один раз где-то в тех краях я уже нарывался на целое поле битого стекла. Второй раз попасть в подобную передрягу совсем не улыбалось…

- Что скажешь?

Вопрос был обращен скорее мне самому, чем притихшему щенку. Но он вильнул хвостом, словно соглашаясь…

- Понятно. Типа, ты решай, хозяин, а я следом. Мудро. Если вляпаемся - не твоя вина, да? Ну ладно… Рискнем.

Я поправил лямки мешка, вытащил меч и сделал шаг. Щенок ступил следом. Трава, несмотря на свой рост, легко поддавалась, и я свободно раздвигал ее, проделывая себе и псу дорогу. Под ногами земли тоже не было - скорее мох, причем вовсе не привычного, зеленого или хотя бы приближенного к тому цвета. Он казался желтым, будто ковер из сотен одуванчиков. Возможно, в этом имелся особый смысл, но я его не понимал, хотя такой яркий цвет не мог не радовать глаз. На всеобщем фоне бурого и серого - очень даже прилично… Меч не понадобился - прорубать заросли не пришлось, и я с облегчением убрал его в ножны. Однако очень быстро я ощутил тревогу иного рода - однообразие и высота трав привела к тому, что я начал терять направление. Мы шли через заросли около двух часов, и по моим расчетам уже должны выйти к берегу. Но заросли не кончались. А тут еще и щенок неожиданно подал голос…

- Какого лешего?

Пес глухо ворчал куда-то в бок, всем своим видом выказывая озабоченность. Это могло означать многое - например, зверя, затаившегося поблизости. И зверя крупного, иначе щенок вряд ли станет рычать. Я снова потянулся за клинком…

Мы не двигались далее - я не хотел подвергнуться внезапному нападению, а враг - если это враг! - ничем себя не проявлял. Ожидание стало напрягать…

- Щеня… Давай-ка ты, прояви инициативу… След. И потихоньку…

Привыкший к этому слову щенок послушно двинулся вперед. Мне очень хотелось его остановить - но, стоять здесь в недвижимости… Пусть уж лучше схватка! Пес исчез в травах. Выждав с минуту, следом отправился я сам. Мы прошли несколько десятков метров, как пес остановился, как вкопанный, а его рычание стало немного более взволнованным.

- Что?

Я приблизился. Пес уткнулся носом в примятый мох. Отодвинув его в сторону, я внимательно рассмотрел след - а это был именно след. Примерно с мою ладонь, что означало зверя не совсем уж крупного - если следовать той логике, которая относилась к ранее встреченным крысам или Свинорылу. Следы тех, так напугавшие меня вначале, сильно расходились с их реальными размерами. Вряд ли я смог бы ответить, почему природа так решила, но пока обстояло именно так. И, если этот след тоже принадлежал к какому-то новому созданию - его обладатель самое малое, мог достигать величины средней такой, коровы... Или, еще одно невероятное порождение, вроде тех крыс. Собственно, таких размеров крыса в этой местности - тоже не самое лучшее соседство.

С удивлением отметил, что нисколько не возбужден и даже не удивлен… Следы, значит следы. Вроде так, как и должно быть… На десятки километров вокруг ни единого человека, а вот животное - пожалуйста! И я вовсе не поражен этому. Раньше я не мог похвастаться таким хладнокровием…

Каким-то образом я понимал - это не крыса. Не то, что стал разбираться в следах, как бывалый охотник - уж скорее, вовсе ничего не понимал! Но некоторые отличия все же нашлись - а память подсказала, в чем различие. У этого отпечатка не виднелось когтей, кроме того, следы крыс всегда были более легкими, не вдавленными, как этот. Еще оставался щенок - а он вел себя спокойно, хоть и продолжал глухо ворчать.

- Ну, что скажешь? Кто это? Крыса?

Тот не отреагировал, хотя слово Крыса тоже хорошо помнил. Я удовлетворенно решил, что, как следопыт, пусть немного, но становлюсь более профессионалом.

- Верю. Я тоже так думаю. Тогда… кто?

Ветер покачивал верхушки травы, разнося терпкий запах. Исходил ли он от самих зарослей, или был привнесен издалека, но если этот запах чувствовал я, то щенок и подавно. И он сильно мешал щенку учуять зверя. Но выслеживать того не входило в мои планы. Оставалось надеяться, что и он не имел таких намерений…

- Будем думать, что он далеко, а *Сам* - мирный… Или, тоже боится. Искать встречи не станем - у нас другая цель. И, похоже, что мы от нее уклонились. Пора бы и назад.

…Вода оказалась мутной, словно покрытая масляной пленкой, с неприятным и каким-то душным запахом. Впечатление создавалось такое, что я оказался в глубоком колодце, и лужа, образовавшаяся на его дне, простояла здесь уже не с один десяток лет. Но только этому болоту от роду всего-то пара месяцев… Напрашивалось жутковатое объяснение - дно этих вод в изобилии усеяно телами погибших. Оттуда и муторный, выворачивающий запах, и прямо таки мистическое ощущение смерти, исходившее от берега. Однако, деваться некуда - возвращаться в последнее убежище далеко, искать стоянку среди преодоленных зарослей - глупо. Трава, высотой в мой рост, с неизвестными следами, не располагала к ночевке еще больше, чем эти мрачные воды. Но нужно позаботиться хоть о каком-то укрытии…

Черный, проныра, уже мотнулся туда-сюда в поисках приключений, и теперь отдыхал неподалеку, беззаботно почесываясь. Глядя на щенка я несколько успокоился - раз он не чувствует никакой опасности, возможно, я тоже ее преувеличиваю? Все-таки, его обоняние, вкупе со слухом, куда как лучше моего…

На берегу нашлось немало сухих дров - остатки от деревьев, по видимости, росших здесь ранее. Нарубив часть сучьев, я приволок их к укромной ложбинке, решив, что ночевать лучше с огнем, чем без оного. Не то, что он особо требовался - еда у нас не нуждалась в приготовлении, а холода мы не боялись. Но я помнил о следах… Кто уж там шастал в зарослях, животное или зверь, опасный своими размерами, огонь мог защитить нас от неожиданного и вряд ли желаемого визита. А, раз так - хвороста следовало приготовить с избытком. С другой стороны, привлекать огнем чужое внимание тоже не хотелось. Кто их знает, этих новых зверей? Это раньше я точно знал, что любое дикое создание боится огня. Поручится за подобный

страх у новых созданий несколько рискованно. Следовательно, придется соблюсти некую конспирацию. Подумав, я вспомнил кое-что из детства…

…Этим шагом стал «дакотский» очаг - прием, вычитанный когда-то на заре увлечения далекими индейцами, из настоящих книг про их нелегкое житье-бытье. Настоящих, это значит не стрельба-погоня-стычки, а вполне документальное описание быта, обрядов и способов выживания в дикой природе на момент появления вездесущих «белых» братьев. Одним из таких вот «братьев» в этом изменившемся мире стал я сам. Только уже без индейцев… Тогда все читалось без интереса - куда как увлекательнее смотреть фильмы с индейцем всех времен и народов - Гойко Митичем! Но в памяти всякие мелочи отложились…

Для очага требовалось вырыть в земле ямку, достаточную для того, чтобы выложить на ее дне ветви, а несколько выше - повесить котелок. Хитрость заключалась в следующем - выяснив, откуда дует ветер, с той стороны сделать подкоп под эту яму, в виде рукава, и вывести отверстие на дно ямки. Огонь получал достаточное питание от воздуха, а сами языки пламени настолько мало поднимались из очага, что заметить его уже с расстояния более тридцати шагов становилось невозможно. Вполне разумно, учитывая их постоянные войны между племенами… Нападения охотников за скальпами я не боялся, а вот привлекать внимание, от кого бы оно ни исходило, не жаждал. Да и расход топлива при этом приеме требовался минимальный.

И без того сумрачное небо стало заволакиваться темными облаками. Я скорее угадывал, чем мог видеть то, что происходило где-то над головой - по чуть изменившемуся освещению, более промозглому ветерку. Вечерело. На всякий случай натянул на шестах нашу плащ-палатку - полей дождь, огонь будет защищен, да и самому мокнуть не особо хотелось. Не наша обжитая и надежная пещера-подвал, но хоть что-то… Впрочем, за столько недель появилась привычка чуть ли не спать в походах в постоянной сырости, так что дождь не пугал. Просто, хотелось удобств… Так уж устроен человек.

Щенок прибился под руку - ему надоело носиться по берегу, и теперь он требовал свою долю ласки. Я потрепал его по холке:

- Напрыгался?

Он лизнул меня шершавым языком по ладони.

- Ага. Пеммикан? Или лепешку?

Тот понимающе привстал - лакомство уже было приготовлено и заранее порезано на кусочки.

- Ну, куда там… Лепешка, скажешь еще. Конечно, вам мяско подавай - не травоядные мы… На, держи уж!

Черный ухватил жесткий кусок сушеного брикета и стал с упоением грызть его, весьма довольный и отдыхом и едой. Я тоже вцепился зубами в подобие шкуры крокодила - высушенный до состояния подметки, пеммикан с трудом поддавался и об него вполне можно сломать зубы. В виде порошка он нравился мне гораздо больше, но как брикет - сохранялся дальше. В походах это значило немало. Не всегда удавалось подстрелить какую-либо добычу - вернее, почти никогда. Это щенку, с его реакцией еще как-то удавалось поймать кого-либо на обед, я больше довольствовался собственными припасами. Но мои наблюдения подсказывали - в руинах появляется живность. И это не крысы, присутствие которых могло оказаться опасным, а что-то более мелкое. И совершенно иное. Пару раз уже удавалось поужинать подобием кролика, так что я мог не опасаться, что с окончанием срока годности наших припасов, умру от голода. К этому времени жизнь должна вернуться в руины… А если добычи не станет хватать там, среди развалин - что ж, всегда есть возможность прийти на окраины города, в степи и берегам реки. Или сюда, где только что были найдены эти загадочные следы.

Насчет дождя я все-таки ошибся - либо ветер там, наверху, отогнал тучки подальше от нашего привала. Спасибо и на этом… Но светлее не стало, напротив. Ночь входила в свои права - и тут, словно ниоткуда, что-то очень знакомое послышалось от близкого берега. Я насторожился, не совсем поняв источник звука, а щенок привстал, увидев, как я напрягся. В следующую секунду я уже понял, какую страшную оплошность допустил - Звук, идущий словно отовсюду, не оставлял сомнений в своем происхождении! Это был комариный писк! Даже в прежние, те времена, до Катастрофы, ночевка на берегу практически любого водоема могла обернуться кошмаром, и никакая мазь не могла спасти от этих кровопийц. Но еще более опасался я размеров этих созданий - если уж все сейчас стало другим!

Вслед за писком послышался гулкий шлепок - отнюдь не насекомое могло его произвести! От неожиданности я вскочил и

устремил глаза на темную поверхность болота. Но разглядеть, что либо, в этой темноте мог разве что филин… Шлепок повторился, затем другой, следующий - и я вдруг понял, что он означает. Кормежку! Если есть комары - есть и те, кому они самой природой предназначены в пищу! А желающих набить свои утробы такой пищей на болоте мог кто угодно - и, в первую очередь, лягушки!

Отбросив сомнения, я выхватил из очага самую большую головню и бросил ее что есть силы вдаль. Шлепки на минуту прекратились - но мне хватило этих секунд, чтобы увидеть - мое предположение верно! Из воды, десятками озабоченных пастей выглядывали громадные морды, более напоминавшие чудовищ, из какого либо фильма о прошлом Земли. Под стать им над водой метались и цели - каждый комарик размером с фалангу моего пальца. По сравнению с этими жабами - крошка. Но я прекрасно понимал, какие последствия можно получить от укуса такого вот крохотули!

Последующие минуты я бешено натирал лицо жиром, стремясь закрыть все незащищенные одеждой места, а заодно прикрыл щенка шкурой, служившей нам одеялом. Прокусить крепкую шкуру комары вряд ли бы смогут - щенок, не вздумай он вылезти наружу, был относительно защищен. Но вот я сам… Однако, все приготовления - к моему огромному облегчению! - оказались напрасны. Звук от писка не прекратился, скорее напротив, но ни одному их этих представителей мошкары пока не пришла идея из корма самому стать охотником. А лягушки - или то, что там было в болоте! - продолжали смачно открывать и закрывать свои пасти, создавая этот концерт поедания…

Вакханалия продолжалась пару часов и так же внезапно стихла, как и началась. Шлепки прекратились, исчез и непрерывный писк. Еще не веря, что мы счастливо избежали возможности быть заживо «выпитыми», я приподнялся, решаясь приблизиться к берегу и посмотреть место пиршества. Ничто не напоминало о случившимся. Вода оставалась спокойной, меж малейшего всплеска, лягушки или жабы пропали, и лишь местами на поверхности блистали крохотные крылышки…

Мне вдруг стало не по себе. Уже не первый раз изменившаяся природа преподносила очередной сюрприз, начиная от громадного ящера-змея в реке и заканчивая вот этим… И не в первый раз я задумывался о том, что происходит. Откуда все это? Вернее - почему?

Откуда - еще более-менее как-то укладывалось в схему… а вот остальное? Не очень… Раз появились комары, следующий логичный шаг - мухи, жуки, бабочки, муравьи. Хотя, жуки нам уже попадались. А вот увидеть муравьев, особенно в своем складе как-то не хотелось.

Тем временем стало светать. Щенок выполз из шкуры, под которой успел вздремнуть. Он вряд ли задумывался над моими проблемами - что ж, его жизнь только началась. И, судя по некоторым вещам, она вполне вписывалась в новую схему. В отличие от моей…

Утро не принесло ничего необычного. Нас никто не потревожил, в кустарнике не раздавалось посторонних звуков, а на воде исчезли все последствия ночного пиршества. Я только диву давался, гадая, куда попрятались уцелевшие представители летающих кровососов. Глядя на поверхность болота, я больше не хотел даже думать о том, что бы исследовать его более внутреннюю часть. Есть туда тропы через брод, нет ли их - пусть останется неизвестным. Появление гигантских жаб или лягух…- просто лягушками я как-то не решался их назвать! - отбило всю охоту к возможной разведке. А память услужливо нарисовала картинку погибающих в пасти ящера крыс… Нет уж, нечего там делать!

Не смотря ни на что, прекращать поиск я пока не собирался. И раньше была идея, пройти вдоль побережья как можно дальше на юг, и пока нам ничто в открытую не угрожало, отступать от намеченного я не хотел. Тем более, возвращаться, так и не уверившись в своих предположениях насчет людей.

Местность потихоньку менялась. Далекие развалины города остались позади и много западнее. Край болота-озера постепенно заворачивал на восток. Здесь уже практически исчезли все былые следы цивилизации - ни примелькавшихся ранее руин, ни вздыбленных и не похожих самих на себя автомобильных трасс… Я был полностью прав, предположив когда-то, что через несколько лет все признаки города исчезнут, погребенные метровой, а то и более, толщей осадков. И, если в самом городе примерно так и происходило, то здесь, на его далеких окраинах, этот процесс шел гораздо быстрее. Не знай, я, что до самого города несколько десятков километров - мог бы вообразить, будто нахожусь среди бескрайних просторов где-то в тундре. Хоть в настоящей тундре я никогда и не был… Такое впечатление создалось из-за скудной растительности и все более

густого мха, заполонившего все попадающиеся по пути ложбинки. К тому же - от земли исходил какой-то парок, словно она быстро отдавала свое тепло. Дотронувшись ладонью до поверхности, я присвистнул - разница температур ощущалась уже на высоте моего роста! И, если внизу она соответствовала примерно десяти-двенадцати градусам тепла, то любой мой вздох вызывал клубы пара, словно вокруг не менее семи-восьми мороза… Это открытие меня не особо удивило и еще меньше - обрадовало. Уже давно я замечал подобное несоответствие в самом городе, но там разница вроде как была поменьше. И я совершенно не представлял, что это означает…

Черный, словно споткнувшись, вдруг возбужденно стал нюхать воздух, после чего сорвался с места и устремился куда-то в сторону от воды.

- Куда тебя понесло? Опять что-то услышал?

Я лениво свернул в том же направлении.

- Сейчас угадаю… Может, суслик?

Щенок, не обращая на меня ни малейшего внимания, носился возле какой-то горки, чуть ли не повизгивая от избытка чувств.

- Это что тебя так раззадорило? Не Свинорыл, случаем? Так мы охотиться не будем, не до этого. Да что с тобой?

Ответом послужило слабое тявканье… Я мог поклясться, что это не мой щенок! Вся лень и вялость мгновенно исчезли - я буквально взмок, подумав, что он нашел! В пару прыжков оказался возле горки и прислушался…

То, что я издали, принял за холмик, оказалось выброшенной наружу землей. Судя по многочисленным отпечаткам лап - это собаки! Здесь была нора! И именно оттуда, из глубины, исходил этой скулеж! Весь дрожа, я рванулся было к куче… и замер, подумав, чем это нам угрожает! Если это кутята - а сомнений не оставалось! - то где-то и их родители! А то и целая стая! Ничего хорошего от встречи с ними я не ожидал! Достаточно вспомнить наше знакомство с Черным, убийство его матери, да хоть мой ужас, когда я услышал ее рев! Вряд ли стая станет церемониться с пришельцем, будь он хоть трижды человек!

А когда я внимательнее рассмотрел следы - все сомнения улетучились в мановение ока. Такие же огромные, блюдцеобразные, словно копии тех, что мы встретили на берегу реки - может, это и собаки, но скорее всего, - нет! Это вообще, неизвестно что!

- Куда?!

Я грубо одернул щенка, порывающегося влезть внутрь.

- Сожрут в два счета! Назад!

Черный с непониманием и обидой, вновь попытался протиснуться в лаз.

- Нет! Уходим. Быстро.

Я очень редко пользовался поводком - не имело смысла. Щенок почти не давал таких поводов, всегда слушаясь малейшего окрика. Но сейчас он упирался всеми лапами, стремясь попасть к своим сородичам, и я пожалел, что пес не на веревке. Не тратя больше времени, я просто сгреб его в охапку и бегом направился к берегу. Как можно быстрее надо покинуть этот район! Если стая, вернувшись, возьмет след - и мне, и ему, прошлые стычки с крысами покажутся безобидным приключением…

Теперь я уже желал всей душой, что бы пролился дождь. Хороший такой, сносящий все на своем пути. Он смоет наши следы и уничтожит сам запах. Словно отвечая моим мыслям, на горизонте стало быстро темнеть. Огромная туча надвигалась на степи и край болота с востока. Я отпустил щенка и потянул его за собой. Тот, по-прежнему, порывался назад - и я немилосердно дергал поводок, принуждая его следовать рядом.

- Даже не думай… Это уже не твои друзья. Это - совсем не собаки!

Я уговаривал сам себя, хотя где-то внутри сомневался… А совсем ли *собака* мой приятель? Так ли это, или нет - бросать его на усмотрение хозяев, так некстати найденного логова, я не стану!

Через пару часов изнуряющей ходьбы, перемежаемой бегом, мы вконец выдохлись. Пора думать о стоянке. И, хоть еще одна ночевка возле самой воды вовсе не прельщала, но подступающая туча не оставляла выбора. Я поискал глазами: В нескольких шагах от болота только вздернутая былыми трясками земля. Ни деревьев, ни кустарника. Все тот же мох, и лишь кое-где - чахлая трава.

Щенок подал голос. Задерганный мной, он явно выражал свое негодование. Я присел на корточки:

- Прости… Нельзя тебе с ними. И мне без тебя - тоже нельзя. Я один с ума сойду…

Успокаивая щенка, я смотрел по сторонам – ну, хоть что-нибудь, могущее послужить укрытием! И снова кто-то там, свыше, сжалился… В нескольких шагах, прямо перед нами, ветер взметнул гребни трав, на мгновение, открыв вход во что-то темное…

Достав лук, я осторожно приблизился. Из дыры исходило зловоние, отчего я отпрянул обратно. Снова нора? У собак так не пахло! Тогда - кто?

Из дыры никто не выскакивал, рычания или иного шума я не слышал - нора пуста? Мимо проскользнул щенок. Он так быстро метнулся внутрь, что я не успел его остановить. Если там кто-то есть - сейчас услышу предсмертный визг!

Но из ямы раздался только призывной лай. И никакой угрозы в нем не звучало. Если и был у этой норы хозяин - он ушел. Скорее всего, давно. А может, что и убит - теми созданиями, которые являлись папашами и мамашами кутят…

Я прикинул - через полчаса идти дальше станет невозможно. Туча наползала на болото и первые капли уже падали на землю. Если стая возьмет след - ливень его смоет, а то и заставит их вернуться назад. Здесь, по крайней мере, имелось естественное укрытие - в виде той самой странной норы. И хоть занимать чужую территорию мне не «улыбалось», но оставаться перед угрозой ледяного дождя, а то и града, не хотелось еще больше. Скрепя сердце я забрался вслед за щенком в лаз. Внутри стало еще противнее, чем снаружи. Тошнотворный запах помоев словно пропитал собой все стенки… Кто ж так мог пахнуть? Роясь в памяти, я смог представить себе только скунса. Но в наших краях… Откуда? Или, *Это* -еще одно из произведений изменившейся фауны этого мира? Сколько их еще будет?

Тем временем, стало совсем темно. Туча приблизилась уже настолько, что последние проблески света исчезли, наглухо прикрытые свинцовыми, нависшими прямо над болотом, облаками. И сразу начался дождь. Не первый, на моей памяти, и вряд ли последний… И такой же мощный, какие проливались над руинами после Того дня. Стена воды быстро сменилась барабанной дробью - возле самого отверстия в землю упали первые градины. Поверхность быстро покрывалась сплошным ковром кусочков льда, перемешанного с

грязью, сажей, пеплом и еще неизвестно чем, из того, что до сих пор висело где-то высоко в атмосфере…

Отвратительный запах мешал только мне - Черный благодушно развалился перед входом и спокойно наблюдал за стихией. Хотя, с его обонянием, я бы вообще выплеснул из себя весь недавний обед… Наверное, он воспринимал запах как некий парфюм!

Сам не зная, на что, обидевшись, я вытянул ноги и уперся ступнями в бок пса.

- Развалился… Один тут? А мне что, по-китайски свои лапы сложить? Подвинься!

Черный что-то недовольно заворчал, но предпочел не выяснять отношения. Пожалев о своей выходке, я притиснулся к нему поближе.

- Ладно… Не дуйся. Тебе, вон, все условия. Здесь хоть воздух свежий. А там, внутри, меня мутит уже…

Я положил его башку на колени и стал почесывать за ухом. Черный блаженно прикрыл глаза, слегка отбивая хвостом по земляному полу от удовольствия.

- Да… Тебе для счастья много не нужно. Пару банок навернешь, и дрыхни себе без забот. Это я, неприкаянный, должен думать за обоих - что да как. И зачем все это… Хотелось бы знать, один ли я такой, места себе ищущий? И где этот Он бродит? Или - Они. Ни хрена я не знаю. Сколько уже мы с тобой исходили вокруг да около, а толку? Одни лишь звери. Да и те - не пойми, какие. Скажи кто, что воочию ящера увижу - послал подальше. Дожил, блин… Сам попал в блокбастер. Хоть кино снимай… Смотреть, правда, не кому.

Пес согласно облизнул мне пальцы и притиснулся поближе - град прекратился и на смену ему начался довольно холодный ветер. Из-за моей нерешительности хвороста для разведения костра я так и не приготовил. Теперь приходилось пожинать плоды собственного упрямства…

- Ну что, будем мерзнуть? А… толку теперь за дровами идти. После ливня хоть обыщись, сухой коряги не найдешь. Придется сидеть всю ночь, поджав хвост. - Я с некоторой завистью кинул взгляд на свернувшегося пса. - Хотя, кому как…

Успокоенный хотя бы тем, что мои предположения насчет нашего запаха будут смыты напрочь, а значит, преследования можно не опасаться, я прикрыл веки…

Ночью снились кошмары. Какие-то разинутые пасти, клыки, с которых сочилась кровь, ямы под ногами. Я дважды просыпался в холодном поту - и с тревогой смотрел наружу. Но ни возле норы, ни вдали ничего не нарушало тишину. Даже вода не плескалась, хотя мы располагались совсем рядом с берегом. Отнеся все это на счет отвратительного запаха, я выбрался наверх. Голова немного прояснилась, а странные видения исчезли - вероятно, я был недалек от истины.

Утро застало нас уже в пути. Во время бегства мы повернули назад - продолжать путешествие прямо в пасть неведомых созданий, было чистейшим безумием. Но разведка в итоге сорвалась. Мимо стаи не пройти, а значит - вся дальнейшая территория останется неизведанной. Но уж лучше так, чем новая схватка с дикими животными. И у меня не оставалось сомнений в их дикости…

От досады я решил уклониться от берега к юго-западу. Это решение вело нас в желтые пески, к границе которых я уже подходил со стороны города. Но внутрь мы не забирались. Если ядерный взрыв и пресловутая шапка-гриб, в котором я давно сомневался, все же имел место быть - то мы идем на самую опасную территорию…

Под ногами хрустело подобие стекла. Шагать по нему становилось все хуже - мои мокасины не обладали большой толщиной подошвы и я чувствовал каждый камушек с острой гранью, если он направлен вверх. Примерно одинаковое состояние испытывал щенок. Он начал останавливаться, поочередно подымая лапы. Мое упрямство завело нас в не самый благоприятный для жизни, район…

- Умаялся… Я тоже. Ладно, давай еще немного протопаем - и завернем к северу. Вроде с половину этой пустыни прошли…

Уговаривая скорее себя, чем его, я преподнес ладонь к глазам. Не от солнца - скорее, по привычке, - Так отсекалось все лишнее, концентрировалось внимание.

- Пусто… Пески. Нет тут никого. И быть не могло. Все, щеня. Мы нужную норму выполнили - и шабаш. Вот водички глотну, и в путь. Домой.

Черный устало вильнул хвостом… а потом поднял голову и замер в одной позе, словно изваяние.

Поведение щенка меня насторожило… Если ранее, увидев что-то интересное, он, либо срывался с места и мчался исследовать новую

территорию, либо, возбужденно метался кругами, почуяв чьи-то следы, то сейчас мой четвероногий приятель словно застыл, настороженно прижав уши к лобастой башке. Такая поза означала одно - опасно! Доверять инстинкту пса я уже научился - и в следующее мгновение, уже выхватив стрелу, прилаживал тетиву к луку…

Черный не сводил глаз с россыпи камней, что находилась от нас на расстоянии примерно двадцати, двадцати-пяти шагов. Я слегка приподнял лук, следуя за его взором… Прошло несколько секунд томительного ожидания. Неведомый враг не показывался. Я прислушался - откуда-то издалека донесся сухой треск. Однако пес, слуху которого я порой доверял больше, чем собственному, не повернул головы, все внимание, устремив только на россыпь.

- Сиди здесь.

Не уверенный в том, что щенок меня послушается, я, тем не менее, решил предпринять, хоть, что-нибудь - ждать в бездействии могло быть просто опасно. Если там, среди камней, затаился кто-то, или что-то, что встревожило пса, лучший способ избежать внезапного нападения - напасть самому! Оставив Черного стоять на месте, я быстро взобрался на пригорок, с которого открывался вид на округу, и который еще вчера выбрал ориентиром для нашей остановки. Холм был значительно выше удаленной россыпи - и я с некоторым облегчением убедился, что позади камней ничего нет. Далее, до самой кромки уже далекого болота, простиралась относительно ровная поверхность, если не считать нескольких валунов, появившихся здесь вероятно в результате землетрясения. Если здесь и был кто либо - то только за этими валунами. Но ни малейшего шевеления там я не увидел. Могло ли щенку показаться? Ветер, свободно гуляющий среди перекореженной степи, шуршание песка на гребнях далеких барханов… Да мало ли? Еще раз, осмотрев все ближайшие места возможного укрытия неведомых существ, я уже более спокойно стал спускаться обратно.

- Сидишь? Хоть бы голос подал… чему испугался-то? Или, шутки такие?

Щенок, оставленный мной внизу, словно превратился в изваяние. Он, по-прежнему, не сводил глаз с камней, не отреагировав на мои слова ни малейшим движением. Я нахмурился - такое поведение не могло означать игру…

Что-то заставило меня обернуться. Что-то, чему я не знал названия, но про которое знал точно - *Этому* ощущению не доверять нельзя! Под сердцем, словно слегка защемило, все тело напряглось - и я, даже не пытаясь разобраться, одним рывком вскинул лук навстречу неизвестности…

Стрела со стуком ударилась в камень, древко разломилось - а я, прилаживая очередную, не сводил глаз с непостижимо быстрой тени, стремительно прячущейся среди камней. Движение продолжалось доли секунды - но мне хватило, чтобы оценить и размер существа, и даже его происхождение. И, едва я это понял - холодок ужаса едва не сковал мне все члены…

…Несколько недель назад, еще в самые первые наши выходки за пределы города, довелось увидеть луг, сплошь усеянный крупными жуками, величиной чуть ли не с мою ладонь. Еще тогда я поразился их размерам - хотя, на фоне остального преображения природы, такой итог мог бы, наверное, считаться вполне естественным. Но в тот раз - да и после! - мне и в голову не приходила мысль, что не только жуки могут *так* измениться в размерах… Преобразования, затронувшие животный мир, до сих пор как-то мало затрагивали насекомых - если не считать того случая, и жутких комаров. И я, больше обращая внимание на чудовищных крыс, или огромного ящера, совершенно забыл, что в новом мире некоторые старые знакомые могут оказаться едва ли не страшнее этих кошмарных зверей…

Я мог ошибаться в мелочах, в количестве лап и высоте этой твари, но совершенно уверен в одном - тень, исчезнувшая среди камней, принадлежала гигантскому пауку.

Когда-то, читая заметки натуралиста, мое внимание привлекло высказывание автора:

- Если представить, что паукообразные, вдруг станут величиной хотя бы с домашнюю кошку - через полгода они останутся единственными обитателями земли!

Он имел в виду их умение выживать в самых немыслимых условиях, невероятную силу по отношению к собственным размерам, смертельный яд и прочие «достоинства». И теперь, вспомнив эти слова, я и сам, не хуже пса, словно превратился в соляной столб… Быстрота реакции, способность мгновенно прятаться в малейшей щелке, полная беззвучность передвижений - как бороться с этим

существом? Я прекрасно понимал - стоило даже одному подобному пробраться в наше убежище - и лучшее, что мне оставалось, так это покинуть его, дабы не оказаться спеленатым крепчайшей паутиной...

Черный неожиданно и молниеносно прыгнул вперед. Я не успел и рта открыть - пес в несколько прыжков преодолел расстояние до россыпи и приземлился на все четыре лапы сразу, встав на плоский камень, словно на пьедестал. Еще не придя в себя, от ранее увиденного, я оценил его рывок - щенок занял стратегически выгодную позицию, с которой просматривалась вся россыпь. По сути - он «как бы» держал под контролем место возможного появления врага, готовый наброситься на него с самой верхней точки. Но также я понимал, что «как бы» - потому что малейший укус этой твари! - и я останусь без своего друга. Если зараза, имеющаяся на резцах крыс-трупоедов, еще хоть как-то подлежала лечению, то, что делать с несравнимо более мощным ядом шестилапых охотников, самой природой предназначенных для убийства гораздо более крупных, чем они сами, особей? Только вот, в роли «мух», сейчас могли оказаться мы сами…

Щенок вновь присел, вернее - вжался в камень, на котором стоял, весь подобравшись, и напоминая льва перед решающим броском.

- Сидеть! Сидеть, дурень!

От отчаяния я вновь вскинул лук - хотя даже не представлял, откуда может появиться этот кошмар, словно выпрыгнувший из фильмов ужасов. Зато это прекрасно знал мой пес - благодаря своему нюху, возможно… Его рывок я едва не пропустил - Черный, словно выстреливший всей своей массой, сбил с ног что-то пред собой и в ту же секунду страшный удар передних лап с хрустом вбил это что-то в камни. Я знал, что щенок довольно силен, далеко не по своему росту и возрасту, но сейчас он превзошел себя - во все стороны полетели ошметки от какой-то мохнато-волосатой плоти, камни и вязкая, отвратительно пахнущая слизь. Я рванулся к щенку… и, неимоверным усилием заставил себя остаться на месте - среди камней могли оказаться десятки подобных тварей! Чувства обострились до предела - я реагировал на малейшее движение, на дуновение, готовый спустить стрелу и на этот раз не промахнуться…

Щенок беззвучно спустился с гряды и встал рядом. Он не терся в ногах, не взвизгивал и не просил ласки, как поступал раньше, когда

хотел чтобы его похвалили… Будто понимая - а может, понимая? - всю остроту обстановки, он слегка водил ушами, так же как и я, ловя каждый звук среди руин.

- Рядом…

Собственный голос показался громом, хотя я едва разжал губы. Мы отступали спиной назад, пока не сравнялись с брошенными вещами. Не отдавая более никаких приказов, я быстро и молча покидал все снаряжение в мешок. Черный стоял настороже, следя за происходящим.

- Идем.

Мы отошли от стоянки, еще шагов на пятьдесят.

- И чему мне больше удивляться? - Я пытался шутить, хотя скулы сводило от запоздалого ощущения страха… - Тому, что появились эти арахноиды-переростки? Или, что ты, мой товарищ, ведешь себя далеко не как обычная собака? Хотя… Чему тут удивляться? Если все вокруг изменилось, то и их появление, и твое поведение - звенья одной цепи. Что вот, только, ожидать далее?

Щенок переступил с лапы на лапу, потом повернулся к тропинке, по которой мы пришли от болота.

- Типа, валим отсюда, да? Спорить не буду…

Я еще раз окинул взором ближайшие взгорки, степь перед береговой кромкой, далекие холмы за песками…

- Идем. Дом далеко, что хотели - увидели. Вот только не все, что хотели - встретили. Ну да не крысы… по следам не увяжутся.

Но на этом наши приключения в тот день не закончились. И лучше бы их не было вовсе - чем повстречать то, что я предполагал однажды увидеть…

Мы миновали желтые пески и уже поднимались по склону на пригорок, за которым виднелась полоска мегаполиса. Здесь росли деревья - уродливые, искореженные, но живые. Многие повалились друг на друга, словно поддерживая от падения и гибели. Идти среди них было мрачновато… Я не собирался останавливаться - засветло мы могли успеть дойти до ближайших руин и переночевать там. Но, изрезанные в лохмотья мокасины требовали замены.

- Черный… Пошарь вокруг - авось, найдешь что себе на перекус. А то, твою тощую натуру одними лепешками не прокормить. А я пока отдохну с пару минут.

Не смотря, на усталость, пес сорвался с места - второго приглашения не потребовалось. Он отсутствовал всего ничего - и отчаянный, просто надрывный лай заставил меня вскочить на ноги, бросив и обувь, и едва надкусанную лепешку.

- Ччерт! Ты где?

Лай не прекращался - и в его тоне я слышал что-то совсем жуткое, будто Черный повстречал саму смерть…

Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, я выбежал из леска по направлению звука - а затем и сам издал вопль, едва увидев, где стоит мой щенок!

Пес находился посередине стоянки. Но - мертвой! И мне не понадобилось долго рассматривать - кто на ней расположился! Я смотрел - а глаза застилала кровавая пелена… Вот они, те, кого я так долго ищу и кого уже не надеялся встретить! Может быть, одни из последних людей, чудом выжившие в этом страшном мире - и погибшие от клыков самых омерзительных тварей, какие могли появиться только в кошмарном сне. Но растерзанные останки, побуревшая от крови земля, клочки одежды - не сон… Это реальность, жуткая и беспощадная. Их беспечность, или слабость стоила им жизни. Всем, до последнего!

- Нет!

От отчаяния я перебегал от одного к другому - бесполезно… Лишь несколько погодя, когда мне удалось совладать с собой, я, стиснув зубы, осмотрел стоянку, не упуская ни единой мелочи.

Первое мое предположение - напали те самые собаки! Их логово достаточно близко - что стоит новоявленным монстрам преодолеть пару десятков километров в поисках добычи? Но убийцами оказались крысы. Характерные следы на песке, запах, вздыбленная шерсть щенка - все указывало на них. Трупоеды напали внезапно, возможно, на рассвете, когда утомленные долгим переходом странники крепко спали. Они не выставили охранника - я понял это, как только обследовал лагерь. Сторожевой мог поднять тревогу, но, даже если он не успел этого сделать - его труп должен был находиться поодаль от прочих. Но здесь все лежали вповалку. Походило на настоящую бойню, причем, у сопротивлявшихся, не нашлось никакого серьезного оружия. Вероятно, что и сопротивления, как такового, никто не оказал.

Не успел… Крысы напали сразу, скопом, по нескольку чудовищ на каждого из уснувших путников. И рвали их живьем…

Горло перехватила сухость. Я не мог пить - начались спазмы. Меня рвало прямо на оторванные конечности, и я ничего не мог с собой поделать…

А потом пришло решение. Я словно перестал быть человеком… Желание убивать захлестнуло все мое сознание, превратив в неутомимого и беспощадного убийцу. Крысы не должны, не могут уйти!

- Черный…

Я насчитал четыре трупа. Если точнее - то, что можно назвать телами. Судя по еще сочащейся крови, крысы лакомились человечиной совсем недавно. Быть может, не задержись я в своем желании исследовать желтые пески - мы встретились здесь и люди остались живы! Но сожалеть поздно…

- Ищи.

Пес понял меня, едва только я вымолвил эти слова. Он взгреб землю лапами и метнулся в сторону. Я бегом устремился за ним.

Щенок вел меня обратно в желтые пески. На этот раз - туда, где мы однажды уже побывали, когда возвращались с охоты на свинорыла. Я узнавал местность, и, прикидывая, куда могут направиться серые чудовища, решил сократить путь. Крысы могли возвращаться к воде - это наиболее вероятно, так как поблизости нет ни единого ручья или речушки. Ближайший водоем - берега болота. Но там обитают собаки. Маловероятно, что крысы, с их чутким нюхом, рискнут забрести на враждебную территорию. Еще один источник - дно оврага, до которого пара часов пути. И при условии, что он еще там сохранился…

Я подумал, что крысы нашли брод на далекой реке и пришли в мои степи именно оттуда. Раньше их присутствия не замечалось, и я не допускал, что они живут где-то здесь. Но тогда им гораздо проще было прийти в город и искать поживу среди руин, чем в голых степях. Или, так оно и есть, и я просто упустил появление страшного врага?

На песке и земле следы почти не различались - но щенок, опустив голову вниз, уверенно трусил вперед. Тем не менее, вскоре я замедлил шаг. Уже близко овраг, и наша встреча, если мой расчет верен, произойдет на его дне или склонах. После обильной еды они вряд ли станут долго бежать, тем более, если там протекает ручей, где

наверняка остановятся для отдыха. Следовательно, идти в лоб - глупо. Крысы - не люди. Хоть они и не станут выставлять часовых, но прекрасно способны учуять наше приближение. И оказаться лицом к лицу сразу с множеством противников - не лучшая альтернатива для мести. Так я скорее сам окажусь растерзанным, чем смогу отплатить людоедам за гибель путников. Следовало что-то предпринять…

- Постой… - Я остановил щенка. - Проверим ветер!

И раньше мне казалось, что дует в основном с востока - несло жаром и тухлостью, каковая обычно присутствовала возле берега болота. Я подбросил горсть песка ввысь. Он устремился на запад.

- Пойдет…

Я резко завернул вправо - к далекой реке. Даже если крысы не остановились на дне оврага, им некуда возвращаться, кроме как на свой берег. Если конечно, они оттуда… Мы пробежали примерно с пятьсот шагов, когда я решил, что пора спустится. У края обрыва я вгляделся вниз - узкая полоска ручья, по-прежнему несла свою воду в озеро. Питавший ее родник находился далеко отсюда, и я до сих пор не нашел истока. На дне валялось множество громадных камней - если взобраться на один, крысы не смогут напасть одновременно. Большего мне и не требовалось…

Спуск не занял много времени. Я опустил щенка, которому было сложно карабкаться по слишком крутому склону, и приткнул его мордочку к земле:

- Ну? Успели? Они ее не прошли здесь?

Пес крутнулся туда-сюда, отбежал, приподнял голову и потерянно посмотрел мне в глаза.

- Так. Следа нет. Это хорошо… Если только они не направились в другую сторону. Надеюсь, там их хорошо встретят твои приятели… Но я бы предпочел сделать это самостоятельно!

Поискав, выбрал удобный для засады валун. На нем оказалось достаточно места для меня и щенка, кроме того - все подходы перекрыты ручьем, который крысам пришлось бы преодолевать, что б добраться до камня. Но, если какая и успеет - встречу ударом меча!

Расчет и ожидание оказались недолгим. Прошло всего около получаса, как Черный вскочил и глухо зарычал.

- Тихо… - Я сжал его пасть. - Рано. Выдашь нас!

Стрелы уже лежали на камне, мне оставалось лишь успевать выбрать цели. И я не собирался делать промах!

Раздались шаркающие звуки - камешки скользили под лапами людоедов. Я приподнял лук…

Передний, очевидно - вожак! - вбежал на взгорку и повел тупой мордой по ветру. Вряд ли он мог нас учуять, но я не стал ждать. Тетива сильно ударила по запястью - стрела впилась в плечо монстра. Резкий, лающий визг - и около вожака оказалась вся стая!

Небо вдруг потемнело, ветер усилился. Черный тревожно взвыл - но я, выбирая очередную жертву, не обратил на это внимания. Нас разделяла узкая полоска ручья. Еще миг - и стая бросится в атаку! Судорожно выхватив стрелу, я, почти не целясь, отправил ее в ближайшую тварь. Промах! Стрела чиркнула по камню и переломилась надвое. Крыса резко отпрыгнула вбок. Следующая стрела тоже улетела куда-то над ее спиной - я стиснул зубы, кляня себя за торопливость! А потом земля просто ушла из-под ног… Толчка не услышал - оказался лежащим в грязи ручья, лицом вниз. Нападай сейчас людоеды - лучшего момента им не дождаться! Но ни им, ни мне, со щенком, стало не до схватки. Все вокруг зашаталось, затряслось. Вверх взметнулись клубы пыли, окрестные камни взлетели, словно брошенные гигантской рукой, а сам ручей прекратил течь, разом исчезнув в зияющем провале. Мне оставалось всего пара метров до его края…

Землетрясение продолжалось несколько секунд, но их хватило, чтобы почувствовать вечность. За эти мгновения вокруг изменилось все. Между нами и крысами возник бездонный ров, пыхнувший жаром глубин. Опустились старые и выросли новые холмы, земля сложилась складками, словно морские волны, а видимость сузилась на несколько шагов.

Рядом надрывно лаял щенок - он тоже был сбит с ног ударом, и теперь не мог выбраться из-под груды камней и земли, засыпавшей его почти полностью. Я взглянул на противоположную сторону - крысы едва виднелись. Стихия испугала их не меньше, чем нас, и стая прыжками неслась в сторону болота.

Я встал, отряхивая с себя песок и мелкие камешки. Оружие и поклажа остались неповрежденными при падении - это успокаивало и внушало надежду. Откопав щенка, я напился сам и налил воды ему.

Примерно через пару часов пыль улеглась настолько, что я решил пуститься в дорогу. О преследовании не могло быть и речи - овраг раскроила продольная трещина, тянущаяся на столько, сколько хватало видимости. Это означало, что один ее край мог упереться в те самые высоченные скалы, а другой - вонзится в город и закончится, бог знает где… Обойти ров не представлялось возможным, а пытаться перепрыгнуть, значит, играть со смертью. Слишком широко…

- Мы вернемся! - Я в ярости погрозил в сторону степи. - Мы вернемся, и я сдеру ваши поганые шкуры! А из резцов понаделаю наконечники для стрел, которыми стану вышибать дух из всей вашей породы!

Глава 12 Месть

Глава 12

Месть

Как быстро спадает шелуха… Кто узнал бы в мрачном, заросшем многодневной щетиной, сурово вглядывающимся вдаль, прежнего «гастарбайтера»? Несколько месяцев, прожитых на грани, между жизнью и смертью, сделали меня *иным.* Прежде всего - охотником, жаждущим крови…

Я удивительно быстро свыкся со всеми «вывихами» природы, ее фокусами в виде гигантских ящеров, подземных свиней и огромных жаб. Не то, что пытался понять и объяснить их появление - но принял это, как должное, как то, с чем теперь предстоит жить. Только с одной разновидностью этой фауны мириться не хотел - с крысами. Трупоеды пока не докучали мне в окрестностях подвала, но найденные останки, красноречиво свидетельствующие о возможных убийцах, не оставляли сомнений - злобные и жуткие твари непременно появятся. И, странное дело… я сам хотел этого. Стычка под полурухнувшей кровлей ангара, схватка на мосту из вагонов, показала - серо-бурые монстры уязвимы как для ножа, так и стрел. А ярость, заполнившая меня после страшной находки, требовала выхода, наилучшим же виделся только один - уничтожение этой четвероногой банды! О том, что трупоедов может оказаться много больше, я даже не хотел думать. Вовсе не считая себя следопытом, я почему-то заимел полную уверенность, что крыс вряд ли больше семи-восьми. И полагал, что вполне способен, справится со всеми…

Мы провели в подвале всего один день. Достаточно, чтобы отмыться от дорожной грязи, пополнить запасы в заплечном мешке и количество стрел в колчане. В угол полетели подпорченные мокасины - починкой займусь после возвращения!

Погода благоприятствовала. Почти не накрапывал дождь, почти не дуло с севера, со стороны далекого Провала. В целом - более чем сносно, учитывая практически постоянную сырость и промозглый ветер. Привычка бродить по руинам сделал свое дело - мы со щенком вернулись на место трагедии едва ли не через пять дней, считая туда и

обратно, после того как я обнаружил останки людей. Последнее землетрясение мало затронуло эту часть плато - и я с удовлетворением отметил ранее примеченные развалины, не сдвинувшиеся с места, решив, направится прямо к ним. Щенок резво трусил впереди, делая зигзаги от кустика к кустику. Возле одних он останавливался и внимательно нюхал листву и землю, возле других - делал то, что представители его породы считают своей прямой обязанностью… Краем глаза я посматривал за псом - выражение его морды могло подсказать многое, если не все. Например, встревожен он этими запахами или можно пока не тревожиться. Но пока, Черный вел себя спокойно…

Возле рухнувших стен ничего не изменилось. Кости так и валялись на кирпичах, свежих следов тоже не появилось. Возможно, я поторопился с выводами… Я еще раз осмотрел останки - так ли уж верно предположение, что это именно эти жуткие создания здесь побывали? Сомнения развеял щенок - он выволок откуда-то клок шерсти и зло зарычал.

- Не ошибся?

Я поймал себя на том, что привычка разговаривать с псом становится уже патологией… Но еще более странно мог бы прозвучать внятный ответ. Хорошо, хоть пес ограничился тем, что приглушенно рыкнул. Если рассматривать это как: «Сам понюхай!», то я решил ему поверить…

- Ладно. Ты прав. Вроде как других уродов здесь быть не может… Или, может? Черта лысого, за что сейчас поручишься… Тебе то что - опустил морду к земле, и все сразу ясно, как на картинке! У меня такого носа нет…

Пес оставил клок в покое и зачем-то направился к ближайшим валунам. Я сразу вытащил лук, готовясь приладить тетиву - мало ли… Щенок терпеливо обследовал камни, я, со своей стороны, старался не путаться у него под ногами. Может, по разуму человек и впереди всех, но вот в искусстве обнаружения следов я бы не стал соревноваться даже с самой глупой шавкой. А мой пес, несмотря на юный возраст, вряд ли глуп…

Он пару раз гавкнул, явно требуя меня подойти. Оставалось лишь последовать приглашению.

- Что нашел?

Пес поскреб землю лапой… Я присел на колено и вытащил нож. Долго рыть не пришлось - клинок зацепил что-то твердое и я рывком потянул его к себе. Наружу вышло что-то бесформенное… Преодолев брезгливость, я подцепил это и вскоре понял - сумка, вернее, ученический портфель. До предела изуродованный чьими-то зубами, а возможно, что и резцами, весь изодранный в клочья. В портфеле ничего не нашлось, что показалось мне странным. Понятно, отсутствие еды - если эти несчастные шли в город именно за этим, ее как раз могло и не быть. Но, что-то другое? Вроде запасной обуви, перчаток, хотя бы мисок или простых ложек? Да хоть чего, что так необходимо скитальцу в дальней дороге! Сумка не дала ответа. Полностью распотрошенная острыми зубами трупоедов, она просто оказалась присыпана землей - результата той встряски, которая не позволила мне сразу пойти по следам убийц. Но кое-что я все же понял… Ремешки лямок явно не соответствовали размерам спины взрослого человека. Либо, его несла на спине очень маленькая и худенькая женщина, либо…

- Твари….

Я встал на ноги. Пес уловил изменившуюся интонацию и поджал уши.

- Извини. Это не тебе…

Заставив себя, успокоится, я снял тетиву - держать лук постоянно наготове, когда на сотни шагов вперед одна степь, по меньшей мере, не разумно. Кто бы там не делал это оружие, но я хорошо помнил - постоянное натяжение ослабит и саму тетиву, и плечи лука. На крайний случай, есть меч…

Я поежился. Темные облака, по-прежнему, нависали над степью, ограничивая и без того скудный обзор. Как это не походило на картины прошлого! Вспоминались пейзажи с зеленой травой, ярким солнцем и далеким горизонтом. Вернется ли все это? Когда-то доводилось читать, что пыль и чад от падения гигантского метеорита должны будут оседать не менее пары тысяч лет. Если так - меня ждет незавидное будущее, с постепенно остывающей землей и новым ледниковым периодом. Или же - вообще никакого будущего…

Я решил отвлечься от мрачных мыслей, и вернутся к насущным проблемам. В прошлый раз мы никого не обнаружили. Почему они ушли? Бросить «добычу» - не в привычках любого зверя. А это - звери.

Почуявшие и познавшие человеческую плоть. Что могло их спугнуть? Не появление, ли, второй группы людей? И… не за ними ли они устремились? А я, поглощенный одним лишь стремлением мести, упустил такую возможность?

- Черный… Черныш!

Пес подбежал.

- Поискал бы вокруг…

Он вильнул хвостом и унесся прочь. Я не стал его останавливать. Если что и найдет - даст знать. А не найдет - все равно вернется.

Пока щенок ерзал по округе, я тщательно осматривал землю и изуродованные останки. Возможно, следовало их похоронить… Но я с сомнением отбросил эту мысль. Не то, что очерствевшая душа стала совсем уж равнодушной - я мог потерять и без того драгоценное время. Долбить смороженную землю нечем… Но и бросить их так, не позволяла совесть. Я приволок несколько деревьев, обрубил ветви и сложил из всего что-то вроде постамента. Превозмогая себя, сложил все, что осталось от людей, на кучу и отошел...

Костер долго не разгорался. Деревья отсырели, а искать среди руин сухие дрова я не хотел. Лишь через час огонь усилился настолько, что смог заняться ярким пламенем, после чего жар заставил меня отойти на безопасное расстояние. Запах горелой плоти еще более отодвинул меня от костра, я поскользнулся и присел. Пытаясь подняться, уперся рукой в какой-то кирпич, сдвинул его с места, случайно бросил взгляд - и обомлел… Четкий отпечаток громадной лапы, ничуть не меньше отпечатков самих крыс, увиденных мною на берегу реки - но вовсе не похожий на них! Здесь лапа, не уступая по размерам, намного превосходила прежние, по длине когтей. Если это крыса - то, куда более огромная, чем те, с которыми я встречался на той стороне реки!

Весь, превратившись во внимание, я стал искать другие следы. Мне повезло - видимо, недавняя оттепель, во время которой и произошла эта трагедия, позволила запечатлеть всех участников события. Походив вдоль ручья, я нашел еще несколько таких же отпечатков. Они не пересекались с крысиными, но следовали за ними поодаль - словно неведомый зверь следил за серыми хищницами. Похоже, природа решила преподнести мне еще один сюрприз…

Следы уводили все дальше, вдоль ручья. Нужно решать - идти по ним или вернуться и позвать потерявшегося с глаз, щенка. С ним отыскать это существо будет проще… но стоит ли оно того? Что, если зверь, крадущийся - а я в этом больше не сомневался! - за крысами, настолько опасен, что вовсе не следует с ним встречаться? И не потому ли они убрались от места столкновения, что сами боялись попасться в зубы?

Нам пока везло - до сих пор ни единой слезинки с нависших сверху темных облаков, под ногами не трясет, как в прошлый раз, и не дует, как тогда, когда нас едва не занесло песком во время охоты на свинорыла. Пес вел не спеша - но уже почти не отбегал по своим делам в стороны. Время от времени он останавливался, нюхал воздух и вновь устремлялся вперед. Мы прошли так до вечера. Судя, по появившийся впереди, темной полосе, я понял, что мы вновь приближаемся к оврагу. Эта треклятая расщелина тянулась от берегов далекой реки и пропадала в желтой пустыне, которую я пока еще не рискнул перейти. За оврагом, примерно в паре десятков километров, возвышались скалы, столь же длинные, сколь и непреодолимые… Их еще не было видно - что не удивительно, учитывая, насколько вообще сократилось расстояние, доступное глазу.

Ветер дул прямо в лицо, всячески затрудняя движение. Он нес песок и жар. Это означало, что мы значительно отклонились к югу, точнее - юго-востоку. Крысы, сбежавшие от схватки во время землетрясения, могли направиться обратно к болоту. Я рассчитывал, что стая не будет рисковать, пытаясь перепрыгнуть возникший ров. Если трупоеды вновь голодны, то, возможно, выйдут из оврага - сколько я помнил, мелкие зверьки там не попадались. Значит, нам еще несколько дней придется следовать за ними по степи. Здесь порядком хватает всяких подъемов и ложбинок, следовательно, мы из преследователей вполне можем стать добычей. Восемь или семь монстров мне не казались слишком опасной угрозой, но на равнине врага надо успеть увидеть раньше, чем он увидит тебя… Но со мной щенок - если что, почует гадов, раньше, чем они нападут! И вообще, это я, собираюсь на них охотится! Откуда взялась такая уверенность, пожалуй, я и сам не мог себе ответить. Но меня невозможно стало узнать… Больше я нисколько не походил на себя, прежнего, знающего только постылую работу, ожидание зарплаты и считающего дни от

начала до конца смены. Катастрофа изменила всю мою суть. И сейчас, быстро и уверенно, к намеченной цели шел совсем иной человек. Да и человек ли? Полностью сохранив внешний облик, я, тем не менее, приобрел такие черты, о которых в прошлом даже не догадывался. И одной из них стало желание убивать!

За прошедшие дни, крысы могли уйти далеко. Разведчики ли это от основной стаи, или, случайно попавшие в мою часть города? И не ошибался ли я, до сих пор считая, что их здесь вообще нет? На чем основывалась моя уверенность? То, что твари не появлялись раньше, еще ничего не говорило. Крысы могли преспокойно существовать в любой части города, где я проходил. Разве заметишь того, кто не хочет показываться на глаза? Да еще с такой видимостью…

Щенок мчался вперед, подстегиваемый таким же азартом погони, который обуял меня самого. Он уже слишком далеко убежал вперед, оторвавшись шагов на сто. Как бы быстро я не шел, но догнать своего четвероного приятеля не мог. Но кричать вслед я хотел - опасался привлечь внимание тех, кого с таким ожесточением преследовал. Трупоеды могли затаиться поблизости.

Что мне было известно об их повадках? Да ровным счетом ничего. Что представляли собой крысы до Катастрофы? Обитатели помоек и подвалов, вредители, разносящие заразу, плодовитые и прожорливые твари, веками живущие рядом с людьми. Но только раньше они не являлись людоедами… Или, по крайней мере, не нападали на живых. Новые размеры и изменившийся мир все перевернул с ног на голову. Считанные недели прошли с момента гибели цивилизации, а на ее обломках уже появились такие существа, о которых раньше снимались фильмы ужасов. Но, никогда и никто, не предполагал, что это кино станет самой страшной реальностью… И теперь уже крысы будут претендовать на главное место, оттеснив человека, а то и сделав его своей добычей. Ну, уж нет!

Ярость заполнила меня до краев! Я ускорил шаг. Пусть серо-бурые убийцы превосходят нас числом, пусть их резцы могут нанести долго незаживающие, а то и смертельные раны! Но дать им привыкнуть к человеческому мясу я не позволю! Хотя бы - к живому…

Перед глазами снова встала картина из обглоданных останков, окровавленные тела и отгрызенные конечности… Смерть трупоедам!

Ночь застала нас в степи. Как я ни хотел скорее достать убийц, но продолжать движение опасно. В темноте можно попасть ногой в неприметную ямку, а то и что-то более серьезное. И тогда уже придется думать не о погоне. Кроме того - тревожил увиденный на стоянке след. Отметив, что отпечатки не приблизились к человеческим останкам, я, тем не менее, осознавал - в степях завелось нечто серьезнее собак или крыс, вместе взятых. Вопрос только в том, угрожает ли это мне? Ответ пока неясен…

Пока щенок сидел на пригорке, я собрал все, что только смог найти для костра. Есть зверь, нет ли - предосторожность не помешает. И, хоть на открытой местности огонь виден издалека, пусть. Хищник, надеюсь, не подойдет, а человек… Таких здесь нет.

Пока грелся ужин - болтушка из сухого мясного порошка и крупы, я вслушивался в ночные шорохи степи. Они мало походили на прежние, где тишину мог прервать крик птицы или стрекотание сверчка. Нет, в мои уши попадало только завывание ветра, и далекие раскаты - видимо, где-то начиналась гроза. Оказаться под проливным дождем не очень приятно, и я надеялся, что эта напасть нас минует.

Я еще раз восстанавливал картину происшедшего. Четыре изуродованных тела, от которых практически ничего не осталось. Объеденных настолько, что я не смог даже выяснить, какого пола и возраста были эти несчастные. Кроме разве одного предположения - насчет владельца детского ранца… Они шли без оружия. Неужели там, где они обитали, нет таких злобных и хищных тварей, как те, что появились здесь? И, если нет, то зачем им было оттуда уходить? Голод? Да, среди скудных вещей путников я не обнаружил ни малейшего следа еды. Но ее могли сожрать крысы. Куда они шли? В город? Для этого нужно хотя бы знать - зачем? Не я один такой умный - насчет подвала и магазина продуктов. Только вот по прошествии месяцев, после Того дня, доступ к ним более чем перекрыт. Засыпано все, и найти, что-либо ценное, очень и очень маловероятно. Но они этого, конечно, могли не знать - это мне, обитающему среди руин, все ясно.

Судя по привалу - путники едва волочили ноги. Спать повалились, кто как придется. Следовательно, шли давно. Охрану не выставили. Не боялись. Или… смирились? А если, наоборот? Могли надеяться, что здесь, в этих степях, их не станут преследовать звери?

Я покачал головой… Что не придумай - истина неизвестна. Пока точно одно. Люди погибли, их палачи ушли на восток. И моя задача, их найти…

Черный, встрепенувшись, поднял уши. Я потянулся к мечу - любая подобная реакция говорила о многом. Например, приближение нежелательного гостя. Пес поднялся и уставился в непроглядную мглу. Он оскалил зубки и даже пригнулся, хотя не издал ни звука. Я видел, что щенок вроде как напуган. Такого раньше не наблюдалось - и мне стало несколько не по себе. В подобном виде он был только во время бегства из противоположной части города - когда в воде появился ящер, сожравший наших преследователей.

- Крысы?

Щенок не отреагировал. Я и сам понял, что ошибся. Во тьме скрывался кто-то иной. И я еще раз подумал, что тот, кто оставил такой след, может изменить направление и устремится за более доступной добычей - нами, например…

- Так. Давай-ка, хворосту добавим. С этими облаками над башкой, хоть прожектор включи - все равно, ни хрена не разглядеть. Когда уж эта хмарь рассосется?

Огонь вспыхнул чуть поярче и веселей. Но я не спешил кидать все дрова - до утра еще порядочно, а нынешние звери, еще неизвестно, боятся ли огня так сильно, как прежние?

Щенок, по-прежнему, напряженно всматривался в степь.

- Ну, я - ладно. Не филин, не вижу. А ты, что? Неужели, можешь, кого разглядеть сквозь эту тьму? Или, ты носом смотришь? В смысле - чуешь?

Щенок продолжал стоять и я нахмурился. Где-то поблизости бродит кто-то или что-то, и это создание внушает определенную тревогу. Придется не спать всю ночь…

Тишину разорвал громовой удар. Молния, осветившая всю степь, полыхнула столь ярко, что я был вынужден прищурить глаза. А затем огненный след, словно прорвавшееся солнце, протянулся по всему небосводу. Я подскочил - вспышка так быстро пронзила небо, что у меня на секунду закралась немыслимая надежда - ракета! Но потом, где-то там, в невообразимой вышине, словно что-то взорвалось - и сильнейшая воздушная волна докатилась до земли. Если вначале я едва не оглох, то теперь был просто сбит с ног. Костер оказался

разметан далеко в стороны - одна пылающая ветка задела щенка и он завизжал от боли. Меня вдавило в землю, будто кто-то огромный и невероятно сильный ткнул что есть мочи да еще и уселся сверху. Как при этом не переломало все кости…

С усилием вывернув голову, я попытался привстать. В небе еще раз громыхнуло, сверкнуло - и я увидел в нескольких шагах чудовищный силуэт огромного зверя! Он зашипел, чуть ли не обдав меня жаром дыхания, после чего прыгнул в сторону и тотчас пропал в темноте, вернувшейся после этого небесного фейерверка.

- Черный… Ты жив?

Щенок, повизгивая, подполз под руку.

- Вот и хорошо. Живой. Хоть, не один я… Знал бы ты, кто тут шляется, в ночи…

Я говорил довольно спокойно, хотя едва сдерживал дрожь в голосе. Слишком яркой была вспышка и слишком близко - зверь, чтобы ошибаться. Нашим соседом в степи являлся лев… Или, кто-то из очень родственных ему по природе, так как гриву я не успел увидеть. Похоже, не весь зоопарк оказался погребен под руинами. Если это, конечно, лев… Но, тогда - кто?

До рассвета нас более никто не беспокоил. Я так и не заснул - слишком бурные события для одного дня и ночи. Похороны, погоня, что-то, взорвавшееся в небе с такой силой, что это докатилось до земли, а на закуску - хищник, опасней которого еще не встречал. И, странное дело… Я не нервничал. Казалось, любой здравомыслящий человек должен был бежать отсюда без оглядки. А я тупо смотрел на остатки костра и потихоньку сжимал кулаки. Да, с этим придется жить. С крысами, размером с овчарку. С собаками, которых пока не видел, но уже догадываюсь, какими они могут стать. Со змеем или ящером. С пауками. С жабами. Со всем тем, чем полностью изменившаяся природа решила населить пустующую планету. И со львом...

Утро пришло, будто вдали махнули большим и плотным покрывалом. Темнота отступила - степь стала более длинной, небо - высоким. Подумав, с упорством безумца, я упрямо устремился на восток. Лев, леопард, да хоть исчадие ада - я должен покарать людоедов! А там и с этим, невесть откуда взявшимся существом, придумаем, что делать…

…Щенок вел меня уже четвертый день. Мы опять углубились в желтые пески. Крысы уходили в направлении болота, но, не стремясь поскорее добраться до его берегов. Иначе бы нам пришлось завернуть в район обитания собак - что, учитывая их возможную величину, мало улыбалось. Стая шла строго на восток - и мы, уступая им во времени, спешили следом. Лев больше не появлялся. Я решил, что ночное происшествие отпугнуло зверя. Похоже, кто-то свыше решил немного пошутить, прислав со звезд гостинец в виде метеорита. Иного объяснения вспышке и громовому удару я не находил. Как бы там ни было - она избавила нас от нападения.

Вскоре я сполна испытал прелесть пребывания среди выжженной земли. Здесь не росло ничего. И это не обуславливалось только сезонным проявлением, когда на поверхности нет ничего кроме снега. Ведь и снега, как такового, я не видел несколько месяцев. Грязный, покрытый сажей лед - сколько угодно. Или пепел. Но не снег. Но здесь его и не могло быть - ноги и в мокасинах ощущали жар, греющий почву из глубины.

К концу четвертого дня я стал впадать в забытье…

…Нет на небе солнца… Нет Луны. Нет звезд и нет Ничего. Только тьма, бурая и белесая, давящая и мрачная, сырая и угрюмая. Только облака, давно и прочно занявшие это место, намертво приклеенные к осколкам прошлого. И, под ними, на желтой, скрипящей под ногами земле, так похожей на спекшуюся корку - одинокая и стремительная тень. Тень человека. И его безумные глаза, горящие жаждой крови и мести.

Я забыл обо всем. Ярость, стиснутые зубы и гнев - все иное осталось позади, в том мире, где я еще не знал упоения схватки. Тот мир исчез. Я живу в другом, в том, где правит закон крови. Закон нарушен - нарушитель жив. Пока - жив. Пока…

Черный не успевал. Я позабыл про него, стремясь достичь края бесконечной пустыни, где должны находиться остатки этой серой банды. Щенок не пропадет - он догонит меня по оставленным следам. А я - должен спешить. Бег по безжизненной земле продолжался несколько часов. Не второе, не третье - может, уже пятое дыхание открылось в теле, исступленном одной целью. Трупоеды, решившие сменить рацион живыми людьми, должны быть убиты. Все, до последнего зверя. И я, или погибну, или покараю убийц…

Больше я не думал об угрозе со стороны болота - стая собак будет держаться подальше от мест, где хозяйничает гигантская кошка. И кошка не рискнет приближаться к их норе - а может, и норам? - довольствуясь иной, более доступной добычей. И в этом, узком перешейке, я могу относительно спокойно пройти до самого конца выжженной земли… Если этот конец есть…

Я снова перестал сомневаться в происхождении стекловидной почвы под ногами. Только сверхмощный взрыв мог так запечь землю, что почва превратилась в нечто совершенно другое, более похожее на битое стекло и песок одновременно. И глаза услужливо нарисовали картинку, из недавнего - пресловутый гриб, с расползшейся на полнеба, шапкой, и его последующее, стремительное падение…

Со стороны это могло выглядеть безумием. Небольшая кучка бывших обитателей подвалов и канализаций, прекрасно умевшая прятаться и убегать, и вряд ли растерявшая врожденные навыки, без труда скроется на громадных просторах степи. Но я не позволял себе даже думать об этом. И, словно знал -

Крысы не будут скрываться. Их размер, новоприобретенная свирепость и жажда утвердиться в изменившимся мире, заставят трупоедов принять бой!

Но только тот, кто жаждал этого боя, тоже не вполне оставался человеком… Что-то исчезло в те минуты, когда я смотрел на детские руки с отгрызенными пальцами. Что-то, еще удерживающее меня от грани, за которой начинается безумие. Я вновь ощутил страшное раздвоение - и прежняя, мирная часть, посчитала нужным не напоминать о себе. Для схватки требовалась другая - не знающая пощады, и не умеющая щадить! И эта, вторая часть, властно захватывала мою сущность, подавляя все иные чувства, кроме самых необходимых.

В какой-то момент я словно уловил резкий запах - и припал к земле лицом. Лицом? Нос различил несколько оттенков, где выделялся тошнотворный - от крыс! Стая была здесь! Не далее, как вчера! Она пошла на юг!

Поднявшись, я окинул степь внимательным взглядом. Во все стороны - никого и ничего. Далеко позади - темная точка плетущегося щенка. Но я знал - ошибки нет. Трупоеды ушли к далеким скалам. И там они либо повернут назад, либо направятся вдоль преграды к

далеким берегам реки. Больше меня не интересовало - как они смогли попасть на мою сторону? Достаточно того, что смогли. И я приложу все усилия, чтобы эта группа не смогла донести до других весть о земле, где можно вольно бродить и нападать на беззащитных людей, от которых в былые времена, они бы предпочли держаться подальше.

Я поймал себя на мысли, что думаю о крысах, как о разведчиках враждебного клана. В чем-то - родственного себе… От этой мысли я даже споткнулся. Какое родство? Но внутри словно ожгло - родство хищника! Раз я сам - хищник! И опять, будто чужая воля властно придавила робкий протест встрепенувшегося разума…

Ночь застала меня на берегу болота. Да, я не ошибся, в свое время, решив, что этот водоем, заполнивший собой все низменности от самого Провала и неизвестно, сколько продолжавшийся далее, станет в будущем чудовищным болотом. Здесь мое предположение только подтверждалось. Несмотря на только начинавшуюся весну, берега поросли густой растительностью, а вся прибрежная зона укрылась толстым ковром мхов. Вода, едва просматриваемая из-под сцепившихся меж собой зарослей, издавала едкий, тухлый запах гнили. То тут, то там вскакивали и лопались пузыри, достигавшие более метра в диаметре. При каждом выбросе воздух словно лишался кислорода - а над тем местом, где был пузырь, вздымалось легкое, полупрозрачное облачко газа. Хватило нескольких вдохов, и я упал на колени…

…Пробуждение оказалось не из приятных. Чей-то настойчивый, шершавый язык, вылизывал мне лицо, успевая жалобно повизгивать и теребить за ремень. От морды несло псиной - и я открыл глаза.

- Щеня? Что случилось?

Черный пытался меня тащить, что с трудом, но удавалось. Я остановил его потуги и приподнялся: пес выволок тяжелый груз уже на довольно приличное расстояние от берега.

- Это зачем? - Я глупо таращился на его морду, плохо соображая причину такого поведения и вообще все, что произошло ранее. Щенок упрямо подталкивал в сторону от воды - и я счел за лучшее, подчинится. Наверное, это не слишком красиво смотрелось - я, на четвереньках, стараясь не уронить сползающий мешок, стремлюсь выйти за пределы кустарника и трав, ограждавших подступы к болоту. Такой способ более подходил для моего четвероного друга.

- Ну? Достаточно? - Колени болели, но еще больше разламывало голову… - Так что случилось? О, черт! Догадываюсь…

Вместе с сознанием, вернулся и здравый смысл. Понемногу я стал понимать:

Газ с болота не только мешал дыханию. Он отравлял его… Почему я не почувствовал угрозы сразу?

Я непроизвольно пожал плечами. Почему? Да потому, потому что… Не всегда и не везде однажды появившееся чувство предвиденья проявляло себя в нужный момент. Скорее, не я им управлял, а оно само приходило, когда считало нужным. Вчера ночью, например, предпочло не реагировать вовсе. И, если не щенок - мою бесчувственную тушу, уже, кто-нибудь, растаскивал на запчасти…

Черный получил благодарность в виде почесывания - а я сам задумался над ночным происшествием. Хорошо, хоть в таком состоянии не застали трупоеды. И все же, почему? Я хорошо помнил все, до того, как углубился в прибрежные кустарники. И помнил, *Кем* я был в этот момент. То, что не самим собой - точно. Когда и как, *Это* завладело моим сознанием? Я поежился… Да, похоже, что последствия облучения, или чего-то там, не миновали, как я ни надеялся. И оно не ограничилось лишь странным цветом волос и затвердевшими мышцами. Но, если первое больше не менялось, то сила иной раз пропадала, словно ставя на место. Так же и с этим… С опасностью, которую я прозевал, не смотря на все свои новые качества. Но пугало другое - потеря личности. То жуткое ощущение, когда я словно перестал быть самим собой. И, возможно, что мог *Им* остаться - не случись внезапного удушья. Спасибо щенку…

Я еще раз погладил его по животу и развязал мешок. Погоня, на которую был потрачен весь вчерашний день и добрая часть ночи, не оставила времени для кормежки. А пес уже давно и преданно поглядывал в сторону наших запасов. Ему не оставалось времени на охоту - хозяин убежал далеко вперед и бедный щенок был вынужден стоически переносить и голод и жажду. Впрочем, я тоже услышал бульканье возмущенного желудка…

- Ешь. Ты снова оказал мне услугу… Более чем.

Я щедро отломил ему часть лепешки и насыпал целую горсть пеммикана. Черный, не смотря на усталость, встал и принялся поглощать ужин, обед и завтрак в одном лице со скоростью пулемета.

- Тише, тише ты… Подавишься еще.

Отдых закончился. Я вновь шел вдоль линии кустарника, больше не желая слишком близко подходить к берегу. Крысы, если они только не попали под воздействие газа, скоро появятся. И горе тому, кто не заметит врага первым…

Я зря клял свой дар. Всего через час с небольшим меня будто пробило током - враг! И, стремительно подхватив щенка, я бегом взобрался на возвышение - щедрую груду развалин, похожих на обрушенные крышу и стены какого-то сооружения. Едва я поставил пса возле себя и успел нацепить тетиву, из кустарника выскочила вся стая людоедов. Они быстро приблизились - и я встретил их выстрелом. Мне вряд ли стать Вильгельмом Теллем, да и Робин Гуд выйдет средний… Иными словами - волнение и спешка сыграли свое дело. Я промазал. Но крысы повели себя странно... Вместо того чтобы наброситься на меня всей кучей, они нервно заметались в кустах, словно избегая открытого боя. Даже вожак, более крупный и агрессивный, старался вжаться под защиту камней, не делая никаких попыток к нападению. Такое поведение злобных и довольно смелых созданий озадачило. Перед ними стоял всего один противник - а ведь совсем недавно я стал свидетелем, что они не останавливаются и перед большим числом врагов!

Тем не менее, я старался использовать благоприятный момент и теперь более тщательно выбирал цель для выстрела. С моей позиции почти все трупоеды были видны как на ладони, и я прицелился в самого крупного...

Щенок гавкнул - от неожиданности я вздрогнул и отпустил тетиву чуть раньше. Она ударила о камни перед мордой вожака, выбив сноп искр. Тот подпрыгнул, но, к моему глубокому изумлению, не бросился в более безопасное место, а остался там же, где и был. Черный лаял, не переставая - раньше такого с ним не происходило!

- Ты что, лепешек пережрал? - Я натягивал следующую стрелу и вовсе не желал, что б щенок вновь мне помешал. - Сиди тихо!

Тот не унимался. Более того, пес вцепился мне в штанину и стал стаскивать вниз - как раз под резцы людоедов!

- Совсем рехнулся? - Я оттолкнул щенка прочь. - Сидеть! Сидеть, кому говорю!

Он взвизгнул, но своих попыток не оставил.

-Да что с тобой?

Я вдруг понял - поведение пса не случайно. Так же как и нежелание трупоедов нападать. А через пару секунд из кустов вылетела громадная полосатая тень, сразу давшая ответ на все вопросы...

Перед сбившейся стаей возник самый страшный их враг и кошмар прошлого - кошка! И, едва я посмотрел в ее сторону - страх и ужас чуть было не сковал меня самого. То, что било хвостом по земле и открывало чудовищную пасть, вряд ли походило на прежних любимцев домашних хозяек. Крупнее любой из крыс втрое, если не вчетверо, с саблевидными клыками и лютой яростью в сузившихся зрачках, она была способна уничтожить любого противника, включая и меня самого. Теперь стало ясно, почему щенок так порывался увести нас от места сражения - он почуял приближение существа, гораздо более опасного, чем уже известные нам твари. Я замер на камнях, не зная, с какой стороны ожидать нападения. Крысы были ближе, гигантская кошка - сильнее! А сама виновница переполоха, выбирая объект для нападения, не торопилась. Стая, вопреки моим ожиданиям, не разбегалась - что тоже не свойственно прежним крысам! Напротив, все трупоеды прижались друг другу, образовав что-то вроде непреодолимой стены из приподнятых морд с выставленными вперед резцами. Кошка, или что там это сейчас стало, угрожающе рычала... Она, не делая попытки к нападению, тем не менее, не собиралась уходить, подбираясь к стае все ближе и ближе. Я вдруг понял - вот он, тот самый зверь из ночного кошмара! Но сегодня он мне не враг! Может, в будущем, когда придется столкнуться лицом к лицу, в иной обстановке, но не сейчас! Ее исконная добыча - крысы. И не следует ей в этом мешать, напротив - моя стрела, пущенная в сгрудившихся тварей, вполне может помочь разорвать стену этих клыков!

Я приподнял лук… Визг раненой крысы взорвал временное затишье. Она забилась на земле - я перебил крысе позвоночник! Все трупоеды разом бросились в стороны, даже не помышляя о сопротивлении. А жуткое создание, только внешне напоминавшее прежних домашних любимцев, громадным прыжком приземлилось прямо в гущу разбегающихся людоедов, с ходу раздавая страшные удары. Через минуту все было кончено. На поле боя осталось два поверженных трупа. Одну из крыс прикончила кошка, и теперь,

подхватив добычу пастью, медленно и сознанием собственной мощи, утаскивало в кусты...

Я проводил ее взглядом и тихо сказал щенку:

- Прости, родной... Я опять оплошал. Моя "чуйка" не сработала. А ты все делал правильно. Эта... Нас пока не тронула, но это - пока. Кто там их знает, оборотней... Крысы, тоже людей не ели. По крайней мере, это больше в сказках да страшилках разных. А сейчас... Все, с головы на ноги перевернулось. И как бы нам с тобой не оказаться на дорожке с этим чудовищем. Размером, наверное, с пантеру, не меньше...

Я осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, спустился с валунов.

- Иди сюда...

Поставив щенка рядом, я подошел к месту сражения. На песке отчетливо виднелись отпечатки следов кошки. Я сравнил их с крысиными - разница, к моему удивлению, оказалась небольшой. У кошки след был лишь не намного крупнее.

- Вот так! Правду говорят - У страха глаза велики… Не увидь, собственными глазами, мог решить, что и не такой уж этот лев здоровый. А казалось, там, ночью, на стоянке - чуть ли не с меня ростом!

Еще раз, с опаской посмотрев в сторону кустарника, где исчезла "пантера", я вырвал стрелу из подранка. Слишком долго приходилось возиться с ними, что б вот так запросто, бросать, где попало. Тем более что она осталась целой. Будь это настоящий наконечник, лепесткового типа, мои попытки вряд ли могли иметь успех. Но гвозди вытаскивались куда легче...

- Пошли потихоньку...

Не смотря на угрозу от присутствия гигантской кошки, я все-таки решил довести преследование до конца. От стаи осталось еще семь особей, в том числе и вожак. И каждому из людоедов я хотел пробить сердце ножом, памятуя о жуткой гибели неосторожных скитальцев. Другое дело, что теперь приходилось быть внимательней вдвойне...

- Ну, вот и дождался. - Я размышлял вслух, привыкнув говорить со щенком, словно с настоящим собеседником. - Раз есть крысы, ставшие монстрами, появление кошки более чем закономерно. Даже странно, почему не раньше? Но вот, как относится к этому? Ее размерчики впечатляют... И прокормить такую мурлыку не просто. Ей

и крыса - дней на пять, по максимуму. А после, кого она есть станет? Плюс собаки, чью нору ты так любезно отыскал возле болота. Они-то, чем питаются? А ведь какой другой живности здесь не так, что б очень... Или я, хреновый охотник, не замечающий очевидного, или им нужно очень далеко бегать в поисках добычи. Мда...

Оставив кустарники позади, мы выбрались на естественное возвышение, в виде сопки. С нее очень хорошо просматривался и берег озера, и далекий горизонт. Я ясно видел, что кромка воды продолжается еще дальше, на юго-восток, сливаясь с уже близкими вершинами скал. Предположение о "китайской" стене оправдалось - скалы, в которые я постоянно упирался на юге, тянулись вдоль всего протяжения степи, и сейчас должны были упереться в образовавшееся озеро. Или озеро - в них...

Теперь я гораздо более пристально вглядывался в окружающую нас степь. Желтые, стекловидные земли, остались на западе. Так далеко в эту сторону, я никогда не забредал. И с удивлением наблюдал, что жизнь, в этой местности, есть, и куда более разнообразная, чем мне казалось ранее. С высоты холма я мог разглядеть множество норок, подле которых сновали шустрые зверьки.

- Если это суслики, то твоим собратьям голодать не приходится. - Я погладил щенка. - Далековато, конечно, но зато обильно. И опять вопрос - рановато, не лето. Хотя, трава уже выросла. В городе с этим похуже. Здесь явно теплее. Но и суслики... Или, у меня уже от страха глаза велики, или, они под стать крысам. Тогда и кошке здесь, самое то. Лишь бы следом не увязалась. Камней не видно - спрятаться не получится. А нам еще возвращаться... - Я и в мыслях не допускал, какой либо иной вариант, кроме расправы над теми, за кем так долго и далеко шел.

- Ладно. Идем. Что-то мне говорит, что уже скоро.

Мы спустились с сопки, устремившись к видневшимся скалам, прямо через городок подземных жителей. Щенок облаивал каждую нору, и я подумал, что, не смотря на величину, суслики или сурки - кто их разберет теперь? - нам опасности не представляют.

Сбежавшие от расправы крысы могли быть только там - у самого края. И я, понуждая щенка отыскивать след, вновь наливался гневом... Откуда бы они ни пришли - назад уже не вернутся!

Через пару часов скалы приблизились настолько, что я явственно различал их вертикальные, покрытые влагой стены. А еще через час - что они, как бы там ни было, заканчиваются, продолжаясь в озере еще на сотню шагов.

- Ну, вот и пришли. - Я остановился. - А теперь, тихо, щеня. Эти твари где-то рядом... И не рычи - нам надо подойти без шума. Все ж, не одна и не две. Семь. А это, на открытой местности, многовато.

Черный, бесстрашно устремившийся к ложбине, внезапно остановился. Он поднял лобастую голову, понюхал воздух и зло заворчал. Увидев это, я прибавил шаг.

- Где? - на большее слов уже не осталось. Я давно взмок и едва переводил дух.

Пес неотрывно смотрел на груду камней, у самого подножья высившихся скал. Со степи их не было заметно, но на самом деле возле валунов возле «стены» валялось предостаточно. Для этой местности, подобное украшение являлось чем-то чужеродным, но я понимал - во время катаклизма, подвижки земной коры могли выбросить наружу и не такое. Достаточно посмотреть на саму стену. Я мог поклясться, что ничего подобного до Катастрофы в этом крае не наблюдалось.

Разглядывая валуны, я прикидывал, где спряталась стая. Крысы вполне могли затаиться среди такого нагромождения - размеры валунов позволяли это сделать, даже гораздо более крупным животным. Углубляться в россыпи не хотелось - враг получит преимущество, да и на открытой местности отстреливать их из лука гораздо сподручнее. То, что крысы там, я не сомневался. Черный показывал это всем своим видом, еле удерживаемый мной от того, чтобы не бросится туда, в схватку.

- Стоять…

Я вытащил несколько стрел, воткнув рядом в землю. Так, действительно получалось удобней, чем выхватывать их из колчана. Черный рвался в камни, и я едва сдерживал его порыв:

- Погоди… Там нас порвут как кутят, и гавкнуть не успеешь. Надо выманить тварей… Но как? Просто так они не выйдут…

Я спешно посмотрел вокруг. Совсем рядом обнаружилось несколько высохших кустов, как раз что надо! Я быстро обрубил все ветви, не оставляя без внимания валуны - крысы могли и выскочить!

- А теперь попробуем старый метод! Как с тем, из норы… Дым они все не любят!

Я спутал все ветви в подобие шара, потом, торопливо чиркая спичками, поджег середину.

- Далековато… А близко подходить опасно. Рискнем!

Я подошел к валунам поближе. До камней оставалось не более десяти шагов. Достаточно, чтобы забросить охапку внутрь. Если крысы там - хоть одной, но достанется!

Огненный шар взметнулся вверх и упал как раз туда, куда я хотел - за гребень самого большого валуна. И почти сразу раздался визг! Второй шар полетел за первым. Потом, следующий - и на этом ветки кончились.

- Не действует?

Визг не прекращался - видимо, кое-кому из серобурых тварей досталось, по полной. Но крысы упорно не желали выходить из-за укрытия. Неужели бояться? Нас всего двое, и то - лишь один, человек, да маленький, хоть и бесстрашный щенок. Напали ведь они на безоружных, возле болота? А тех было явно больше….

- Сволочи… Видать, крепко их кошка напугала. А вот теперь… Давай. Туда!

Я рассчитывал, что щенок послушается и вернется назад по первому же окрику. Но, если он увяжется в драку среди камней - я потеряю своего друга. Но иного способа выманить этих тварей не существовало. Хотя этот оставлял желать лучшего.

Черный подобрался и метнулся вперед. Через несколько секунд я услышал глухое рычание, потом лай и жуткий визг-скрежет. Неимоверным усилием я заставил себя стоять на месте - пойти за щенком, значит, погибнуть вместе! Там, среди камней, они просто сомнут нас своим числом. Пора!

- Назад! Ко мне! Назад, Черный! Назад, что б тебя!

Снова раздался визг, потом басовитый рев моего друга - и о радость! - щенок выскочил из нагромождения и хромающими скачками устремился ко мне. В то же мгновение из-за валунов вынеслись несколько знакомых теней! Ближайшая из них, с дымящейся на спине шерстью, уже повисла на холке щенка! Я спустил тетиву!

Стрела чиркнула щенка по морде, но попала именно туда, куда я метил. Тяжелый груз кулем упал с пса на землю. Еще одна крыса попыталась отрезать ему дорогу, бросившись наперерез - и получила вторую стрелу прямо в глаз! Остальные, уже не обращая внимания на щенка, устремились прямо ко мне! Времени прицелиться больше не оставалось - я выхватил меч и рубанул что есть силы по ближайшей твари. Лезвие клинка развалило нападавшей череп практически до самых плеч - а после все закружилось в такой сумасшедшей пляске, что вспомнить, что и как происходило, я уже не пытался. Крысы нападали отовсюду, скопом. Я решил, что сильно ошибался в их количестве - казалось, серых бестий насчитывалось не менее десятка! Два или три раза, чьи то резцы полоснули по спине, кто-то прокусил ткань на штанине, а одна, в прямом прыжке, просто сбила с ног! Свободной рукой, выхватив нож, я с отчаянием всадил его ей вбок. Потом еще раз и еще!

Рядом юлой крутился щенок - ему досталось не менее трех врагов, и он отбивался от них, еле-еле уворачиваясь от острых резцов. Очередная крыса, уже получившая свою порцию удара мечом, но оставшаяся живой, прыгнула на меня, едва я выбрался, из-под мертвой - и я снова оказался на земле. Оружия в руках больше не было - и меч и нож остались в тушах поверженных трупоедов. Прямо перед моими глазами раскрылась зловонная пасть! Каким-то образом я успел схватить ее за горло и продолжал удерживать перед собой. Слюна монстра падала мне на лицо. От отвращения и ярости глаза застило кровавой пеленой ненависти… Я зарычал не хуже пса, а потом, продолжая удерживать крысу за горло, перехватил второй рукой ее челюсть и со всех сил потянул в разные стороны. Раздался жуткий визг и треск - я буквально разорвал ей пасть! Крыса полетела в сторону, а я, беснуясь словно берсерк, уже схватил ближайшую за задние лапы, оторвав ее со спины погребенного под серыми тушами, щенка. Взмах, удар! Крыса дернула лапами - я сломал ей спину! Другая, оставив щенка, метнулась было прочь - но я уже успел подобрать лук и буквально всадил в нее подряд три стрелы кряду. Еще одна, решив более не испытывать судьбу, стремительно понеслась в степь. Я настиг ее буквально в последний момент, всадив стрелу в холку. Пробежав еще с десяток шагов, та зашаталась и упала. Больше врагов не осталось…

Я не стал ее добивать - щенок недвижимо лежал среди лужи крови, и я не мог понять, его это кровь, или убитых людоедов…

- Щеня! Черный! Ты живой? - Руки еще тряслись от пережитого, когда я спешно осматривал раны пса. - Ты не погиб? Мой хороший… Только не это!

Щенок открыл глаза и слабо лизнул мне ладонь.

- Уф… Все будет хорошо. Я тебя вытащу! И вылечу…

Осмотр показал - у щенка много рваных ран на спине и груди, но по счастью, все не смертельные. Лапы не повреждены, но самостоятельно передвигаться он явно не в состоянии. Я промыл все места укусов коньяком - щенок стоически терпел, и лишь иногда прихватывал меня за руку, словно прося прекратить экзекуцию. Но я оставался неумолим - в резцах крыс должно быть столько заразы, что даже самый незначительный укус мог привести к очень серьезным последствиям. Закончив со щенком, я проделал туже процедуру с собой. Мне досталось гораздо меньше - располосованная спина саднила, но крови не было. А на ноге резцы и вовсе не достали до кожи. Кое-как извернувшись, вылил остатки коньяка за шиворот - кожу ожгло, и на этом лечение я решил прекратить. Сам себе спину обработать я был не в состоянии, и теперь только надеялся, что принятых мер хватит. Впрочем, вспомнив про аптечку, достал шприцы и сделал два укола от столбняка - себе и псу.

Убитых, и тяжело раненных крыс, на земле лежало семь. Первоначальный подсчет был верен, хотя в пылу сражения мне казалось, что их гораздо больше! Стаскивать шкуры не хотелось. Кроме того - на земле лежал ослабевший щенок и я понимал, что обратную дорогу он проведет на моей спине…

Меня заполнило чувство удовлетворения. Месть свершилась, враг уничтожен! Не крысы - человек хозяин этой земли! Какой бы она не стала! И… Каким бы ни стал он сам…

Глава 13 Провал

Глава 13

Провал

Наступившее тепло опять сменилось на холодный ветер севера, и мне, в который уже раз, пришлось облачиться в теплую одежду. Смены погоды происходили так быстро, что навевали мрачные мысли - все ли в порядке с климатом? Оставалось только приспосабливаться. Уже приученный к таким изменениям, я облачался в самодельную куртку, надевал шапку и выходил на заготовку дров.

Потихоньку приходило уныние. Я почти не покидал подвала, ограничиваясь редкими вылазками. Зачем? Все попытки найти живых людей, закончились провалом. Не потому, что бесполезны - просто, *Их* нет здесь. Теперь я знал точно. Вполне вероятно, что они есть – там! Люди выжили. Я - не один. Вернее - я не один, на этой земле. Они есть. Но, неизвестно - где, это – *Там*. И, неизвестно - сколько. Но – есть! И, рано или поздно, мы встретимся. Только, лучше бы рано…

У меня имелось четыре варианта. Слишком много, чтобы ни остановится, на ошибочном. Просто сидеть на месте и ждать, пока люди сами меня найдут. Вариант самый спокойный и безопасный - и самый неприемлемый. Такое ожидание может затянуться на годы… Три других - продолжать походы. Но куда? Да, возможно, что пришельцы, нашедшие свою гибель в южных степях, где земля поменяла свой природный цвет на нечто желтое, словно под ногами пески пустыни, шли откуда-то со стороны болота-озера. Только где они нашли проход? Я добрался до самой дальней оконечности - и уперся в воду. Та плескалась возле подножия этих невероятных скал, преодолеть которые нет никакой возможности. И, если только они не приплыли на каком либо плавучем средстве - то и предполагать их появление отсюда, несколько утопично. А ведь ничего похожего на лодку я не обнаружил. Могли они ее сжечь, обогреваясь морозными ночами от ледяного ветра? Вряд ли… Надо быть полным глупцом, чтобы отрезать себе путь к возвращению. Или, там, откуда они приплыли, настолько худо, что им проще сжечь все «мосты»? Но, почему только со стороны озера? С той же долей вероятности, они

могли идти со стороны реки. Или, даже с самого города! Нет… С города - точно нет. Но, если с реки - то почему прошли мимо города? Мои скитания позволяли утверждать - в степях, южнее развалин мегаполиса, жить невозможно. Может быть, немного позже, но не сейчас. Там пока еще нечего есть. И негде укрыться от непогоды. От руин и вплоть до самых каменных скал, пространство слишком пустынно и почти лишено растительности. Возле самой реки? Я дошел только до пристани - и никаких следов присутствия человека. Если не считать того, что волокла собака… Но Он мог прийти и из той части города, где хозяевами являлись крысы. Правда, русло тянулось еще далеко на юго-запад, и про ту местность я не мог ничего утверждать.

Если пойду четко вдоль берега озера - вновь упрусь во владения собак. Конечно, можно еще раз попробовать их обойти. Увидев желтый песок, я вспомнил свои скитания в самые первые дни. Да, я уже бывал там… Как смог выбраться и вернутся в город - это уже никто не сможет рассказать. Я помнил только выжженную пустыню, хруст под ногами и бесконечные шаги. Наверное, только инстинкты вывели меня обратно, в разрушенный край и место гибели миллионов. Нет, люди не могли здесь жить. Только случайность привела их к месту своей гибели. Но почему они не направились сразу вдоль берега? Мне казалось это разумнее всего - именно возле воды легче найти и пропитание, и хворост для костра. Правда, там жили собаки… Выбери пришельцы подобный вариант - вместо крыс, над их костями сейчас грызлась стая. Нет, те останки, которые я нашел на месте пиршества крыс, принадлежали людям, все эти месяцы находившимся далеко отсюда. Может быть, что даже со стороны той самой каменной гряды, стеной протянувшейся вдоль всей степи, от берегов реки. Такое предположение мне нравилось больше - я не мог представить себе существование человеческой общины посреди водных просторов, кишащих всякими жуткими тварями. Но, если и так - то, где они были раньше? Где провели первые месяцы, после Того дня? Чем питались? Как пробрались сюда? Сколько их? И есть ли они там, откуда пришли - еще?

Голова ломилась от вопросов, на которые я не находил ответа. Во всех своих метаниях, я ни разу не обнаружил, ни одного следа от пребывания человека ни в самом городе, ни в степи, ни возле реки. Нигде. А самое главное - я и понятия не имел, где мне их искать…

Вскоре апатия сменилась подъемом. Сидеть сиднем в убежище было слишком муторно, а короткие вылазки не давали выхода скопившемуся напряжению. Я вновь стал уходить далеко от дома, решив окончательно убрать все «белые» пятна со своей карты. Кроме того - недавнее землетрясение убедило в необходимости обзавестись надежными схронами, благо, продуктов и вещей для этого в подвале хватало. Не хватало еще однажды, вернувшись из похода, обнаружить на месте своего холма завал из земли и вывороченных плит…

Для этого следовало найти подходящее место. Желательно - не одно. Одним из маршрутов я выбрал то самое хранилище-банк, где вволю потешился над былыми ценностями… Его массивные стены вполне годились для временного укрытия, на случай, о возможности которого я старался не задумываться. В самом деле - очередной сдвиг земной поверхности, подобный тому, какой случился в Тот день, не выдержит уже ничто. Но все остальное - почему и нет?

Обойдя рухнувшие стены, я осторожно пробрался внутрь. Нет, никто не позарился на эти брезентовые мешки и стопки - деньги лежали так, как я их здесь нашел. Вполне годный материал для растопки… В одном из уголков сдвинувшиеся плиты перекрытия образовали что-то вроде возвышения. Я поднялся по ним и стал осматривать местность.

Мой холм значительно уступал этому в высоте, хотя превосходил в ширине и объеме. Остатки банка сложились в подобие пирамиды - и я оглядывал с нее свой «Египет», нисколько не волнуясь отсутствием «Нила» и рыбаков, плещущих в нем свои сети. Хотя, нет - рыбаков я мог только приветствовать…

С холма, очень хорошо смотрелись «Монетные» озера – я, в который раз, пожалел, что поторопился с названием. Но отсюда они еще больше напоминали те кругляши, которые сейчас вповалку валялись в утробе этого холма. Нет, название дано правильно...

Ничего интересного не наблюдалось. Я спустился и решил пройтись вдоль озер - мало ли кого увижу в его водах? Они не слишком глубокие - не более пары метров. И, если там появились такие же существа, что помешали выспаться у озера-болота - лучше знать об этом заранее.

Бесцельно бродя в окрестностях ближайшего озера, я решил заглянуть в один из сохранившихся «шатров» - нечто, по форме

сложившихся при падении плит, и отдаленно напоминавшее подобное укрытие. Обычно под ними попадались интересные вещи, не до конца засыпанные камнями и прочим боем. В первых ничего не нашлось. Чуть поодаль я заинтересовался - что-то сверкало под обломками. Это мог быть и обычный чайник, или стенка от холодильника - мало ли? Пренебрегать не стоило ничем - город давно и полностью погрузился под падающую взвесь, и на его поверхности уже не осталось открытых участков. А холод скреплял эту смесь как быстротвердеющий цемент. Но, возможно, что и сама грязь, столь надоедавшая мне в первые недели, имела в своем составе что-то вяжущее - я помнил и липкость ладоней, на которые попадала влага, и тяжелые шаги, словно бродишь по трясине…

Отбросив первые кирпичи и доски, разочарованно вздохнул - сверкнувшая приманка оказалась обычной ложкой. К тому же - без ручки. В сердцах выругавшись, я выпрямился - и едва устоял на ногах. Какой-то нечеловеческий вой, преисполненный тоски и злобы, раздался совсем рядом, как мне показалось - чуть ли не за спиной! От неожиданности я рванулся с места, запутался в мусоре и упал - и при падении увидел, как кто-то мелькнул в проломе! В голове пронеслось:

- Враг! Нелюдь!

Судорожно вытаскивая тетиву, я нацепил ее на проушины лука и вытащил стрелу. Кто бы там не прятался сред плит - напасть внезапно не получится! Но почему я весь покрылся холодным потом? Тень, столь резво исчезнувшая за поворотом - кажется, она тоже вскакивала с колен! Кто это?

Боясь признаться самому себе в догадке, я медленно приподнял лук. Неужели…

И снова, жутковатый рев нарушил шуршание ветра. А после и вовсе - еле слышные шаги, словно их обладатель решил подобраться ко мне со спины! Еще не понимая, что нужно сделать, я уже оборачивался назад - никого! Снова этот мрачный стон-крик! И шаги - будто древний старик едва удерживаясь на ногах, шаркает по половицам… Нет, это не человек!

Кровь ударила в голову. Я преисполнился уверенности, что нечто, бродящее поблизости, выследило меня и теперь выжидает удобного момента для нападения. Но ни один зверь не ходит на двух лапах! И ни один человек не издает таких звуков… Но тогда, это - тот самый! Он!

У меня вдруг онемели руки. Неожиданный ступор словно сковал члены… такое случалось раньше, до Катастрофы. Но никогда я еще не замирал столь обреченно.

Следующий вой встретил, стоя на месте. Шаги слышались отовсюду - и я вообще не мог понять, где находится их обладатель. Казалось, он передвигается молниеносно, причем успевая угрожающе подвывать - но голос не успевал за шагами! Это сбивало с толку… Я резко приподнял лук - и вновь, каким-то шестым чувством, заметил неясное движение в стороне от себя. Опять шаги и вой! Я крутнулся на месте, ожидая удара от неведомого противника - и ускользающая тень опять пронеслась перед глазами. Вслед ей выпустил стрелу - мимо!

Выхватив еще одну, я снова обернулся. Движение повторилось. Весь извернувшись, я, в неимоверном прыжке - назад и через голову! - ухитрился выпустить стрелу в цель! За резким свистом ее полета послышался громкий звон разбиваемого стекла. Я уже стоял на ногах, с перекошенным лицом - ждал нападения! И только потом, когда в наступившей тишине, увидел тысячу самих себя в маленьких отражениях - опустился на колени и тихо спросил у неба:

- Шутка? Хорошо же ты со мной шутишь…

Постоянное напряжение и привычка видеть только опасность сыграла свою роль. Не враг скрывался среди вздыбленных вверх плит - но зеркало, неизвестно, каким чудом уцелевшее во время всего прошедшего катаклизма. И это оно отражало неизвестную и пугающую тень, оно целилось в меня и совершало бросок! Не кто-то неизвестный - я сам, принявший себя за чужака! Сотни осколков различных размеров лежали возле ног. И мне было вовсе не смешно…

- Так, значит… Собственной тени испугался. И что? Пойди со мной, Черный - влепил бы стрелу в него? Как в крысу? Дожил…

За дни, проведенные среди нагромождения руин, в бесконечных скитаньях и поисках, я научился выживать. И не боялся больше ни встречи с трупоедами, ни со стаей одичавших собак. Что там - увиденный в реке ужасающий монстр, даже он, оставаясь воистину страшным соперником, не внушал такого страха, как возможная встреча с тем существом, вид которого так и не выветрился из моей памяти. С тем, кто раньше наверняка являлся человеком, но стал… я не мог подобрать имени для этого создания. Во всех своих поисках я подспудно боялся только одного - встречи именно с ним. Не с тем, что

не найду людей - но с тем, что могу их найти именно такими! И то, что произошло со мной только что - отголосок этого страха…

- А ведь ты мог убить человека…

Я подобрал стрелу. Тяжелый наконечник лишь сбил зеркало с естественного постамента - падение довершило разгром. В моем подвале хранилось маленькое, глядя в которое, я иногда наводил лоск на своем, часто небритом лице. И немного больших размеров мне не помешало. Но найти, что-либо стоящее, не удавалось, а это, выдержавшее столько толчков и падений, близко лежащих плит, было вдребезги разбито.

- Смешно.

Я скептически посмотрел вокруг.

- Нет, хорошо, что щенка рядом нет. Представляю его изумленную морду… как хозяин на самого себя охотится.

Дальнейший осмотр показал: эффект шаркающих шагов создавал кусок пенопласта, приварившийся или уже изначально прилепленный к какому-то металлическому листу. Он терся о гладкую поверхность бетонной плиты - и именно этот звук я принял за странную поступь… Рев, от которого я покрылся испариной - обломок бутылки, вбитой в остаток оконной рамы. Ветер завывал в нее, выделывая порой такие рулады, что мороз стыл в жилах. Немудрено, что я принял все это за оборотня…

- Дожил. - Я повторил, качая головой. - Скоро совсем рехнешься… Нет, что-то надо делать….

Дома, рассматривая нарисованную на стене карту, я отмечал заново открытые участки - после недавнего землетрясения некоторые знакомые районы сильно изменились. К счастью, это не затронуло моего подвала. Город превратился в подобие какого-то нагорья, сборища сопок, из которых лишь местами торчали изломанные балки, согнутые трубы или рельсы. Кое-где проглядывали даже крыши, каким-то чудом не потерявшие окончательно свою форму и не рассыпавшиеся на куски. Практически все покрыто слоем грязи, сыпавшейся с небес на протяжении всех этих месяцев. Это не мешало мне ориентироваться среди холмов и впадин, образованных руинами, словно я находился в небольшой и хорошо изученной комнате. Собственно, несмотря на все размеры и препятствия, так оно и было - в городе осталось очень мало мест, которые я не посетил. Теперь к ним

добавилось еще одно - осколки… Я так и надписал его, угрюмо размышляя о своем, только что испытанном страхе и разбитом зеркале. В самом деле - ищешь людей, ищешь… И ничего. Немудрено, что в момент встречи с самим собой наступила полная растерянность. Не так уж я и готов к этой жизни…

Многие языки пламени, ранее бившие из расщелин, угасли. Та же участь постигла и водяные гейзеры. Гейзер, находившийся недалеко от холма, где я набирал воду, уменьшился, стал заметно слабее и больше не казался столь горячим. Ожидая, что этот источник воды может иссякнуть, как и прочие, я наполнил обе бочки, а, заодно и все пустые ведра. Если пропадет и ручей - с водой возникнут большие проблемы. В отличие от поверхности, в самом подвале холод не тревожил. Защищенный от промозглых ветров и ледяных ливней, а в основном, потому что в отделенных от остальной части хранилища жилых отсеках я поддерживал постоянное горение очага. Я старательно затянул плотной тканью все проходы к этим «комнатам» - нечто вроде своеобразных перегородок. Дальний угол подвала, где имелась узкая расщелина на потолке, стала работать как вытяжная труба - и в остальных помещениях температура сразу упала. При этом в комнатах, где оставались продукты, она не превышала нескольких градусов - как раз, то, что требовалось для длительного хранения...

Мои запасы пока еще впечатляли - наши совместные усилия, мало отразились на богатствах подвала. Сократилось лишь число мясных консервов - их я тратил более всего, высушивая содержимое на пеммикан. Что до всего остального - многое успеет испортиться, прежде чем их коснется моя рука. Подвал был в состоянии прокормить гораздо большее количество населения. И я понимал, что именно это дает мне шанс выжить не только самому, но и тем, кого я с таким упорством ищу. И для этого следовало содержать подвал в порядке - заботится, что бы ни появилась сырость или плесень, или вредители, которых пока не замечал.

Я как раз перебирал банки, откладывая те, которые собирался использовать, как вдруг щенок вскочил и подбежал к выходу, заходясь в истошном лае. Сшибая все на своем пути, я выскочил вслед за ним. Привычка и уже приобретенный опыт прошлого, заставили на бегу захватить лук и колчан со стрелами.

Щенок, зло, оскалившись, стоял у самого лаза, но, почему-то, не решался выйти совсем. Я отодвинул его в сторону, приоткрыл дверь, выглянул - и почувствовал такое же ошеломление, какое овладело псом!

Метрах в десяти, возле самого края ямы, в которую иногда сбрасывал мусор, увидел нечто грязное, со слипшимися и частично разодранными перьями. Оно взъерошило их, точь-в-точь как вздыбливается шерсть у кошек в минуты крайнего испуга, и громко каркнуло. Я остолбенело, раскрыл глаза… Да, это был ворон - но Ворон с большой буквы. Ибо таких птиц я еще не видел! Следовало ожидать, что когда-нибудь нечто подобное все же появится…

Птица чудовищных размеров - где-то мне по пояс! Крылья с серыми и черными подпалинами, черная блестящая голова, внимательные настороженные глазки-бусинки… Все знакомо, все привычно - только, все крайне больших размеров и потому пугающе и отвратительно.

- Вот значит, какие вы теперь стали...

Ворон опять каркнул, повернув ко мне голову так, будто у него не имелось костей - почти на девяносто градусов. Одновременно щелкнул клювом - это прозвучало, как если бы одним куском железа провели по другому…

- Яра-а… Крак!

Он дернул лапой. Я невольно посмотрел вниз. Лапы заканчивались когтями, способными без особого труда разорвать щенка на части. Клюв тоже им под стать - очень большой, крепкий и слегка туповатый. Когда он ударил им по банке, я увидел, как от жести полетели клочья... Таким клювом не проблема раздробить даже самые толстые кости!

Он расправил крылья, словно собираясь улететь.

- Кра-а!

Щенок гавкнул на пришельца, поднял шерсть на загривке и прижался ко мне. Да, этот враг опаснее крысы… И, хоть на счету щенка имелась не одна победа, но сейчас он вел себя вполне разумно - не бросался на птицу и не пытался выскочить, сознавая, что его шансы крайне малы, в столкновении с этим монстром. Тот, в свою очередь, тоже прекрасно это понимал и не спеша копался в банках, пытаясь найти, чем поживиться.

- Да, Черный… Нарвись мы на стаю таких, в голом поле - и костей потом не собрать. Крысы не в радость, а эти - лучше? Как бы ни хуже… Один он, или нет?

Ворон восседал на краю ямы, мрачный и нахохленный, будто на него только что вылили ушат холодной воды. Черный глаз неотрывно следил за нами, фиксируя каждое движение. Мне стало не по себе. Привыкнув к этим птицам, в изобилии водившимся в городе, я с трудом узнавал в нем ту же самую породу - а, тем не менее, это было именно так! Самая обыкновенная, самая привычная ворона… Если не принимать разницу в размерах и некоторых иных отличиях. И опять, величина не оставляла сомнений, что пропитание он ищет не только на помойках… Он не порывался улетать, а щенок, видя, что я не приветствую его устремления облаять громадную птицу, стал делать вид, что она его вовсе не интересует. Хотя, по его настороженным глазам я видел, что соседство с такой летающей крепостью ему совсем не по душе. Впрочем… То же испытывал сам. Слишком большой, слишком уверенный в себе - следовательно, очень опасный.

Монстр переступил с лапы на лапу - комья земли посыпались в яму, а я представил, как эти когти вонзаются в тело. Попадись со спины - и повернуться не успеешь! Одного удара клювом достаточно, чтобы проломить голову насквозь. А когти способны разодрать ребра с такой же легкостью, как топор. Чем питается подобное создание? А еще интереснее - откуда оно взялось?

Вскоре Ворон начал мне надоедать. Он, кажется, вовсе не собирался улетать - засунул голову под крыло и так замер. Но из-под глянцевитых, отблескивающих антрацитом перьев, выглядывал внимательный глаз. Взор птицы казался холодным и выжидающим. Во мне стала подниматься неприязнь. Прежняя, городская птица, что бы с ней ни стало, не могла не запомнить, что означает булыжник, запущенный умелой рукой. Сделав движение, будто поднимаю камень, я резко выпрямился. Ворон тотчас сорвался с места и поднялся вверх. Он не издал ни звука. Птица облетела холм на малой высоте, отчего на земле начали подлетать ввысь мелкие щепки и мусор. Силища… Потом он несколько приподнялся и устремился в сторону далекого Провала - на север.

Что-то в этом было... Но что? Не означало ли это, что там есть для него пожива? А если и есть… То какая? Чем могла питаться такая

большая птица? Если ее заинтересовала наша помойка, то *какая* могла оказаться там?

…Они вернулись утром следующего дня. Три Ворона, такие же большие, как вчерашний гость. Они долго кружили в небе и почему-то не спешили опускаться. Мне сразу показалось, что их поведение не предвещает ничего хорошего. Я помрачнел - одним своим присутствием они давили на нервы, вынуждая сидеть в подвале, вместо того чтобы тренироваться в стрельбе из лука или заготавливать дрова. Ведь не исключено, что они только и ждут, когда кто-нибудь из нас окажется на открытом месте, чтобы напасть. В то, что они улетят просто так, как-то не верилось - пустые банки на мусорной куче, этих, вероятно более чем прожорливых созданий, никак не устраивали.

И все же, свалка привлекала птиц. Одна из ворон спикировала вниз и деловито заработала клювом. Грохот от ударов слышался такой, будто били отбойным молотком. Две оставшихся продолжали кружить над холмом. Через полчаса адского шума мне это надоело... Не рискуя выходить из лаза, я свернул ремень в пращу и закружил его над головой. Камень попал прямо в клюв. Птица подпрыгнула, возмущенно каркнула и сразу сорвалась с места. Наверху, присоединившись к своим собратьям, шумно выражала свое негодование, и вскоре они улетели прочь. Проводив их взглядом, я с облегчением вышел и стал заниматься привычным делом - дровами. Сколько бы их ни натаскивал внутрь, кончались они так же быстро. А мне не хотелось, по возвращении из похода, усталым, оказаться перед перспективой поиска топлива. Пес увязался за мной, но, когда я возвращался с охапкой в подвал, остался наверху. Я складывал дрова в поленницу, как вдруг услышал ожесточенный лай и последовавший сразу после него жалобный визг. Кто-то напал на моего щенка! Отбросив полено, подхватил стоящее возле выхода копье и выскочил из лаза. Возле валуна, под которым Черный облюбовал себе место для наблюдения за окрестностями, кипел настоящий бой. Щенок уворачивался от двух недавних гостей, ежесекундно рискуя нарваться на удар тяжелого клюва. Тем не менее, он бесстрашно нападал и вновь отскакивал под защиту камня, достать из-под которого вороны его не могли. Они громко каркали, увлеченные своим делом, и казалось, совершенно позабыли, что у пса может найтись защитник. Но едва я поднял руку, намереваясь метнуть копье в одну из тварей, как что-то с

шумом свалилось на меня сверху. Лишь благодаря реакции, успел пригнуться и избежать удара. Клюв птицы проскочил мимо и высек искры из крошек бетона.

- Ах ты, зараза!

Я ударил ее кулаком в бок. Ворона упала, но сразу поднялась, намереваясь снова долбануть меня клювом. Хитрющие птицы рассчитали верно - пока две приканчивали более легкую добычу, третья караулила выход... Несколько сантиметров правее - и моя голова могла оказаться раскроенной надвое… Я направил копье прямо в отливающую синевой грудь. Лезвие чиркнуло по перьям и ушло в сторону. Ворона резво отпрыгнула назад и сразу поднялась в воздух. Те две, которые сильными лапами подрывали землю возле камня, под которым огрызался щенок, сразу заметили, что происходит, и быстро разбежавшись, тоже поднялись в воздух. Брошенное вслед копье выбило несколько перьев их хвоста одной из них. Они кружили над холмом, время от времени громко галдя и делая вид, что спускаются поближе. Следя за хищными птицами, я подобрал копье и приблизился к валуну.

- Вылазь, щеня... Пока отбились.

Щенок ткнулся мордой в ладонь и сразу заскулил - видимо, эти пожиратели падали все же задели его. Из-под черной шерсти сочились капельки крови. Щенок прихрамывал и, прижимаясь ко мне, торопился в подвал, под его надежные своды. Внизу я осмотрел пса - ничего серьезного, но в одном месте, на задней лапе, теперь останется отметина на всю его собачью жизнь. Клювом ли, лапой, одна из ворон зацепила кожу и стянула целый клок, оголив мясо. Щенок жаловался мне на коварное нападение, иногда взлаивая особенно громко, если я неосторожным движением причинял ему боль. Но обработать рану необходимо. Покончив с перевязкой, взял лук и осторожно приблизился к выходу. Птицы могли спуститься и затаиться рядом, ожидая, пока из лаза кто-нибудь появится. Но, похоже, они действительно улетели. Может быть, урок пошел впрок, и летающие крепости не захотели больше рисковать… Или, сверху увиделась иная добыча, не способная дать отпор.

Вечером, готовясь спать, я сидел возле очага и думал. Вороны прилетели с севера. Север - это Провал. Та местность, куда я меньше всего хотел идти. Следовало ли из этого, что там условия для жизни

более благоприятны для них, и если да, то чем? Не может ли быть так, что птицы кормятся возле таких же отбросов, такой же свалки, которую я устроил в яме? Если так, это могло означать одно - там есть кто-то, кто эту свалку устроил! Люди! Хотя все эти домыслы могли оказаться фантазией, и летающие чудовища просто рыщут по всему городу в поисках пропитания, попутно истребляя тех, кто меньше и слабее. Как бы там ни было, в развалинах уже появилась еда - по крайней мере, для тех, кто научился охотиться. Если это выходит у щенка, тем более, получится у взрослых пернатых.

Почему они возвращались именно на север? В первый раз, это сделала вчерашняя, сегодня - вся стая. Не на юг, к каменной стене, не к болоту, где тоже вполне вероятно найти поживу, ни даже к западной части города… Именно туда - к Провалу! А, раз так… Если есть хоть малейшая надежда, ее следует проверить! Это был еще один довод в пользу разведки, и, как я ни откладывал поход, выбор складывался в пользу Провала. Но, теперь хоть исчезло чувство бессмысленности - появление ворон вселило уверенность, что экспедиция окажется удачной!

Предприятие предстояло не из легких, и я всячески откладывал его, занимаясь устройством подвала и приведением в порядок всех секций, в которых мы обитали. Стало понятно, что на этот раз придется идти одному - спустится со щенком, не то что затруднительно - просто нереально. По крайней мере, мне это казалось неосуществимым. Конечно, я мог бы обвязать его и попробовать опустить в таком виде - но представив, как стану стравливать веревку с живым грузом с высоты более чем тридцатиэтажного дома, решил, что это даже не утопия… Лучшее, что мог придумать - оставить пса в подвале, предусмотрительно оставив ему лазейку для выхода. По крайней мере, «дом» останется под присмотром. Я мог открыть ему несколько банок, в дальнейшем - прокормит себя сам, охотясь на мелких зверьков, которых в развалинах развелось предостаточно.

На другой день я поднялся на вершину своего холма и терпеливо ждал, пока далеко на горизонте не увидел три черные точки. Они быстро приближались, и скоро начали описывать круги над моей головой… Я напрягся - не попытаются ли вновь напасть? Но, или то, что я на этот раз был вооружен, или вчерашняя стычка подействовала… Или, это были вообще, не те птицы? - но эта троица

вела себя достаточно миролюбиво. Покружив, они деловито устремились к помойной куче, где принялись оглушительно долбить давно опустошенные банки. Грохот стоял такой, что решил поторопить несносных птиц, кинув в их сторону увесистый камень. Они, каркая хриплыми глотками от испуга, быстро поднялись наверх. На этот раз вороны не стали ничего предпринимать, а просто улетели в противоположном от холма, направлении, туда, где раньше было русло реки. В какой-то момент я потерял их из виду, - они слились с нависшими над городом, облаками. Я хмуро посмотрел вслед… Им легче - они могут преодолевать расстояния, гораздо более значительные, чем я, путешествуя по земле. И им ничего не стоит спуститься в Провал - в отличие от меня. Еще раз вздохнув, я вернулся в подвал. Что ж… Птицы в третий раз прилетели с севера. Оттуда… И, сколько я не буду оттягивать, придумывая различные отговорки - мне предстоит отправиться туда же. В Бездну…

День прошел в обычных занятиях. Заготовка дров, воды, приготовление обеда. Торопится особо не куда, и я вышел наружу. Над холмом, не меняясь, висел плотный слой облаков.

- Когда же вас унесет отсюда?

Надежда, увидеть чистое небо, таяла… Если над планетой и в самом деле навис многокилометровый слой смога, мне суждено видеть только эти мрачные, суровые тучи, без единого просвета. Одно утешало – за последние недели облака сильно поднялись. Раньше казалось, достаточно подняться повыше – и я сам окажусь в их толще. Может быть, все не так плохо? И я дождусь появления настоящего, синего неба?

В следующую секунду я уже лежал на спине, выставив перед собой нож! Огромная, черная тень, пронеслась надо мной, обдав порывом воздуха от мощных взмахов крыльев. Вороны, вроде улетевшие прочь, неожиданно вернулись. Они прилетели скрытно, прячась за руинами близлежащих домов. Если бы не мое ощущение внезапной тревоги, заставившее упасть вниз – атака ворона увенчалась успехом!

- Сучий сын! – Я вскипел от ярости. – Ну, ладно… Посмотрим, кто кого!

Ворон, пытавшийся сбить меня с ног, больше не нападал. Он кружил в опасной близости, выжидая удобный момент. Стиснув зубы,

я бегом спустился к входу в подвал. Наружу вышел, уже вооруженный луком и стрелами. Но достать хитрых птиц стало непросто – они поднялись довольно высоко.

- И что мне, все время теперь на вас оглядываться?

Убираться незваные гости явно не собирались. Они кружили в вышине, недоступные выстрелу, и я стал ощущать сильное раздражение, а. вместе с тем - тревогу. Вороны просто так не уйдут. Они приняли нас за доступную добычу, и приложат максимум терпения и хитрости, что бы вонзить свои омерзительные клювы в нашу плоть... Любой выход за пределы подвала становится рискованным. Заметить пикирующего гада непросто, а троих сразу - еще сложнее. Но что мне теперь, так и сидеть в убежище?

Наблюдая за птицами, я заметил, что они меняются ролями. Они не летали на одном уровне - всегда одна опускалась ниже прочих, описывая круги над самой вершиной моего холма. Еще одна - делала широкий облет местности, с радиусом более пятисот метров. Таким образом, они держали под контролем все подступы к подвалу, и любая попытка выйти незамеченным, обрекалась на неудачу. Третья, в это время, либо пропадала из поля зрения, либо шарилась в помойке, где поживится им, было нечем. Но что будет ночью? Или, в темноте эти твари видят так же хорошо, как кошки? Сюда бы одну, по их душу... Подумав так, я поежился. Нет, лучше не надо. Не хватало нам со щенком, кроме летающих монстров, не менее опасного, сухопутного... Не так много времени прошло, чтобы забыть ужасающий оскал "льва", и, предсмертный визг крысы, уносимой в пасти чудовища.

И все же, что-то нужно делать...

После прежнего нападения, я озаботился подобием каски на голову. Выглядело смешно - но мне, едва не ставшему жертвой мощного клюва, сейчас стало не до юмора. Одного удара черного, тупого костяного нароста, достаточно, что бы прекратить всю мою эпопею. А я не хотел погибать столь глупо...

Среди всего барахла, припасенного мной в прежних вылазках, завалялся мотоциклетный шлем. Зачем я его притащил - сам не знаю? Но теперь именно он мог спасти мою голову, а значит - и жизнь. Если, конечно, не лопнет под жестоким ударом, словно скорлупа. Вон как они расправляются с вздувшимися банками, которые я вышвырнул из убежища. Срок хранения консервов прошел, они начали портиться. Не

дожидаясь, пока они окончательно лопнут, еще до появления птиц, я выкинул с десяток наружу - их как раз и расковыривали пернатые монстры.

Обзор в шлеме желал оставлять лучшего... Но выбирать не приходится - другой нет. Дождавшись вечера, пока сгустится полумрак, я прихватил лук и осторожно отодвинул дверцу входа. Ворон, до того, нагло восседающий на мусорной куче, резво отковылял на не гнущихся лапах в сторону - урок подействовал! Но я намеревался отогнать его совсем - задуманное, требовало лишить их возможности наблюдать за моими делами. Я нагнулся за камнем. Птица отбежала еще дальше, упорно не желая покидать место кормежки.

Из-за шлема я не услышал свиста перьев - меня предупредил щенок, храбро выскочивший из укрытия. Он заметил еще одного крылатого урода, намеревающегося вцепиться когтями в мою спину, и громко залаял. Я пригнулся в последний момент - птица чиркнула когтями по спине, в клочья, порвав куртку, и отшвырнув меня на землю. Вслед я выпустил стрелу. Но, она, как и прочие до того, лишь скользнула по блестящему оперению. Не так просто попасть в движущуюся в воздухе, мишень! В крыс, удавалось намного лучше...

Я встал и уже всерьез метнул подобранный булыжник. Он почти достал - ворон, которого я отогнал, возмущенно каркнул и, на этот раз, решил больше не испытывать судьбу. Шумный взмах крыльев, резкий крик - он взмыл ввысь, присоединившись к своим собратьям.

- Давно пора...

Я проводил его взглядом, полным ненависти. Неймется гадам... Только я - не степной суслик, и кормом для этих переростков быть не собираюсь.

Замысел требовал темноты. Птицы, по моему мнению, должны обладать немалой сообразительностью - не след им видеть, какую ловушку я хочу приготовить. Дождавшись, пока темные силуэты окончательно слились на фоне низких облаков, я разжег костер в стороне от мусорки. Его они будут хорошо видеть, а вот все остальное - вряд ли. Огонь, вроде прекрасно освещающий все вокруг себя, столь же сильно мешает зрению, когда его переводят от костра в противоположную сторону.

Птицы, вернее - хоть одна из них! - Должна угодить в сеть. Я натянул ее над банками, а некоторые - даже вскрыл ножом, распространяя запах содержимого как можно сильнее. По ширине, рыболовная сеть достигала десяти шагов в длину и шесть - в ширину. По углам я привязал камни, а после - подвесил на воткнутых шестах прямо над приманкой. Достаточно дернуть за шнур, и вся конструкция упадет, накрыв собой хоть одну, из этих надоедливых созданий. Существовала опасность, что в темноте, спускаясь к помойке, птица напорется на сеть сверху. Но ничего более пригодного я приготовить не мог - вокруг нет деревьев, мусорка практически на открытом месте... Оставалось уповать на удачу. Чтобы избежать такого варианта, я пожертвовал еще парой банок из подвала. Обе вскрыл и высыпал содержимое перед ловушкой, стараясь сделать подобие дорожки, ведущей на центр помойки.

Теперь оставалось только ждать...

Я демонстративно уселся возле костра - пусть видят, если до сих пор кружат над головой! Рядом притулился щенок - он топорщил уши и нервно скалился, поглядывая ввысь. Похоже, вороны никуда улетать не собираются... Тем лучше.

- Пойдем домой.

Вставая, я притушил костер. Пусть эти летающие заразы решат, что им нечего боятся. Заставить его вспыхнуть, в нужный момент, достаточно просто - до ухода, я подвесил над тлеющими угольями бутылку со спиртом. От горлышка тоже протянул тонкую бечевку. Достаточно дернуть - и содержимое угодит прямо в середину костра. Мне не было ее жалко - спиртное, в отличие от продуктов, практически не расходовалось. Кроме того, эта бутыль вовсе не принадлежала к прежним запасам - я принес несколько штук, отрыв их там, где припрятал, когда нашел чуть ли не целый вагон...

Стоя возле выхода, я сжимал в руках копье. Если задумка получится - хоть одну, но оставлю здесь навеки... Прочие, или поймут, или им уготована та же участь.

Ждать пришлось долго. Умные твари, видимо, разглядели мои приготовления, или, притаились неподалеку, ожидая рассвета. Но я тоже научился терпению...

Стал накрапывать мелкий, моросящий дождичек. Я выругался - он смоет все запахи! И птицы, не привлекаемые ничем, могут просто

улететь. А мне, как раз сейчас, этого не хотелось! Но тревога оказалась напрасной. То ли дождь, толи они решили, что я не представляю больше опасности - в воздухе послышался характерный звук машущих крыльев. Одна из тварей явно спускалась к помойке. Я замер - лишь бы она не стала садиться прямо на сеть! Но, в слабом отсвете затухающего костра, стало видно - ворон приземлился рядом. Он прошелся мимо помойки раз, другой... Шесты не нравились птице. Что-то изменилось - и он это понимал. Тем не менее, заманчивый запах влек его вовнутрь. Ворон пригнул голову к земле, склевывая угощение. Я злорадствовал, ожидая завершения. Птица, съев все, что валялось возле помойки, направилась по пахнущим следам внутрь ловушки... Пора!

Дернув за шнур, я выскочил наружу. Сеть упала на птице, лишив ее возможности взлететь. Ворон сразу стал биться и громко каркать, отчего раздался неимоверный шум. Еще один рывок - и уже потухающий костер ярко вспыхнул! Спирт придал силы огню, разом осветив все происходящее. Я увидел две громадные тени, резко отпрянувшие ввысь - вспышка отпугнула птиц, спешащих на выручку собрату! Но он и сам, похоже, не собирался так просто сдаваться... Рыболовная сеть, на которую я возлагал столько надежд, в пару рывков оказалась разорванной в клочья - силища в могучих лапах и клюве была неимоверной! Не дожидаясь, пока он окончательно освободится от пут, я подскочил и со всего размаха ткнул перед собой, метя в грудь монстра. Удар пропал впустую! Ворон клювом перехватил древко у самого наконечника и резко рванул - дерево хрустнуло! От неожиданности, я чуть не упал прямо под когти птицы.

- Ах, черт!

Ворон, разметая в сторону и банки, стремился полностью сбросить с себя обрывки сети, мешающие ему взлететь. Подойти к нему вплотную, с ножом - значит, угодить под мощный удар крепкого клюва! А копье, наконечник которого валялся на земле, уже не годилось для этой цели.

- Твою мать!

Я сам заметался. Драгоценное время уходило - ворон, вот-вот поднимется ввысь, и, другого шанса не будет. Очень умные, слишком внимательные, эти птицы, всегда отличались большой сообразительностью. Да и второй сети у меня нет... Решение пришло

неожиданно. Я рванулся к выходу - там, совершенно случайно, стояло ведро с остатками прогорклого масла. У меня никак не доходили руки его вылить - все надеялся, использовать в каких либо, не пищевых целях. Но о том, что оно может пригодиться для того, чтобы покончить с налетами воронов, даже не предполагал!

Мне хватило нескольких секунд, обернутся туда, и обратно. Ворон уже расправлял крылья - и я выплеснул на него все содержимое ведра! Тот взмахнул, поскользнулся - и упал на спину, сразу став уязвим для удара. Но у меня уже созрел другой план... Ворон никак не мог подняться - а я, судорожно сбивая горлышко еще одной бутылки со спиртом, снова наполнял содержимое ведра. Подбежав, я вновь окатил барахтающуюся птицу, а потом, выхватив из костра горящую ветку, со злобой приставил ее поверженному врагу...

Пылающий факел взлетел над холмом! Ворон, заживо сгорая, дико и страшно каркал в вышине! Возле него метались еще две тени - товарки погибающей! Через несколько секунд огненный сгусток рухнул на землю. Я хищно усмехнулся – не вам, летающим «крысам», с человеком тягаться! А далее - и остальными разберусь!

...Утром мы со щенком стояли у останков птицы. Ворон сгорел практически полностью. Уцелел лишь потрескавшийся клюв, да лапы с загнутыми когтями. Я пожалел о перьях - могли пригодиться. На стрелы. В другой раз, нужно придумать что-то, более щадящее... Для сохранения. Но, не для их обладателя! Я был настроен решительно - эти летающие крепости, вздумай вернуться, будут уничтожены!

Жестокий урок подействовал. Больше нас никто не тревожил, и я мог спокойно предаться подготовке предстоящему путешествию. Было понятно, что это не обычная разведка. Слишком далеко придется уходить от дома. Слишком опасно… Еще раз, взвесив, все За, и Против, я холодно констатировал – о страхе придется забыть. Или, я найду в себе силы спуститься, или, до конца своих дней, буду обречен, скитаться один. Один, на развалинах мира…

Пришлось вспомнить все забытые уроки. В прошлом, пусть недолго, довелось поработать в отряде спасателей. Основной костяк составляли альпинисты, и от них я получил немало навыков, которые могли пригодиться теперь. Для любого из них, спуск по отвесной стене, служил детской забавой. Правда, не столь высокой, как та, что предстояло покорить мне.

Я еще раз прикинул размеры пропасти. Измерить, в принципе, можно и точно – достаточно всего лишь оказаться у кромки обрыва, да привязать, что-нибудь, тяжелое, к веревке, а затем стравить ее до самого дна. Вот и будет получен ответ – на какое время полета я смогу рассчитывать, если мой канат оборвется?

Отбросив мрачные мысли, я подозвал щенка:

- Ну, что, Черный? Останешься один?

Пес, словно понимая, о чем идет речь, тихо заскулил.

- Нет, не проси... Я туда не смогу пройти с тобой. Спустится не смогу. Да и здесь, надо все охранять. А кто, как не ты, на это лучше всех способен?

Щенок гавкнул обиженно и забился в угол между ящиками. Я с сожалением посмотрел вслед - что говорить, одному путешествовать хуже… Но иного выбора у меня нет. В предстоящей экспедиции придется обходиться одному.

Перед расставанием, я заменил дверцу, закрывающую вход в подвал, на плотный кусок ткани. Словно на автомате, проделал в ней дыру - пес должен иметь возможность покинуть подвал, когда ему понадобится. И вернутся.

Что он увяжется за мной, я не сильно беспокоился - пусть. Все равно, когда приближусь к пропасти - отправлю его назад. За прошедшее время щенок ни разу не посмел всерьез ослушаться моих приказов, и я надеялся, что он и впредь выполнит все так, как от него требуется.

Тщательно проверил оружие. Лук, полный колчан стрел, два ножа - один на поясе, второй в ножнах ниже колена, по примеру подводных пловцов. Томагавк… Вроде все. Ну, конечно меч. Возможность убедится в его полезности, мне уже предоставлялась… Запасная одежда. Обувь. Накидка. Огниво. Спички. Лекарства. Продукты - почти полная сумка. Фляжка для воды. Еще одна, поменьше - коньяк. А ведь предстояло еще нести очень большой запас веревок - на всю глубину спуска! Разложил на полу канаты, которые так усердно сплетал, из найденных ранее в самом подвале. Добавил другие, из тех, что нашел, блуждая по развалинам - в общей сложности, набралось почти на двести метров. Все это хозяйство обязано выдержать мой вес - в противном случае, последнее, что увижу, это черную стену провала во время полета… Общее количество снаряжения не радовало -

слишком много и слишком тяжело. Но не подносить же его к пропасти частями? Вдохновения не наблюдалось…

Эти мысли бродили в голове, а руки механически проверяли крепость узлов и связок, перебирали наконечники стрел и укладывали в мешок соль, сахар, высушенные до сухарей, лепешки. Этот поход виделся сложнее всех предыдущих, и подготовиться к нему следовало со всей тщательностью. Работа заняла весь день. Под конец, устав, я прилег на свою постель…

Черный, тихо поскуливая, подполз к моему ложу. Я опустил вниз руку, и он лизнул влажным, шершавым языком мою ладонь.

- Чувствуешь?

Он лизнул пальцы и тихо гавкнул.

- Чувствуешь... Нет, не проси. Ты ранен, а мне надо передвигаться быстро. Да и не могу я тебя с собой взять, объяснял уже. Правда, ты все равно ничего не понял... Ну не могу! И не скули.

Щенок жалобно завыл.

- Уймись, Черный! Сказано - нельзя! Все, разговор окончен. Ты остаешься. И вообще, я бы охотно поменялся с тобой местами… Чего проще, сиди тут, да банки очищай от каши! А мне топать по камням да обрывам, а потом еще лезть, неизвестно куда… И зачем?

Пес вздохнул, слегка сжал мне руку зубами - я сразу ощутил, какие у него мощные клыки! - и улегся прямо на шкуру, возле моей постели.

- Э нет! Ступай к себе! Ты так шумно сопишь, что я из-за тебя спать не смогу! И не делай вид, что жутко страдаешь! Там у тебя теплая подстилка - два ковра ручной работы. Знал бы кто - удавился от жадности! Вот там и спи. А здесь нечего крутиться - все равно прогоню!

Он демонстративно повернулся ко мне задом, махнул хвостом и ушел. Или понемногу начинаю сходить с ума, или этот пес еще задаст мне немало загадок, на которые не существует ответов. Как можно понимать, что я говорю? А весь вид этого - уже не очень-то и маленького! - щенка, говорил, что он понимает... По интонации, что ли?

Я лежал и представлял предстоящее путешествие. Оно могло оказаться самым опасным из тех, что приходилось совершать. Один только спуск, в пропасть, чего стоит! А ведь, кроме него, надо

тщательно обойти всю доступную территорию обрушившейся части города, найти место, куда улетали птицы - и вернуться назад. Причем, вернуться без единой царапины - иначе путь наверх мне отрезан! Раненый, я не смогу подняться на такую высоту! А щенок, который мог бы помочь в трудную минуту, должен, тем не менее, остаться здесь...

Ночь прошла быстро. Я встал очень рано. Щенок ужом крутился под ногами, и мне пришлось на него прикрикнуть. Потом вскрыл несколько банок консервов, налил два полных ведра воды из бочки и присел на дорожку. Что-то подсказывало, что этот поход не будет похож на прежние наши вылазки. Какое-то неясное предчувствие свербело, не давая сосредоточится и подумать - все ли я приготовил для пса, все ли взял с собой, что могло понадобиться в дороге? Мотнул головой:

- Ну, ладно. Еда в миске, вода рядом. Спи да ешь - что еще надо? Да меня жди... Будешь ждать, щеня?

Он тоскливо склонил свою башку и тихо заскулил. Сердце разрывалось…

Переход по руинам отнял почти трое суток. Ничего особенного в это время не происходило, если не считать появления все тех же известных монстров в небе – еще одна, более многочисленная стая, направлялась куда-то к юго-востоку. Там простирались необозримое пространства болота и желтой земли, и я подумал, что птицы теперь рассчитывают на добычу в той местности. Вполне логично, если представить скопище норок, через которое мы недавно шли. Если в городе появились мелкие зверьки, которых ловит и с удовольствием поедает щенок, то у болота, где я заметил огромных лягух, поживы еще больше. Собаки, ведь чем-то питаются?

Вороны заметили меня, покружились, но оценив, что я нахожусь среди нагромождения плит и расщелин, в которых легко затеряться, не стали снижаться и улетели прочь. Пронесло…

Я все ближе и ближе подходил к обрыву… На этот раз, несколько свернул к северо-западу - туда, где русло бывшей реки обрывалось вместе со стеной земли. Мне еще раньше показалось, что именно там спуск будет наименее высоким. Расчет оказался верным - время и постоянные обрушения сделали свое дело. Здесь, действительно, было

немного ближе к поверхности, которая ожидала меня ниже. Предварительно обвязавшись веревкой, я лег на край и стал смотреть.

За прошедшие месяцы видимость значительно улучшилась. Не сравнить с тем, что нависало в небе тогда, когда я появился здесь впервые. Сейчас я мог увидеть весь район, ушедший в пропасть - если иметь в виду сам город. Он тянулся достаточно далеко во все стороны, но был заметно больше к западу - там края города терялись в дымке. На восточной части находился темный массив - возможно, лес, или просто вода. Где-то возле него наросла настоящая грязевая гора - земля, вымываемая водами болота, проваливалась целыми пластами. Похоже, там все-таки образовался прорыв, и часть озера теперь сливается в пропасть. Если так – озеро уменьшится в размерах, и еще больше превратится в болото, когда оставит после себя затопленные участки. Со временем эта горка затвердеет, и образует собой своеобразный подъем, по которому – когда-нибудь! - можно будет вылезти наверх. Но не сейчас. Если монстры, подобные тому, которое так лихо расправилось с крысами, водятся и в нем - далеко мне уйти не удастся…

Кроме того, гораздо ближе, появился настоящий водопад. Вода, скопившаяся в русле бывшей реки, теперь падала с этой огромной высоты вниз. Она размыла по дороге глину и землю - теперь под ней просматривались только твердые породы. Так как река не сразу образовала главный путь, таких промоин насчитывалось с полдюжины, а ширина главного достигала не менее двухсот метров. А там, внизу, она уже пробила себе дорогу и теперь извилистой змеей уходила куда-то вдаль, на северо-запад провала. Кое-где по ее берегам виднелись далекие озера. Тоже загадка… До Катастрофы, река текла на юг, и юго-восток, делая несколько изгибов, не существенно влияющих на общее направление. Но я уже давно заметил, что, когда уходил в степи, чувствовался некоторый подъем. Да и развалины города оттуда выглядели так, словно он лежал в вогнутой чаше. Иначе говоря – прежде могучая река, после Катастрофы, несла свои воды к северу. Видимо, теперь все бывшие великие реки потекли в совершенно ином направлении…

Мне пришло в голову, что, когда вороны вернутся - лишь бы только засветло! - то вновь пролетят надо мной. Тогда я увижу, куда они снижаются там, внизу, в раскинувшийся в бездне город.

Так и случилось. Только ждать птиц пришлось так долго, что я уже начал считать, что они не появятся сегодня вообще, или же, давно пролетели мимо, где-нибудь восточнее, а я их просто не заметил. Само хлопанье крыльев послышалось внезапно. Я осторожно выглянул из расщелины – восемь штук, одна за другой, спустились вниз недалеко от моего убежища и спикировали на виднеющийся вдалеке холм. Нижний город был разрушен не менее жестоко, чем верхнее плато - и подобных холмов и руин там хватало в избытке. Темные точки покружились над вершиной, и, так и не найдя себе места, пропали, улетев еще дальше на север. Там проблескивала грязно-желтая гладь нескольких озер, видимо, они обитали именно там. Далеко…

Я смотрел на этот мир и думал... Сейчас, реши я вернуться - до «дома», если налегке, дойду очень быстро. Может, за два дня. Но что меня ждет в подвале? Пес, ставший другом - и все же, он не мог заменить человека. Запасы продуктов, которых хватит еще на пару-другую лет. Спокойствие… и тоска.

А я устал. Устал от непонятной борьбы, от мыслей, от неизвестности и непонимания того, что видел. Если и здесь меня постигнет неудача, стоит ли тогда жить? Видеть, как постепенно огромные крысы завоевывают землю, как пернатые превращаются в летающих драконов… И как сходит с ума последний из людей. Нет, мысли о самоубийстве не посещали - все гораздо сложнее и хуже. Прими такое решение, я, по крайней мере, знал бы, что делать - броситься на меч или спрыгнуть вниз, с этой скалы - чего проще? Но я чувствовал, что сделан из иного материала: поколения предков выжили в минувшие века, и я, их потомок, не получив в наследство ни имени, ни богатства, обладал одним, но ценным даром - умением не сдаваться. Никогда, никому и ни при каких обстоятельствах! И прежде всего - самому себе! И, все же… Если там,*внизу,* никого нет - что дальше?

Я стоял у края, а руки механически разматывали скатку каната. Узел, второй, третий – одной веревки недостаточно, чтобы свить настоящую лестницу. При спуске и подъеме мне придется напрячь все мускулы, чтобы не сорваться. Узлы помогут удержаться. Кроме того - петли, чтобы ставить в них ноги и так отдыхать время от времени. Специальный ремень, со скобой. Зацепившись, буду отдыхать. Два месяца назад я бы не стал даже смотреть в эту сторону - такой подвиг для обычного человека просто невозможен. Разве что подготовленному

скалолазу, привычному к скалам. Таковым себя я вовсе не считал. А теперь, пройдя столько кругов ада, замерзая под ливнями и жарясь в огне, закалился настолько, что куски арматуры шутки ради сгибал пополам… Хотя и не всегда. Это я-то, который раньше не мог и штангу толком поднять в спортивном зале? Очень давно занимался спортом - и с тех пор прошло так много времени, что это казалось чем-то из другой жизни. И вряд ли с того момента преуспел в наборе физической формы. И вот, все изменилось - мышцы налились и стали как каменные, в руках появилась недюжинная мощь. Я мог пройти без остановки от рассвета и до заката, когда под ногами творилось неизвестно что, и порой шагу нельзя сделать, чтобы не прыгнуть. Да, я был готов спуститься. Физические возможности позволяли. Что-то, едва не превратившее меня в зверя, оставило на память и необъяснимое чувство предвидения опасности, и эту силу… Она проявлялась порой случайно, в моменты наивысшего напряжения, чаще всего - гнева, от которого глаза застилало кровавым туманом. Но иногда - просто так, ни с чего. Вроде бы, я должен этому радоваться - кому не хочется стать сильным? Но просто так ли мне это досталось?..

Наступал вечер, еще пара часов - и небо значительно потемнеет. Это не играло большой роли - все равно, я уже принял решение заняться спуском рано утром. Только нужно успеть, до появления ворон. Теперь я жалел, что их дорога в небе, пролегает мимо этой местности. Если птицы застанут меня, висящим на веревке, реакция пернатых чудищ очень даже предсказуема...

Ужин прошел быстро. Предаваться обжорству, я давно разучился - первые дни, проведенные в постоянных поисках пищи, как-то забылись, как и мучивший тогда голод. Несколько горстей пеммикана, глоток воды, пока еще не черствая лепешка, сухофрукты - вполне достаточно для поддержания сил и энергии.

В Провале все затянуло мглой. Ни единого светлого отблеска. Отсюда казалось, что там даже ночь чернее. А возможно, что так и оно и было - раз такой невероятный кусок целого края, а возможно, что и всего континента, оказался гораздо ниже своего прежнего уровня. При этом я не мог понять - почему он не затоплен? Или же, до моря более чем близко - просто я не могу отсюда его увидеть.

Впрочем, один яркий свет горел. Я не жалел дров – хотелось осветить все так, словно это маяк для заплутавшего путника… И как я

хотел, чтобы такой же маяк светился, для меня самого! Пусть, не там, в страшной, простирающейся неизвестно на сколько, бездне, а здесь - когда я, уставший и измученный, буду искать выход обратно…

И, словно в ответ моим мыслям, во тьме короткой вспышкой мелькнул далекий лучик. От неожиданности я вскочил. Через секунду вспышка повторилась! Где-то в невообразимой дали, возможно, даже более удаленной, чем тот холм, куда улетели вороны - в полной темноте понять это невозможно! И еще одна! Я протер глаза. Огонь? Фонарь? Что это? А главное - кто это? Еще три коротких, словно азбука Морзе, быстрых огонька! И все… Больше ничто не нарушало сгустившуюся тьму.

Все сомнения исчезли. Никакой зверь не сможет подать сигнал бедствия! А то, что это сигнал, я не сомневался ни на йоту! Практически каждому, хоть немного знакомому с горным туризмом, да и просто вылазками на природу, в составе команды единомышленников, знакомы эти сигналы. Три коротких, три длинных – это знак SOS! Спасите наши души!

Взбудораженный ночным происшествием, я почти не спал и поднялся очень рано. Все приготовлено. Бросив еще раз взгляд на оставшиеся позади катакомбы, подумал: знали бы мои друзья-знакомые, на что мне приходится идти, в поисках себе подобных! Мне, у кого боязнь высоты просто патологическая... Но иной дороги в бездну не существовало. И, что бы я ни встретил, что бы ни нашел там, на дне, узнать это мог, только оказавшись внизу.

Стоя у края, я снова и снова осматривал Провал. Отныне и навсегда, все, что лежит там, внизу, получает это наименование. Что он мне готовит? Бесцельные блуждания среди руин? Встречи с существами, которых мне вовсе не хочется увидеть? Или, все-таки - людей? Тех, в само существование которых я почти отчаялся верить? А, если и найду - какой окажется эта встреча? Кого я найду? Обреченных и сдавшихся? Едва живых? Или же - озверевших… Готовых на все, ради куска мяса? И найду ли? Отказаться от спуска? Но как тогда жить? Зачем? Зачем жить, если ты остался - Один!

Первые, самые страшные, самые тоскливые и отчаянные недели после Катастрофы остались позади. Десятки раз, смерть смотрела в мои глаза, и все же - я выжил. Выжил… И, почти сразу, стал задавать себе вопрос - а стоило ли оно того? Стоит ли, цепляться за

эту новую, непонятную, с трудом поддающуюся логике, жизнь? Жизнь единственного человека? Жизнь - Одного? И, тогда, отбросив сомнения, я решил - что бы ни ждало впереди, но я не сдамся! Даже если остаток моих дней придется провести в поисках и скитаньях, даже если небо окончательно рухнет на землю - что ж, я все равно не один! Со мной всегда будет моя надежда, а значит, нас всегда:

ДВОЕ СРЕДИ РУИН!

Оглавление:

Глава 1 - Катастрофа
Глава 2 - В подземелье метро
Глава 3 - Мертвый город
Глава 4 - Подвал
Глава 5 - Скитания
Глава 6 - Собака-людоед
Глава 7 - Оружие
Глава 8 - Первая охота
Глава 9 - Крысы-мутанты
Глава 10 - Видение
Глава 11 - Страшная находка
Глава 12 - Месть
Глава 13 - Провал

****

P.S. Вы прочитали первую книгу из серии «На развалинах мира».

Автор будет благодарен за комментарии и отзывы к ней, выложенные, как здесь, так и на иных площадках. Для чего они нужны? Любой автор хочет жить своим трудом - иначе говоря, за счет гонорара от написанных книг. Не будет его - не будет и стимула к работе (что, собственно и отвратило автора этих строк от работы над серией на долгое время...) И Ваши комментарии - тоже стимул. А, если вдуматься - оценка произведения, высказанная Вами на сторонних ресурсах, особенно тех, где книги будут находиться в платном доступе, способна повлиять на приобретение книг другим читателем. Ну и разумеется, если эта оценка – положительная(на что я смею надеяться!)...

Вам же – большое спасибо за интерес и пожелание(если он остался!)прочесть все остальные части серии!

В.Вольный